ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

PROPERTY OF THE
LIBRARY OF THE
JUN 27 1960
WOMAN'S COLLEGE
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

5

МОСКВА · 1960

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

Археографический ежегодник за 1958 год. М. Изд-во АН СССР. 1960. 460 стр. 1 500 экз. 26 р. 80 к.

АСЛАНОВ Г. М. и др **Древний Мингечаур. Эпоха энеолита и бронзы.** Баку. Изд-во АН АзССР. 1959. 191 стр. 2 000 экз. 21 руб.

БЕРЕЖНОЙ А. Ф. и др. **Большевистская печать в борьбе за власть Советов. Март — октябрь 1917 г.** Л. Лениздат. 1960. 281 стр 3 000 экз. 4 р. 30 к.

БЕРТИ Д. **Россия и итальянские государства в период Рисорджименто.** Авторизованный перевод с итальянского. М. Изд-во иностранной литературы. 1959. 746 стр. 40 р. 55 к.

Большевистская печать. Сборник материалов. В 4 выпусках. Вып. 1. 1895 — 1903 гг. М. Изд-во ВПШ и АОН. 1959. 342 стр. 6 000 экз. 9 р. 60 к.

ГЕРЦЕН А. И. **Собрание сочинений. В 30 томах. Т. 19. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1866—1867 годов.** М. Изд-во АН СССР. 1960. 570 стр. 19 000 экз. 15 руб.

Декреты Советской власти. Т. 2. 17 марта — 10 июля 1918 г. М. Госполитиздат. 1959. 686 стр. 25 000 экз. 12 руб.

ЗЛОБИНА В. М. **Большевики во главе массовых политических стачек в годы нового революционного подъема.** М. Изд-во Московского университета. 1960. 56 стр. 6 000 экз. 80 коп.

История Бурятской АССР. В 2 томах. Т. 2. Улан-Удэ. Бурятское кн. изд-во. 1959. 643 стр. 5 000 экз. 37 р. 25 к.

История Казахской ССР. В 2 томах. Т. 2. Алма-Ата. Изд-во АН КазССР. 1959. 735 стр. 20 000 экз. 23 р. 95 к.

История СССР. Т. 2. 1861—1917 гг. Период капитализма. М. Соцэкгиз. 1959. 768 стр. 100 000 экз. 14 р. 90 к. (Учебник для исторических факультетов университетов и педагогических институтов).

МУХАММЕДБЕРДЫЕВ К. **Коммунистическая партия в борьбе за победу народной советской революции в Хорезме.** Ашхабад. Туркменгосиздат. 1959. 278 стр. 3 000 экз. 4 р. 25 к.

Некрополи боспорских городов. Сборник статей. М.-Л Изд-во АН СССР. Ленинградское отделение. 1959. 323 стр. 1 400 экз. 23 р 70 к.

Общие закономерности перехода к социализму и особенности их проявления в разных странах. Сборник статей. М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 236 стр. 8 500 экз. 8 р. 30 к.

Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. Уфа. Башкнигоиздат. 1959. 439 стр. 10 000 экз. 11 р. 80 к. (В томе освещен период от конца XVIII в. до Февральской революции 1917 г. включительно).

ПИОТРОВСКИЙ Б. Б. **Ванское царство (Урарту).** М. Изд-во восточной литературы. 1959. 284 стр 3 500 экз. 22 руб.

Победа Советской власти на Северном Сахалине. 1917—1925 гг. Сборник документов и материалов. Ю.-Сахалинск. Сахалинское кн. изд-во. 1959. 316 стр. 5 000 экз. 6 руб.

Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Тверской губернии. Сборник документов и материалов. Калинин. Кн. изд-во. 1960 г 486 стр 2 500 экз. 11 р. 60 к.

Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.-Л. Изд-во АН СССР. 1959. 413 стр 1 800 экз. 32 р. 75 к.

РАШИДОВ Г. **Ташкентский Совет в борьбе за упрочение Советской власти. Ноябрь 1917—1918 гг.** Ташкент. Госиздат УзССР. 1960. 184 стр. 3 000 экз. 2 р. 30 к.

САХАРОВ А. М. **Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков.** М. Изд-во Московского университета. 1959. 236 стр 2 000 экз. 9 руб.

Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919— декабрь 1920. Сборник документов и материалов. Новосибирск. кн. изд-во. 1959. 658 стр 2 000 экз. 8 р. 95 к.

СТАДНИК А. и ПРОХОРЕНКО М. **Профсоюзы Украины до Великой Октябрьской социалистической революции.** М. Профиздат. 1959. 142 стр. 5 000 экз. 1 р. 65 к.

ТАЙГРО Ю. **Борьба трудящихся Эстонии за Советскую власть и за мир в годы гражданской войны. 1918—1920.** Перевод с эстонского. Таллин. Эстгосиздат. 1959. 136 стр. 2 000 экз. 3 руб.

ТРИФОНОВ И. **Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа. 1921—1937.** М. Госполитиздат. 1960. 279 стр 16 000 экз. 7 руб.

Установление Советской власти на местах в 1917—1918 годах. Сборник статей. Вып. 2. М. Госполитиздат. 1959. 728 стр 6 000 экз. 16 руб.

ФЕДЮКИН С. А. **Привлечение буржуазной технической интеллигенции к социалистическому строительству в СССР.** М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 87 стр 7 500 экз. 2 р. 30 к.

ШЕВЕРДАЛКИН П. Р. **Героическая борьба ленинградских партизан.** Л. Лениздат. 1959 307 стр. 3 000 экз. 5 р. 80 к.

Всеобщая история

БУХАРОВ Б. И. **Вопросы дальневосточной политики США. 1953—1955 гг.** М. Изд-во АН СССР. 1959. 238 стр. 2 000 экз 8 р. 40 к.

ВЕСЕЛЫЙ И. **Хроника февральских дней 1948 года в Чехословакии.** Перевод с чешского М. Госполитиздат. 1960 263 стр. 4 р. 55 к.

ВОРОШИЛОВ С. И. и др. **Новейшая история. Малые страны Западной Европы. Страны Латинской Америки. Канада.** М. Учпедгиз. 1960 228 стр. 21 000 экз. 4 р 35 к.

ГО МО-ЖО. **Бронзовый век.** Перевод с китайского М. Изд-во иностранной литературы. 1959. 459 стр. 16 р. 80 к. (Сборник статей по вопросам истории, идеологии и культуры древнего Китая).

КШЕМЕНЬ Л **Против идеологического разоружения партии. О некоторых проблемах ревизионизма по материалам публикаций в польской печати 1956—1957 гг.** Перевод с польского. М. Изд-во иностранной литературы. 1959. 160 стр 5 руб.

Латинская Америка в прошлом и настоящем. М Соцэкгиз 1960. 464 стр 5 000 экз. 11 р 40 к.

Новая история. М. Учпедгиз. 1959 512 стр. 16 000 экз. 8 р. 20 к.

ОЛЬДЕРОГГЕ Д. **Западный Судан в XV—XIX вв. Очерки по истории и истории культуры.** М.-Л Изд-во АН СССР Ленинградское отделение. 1960. 267 стр 1 500 экз. 13 р. 60 к.

ТАРЛЕ Е. В. **Сочинения. В 12 томах. Т. 10.** М. Изд-во АН СССР. 1959. 878 стр 28 600 экз 20 руб.

ФРИДЛЯНД Ц. **Жан-Поль Марат и гражданская война XVIII в.** Изд. 2-е. М. Изд-во АН СССР. 1959. 560 стр. 2 500 экз 24 р. 70 к.

ШАФФ А. **Объективный характер законов истории. Некоторые проблемы марксистской методологии историографии.** Перевод с польского. М. Изд-во иностранной литературы. 1959. 495 стр 16 руб.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Вопросы истории

№ 5 МАЙ 1960 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

М. П. Ким — О закономерностях культурной революции 3

А. Ф. Хавин — Из истории промышленного строительства на Востоке СССР 23

Академик **М. Н. Тихомиров** — Начало русской историографии . . . 41

Д. Е. Мельников — Всемирно-исторические итоги победы свободолюбивых народов над германским империализмом во второй мировой войне 57

Р. Г. Ланда — Подъем национально-освободительной борьбы в Северной Африке после второй мировой войны 68

ИСТОРИОГРАФИЯ

В. Г. Руслякова (Южно-Сахалинск) — Разработка истории Октябрьской революции после XX съезда КПСС 85

Б. В. Лукьянов — Рабочий вопрос в русской дворянской и буржуазной политико-экономической литературе последней четверти XIX века 103

В. Б. Княжинский — О фальсификации истории идеологами европейской «интеграции» 118

СООБЩЕНИЯ

В. Л. Мальков, Е. Ф. Языков — Внутренняя политика правящих кругов США в 1929—1933 гг. 135

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

А. Ротштейн (Англия) — Русская революция через призму журнала «Life» 150

В. И. Шунков — «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)». Сборник статей 160

Д. П. Богдан (Румыния) — «У истоков русского книгопечатания. К трехсотсемидесятипятилетию со дня смерти Ивана Федорова. 1583—1958» 165

Всеобщая история

А. С. Бейлис (Львов), **Р. М. Бродский** (Львов), **Г. Ю. Гербильский** (Львов), **В. Ф. Инкин** (Львов), **З. П. Калинина** (Львов), **М. А. Киселева** (Львов), **А. А. Лозинский** (Львов), **В. К. Осечинский** (Львов), **Д. Л. Похилевич** (Львов) — «Всемирная история». Т. V 171

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

В. П. Дмитренко, И. Е. Зеленин — «Развитие союза рабочего класса и крестьянства в СССР». Сборник статей; **И. И. Кузнецов** (Иркутск) — «Герои и подвиги». Советские листовки Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Академик **Н. И. Конрад** — И. М. Майский. Монголия накануне революции 182

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

А. А. Шевяков — О задачах общественных наук в свете постановления ЦК КПСС от 9 января 1960 г. (Собрание актива работников институтов общественных наук АН СССР) 190

Некоторые итоги работы Института истории Академии наук СССР за 1959 год 195

С. В. Тютюкин — Второй межреспубликанский симпозиум по аграрной истории Восточной Европы 207

Хроникальные заметки 212

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Президент Академии наук КНДР, академик **Пэк Нам Ун** — Некоторые вопросы развития исторической науки в КНДР 216

Адольф Григорьевич РАШИН 220

Сергей Борисович КАН 221

СТАТЬИ

О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

М. П. Ким

Вступление СССР в период развернутого строительства коммунизма ознаменовалось выдающимися событиями в области советской науки и техники, событиями, которыми отмечено начало новой эры в прогрессе всей мировой науки и техники. Успехи Советского Союза в осуществлении межпланетного полета, в использовании атомной энергии в мирных целях — это закономерный результат всего предшествующего развития материальных и духовных сил советского общества, результат победы культурной революции в СССР, одна из последовательных ступеней в стремительном восхождении народов нашей Родины к новым и новым высотам человеческой культуры. Советские космические ракеты, автоматическая межпланетная станция, атомный ледокол — новые яркие свидетельства творческого гения нашего народа.

Источник величественных успехов советской науки и техники — социалистическая природа советского общественного строя и советской культуры.

В свете современных достижений советской культуры и науки становится особенно понятным значение культурной революции, в результате которой СССР из отсталой в прошлом страны превратился в страну передовой культуры и науки. Поэтому всестороннее освещение истории культурной революции и глубокое обобщение опыта строительства социалистической культуры в СССР составляют актуальную задачу исторической науки.

Вопросы культурной революции и развития социалистической культуры в СССР заслуженно привлекают все большее и большее внимание историков и философов. Уже создана значительная литература по ним [1]. Но в изучении истории советской культуры еще много «белых пятен» и нерешенных вопросов. По некоторым из них в литературе даются противоречивые толкования, высказываются ошибочные точки зрения. Дальнейшее изучение и разработка истории культурной революции в СССР требуют, с одной стороны, более широкого конкретно-исторического исследования и создания более разносторонней литературы, в которой нашел бы яркое отражение многогранный и сложный процесс становления и расцвета социалистической культуры народов СССР, а с другой стороны, усиления теоретической разработки вопросов культурной революции и развития социалистической культуры.

К таким вопросам относится, например, вопрос о хронологических рамках культурной революции. Большинство историков справедливо считает начальным ее рубежом победу Великой Октябрьской социалистической революции. Но некоторые вопреки историческим фактам и логике относят начало культурной революции в СССР к более позднему периоду — к концу 20-х и даже началу 30-х годов. Дискуссионным остается также вопрос о конечном рубеже культурной революции. Казалось бы, является очевидной истиной, что культурная революция победила к концу

[1] Только за последние четыре года (1955—1958) вышло более 100 работ, посвященных вопросам советской культуры.

переходного периода, когда социалистическая культура утвердилась как органический элемент социалистического общества, когда, таким образом, была осуществлена коренная задача культурной революции. Однако некоторые историки и философы, толкуя слишком расширительно сущность и назначение культурной революции, полагают, что в нашей стране она продолжается еще и поныне.

Требует разработки и правильной трактовки и такой важный вопрос, как взаимосвязь между социалистической революцией в идеологии и в культуре. В этом вопросе обнаруживается непонимание отдельными авторами органической взаимообусловленности этих двух важнейших явлений духовной жизни общества в период его социалистического преобразования.

Главная причина, которая порождает путаницу и ошибки в трактовке отдельных теоретических вопросов, на наш взгляд, заключается в отсутствии полной ясности в определении сущности и назначения культурной революции, а также в определении закономерностей становления и развития социалистической культуры.

В настоящей статье автор делает попытку раскрыть основные черты и сущность культурной революции как общей закономерности общественного развития в эпоху диктатуры пролетариата.

Культурная революция является органической составной частью общего процесса социалистического переустройства общества. Ее сущность и назначение — это коренное преобразование духовной жизни, имеющее своей целью создание новой, социалистической культуры взамен старой, буржуазной.

Марксизм учит, что весь образ жизни людей, а значит, и характер их духовной жизни в конечном счете определяется способом производства. В силу этого каждому общественному строю свойствен свой тип культуры. Смена исторических эпох неизбежно влечет за собой и коренные изменения в характере культуры. Смена буржуазной культуры социалистической является закономерным следствием смены капиталистического строя социалистическим общественным строем.

Еще в недавнем прошлом среди советских историков и философов не было единой точки зрения по вопросу о том, является ли культурная революция общей закономерностью общественного развития в период перехода от капитализма к социализму или же она относится к национально-специфическим явлениям, присущим лишь отдельным странам. Некоторые ошибочно полагали, что культурная революция не относится к числу общих закономерностей преобразовательного процесса в период перехода от капитализма к социализму, что она обязательна лишь для отсталых в культурном отношении стран и народов, однако они не указывали на меру отсталости страны, к которой применимо обязательное требование культурной революции. Эта точка зрения имела своих сторонников и среди историков других стран, строящих социализм. Ясность в этот вопрос внесла известная Декларация коммунистических и рабочих партий социалистических стран, принятая Совещанием этих партий, состоявшимся по случаю 40-летия Октябрьской революции. В этом историческом документе сформулированы общие закономерности развития, присущие всем странам, вступившим на путь социализма. К этим общим закономерностям Декларация относит «осуществление социалистической революции в области идеологии и культуры и создание многочисленной интеллигенции, преданной рабочему классу, трудовому народу, делу социализма...» [2].

[2] «Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 года». Госполитиздат. 1957, стр. 14.

Это положение Декларации является конкретизацией и теоретическим развитием марксистско-ленинского учения о культурной революции. Оно (положение) основано на научном обобщении опыта Советского Союза и других стран социалистического лагеря.

Итак, культурная революция — это процесс, характерный для всех стран и народов, вступивших на путь социализма. Вместе с тем применительно к отдельным странам она имеет свое специфическое конкретное содержание, определяемое уровнем культурного развития той или иной страны, а также некоторыми другими историческими обстоятельствами. Естественно, что чем ниже культурный уровень страны, который застает социалистическая революция, тем сложнее и объемнее задачи культурной революции. Конкретный характер этих задач зависит также от степени влияния на трудящиеся массы антинародных эксплуататорских идеологий.

В культурной революции, следовательно, необходимо различать универсальные признаки, характеризующие ее как общую закономерность развития духовной жизни в переходный период, и конкретные формы их проявления в отдельных странах.

В этих двух аспектах и нужно рассматривать исторический опыт культурной революции в СССР.

Говоря об опыте осуществления культурной революции в СССР, необходимо подчеркнуть, что, последовательно претворяя в жизнь программные идеи ленинизма, Советский Союз проложил общий для всех народов путь культурной революции. Вместе с тем строительство социалистической культуры в СССР отличалось специфическими особенностями. В ходе этого строительства Советской стране пришлось преодолевать неимоверные трудности.

Эти особенности и трудности были обусловлены рядом исторических обстоятельств. В частности, они были обусловлены экономической и культурной отсталостью страны, унаследованной от прошлого.

В. И. Ленин, характеризуя задачи культурной революции в СССР, писал, что «для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)» [3].

Всемерный и быстрый подъем образовательного и культурного уровня трудящихся масс является одной из главных задач культурной революции вообще. Но решение этой задачи Советской стране пришлось начать с осуществления таких элементарных требований, как ликвидация массовой неграмотности населения, введение всеобщего начального обучения. Как известно, десятки народностей СССР в ходе культурной революции впервые получили свою письменность и литературу. В условиях нашей страны все эти явления составляли важнейшие элементы культурной революции. Но совершенно очевидно, что они не могут быть отнесены к общим закономерностям культурной революции, так как эти явления свойственны не всем странам. Например, Китайской Народной Республике приходится решать подобные проблемы, а Чехословакии — нет.

Немало специфических явлений в культурной революции в СССР было связано с тем, что нам в этом деле пришлось идти по неизведанному пути. Культурное строительство в нашей стране сопровождалось непрерывными исканиями при полном отсутствии возможности воспринять и применить у себя проверенный жизнью опыт других стран. В этом отношении новые страны социализма находятся в более благоприятном положении. Они широко используют советский опыт, творчески применяя его в своей практике.

---

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 435.

Нельзя забывать и о том, что Советскому государству надо было строить социалистическую культуру (как и социализм в целом) в обстановке враждебного капиталистического окружения. Ведь это окружение, с одной стороны, затрудняло советскому народу культурное общение и сотрудничество с другими народами, с другой стороны, оно являлось источником всякого рода буржуазных реакционных влияний на отдельные слои населения нашей страны.

Следует заметить, что в существующей литературе о культурной революции не проводится четкого разграничения между общими закономерностями культурной революции и национально-своеобразными формами их проявления, смешиваются общеобязательные задачи культурной революции с ее конкретными задачами, стоящими перед отдельными странами в связи с их специфическими условиями. Так, авторы работ по истории культурного строительства в СССР справедливо выдвигают на первый план такие задачи культурной революции в СССР, как достижение всеобщей грамотности населения, осуществление всеобщего начального обучения и т. п. Но они неправы, когда эти явления рассматривают как непременные признаки культурной революции вообще.

Вольно или невольно допускаемая некоторыми авторами подмена одного понятия (общих закономерностей культурной революции) другим (специфическими формами проявления этих закономерностей) неизбежно ведет к ошибочному представлению о сущности и назначении культурной революции, к отрицанию ее как общей закономерности. В самом деле, если допустить, что культурная революция — это ликвидация неграмотности населения, всеобщее обучение детей и т. п., то неизбежен вывод, что она не обязательна для всех стран и народов [4].

Таким образом, когда речь идет о культурной революции как общей закономерности, надо говорить о тех преобразовательных и созидательных процессах в области культуры, которые являются общеобязательными для всех стран и народов, независимо от степени их культурного развития. В то же время общие черты культурной революции могут быть раскрыты только через их национальные модификации, на основе всестороннего анализа национально-особенного в ходе строительства социалистической культуры в отдельных странах.

Ленинское учение о культурной революции и богатый опыт строительства социалистической культуры в СССР и в остальных странах социализма позволяют сделать вывод о важнейших общих чертах культурной революции, об основных ее закономерностях.

Каковы же эти закономерности?

Социалистическая революция в области культуры совершается после политической революции, имея исходным моментом установление государственной власти пролетариата, возглавляемого марксистско-ленинской партией; осуществляется при активной культурно-организаторской роли социалистического государства и пролетарской партии. Социалистическая культура в целом создается и всесторонне развивается в эпоху диктатуры пролетариата, в ходе социалистического переустройства общества.

Известно, что буржуазия имела широкие возможности для создания своей культуры еще в недрах феодализма. Не располагая привилегиями феодалов, но будучи экономически обеспеченным классом, она обеспечила широкий доступ своим представителям к образованию и культуре. В условиях капитализма, напротив, пролетариат и другие трудящиеся массы, являясь эксплуатируемыми и политически бесправны-

[4] Кстати заметим, что некоторые чехословацкие историки, отрицая в свое время применимость понятия культурной революции к Чехословацкой Республике, выдвигали в качестве одного из главных доводов то обстоятельство, что там в ходе культурного строительства не нужно было решать такие задачи, как ликвидация массовой неграмотности населения и переход ко всеобщему обучению детей.

ли, материально и духовно ограбленными, не имели и не имеют таких возможностей. При капитализме пролетариат не может по-настоящему приобщиться к достижениям культуры, сформировать свои культурные силы, создать свою, пролетарскую культуру. В рамках капиталистического строя создаются лишь отдельные элементы пролетарской, социалистической культуры.

В связи с вопросом об исторических предпосылках и условиях формирования социалистической культуры следует напомнить о ревизионистской «теории культурной зрелости». Авторы этой пресловутой «теории», оппортунисты из числа правых лидеров международной социал-демократии, в свое время «доказывали» невозможность социалистической революции без «культурной зрелости» пролетариата, утверждали, что пролетариату, прежде чем подняться на политическую революцию, на завоевание власти, нужно будто бы достигнуть определенного «уровня культуры», необходимого для создания социализма (хотя, как отмечал В. И. Ленин, никто не мог сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры»). При этом они исходили из того, что в условиях капитализма пролетариат якобы может достигнуть такого уровня культуры.

В. И. Ленин вскрыл реакционно-утопическую сущность этой «теории», разоблачил ее приверженцев как противников социалистической революции. Действительно, встать на точку зрения такой «теории» — это значило бы обречь пролетариат и трудящихся на вечное прозябание под властью капитала, отказаться вообще от социалистической революции.

«Теорию культурной зрелости» на свой лад перепевают современные ревизионисты, стремясь оправдать свою антипролетарскую позицию. Проповедуя идею возможности эволюционного перехода от капитализма к социализму, они, в частности, утверждают, что капитализм якобы создает необходимые культурные условия для такого перехода. Если прежние оппортунисты выступали против социалистической революции, делая упор на отсутствие «культурного уровня» у пролетариата, то современные ревизионисты делают это, ссылаясь на то, что капитализм теперь якобы обеспечивает такой культурный рост пролетариата, что он (капитализм) стихийно, без всякой революции приведет общество к социализму. Но жизнь доказывает вздорность такого рассуждения, изобличает его явный буржуазно-апологетический смысл.

Конечно, культурный уровень трудящихся никогда не остается неизменным. Он изменяется и в условиях современного капитализма, изменяется в конечном счете в направлении к прогрессу. Если говорить об образовательном и культурно-техническом уровне рабочих, то он повышается в результате прогресса техники производства. Применение современных сложных машин и другие достижения науки и техники требуют, чтобы рабочие были грамотными, способными овладеть производством. Поэтому сами капиталисты-предприниматели в целях выгодной эксплуатации наемных работников заинтересованы в некотором повышении их культурно-технических навыков, что, в свою очередь, ведет к росту и их образовательного уровня до определенного предела.

Главным фактором, определяющим рост культурного уровня пролетариата и других трудящихся слоев капиталистического общества, является развитие демократических и социалистических элементов в культуре, усиление их воздействия на духовную жизнь трудящихся масс. Важным источником повышения культурности этих масс является влияние на них передовой культуры социалистических стран.

Таким образом, культурный уровень эксплуатируемых масс в капиталистическом мире, несомненно, претерпевает прогрессивные измене-

ния. Но было бы величайшей ошибкой на этом основании полагать, что при современном капитализме рабочие и крестьяне имеют полную возможность приобщиться к действительным завоеваниям культуры, стать по-настоящему просвещенными, создать свою, народную культуру. Империалистическая буржуазия, опираясь на свою экономическую и политическую мощь, в невиданных масштабах ведет антикультурную работу в обществе. Она пускает в ход все имеющиеся в ее арсенале средства и способы, чтобы парализовать у трудящихся стремление к действительной культуре, не допустить воздействия на них передовой культуры и идеологии, чтобы морально развратить их. Уничтожить этот барьер, который буржуазия воздвигла на пути культурного пробуждения народных масс, рабочие и крестьяне не в состоянии, пока власть сохраняется в руках буржуазии.

Вот почему ленинизм учит, что не «культурная зрелость» пролетариата должна явиться предварительным условием для его политической революции, а, наоборот, завоевание пролетариатом политической власти должно служить решающим условием и исходным моментом для социалистической революции в области культуры и идеологии. Жизнь неопровержимо доказывает правильность этого вывода. В СССР и во всех странах социализма, независимо от степени их культурного развития в прошлом, начало культурной революции положили свержение господства буржуазии и установление диктатуры пролетариата.

Культурно-воспитательная функция Советского государства с самого начала его существования была органически свойственна ему и занимала важное место во всей его деятельности.

Уже в первые месяцы революции Коммунистическая партия и Советское государство осуществили целый ряд важнейших мероприятий в области культурной жизни, положивших начало рождению новой, социалистической культуры. Упразднение буржуазного министерства просвещения, названного В. И. Лениным «министерством народного затемнения», создание Народного комиссариата просвещения и других пролетарских учреждений культуры, реформа школьного образования — создание трудовой школы, призванной служить орудием «коммунистического перерождения общества»[5], отделение церкви от государства и школы от церкви, предоставление всем народам права на развитие национальной культуры, декрет о ликвидации неграмотности и начало его проведения в жизнь, создание новой, советской печати, предоставление всех культурных ценностей в пользование рабочих и крестьян, превращение идеологии марксизма-ленинизма в общенародную идеологию, в руководящее начало духовной жизни трудящихся, широкое развитие политического и культурного просвещения масс на основе социалистической идеологии и пролетарской политики — таковы лишь некоторые важнейшие факты культурной жизни начального периода Советской власти, первые шаги культурной революции в СССР.

Как было отмечено выше, среди историков нет единого мнения в вопросе о периодизации истории культурной революции. В исторической литературе имеет хождение ошибочная точка зрения относительно начального рубежа культурной революции и сроков ее осуществления. Так, Л. М. Зак на страницах «Вопросов истории», возражая против тезиса о том, что культурная революция началась с октября 1917 г., утверждала: «Анализ решений партии и статистических данных показывает, что Коммунистическая партия и Советское государство приступили к проведению культурной революции после XV съезда ВКП(б)»[6]. Далее она

---

[5] См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I. Изд. 7-е, стр. 419.

[6] «Вопросы истории», 1956, № 2, стр. 137.

ишет: «Создание фундамента социализма дало возможность в течение тридцатых годов провести культурную революцию...» [7].

По мнению сторонников этой точки зрения, мероприятия, проведенные в области культуры в течение 10—15 лет после Великой Октябрьской социалистической революции, не относятся к культурной революции, а являются только ее подготовкой. Разницу же между самой культурной революцией и ее подготовкой они, в сущности, сводят к количественной разнице в культурных достижениях. В качестве доводов, подкрепляющих их позицию, они обычно приводят данные о тираже газет, о численности школ и учащихся в них, о сети культурно-просветительных учреждений и т. д. Разумеется, количественные показатели в различных областях культурной жизни характеризовали успехи культурной революции на том или ином этапе ее развития. Но неправомерно апеллировать только к ним, когда речь идет о сущности культурной революции и о ее начальном рубеже. Здесь решающее значение имеет не количество, а качество, то есть социальный смысл, идейно-политическое содержание перемен, происходивших в культурной жизни страны.

Пусть в первые годы Советской власти количество школ было еще совсем недостаточным, но сама система школьного образования и воспитания уже была коренным образом перестроена в духе требований социализма; пусть число газет и их тиражи были сравнительно немногочисленными, но печать уже выполняла совершенно новую общественную роль — из оружия буржуазии она превратилась в оружие народа. Аналогичная картина наблюдалась и в остальных областях культурной жизни. Исторические факты говорят о том, что победа Великой Октябрьской социалистической революции, завоевание народом политической власти служило началом социалистической революции и в культуре.

Авторы, относящие начало культурной революции к 20—30-м годам, обычно ссылаются также на «решения партии», прежде всего на резолюцию XVI съезда ВКП(б), в которой было записано: «XV съезд совершенно правильно выдвинул одну из важнейших проблем реконструктивного периода — проблему культурной революции» [8]. Но они неправильно интерпретируют это положение резолюции. Выдвинуть проблему культурной революции как одну из важнейших проблем реконструктивного периода — это вовсе не значит признать, что культурная революция началась только со вступлением СССР в реконструктивный период. Еще А. В. Луначарский, возражая против неправильного толкования резолюции XV съезда партии, писал: «Лозунг культурной революции, провозглашенной на XV съезде, не означает... появление чего-то совершенно нового в нашей политике, появление новых принципов» [9]. Он подчеркивал в этой связи, что культурная революция была провозглашена одновременно с совершением Октябрьской революции, что лозунг XV съезда лишь означает, что задача осуществления культурной революции приобрела в период развертывания социалистической реконструкции особенно животрепещущий, острый характер.

Мы не стали бы так подробно разбирать вопрос о начальном рубеже культурной революции в СССР, если бы это не имело принципиально-теоретического значения не только для разработки историографии советского общества, но и для подтверждения той истины, что история культурной революции является одной из общих закономерностей со-

---

[7] Там же.

[8] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. III, стр. 18—19.

[9] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 142, д. 105, л. 52.

циалистического преобразования общества. Разные страны и народы будут иметь разные сроки осуществления социалистической революции в области идеологии и культуры, разные ее конечные рубежи, но начальным рубежом этой революции у всех будет победа политической революции.

Культурная революция в СССР представляла собой относительно длительный процесс, хронологические рамки которого в основном совпадали с рамками переходного периода в истории советского общества. Она началась с октября 1917 года. Но ее задачи не могли быть решены сразу. В первый период Советской власти были сделаны лишь первые шаги в строительстве новой культуры.

Успешное развитие культурной революции зависит от достижений в строительстве социалистической экономики. Эта зависимость является общей закономерностью духовного роста общества. «Рост материальной культуры есть основа роста духовной культуры. При низком уровне материальной культуры не может расцветать духовная культура всего общества. Эти два фактора взаимосвязаны» [10].

Естественно поэтому, что задачи культурной революции в нашей стране могли быть и были осуществлены только на базе победы социализма в экономике. Решающие успехи в строительстве социалистической культуры были достигнуты главным образом в 30-е годы, когда в результате осуществления социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства в СССР утвердилось безраздельное господство социалистической экономики, была создана прочная материальная база социалистической культуры. В эти годы были решены такие специфические и важные для СССР задачи культурной революции, как ликвидация массовой неграмотности населения и введение всеобщего начального обучения детей, преодоление фактического культурного неравенства народов СССР, широкое развитие печати, расширение сети культурно-просветительных учреждений и т. д. Вместе с тем к концу переходного периода в основном завершились те коренные революционно-преобразовательные и созидательные процессы в духовной жизни людей, которые характеризуют культурную революцию как общую закономерность,— громадный подъем общеобразовательного и культурного уровня трудящихся масс, превращение всех завоеваний культуры в полное достояние народа, рост творческой самодеятельности масс в культурной жизни, развитие культуры и науки на базе социалистической идеологии и марксистско-ленинского мировоззрения, формирование многочисленной социалистической интеллигенции, развитие культуры всех народов на основе органического сочетания социалистического содержания культуры с ее национальной формой и т. д.

Глубочайшие преобразования во всей духовной жизни, происшедшие к концу 30-х годов, означали победу культурной революции, утверждение в СССР новой, социалистической культуры. С этого времени в СССР начался новый этап в развитии культуры — этап дальнейшего расцвета социалистической культуры.

Культурная революция есть процесс превращения культуры в подлинно народную культуру. Это означает, что а) культура становится безраздельным достоянием трудящихся, служит интересам народа, превращается в орудие построения социализма и коммунизма; б) сам народ становится сознательным и активным строителем культуры.

Народ, являющийся решающей творческой силой культуры, в классово-антагонистическом обществе лишен возможности широко пользоваться благами культуры, отчужден от ее завоеваний.

---

[10] Н. С. Хрущев. За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа. Госполитиздат, 1957, стр. 9.

В капиталистическую эпоху человечество в целом достигло больших успехов в своем культурном росте. Общий уровень культуры капиталистического общества несравненно выше, чем уровень культуры докапиталистических эпох. Но этот высокий уровень культуры уживается с бескультурьем и отсталостью, на которые обрекает капитализм миллионы трудящихся и эксплуатируемых масс. «Смысл процесса развития культуры никогда не понимался буржуазией как необходимость роста всей массы человечества»[11]. Культура капитализма в силу своей эксплуататорской сущности неизбежно обращена против народа, его коренных духовных интересов.

На современной стадии развития человечества сильно возросла возможность для громадного подъема просвещения широких масс народа. Вошли в культурный обиход такие чудесные завоевания техники, как радио, телевидение, звуковое кино, достигло высокого совершенства книгопечатание, опирающееся на богатую полиграфическую базу. Однако в капиталистических странах все эти и другие достижения техники, культуры находятся в руках монополистической буржуазии, которая превратила их в средства духовного развращения и опустошения трудящихся масс. В. И. Ленин писал в свое время: «Капитализм не был бы капитализмом, если бы он, с одной стороны, не осуждал массы на состояние забитости, задавленности, запуганности, распыленности (деревня!), темноты; — если бы он (капитализм), с другой стороны, не давал буржуазии в руки гигантского аппарата лжи и обмана, массового надувания рабочих и крестьян, отупления их и т. д.»[12]. Эта оценка, данная В. И. Лениным, полностью применима и к современному капитализму, при котором особенно разросся аппарат лжи и обмана, массового надувательства трудящихся. Типичной в этом смысле является картина духовной жизни в ведущей стране современного капитализма — США, чья цивилизация, как отмечал А. М. Горький, «чудовищно преувеличила все многообразие и позорные уродства европейской цивилизации»[13]. Начиная от таких «художественных» перлов, как танец «канкан», и кончая безудержной антикоммунистической пропагандой и фальсификацией,— все там направлено на то, чтобы убить у рабочих и крестьян, у «рядовых американцев» стремление к действительному просвещению, парализовать рост демократических и социалистических элементов в культуре, помешать влиянию передовой идеологии и культуры социалистических стран на трудящихся и всех честных людей Америки.

Жизнь показывает, что капитализм ни в коей мере не может ликвидировать пропасть, разделяющую народ и культуру. Как немыслим «народный капитализм», так немыслима и народная культура в условиях капиталистического общественного строя.

Исторический опыт подтверждает положение марксистско-ленинского учения о том, что только после свержения господства буржуазии, в процессе социалистического преобразования общества, в ходе социалистической революции в области культуры и идеологии культура становится действительно народной.

Коренным образом изменяется общественная роль культуры — из орудия духовного порабощения эксплуатируемых масс она превращается в орудие просвещения и духовного роста народа, в орудие строительства социалистического общества.

«Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить

---

[11] М. Горький. Собрание сочинений. Т. 27. М. 1953, стр. 303.
[12] В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 243.
[13] М. Горький. За мир и демократию. Очерки, памфлеты, статьи, речи, письма. М. 1951, стр. 62.

самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации»[14],— так говорил В. И. Ленин о назначении культуры и науки при диктатуре пролетариата на III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 года.

В этих словах великого основателя Советского государства была выражена главная идея социалистической революции в области культуры.

Естественно, что задача демократизации культуры, задача приобщения трудящихся к завоеваниям науки и искусства в разных странах должна иметь и имеет различное конкретное содержание в зависимости от уровня культуры и других специфических обстоятельств. Но общим для всех стран является ликвидация монополии имущих классов на образование и другие блага культуры и превращение всех завоеваний культуры в безраздельное достояние народа.

К числу общих мероприятий диктатуры пролетариата, осуществление которых необходимо для демократизации культуры, относится: отстранение от руководства делами культуры буржуазии, ликвидация буржуазных, антинародных учреждений культуры и просвещения и создание новых, народных органов и учреждений культуры и просвещения во главе с представителями трудящихся; изъятие из монопольного владения эксплуататорских классов материальных и культурных ценностей (типографий, дворцов, картинных галерей и т. п.) и передача их в пользование трудящихся; ликвидация национальных и всякого рода социальных ограничений для трудящихся, существующих при буржуазном строе, и открытие трудящимся широкого доступа во все области культуры и науки; создание особых материальных и моральных стимулов, содействующих быстрому преодолению культурной отсталости трудящихся и приобщению их к высшим достижениям культуры; перестройка системы народного образования и превращение школы в орудие социалистического преобразования общества.

Советское государство с первых же дней своего существования последовательно и решительно проводило все меры для демократизации культуры. Причем специфические условия СССР определили своеобразие конкретного содержания этих мер: уничтожение сословных привилегий, национального и женского неравноправия в области образования и культуры, особая забота о культурном подъеме ранее угнетавшихся отсталых народов, систематическая и длительная борьба государства и общественности за ликвидацию массовой неграмотности населения, учреждение для этой цели государственной Чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности и добровольного общества «Долой неграмотность», введение совместного обучения учащихся обоего пола, создание таких специфических средних учебных заведений, как рабочие факультеты, служившие одним из основных каналов, по которым шел процесс пролетаризации высшей школы, организация новых типов очагов культурного просвещения трудящихся — изб-читален, красных уголков, красных юрт, агитпоездов и агитпароходов, осуществление таких чрезвычайных мер, как национализация частных книжных собраний (за исключением библиотек ученых, работников искусства) для обслуживания книгой рабочих и крестьян через общественные библиотеки и т. д. и т. п. Все эти и подобного рода мероприятия Советской власти сыграли важную роль в деле ликвидации пропасти, разделявшей народ и культуру в дореволюционной России, в деле создания народной культуры в СССР.

---

[14] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 436

В ходе культурной революции уничтожаются все преграды, которые в условиях эксплуататорского общества стоят на пути народного творчества в области духовной культуры. Капитализм, как подчеркивал В. И. Ленин, тысячами губит народные таланты.

Народ всегда был главным творцом не только материальных, но и духовных ценностей общества. Но в классово-антагонистическом обществе он не имеет ни возможностей, ни стимулов для широкой творческой самодеятельности и активности. В этом обществе участие народных масс в развитии культуры носит стихийный и ограниченный характер. Социалистическая революция в культуре открывает простор для раскрытия и применения способностей и талантов масс, она означает всеобщее пробуждение их к сознательному и активному творчеству в строительстве новой культуры. На заре советской эпохи, при рождении социалистической культуры в СССР, В. И. Ленин отмечал: ««Снизу», т. е. из той массы трудящихся, которую капитализм отстранял — и путем открытым, путем насилия, и средствами лицемерия и обмана — отстранял от образования, идет могучий подъем к свету и знанию. Мы вправе гордиться тем, что помогаем этому подъему и служим ему» [15].

Пробуждение могучих творческих сил народа и направляющая деятельность Коммунистической партии — вот две решающие силы, которые составляют тайну успеха культурной революции в СССР. Народ и партия, слившись в едином стремлении как можно скорее сбросить бремя отсталости, напрягли свои творческие усилия и в короткий исторический срок достигли решающих успехов в строительстве социалистической культуры. В. И. Ленин указывал, что пробуждение этих новых сил естественно, закономерно. «Бурный темп их развития,— подчеркивал он в беседе с Кларой Цеткин,— понятен и полезен. Мы должны нагнать то, что было упущено в течение столетий, и мы хотим этого» [16].

Уничтожение частной собственности на основные средства производства и утверждение общественной собственности на них, освобождение трудящихся масс от эксплуатации и завоевание ими политической власти и свободы составляют экономическую и политическую основу великого творческого пробуждения народа и невиданного его культурного подъема.

Культурная революция означает освобождение культуры от власти антинародных, эксплуататорских идеологий и реакционных мировоззрений и соединение ее с передовой, социалистической идеологией, с научным, марксистско-ленинским мировоззрением.

В культуре каждой эпохи следует различать два составных элемента: а) идейное содержание культуры, определяемое экономическим базисом общества и выражаемое идеологией и мировоззрением общественных групп и классов, то есть то, что характеризует тот или иной тип культуры — феодальный, буржуазный, социалистический; б) положительные ее достижения, которые развиваются как общечеловеческое достояние (успехи естествознания, техники, мастерство в искусстве и т. д.).

В буржуазной культуре господствует буржуазная идеология. Это определяет реакционное идейное содержание современной буржуазной культуры, ее антинародную идейно-политическую направленность. Буржуазная идеология подчиняет положительные завоевания науки и культуры классово-эгоистическим интересам буржуазии и таким образом мешает им служить всему обществу, его прогрессу.

Но наряду с буржуазной идеологией в культуре капиталистической эпохи имеются демократические и социалистические элементы, которые находятся в непримиримом противоречии с господствующей

---

[15] В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 105.
[16] «Ленин о культуре и искусстве». М. 1956, стр. 519.

буржуазной идеологией и оказывают все в большей мере воздействие на всю культуру. Понятно, что, пока господствует буржуазия, эти элементы и тенденции передовой социалистической идеологии не имеют простора, возможностей для всестороннего развития и подчинения своему влиянию всей культуры. Именно поэтому мы говорим, что в условиях капитализма существуют только элементы демократической и социалистической культуры.

Само собой понятно, что отношение пролетариата не может быть одинаковым к указанным двум типам идеологии. Это предельно четко сформулировал В. И. Ленин еще до Великой Октябрьской социалистической революции. «В каждой национальной культуре,— писал он,— есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде господствующей культуры» [17]. Далее он подчеркивал, что «мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и ее социалистические элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации» [18].

Следовательно, социалистическая революция в области культуры обязательно предполагает отрицание буржуазной идеологии, замену ее социалистической идеологией, превращение последней в незыблемую идейную основу новой культуры. Без социалистической революции в идеологии не может быть и социалистической революции в культуре, ибо здесь речь идет о содержании культуры.

Вместе с отрицанием буржуазной идеологии в ходе культурной революции в корне изменяется и теоретическая основа культуры — культура освобождается от власти идеалистических воззрений, от засилья религиозных предрассудков и становится на прочную базу единственно правильного, марксистского учения о природе и обществе. Утверждение марксистского мировоззрения, диалектического материализма — непременное условие успеха культурной революции, ибо «только миросозерцание марксизма является правильным выражением интересов, точки зрения и культуры революционного пролетариата» [19].

В ходе строительства социалистической культуры люди освобождаются от влияния эксплуататорских идеологий, реакционных предрассудков и их пережитков. Преодоление пережитков капитализма в сознании людей — один из существенных моментов культурной революции и развития социалистической культуры.

Общей закономерностью культурной революции является преемственная связь новой, социалистической культуры с культурой прошлого. Принцип преемственности — один из краеугольных камней ленинского учения о культурной революции.

Само собой разумеется, требование преемственной связи выдвигается не по отношению ко всей старой культуре в целом, а лишь по отношению ко всем положительным достижениям и передовым идеям в культуре прошлого.

С точки зрения положительных завоеваний человечества успехи науки, искусства и других отраслей культуры каждой эпохи — это ступень лестницы исторического прогресса. И чтобы подняться на новую сту-

---

[17] В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 8.
[18] Там же.
[19] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 291—292.

пень культурного развития, нужно прочно опираться на достижения прошлого.

Социалистическая культура возникает как продолжение и развитие всех положительных завоеваний культуры прошлых времен. «Пролетарская культура,— учил В. И. Ленин,— должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества» [20].

Поэтому нигилизм по отношению к культурному наследству и требование «чистой пролетарской культуры» противны духу социалистической культурной революции. Первейшую задачу культурной революции составляет приобщение трудящихся масс к достижениям культуры прошлого, ибо только на этой основе можно делать новые шаги в культуре, в дальнейшем развитии науки и искусства.

Как известно, в ходе культурной революции в СССР Коммунистическая партия самым решительным образом боролась против примитивно-анархического отношения к культурному наследству прошлого со стороны вульгаризаторов марксизма: пролеткультовцев, рапповцев и всяких иных сторонников философии «чистой пролетарской культуры». Партия воспитывала трудящихся в духе хозяйского, бережливого отношения к культурному наследию, призывала их овладевать всеми завоеваниями в области науки, техники, искусства, накопленными многовековым творчеством человеческих поколений. Партия учила, что народ является законным наследником всего прогрессивного в культуре прошлого, что ему по праву принадлежит все положительное, что создано человеческим гением.

Вместе с тем Коммунистическая партия Советского Союза решительно осудила имевшую в свое время хождение в литературе реакционную теорию «единого потока». Сторонники этой теории отрицали коренное различие между буржуазной национальной и социалистической национальной культурой, пренебрегая требованием партийности в анализе и оценке явлений культуры. Ложно трактуя вопрос о преемственности в развитии культуры, они изображали социалистическую культуру как простое продолжение культуры прошлого, а не как качественно новую культуру с совершенно новым идейным содержанием и общественными функциями. Так, например, некоторые литературоведы утверждали, что советская литература казахов, киргизов и других народов Средней Азии отличается от литературного творчества этих народов в прошлом лишь новыми жанрами. Развитие советской литературы рассматривалось только как жанровое обогащение дореволюционной литературы. Попытку представить социалистическую культуру народов СССР как простое продолжение буржуазной национальной культуры предпринимали и украинские националисты, подвизавшиеся в области литературы и искусства.

Социалистическая культура, как культура нового, высшего типа, создается, с одной стороны, на основе преемственной связи со всем передовым и положительным в прошлой культуре, а с другой, на основе коренного отрицания буржуазного идейного содержания старой культуры и утверждения социалистического идейного содержания — пролетарской идеологии и марксистско-ленинского мировоззрения.

Органическим элементом культурной революции является преодоление культурной противоположности между городом и деревней.

Капитализм не только экономически и политически подчиняет деревню городу, но он обрекает ее и на культурную отсталость, отчуждает крестьянское население от культуры. Преодоление культурной отстало-

---

[20] Там же, стр. 262.

сти деревни является одним из важных программных требований научного коммунизма. В. И. Ленин еще задолго до победы Октябрьской революции писал, что уничтожение противоположности между городом и деревней необходимо для того, чтобы сделать сокровища науки и искусства «доступными всему народу, чтобы уничтожить ту отчужденность от культуры миллионов деревенского населения, которую Маркс так метко назвал «идиотизмом деревенской жизни»» [21].

Исторический опыт СССР и всех остальных стран социализма показывает, что в эпоху диктатуры пролетариата на базе социалистического преобразования экономики деревни быстро преодолевается «идиотизм деревенской жизни», все достижения культуры становятся доступными деревенскому населению.

Если в переходный период от капитализма к социализму происходит ликвидация культурной противоположности между городом и деревней, то в период перехода от социализма к коммунизму будет преодолеваться существенное различие между городом и деревней в области культурной жизни. Так, в СССР на современном этапе успешно решается эта задача путем коренного улучшения культурно-бытовых условий жизни сельского населения. «А в будущем,—говорил Н. С. Хрущев на XXI съезде,— партия ставит целью превратить колхозную деревню в благоустроенные населенные пункты городского типа с использованием всех достижений современного коммунального и культурно-бытового обслуживания» [22].

Антинародная сущность буржуазной культуры проявляется особенно ярко в противоположности между умственным и физическим трудом, свойственной буржуазному обществу.

Капитализм сделал каторжный физический труд и духовное прозябание уделом громадного большинства общества — трудящихся и эксплуатируемых масс. Люди физического труда при капитализме постоянно испытывают на себе власть и произвол представителей умственного труда, тесно сомкнувшихся с эксплуататорами.

В ходе социалистического преобразования общества вместе с ликвидацией частной собственности на средства производства и эксплуатации человека человеком ликвидируется и противоположность между умственным и физическим трудом.

Уничтожение противоположности между умственным и физическим трудом в своей сущности есть процесс социально-экономический. Вместе с тем этот процесс органически связан с ликвидацией культурной отсталости масс, с повышением их образовательного и культурного уровня. Следовательно, преодоление противоположности между умственным и физическим трудом — это еще одна закономерность культурной революции.

В дальнейшем в ходе коммунистического строительства на основе создания материально-технической базы коммунизма и неуклонного повышения образовательного и культурно-технического уровня всех трудящихся исчезнет и существенное различие между умственным и физическим трудом.

Общим признаком культурной революции является и формирование новой, народной интеллигенции.

Социализм, как ни один другой общественный строй, нуждается в интеллигенции, в большом числе образованных командных кадров, способных осуществлять хозяйственно-организаторскую и культурно-воспитательную задачу социалистического государства.

---

[21] В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 137.

[22] Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. «Материалы Внеочередного XXI съезда КПСС». Госполитиздат. 1959, стр. 93.

В. И. Ленин накануне Октябрьской революции писал: «Нам нужны хорошие организаторы банкового дела и объединения предприятий... нам нужны в большем и большем, против прежнего, числе инженеры, агрономы, техники, научно-образованные специалисты всякого рода,— скажет пролетарское государство» [23].

Задача формирования социалистической интеллигенции встает перед любой страной независимо от численности старой интеллигенции, которую застает пролетарская революция.

Формирование социалистической интеллигенции происходит по двум направлениям: перевоспитания старой интеллигенции и выращивания новых кадров, интеллигенции из представителей рабочего класса и крестьянства. В зависимости от того, каков был культурный уровень страны в прошлом, превалирующее значение может иметь то или иное направление. В СССР наряду с перевоспитанием немногочисленной старой интеллигенции решалась в широких масштабах задача формирования интеллигенции из рабочих и крестьян. А в таких странах, как, например, Чехословакия, главной задачей было перевоспитание уже имеющейся многочисленной интеллигенции, сформировавшейся в старом, буржуазном обществе.

Культурная революция означает ликвидацию национализма и утверждение интернационализма в культуре. Пролетарский интернационализм в культуре находит свое выражение прежде всего в единстве социалистического содержания и национальной формы культуры.

Как отмечено выше, культурная революция означает коренное изменение в содержании культуры — преобразование его из буржуазного в социалистическое. Социалистическое содержание культуры сближает народы, создает интернациональное единство духовной жизни всех народов, объединяет их общими духовными интересами и устремлениями, делает культуру для всех народов единой, интернациональной. Но в ходе культурной революции не только совершается коренной переворот в ее содержании, но претерпевает серьезное изменение и ее национальная форма. В условиях капитализма национальная форма культуры не имеет простора для своего развития. Это связано прежде всего с системой национального гнета и насильственной ассимиляции слабых наций, которая лишает миллионные массы колониальных и зависимых народов возможности развивать свою национальную культуру.

Социализм и социалистическая культура создают полный простор для развития национальных форм культуры, предоставляют всем народам возможность свободного развития культуры на основе национального языка и других национальных особенностей. Объективную основу сохранения и развития национальной формы культуры в эпоху диктатуры пролетариата составляет наличие наций и национальных различий. Разумеется, речь идет не о старых, буржуазных нациях, а о новых, социалистических нациях. Эпоха социализма есть эпоха всестороннего развития социалистических наций. Расцвет национальных форм социалистической культуры — это закономерный процесс в жизни социалистических наций. Он, с одной стороны, служит духовному росту отдельных наций, а с другой — способствует всемерному сближению всех наций, подготавливает полное культурное слияние всех наций при коммунизме, на его высшем этапе.

Развитие советской культуры на основе органического сочетания ее социалистического содержания и национальной формы составляет одну из существенных особенностей культурной революции в СССР.

Признавая национальную форму социалистической культуры целесообразной и исторически необходимой, Коммунистическая партия исхо-

---

[23] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 86.

дит из того, что народы могут преуспевать в своем культурном развитии, быстро приобщиться к высшей, социалистической культуре только на основе своих национальных языков и своих национальных форм культуры. Но советской культуре чужда всякая национальная ограниченность, национальная замкнутость; развитие социалистической культуры народов СССР идет в непримиримой борьбе с национальной заскорузлостью. Важнейшим принципом строительства социалистической культуры в нашей стране является принцип творческого сотрудничества, взаимопомощи и взаимного духовного обогащения советских социалистических наций. В нашей стране лучшие достижения национальной культуры каждого народа становятся достоянием всех других народов. В Советском Союзе подлинные творцы культуры, независимо от их национальной принадлежности, пользуются горячей любовью и признанием всех народов.

Самое широкое распространение среди всех народов СССР имеют бессмертные произведения Пушкина, Толстого, Тургенева, Чехова. Трудно найти человека в нашей многонациональной стране, который не читал бы книг Горького, Маяковского, Шолохова, Фадеева, Н. Островского и других советских русских писателей. В то же время на русский язык и десятки других языков народов СССР переведены и широко читаются произведения Тараса Шевченко, Шота Руставели, Алишера Навои, Ованеса Туманяна и других представителей национальных литератур. Творчество казахского акына Джамбула, как и творчество дагестанского ашуга Сулеймана Стальского, дорого всем советским народам. Их произведения изучаются во всех советских школах. Так же обстоит дело и в других областях культуры. Тесное творческое сотрудничество народов — один из важнейших и могучих источников преуспевания их в строительстве социалистической культуры.

Советская культура в своем развитии опирается не только на свои собственные достижения, но и на достижения культуры других народов мира. Народы СССР уважают и ценят все действительные завоевания науки и искусства зарубежных стран и охотно поддерживают связи с другими народами в области культуры. Яркой демонстрацией интернационализма советской культуры является широкое культурное общение и сотрудничество, которые установились в наше время между СССР и странами народной демократии.

Всемерно развивая культурные связи с другими странами, Коммунистическая партия и Советское правительство исходят из того, что культурное развитие человечества является результатом творческого сотрудничества народов. Каждый народ, независимо от того, является ли он великим или малым, вносит свой вклад в общее дело культурного прогресса.

Великие научные истины и шедевры искусства не знают национальных и государственных границ. Закон Архимеда и закон всемирного тяготения Ньютона, периодическая система Менделеева и открытия Эдисона, произведения Шекспира и Толстого, полотна Рафаэля и Рембрандта, музыка Бетховена и Чайковского, бессмертное учение Маркса, так же как и новый этап в его развитии — ленинизм, не замкнуты национальными границами, в пределах которых они были созданы. Как творения гениев, они стали достоянием всех народов, всего прогрессивного человечества.

Передовая культура развивалась и развивается благодаря тому, что в нее вливаются живые ручейки всех национальных культур. Культура отдельных народов только тогда жизненна, когда она не оторвана от прогрессивной культуры мира и питается ее достижениями.

Из сказанного следует, что каждый народ, если он хочет преуспевать в своем развитии, не должен «вариться в собственном соку», вести

изолированное существование, стоять в стороне от столбовой дороги мировой цивилизации; напротив, он должен стоять на почве культурного общения с другими народами, становиться на путь живого, творческого обмена культурными ценностями.

Советская страна всегда стремилась и стремится к осуществлению широких международных культурных связей. В этом сказывается не только желание советского народа воспринять все положительное в культуре других народов, но и сознание им своего интернационального долга передавать другим народам свои культурные достижения.

Общепризнано, что в наш век мировая прогрессивная культура имеет в лице советской культуры свою ведущую силу. Деятельно развивая культурные связи с другими странами, Советская страна стремится внести свой достойный вклад в дело мировой цивилизации, успешно выполнять свою всемирно-историческую миссию передовой страны социализма.

В ходе культурной революции развивается гуманизм, составляющий одну из отличительных черт социалистической культуры.

Буржуазная культура и буржуазная мораль основаны на хищнических принципах: «человек человеку — волк», «каждый за себя, один бог за всех», «стремись выйти в люди» и т. п. Эти принципы являются отражением в сознании людей частнособственнических прав и отношений в экономике, эксплуататорских порядков. Частная собственность на средства производства неизбежно сеет вражду и взаимную ненависть между людьми. Эксплуататор строит свое благополучие за счет несчастья других. Бедствие других является условием его личной выгоды, поэтому он не может желать другим добра, не может любить человека. Антагонизм, вражда — это неизбежные спутники существования эксплуататорских классов, характерные мотивы буржуазной морали, буржуазной культуры.

Социалистическая собственность на средства производства, напротив, создает нерушимую общность интересов всех трудящихся. Социалистические производственные отношения, утвердившиеся в СССР, представляют собой отношения сотрудничества и взаимной помощи между трудящимися. При этих отношениях благополучие каждого человека зависит от благополучия всех остальных. В СССР осуществляются великие принципы, провозглашенные основоположниками научного коммунизма К. Марксом и Ф. Энгельсом. «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [24].

При социалистическом общественном строе господствуют принципы: «один за всех, и все за одного», «человек человеку — друг, товарищ». Любовь и уважение людей друг к другу — это органические свойства социалистической культуры и нравственности. Эти свойства характеризуют подлинно гуманную, прогрессивную сущность культуры и нравственности социалистического общества.

В социалистическом гуманизме беспредельная любовь к народу, к трудящимся, ко всему передовому и человечному в жизни общества органически сочетается с ненавистью и беспощадностью к врагам народа, ко всему реакционному.

Великий гуманист А. М. Горький говорил: «Гуманизм пролетариата требует неугасимой ненависти к мещанству, к власти капиталистов, его лакеев, паразитов, фашистов, палачей и предателей рабочего класса,— ненависти ко всему, что заставляет страдать, ко всем, кто живет на страданиях сотен миллионов людей» [25].

---

[24] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4. Изд. 2-е, стр. 447.
[25] М. Горький. Собрание сочинений. Т. 27, стр. 466.

Социалистический гуманизм советских людей глубоко интернационален. Советский народ питает глубокое сочувствие и любовь ко всем эксплуатируемым и угнетенным массам, ко всем трудящимся людям земного шара, искренне желает и помогает им избавиться от капиталистического рабства и построить свободную жизнь.

Мир не раз уже имел возможность убедиться в том, что советские люди, побуждаемые гуманными чувствами, с готовностью помогают другим народам, оказавшимся в беде. Эти чувства заставляли, например, советских воинов, рискуя жизнью, спасать беспомощных детей и стариков из объятых пламенем домов Берлина в мае 1945 года.

В Берлине на братской могиле советских воинов, павших при штурме Берлина, установлена бронзовая статуя, изображающая советского воина, сжавшего в одной руке меч, а в другой руке нежно держащего ребенка. Эта статуя ярко олицетворяет гуманизм советского человека — его смертельную ненависть ко всему реакционному, антинародному, изуверскому и любовь к народу, его светлому будущему, любовь к Человеку.

История не забудет гуманного почина Советского государства, выступившего с предложением о всеобщем разоружении. Подтверждая свою высокую гуманную цель, наше государство предприняло практические шаги, сократив Советские Вооруженные Силы на одну треть. Что может быть более убедительным свидетельством заботы государства о мирном труде, о человеке мирного труда? Советский народ, воспитанный на гуманных традициях социалистической культуры, единодушно одобряет все гуманные акции своего государства.

Социалистическая революция в идеологии и культуре утверждает в сознании трудящихся глубокую веру в светлое будущее человечества, укрепляет коммунистический оптимизм. Социалистической культуре чужда идеология пессимизма и ухода от жизни, столь свойственная современной буржуазной культуре. Ей органически присущи жизнеутверждающий оптимизм, глубокая вера в человеческий разум, в полное торжество коммунистического идеала на земле. Этот оптимизм социалистической культуры отражает историческую неизбежность победы коммунизма, точно так же как пессимизм буржуазной культуры отражает процесс загнивания и упадка современного капиталистического строя, неизбежность его гибели.

Эксплуататорским классам никогда не был присущ подлинный оптимизм. У современной реакционной буржуазии проповедь пессимизма, пророчество безнадежного и мрачного будущего человечества составляют один из ведущих мотивов во всей ее «философии века».

Реакционные идеологи капитализма, выдающие обреченность буржуазного класса за обреченность всего человечества, стараются изобразить будущее человеческого общества в виде всеобщей катастрофы.

Народы Советского Союза и всего мирового социалистического лагеря с чувством великой надежды смотрят в будущее, они знают, что будущее принесет трудовому человечеству всеобщее счастье. Рабочему классу чуждо настроение беспомощности и безнадежности, ибо он представляет собой класс, который с каждым днем все больше растет и крепнет как общественная сила. В. И. Ленин в 1913 г. в статье «Рабочий класс и неомальтузианство», разоблачая реакционных эпигонов этой лженаучной теории, писал: «Рабочий класс не гибнет, а растет, крепнет, мужает, сплачивается, просвещается и закаляется в борьбе. Мы — пессимисты насчет крепостничества, капитализма и мелкого производства, но мы — горячие оптимисты насчет рабочего движения и его

целей. Мы уже закладываем фундамент нового здания, и наши дети достроят его»[26].

Советский народ продолжает успешно строить то великое здание, фундамент которого закладывало революционное поколение борцов за коммунизм еще в условиях жестокого царского режима. Весь опыт социалистического строительства в СССР, вся история развития материальной и духовной жизни советского народа неопровержимо доказывают непобедимость народа, сознательно строящего коммунизм. Оптимизм советского народа основан на том, что с каждым днем жизнь его становится все счастливее и прекраснее.

Социалистический оптимизм вдохновляет советских людей на преодоление всех и всяких трудностей; он рождает у них творческую энергию и могучую силу, способную совершать чудеса. Неугасимый оптимизм, глубокая вера в торжество своего правого дела рождали массовый героизм советского народа в годы суровых испытаний войны и сопутствуют нашему победному движению к коммунизму.

Социалистическая революция в культуре и идеологии неизменно сопровождается, особенно на первых ее этапах, острой классовой борьбой, обусловливаемой сопротивлением свергнутых эксплуататорских классов.

Энергичному сопротивлению и саботажу свергнутых революцией эксплуататорских классов способствует на первых порах то обстоятельство, что в области культуры они имели превосходство над победившими в революции рабочими и крестьянами: на их стороне знания, образованность, культурность. Кроме того, в сфере культуры и идеологии буржуазия и ее агенты имеют более широкий простор для своих враждебных действий, чем в области экономики и политики, они могут прибегать к разнообразным, часто искусно маскируемым приемам и формам борьбы.

Сопротивление буржуазии носило особенно острый характер в ходе культурной революции в СССР. Сила этого сопротивления была весьма значительной и опасной, ибо рабочие и крестьяне России в культурном отношении были чрезвычайно отсталыми, а значительная часть старой интеллигенции вначале выступала против Советской власти, саботировала ее революционные мероприятия, не хотела помогать народу строить новую жизнь. В. И. Ленин в 1918 г. говорил о многих представителях российской буржуазной интеллигенции: «Они воспользовались своим образованием для того, чтобы сорвать дело социалистического строительства, открыто выступили против трудящихся масс»[27].

Не случайно В. И. Ленин рассматривал использование старых, буржуазных специалистов как особую форму классовой борьбы в период диктатуры пролетариата.

Активную поддержку — организационную и моральную — оказывал нашим внутренним врагам международный империализм. Мировая буржуазия на протяжении десятилетий без устали кричала о неспособности большевиков и руководимых ими рабочих и крестьян строить культуру, создавать культурные ценности, она организовывала всякого рода идеологические диверсии против Советского Союза, подстрекала все темные силы на антисоветские действия в области культуры и идеологии.

Опыт СССР и всех стран социалистического лагеря свидетельствует о том, что острая классовая борьба в ее идеологической форме неизменно сопутствует культурной революции, являясь общей закономерностью последней.

---

[26] В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 206.
[27] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 69.

Таковы некоторые важнейшие черты культурной революции, характеризующие ее как общую закономерность общественного развития в период строительства социализма.

★

«Пролетарская культура = коммунизм»,—так записал В. И. Ленин в одной из своих заметок. В этих словах резюмированы высказывания и теоретические выводы В. И. Ленина о культурной революции и развитии социалистической культуры, о важности культурного подъема народных масс для дела коммунистического строительства.

Коммунистическая партия Советского Союза в своей деятельности неизменно руководствовалась указаниями Ленина по вопросам культуры. Забота партии о повышении образовательного и культурного уровня трудящихся, об их всестороннем просвещении занимает важное место в деятельности партии. Советская страна своими успехами в деле социалистического строительства в огромной мере обязана плодотворной культурно-воспитательной роли Советского государства. Социалистическому строительству в СССР неизменно сопутствовал бурный рост культуры и сознательности широких масс трудящихся города и деревни. В этом закономерном для социалистической эпохи факте — один из главных источников победы социализма.

Едва ли нужно доказывать, что коммунизм предполагает несравненно более высокий, чем при социализме, уровень культуры и сознательности народа. Вступление СССР в период развернутого строительства коммунистического общества требует завоевания новых высот в науке и технике, решения новых больших задач в дальнейшем подъеме культурного и идейного уровня народа. Как никогда, возрастает практическое значение коммунистического воспитания трудящихся, преодоления пережитков капитализма в сознании людей. Исторический XXI съезд КПСС в резолюции по докладу Н. С. Хрущева особо подчеркнул громадную важность задачи дальнейшего развития социалистической культуры в СССР. «Предстоящее семилетие,— говорится в ней,— должно ознаменоваться дальнейшим развитием социалистической культуры. Деятели литературы, театра, кино, музыки, скульптуры и живописи призваны еще выше поднять идейно-художественный уровень своего творчества, быть и впредь активными помощниками партии и государства в деле коммунистического воспитания трудящихся, в пропаганде коммунистической морали, в развитии многонациональной социалистической культуры» [28].

После XX и XXI съездов КПСС идейная жизнь советского народа значительно обогатилась и поднялась на новую ступень.

В современный период усвоение коммунистического мировоззрения, овладение основами марксизма-ленинизма, глубокое понимание политики партии становятся жизненной необходимостью для каждого советского человека.

Крупнейшим мероприятием, имеющим целью крутой подъем идейно-культурного уровня народа, явилось постановление ЦК КПСС от 9 января 1960 г. «О задачах партийной пропаганды в современных условиях». Оно наметило конкретные пути и средства улучшения идеологической работы Коммунистической партии и прежде всего в ее решающей области — партийной пропаганде.

[28] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет, Ч. II. Госполитиздат, 1959, стр. 443.

ИЗ ИСТОРИИ ПРОМЫШЛЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА ВОСТОКЕ СССР

А. Ф. Хавин

С первых лет Советской власти Коммунистическая партия уделяла и уделяет большое внимание рациональному размещению производительных сил. Наш народ под руководством партии создал многочисленные промышленные предприятия на Урале, Дальнем Востоке, в Сибири, Казахстане, в национальных республиках Средней Азии. Огромные богатства этих районов поставлены на службу социализму. Ныне на основе решения XXI съезда КПСС на бескрайних просторах Сибири и Казахстана развернулось небывалое по масштабам индустриальное строительство.

О промышленном развитии Востока написано много работ. Они, как правило, посвящены определенным экономическим районам [1] или национальным республикам [2]. Однако пока еще мало литературы, освещающей основные пути и методы, которыми Коммунистическая партия осуществляла коренное изменение промышленной географии страны в целом.

★

Одной из резко выраженных особенностей экономики дореволюционной России являлась неравномерность в территориальном размещении промышленности. В восточных районах производилось лишь 10% всей промышленной продукции, в том числе в Сибири — 2,4%, Туркестане — 1,8% [3]. Урал с его огромными естественными богатствами давал едва 4% этой продукции. Так, в 1913 г. на долю Урала приходилось только 20% металла и 4,2% каменного угля, добывавшегося в стране [4]. Машиностроение было представлено одним Мотовилихинским заводом да несколькими карликовыми предприятиями.

Рациональное размещение производительных сил, как указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, возможно лишь в условиях социалистического хозяйства. В. И. Ленин разработал теорию социалистического размещения промышленности применительно к условиям нашей страны. В дальнейшем эти основные ленинские положения были развиты и конкретизированы в решениях партийных съездов, постановлениях Центрального Комитета КПСС.

В общем плане социалистического размещения производительных сил, разработанном Коммунистической партией с начала хозяйственного

---

[1] С. Сергеев. Социалистическая индустриализация Урала в годы предвоенных сталинских пятилеток. Свердловск. 1951; К. Клименко. Уральский промышленный район. М. 1945; В. Тиунов. Промышленное развитие Западного Урала. Пермь. 1954; М. Н. Колобков. Кузнецкий бассейн Очерки экономики угольного Кузбасса. Новосибирск. 1947; С. П. Корзинников. Промышленность Иркутской области за 40 лет. Иркутск. 1957.

[2] Г. Чуланов. Промышленность Казахстана за годы Советской власти. Алма-Ата. 1941; «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней». Т. 1—2. 2-е изд. Алма-Ата. 1957; «История Туркменской ССР». Т. 1—2. Ашхабад. 1957; «История Бурят-Монгольской АССР». Улан-Удэ. Т. 1. 1954; т. 2. 1957; А. А. Саакян. 25 лет Туркменской Советской Социалистической Республики. Ашхабад. 1950.

[3] «Экономическая география СССР». Ч. 1. М. 1940, стр. 93, 221.

[4] «Промышленность СССР». Статистический сборник. М. 1957, стр. 112, 113, 143.

строительства, большое место занимали мероприятия по подъему экономики ранее отсталых национальных республик и областей. Еще XII съезд РКП(б) поставил задачу создания «в республиках ранее угнетенных национальностей промышленных очагов с максимальным привлечением местного населения»[5]. В решениях XVI, XVII, XVIII партийных съездов подчеркивалась необходимость обеспечить хозяйственный и культурный подъем ранее отсталых национальных республик Советского Востока[6]. Большое внимание вопросам дальнейшего всестороннего экономического и культурного подъема всех союзных республик уделяется и в семилетнем плане развития народного хозяйства СССР.

Одним из главных препятствий на пути подъема экономики восточных районов была неразведанность недр. Поэтому Советское правительство по инициативе В. И. Ленина уже в первые годы Советской власти организовало ряд крупных геологических экспедиций на Север и Восток. Разведка недр проводилась даже в чрезвычайно тяжелых условиях гражданской войны и хозяйственной разрухи. В феврале 1918 г. Совет Народных Комиссаров отпустил 3 млн. руб. на изыскательские работы в Бандалыкском угольном месторождении (в 30 км от Красноярска) и на разведку золотоносных и других рудных месторождений в Восточной Сибири. В 1919 г. были организованы поиски нефти в Темирском районе, Мартуке (нынешняя Актюбинская область) и в Поволжье. 29 октября 1919 г., то есть в самый напряженный период борьбы с Деникиным, В. И. Ленин в телеграмме Туркестанскому ЦИК потребовал не чинить никаких препятствий и волокиты разведчикам недр. Он указал, что противодействие последним «будет рассматриваться как сознательный тормоз [,чтобы] губить дело республики»[7].

В марте 1920 г. В. И. Ленин поручил члену президиума ВСНХ Г. И. Ломову, находившемуся тогда в Архангельске, разыскать печатные материалы и отчеты о нефтеносном районе реки Ухты[8].

С того времени и до наших дней ведется во все возрастающих масштабах работа по изучению естественных богатств страны. Показательны ее результаты: подавляющая часть всех разведанных ресурсов сосредоточена в восточных районах. Здесь концентрируется 75% всех запасов угля, 80% гидроэнергии и лесных богатств, основные запасы цветных и редких металлов, огромные запасы химического сырья и строительных материалов[9].

Выполняя указания В. И. Ленина о развитии производительных сил восточных районов, сформулированные им в статье «Главная задача наших дней»[10], ВСНХ объявил в 1918 г. конкурс на разработку проекта создания единого индустриального комплекса, который охватил бы область горнометаллургической промышленности Урала и Кузнецкого каменноугольного бассейна. В основе всех проектов широкого развития металлургии Урала лежали идеи так называемого Урало-Кузнецкого проекта, разработанного Обществом сибирских инженеров в 1918—1920 гг. по специальному поручению ВСНХ.

В ленинском плане ГОЭЛРО, положившем начало перспективному планированию народного хозяйства, развитие металлургии Урала связывалось с привозом кузнецких углей. Авторы плана подчеркивали, что южноуральский горнозаводской район с его богатейшими месторождениями руд на горе Магнитной в будущем явится местом «крупнейшей

---

[5] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 1. Госполитиздат. 1953, стр. 714.

[6] См. там же, ч. II, стр. 587, 760, 898.

[7] «Ленинский сборник» XXIV, стр. 75.

[8] См. там же, стр. 85.

[9] См. «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Ч. I. Госполитиздат. 1956, стр. 52.

[10] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 133—137.

металлургической промышленности при условии разрешения проблемы доставки кузнецких углей»[11].

В 1924 г. была достроена и оборудована первая батарея Кемеровского коксохимического комбината, заложенная еще иностранным акционерным обществом «Копикуз» («Копи кузнецкие»). В 1926 г. была пущена вторая кемеровская коксовая батарея[12]. С этого времени Кузбасс начал поставлять уральской металлургии не только коксующиеся угли, но и кокс.

Угольная промышленность Кузнецкого бассейна развертывалась темпами, во много раз превышавшими темпы развития Донецкого бассейна и угольной промышленности страны в целом. Так, если в 1927/28 г. по СССР в целом было добыто угля на 22%, в Донбассе на 65% больше, чем в 1913 г., то в Кузбассе прирост составил 238%. В общесоюзной добыче минерального топлива удельный вес Кузбасса вырос почти втрое[13]. Потребление кузнецкого угля уральской металлургией непрерывно возрастало.

Важнейшую роль в кооперировании Урала с Кузбассом был призван сыграть железнодорожный транспорт. Еще в 1920 г., в тяжелых условиях разрухи, бойцы Трудовой армии по предложению В. И. Ленина за несколько месяцев проложили новую железную дорогу Кольчугино — Усяты (Прокопьевск) протяжением 140 километров. Это открыло прокопьевским углям выход к уральским и сибирским заводам, создало условия для развертывания угольной промышленности в Прокопьевском районе — жемчужине Кузбасса.

Одновременно с началом работ по реконструкции промышленности Урала и Западной Сибири развернулось строительство первого очага крупной индустрии в Казахстане — большого медеплавильного завода в Карсакпае. Советским людям здесь пришлось преодолеть значительные трудности: оборудование доставлялось на верблюдах за сотни километров от ст. Джусалы. Уже тогда, при сооружении первенца цветной металлургии Казахстана, был накоплен опыт, который в дальнейшем широко применялся при индустриализации других национальных республик Востока, при создании национальных кадров. Группа рабочих-казахов, вчерашних кочевников, была послана на рудники Урала, где она осваивала технику бурения. В то же время в Карсакпай прибыла большая партия рабочих-уральцев и специалистов, на практике обучавших местные кадры горному делу, металлургическому производству[14].

Так уже в годы, предшествовавшие первой пятилетке, Коммунистическая партия подготовляла условия для широкого индустриального наступления на Востоке.

Несмотря на известные успехи, достигнутые в 1924—1928 гг., промышленность восточных районов к началу первой пятилетки находилась, по сути дела, в зачаточном состоянии. В 1927/28 г. три старых индустриальных района (Центр, Ленинградская область и Украина) при относительно небольшой территории давали почти три четверти всей промышленной продукции страны, тогда как Урало-Кузнецкий комбинат, обладая территорией в 8 раз большей, при вдвое меньшем населении давал промышленной продукции в 14 раз меньше[15].

В ходе обсуждения первого пятилетнего плана развернулась дискуссия о территориальном размещении нового капитального строитель-

---

[11] «План ГОЭРЛО». 2-е изд. М. 1955, стр. 524.

[12] М. Н. Колобков. Указ. соч., стр. 53, 54.

[13] Абсолютные цифры см. «Социалистическое строительство СССР». Статистический ежегодник. М. 1936, стр. 100—101 (здесь и ниже подсчеты автора).

[14] Центральный архив бывшего Министерства угольной промышленности СССР, ф. ПЭУ ВСНХ СССР, д. 338, л. 12.

[15] «Урало-Кузнецкий комбинат». Сборник статей. М. 1931, стр. 26, 27.

ства. Авторы ряда работ, изданных Госпланом УССР, стремились доказать, что «на ближайший период времени Уралу предстоит путь промышленного развития значительно более замедленного темпа, чем, в частности, Донбассу»[16]. Этот вывод «подкреплялся» схоластическими выкладками о трудовых ресурсах Урала и Донбасса. Таким образом, предлагалось поставить крест на промышленном развитии Урала. Эти авторы упустили из виду огромную организующую роль Коммунистической партии, Советского государства, преимущества системы социалистического планирования, позволяющей перераспределять трудовые ресурсы и направлять их в те районы, где они более всего нужны. Все основные положения первой пятилетки подверглись ожесточенным атакам со стороны правых капитулянтов во главе с Бухариным, Рыковым, Томским.

План строительства Урало-Кузнецкого комбината, как и вся политика форсированного развития промышленности в восточных районах, был встречен также критически со стороны некоторых старых специалистов, работавших в аппарате Госплана СССР и наркоматов. Эти люди не понимали политики Коммунистической партии, стремившейся к подъему производительных сил всей страны, освоению ее нетронутых естественных богатств, в том числе и экономически отсталых районов. Это, правда, требовало значительных дополнительных вложений, без которых можно было бы обойтись в старых районах (затраты на разведку недр, прокладку дорог, строительство новых городов, привлечение людей из других районов). Но подобные дополнительные капитальные вложения, как и повышенные в первое время издержки производства, с лихвой окупались, так как на службу народу ставились огромные, ранее не тронутые естественные сокровища.

Были отражены все попытки атаковать решение партии о создании Урало-Кузнецкого комбината, ставшего одним из основных стержней пятилетнего плана. Это решение нашло конкретное воплощение в проектах строительства трех гигантов черной металлургии (Магнитогорского и Ново-Тагильского на Урале, Кузнецкого в Западной Сибири), в плане закладки шахт в Кузбассе, в проектах создания на Востоке гигантов энергетики, химии и машиностроения.

Коммунистическая партия не рассматривала пятилетний план как догму, как нерушимый канон. В ходе его выполнения в него вносились серьезные коррективы. В ряде важнейших партийных документов основные линии размещения производительных сил, намеченные пятилеткой, были дополнены и развиты. В постановлениях ЦК ВКП(б) о деятельности Северного химического треста (от 29 августа 1929 г.), о положении угольной промышленности в Кузнецком бассейне (от 10 января 1930 г.), о работе Уралмета (от 15 мая 1930 г.) была дана обширная программа работ по ускоренному развертыванию основных отраслей тяжелой промышленности Урала и Западной Сибири[17].

Вместе с тем расширялись запроектированные масштабы, роль и значение Урало-Кузнецкого комбината. В этот хозяйственный комплекс был включен Карагандинский угольный бассейн, расположенный на 1 000 км ближе к Уралу, чем Кузбасс. В постановлении ЦК ВКП(б) от 15 августа 1931 г. подчеркивалась необходимость «создания на базе угольных месторождений Караганды третьей мощной угольной базы СССР»[18]. В 1933 г. Магнитогорский комбинат впервые получил карагандинский уголь. С тех пор из года в год росли поставки карагандинского

[16] Е. О. Шатан. Проблема рабочей силы в основных промышленных районах СССР. Харьков. 1927, стр. 97—98.

[17] «Социалистическая реконструкция областей, краев и республик СССР в постановлениях партийных и советских органов». Сборник документов. М.-Л. Ч. 1. 1932, стр. 325—334, 334—338, 357—362.

[18] Там же, стр. 526.

угля Уралу. Таким образом, Урало-Кузнецкий комбинат превратился в Урало-Кузнецко-Карагандинский. Этот факт имел крупнейшее политическое и экономическое значение, поскольку он, с одной стороны, знаменовал развертывание угольной промышленности Карагандинского бассейна и тем самым прокладывал пути для индустриализации всего Центрального Казахстана и примыкающих к нему территорий, с другой — резко увеличивал ресурсы коксующихся углей на Востоке.

Последовательно осуществляя ленинские принципы комплексного развития экономических районов, Коммунистическая партия намечала в первой пятилетке развитие на территории Урало-Кузнецкого комбината всех отраслей хозяйства — от производства электроэнергии, добычи железной руды и угля до выпуска машин из местного металла.

Пятилетний план предусматривал обширное железнодорожное строительство, связывавшее отдельные звенья комбината в слаженный народнохозяйственный организм. К концу первой пятилетки плотность железнодорожной сети выросла по сравнению с началом 1918 г. на Урале на 60%, в Казахстане — более чем вдвое[19].

Итак, Урало-Кузнецкий комбинат создавался как единый могучий народнохозяйственный комплекс с мощной тяжелой индустрией, прочной энергетической базой и разветвленной транспортной сетью. Все строительство осуществлялось здесь в форме больших промышленных узлов: на Урале — Соликамско-Березниковский, Кизеловский, Пермский, Нижне-Тагильский, Свердловский, Челябинский, Магнитогорский; в Западной Сибири — Новосибирский, Кемеровский, Сталинский и Кузнецкий бассейн; в Казахстане — Караганда.

Строительство таких предприятий со сложными технологическими процессами, всесторонним использованием источников сырья и энергии, многосторонними связями между отдельными кооперированными и специализированными заводами внутри их обеспечивает в конечном итоге наиболее эффективное использование всех естественных ресурсов.

Огромные преимущества дает, в частности, специализация производства. Так, высокая производительность прокатных станов на Востоке, превысившая производительность прокатных станов США, в значительной мере объясняется широко проведенной и строго соблюдаемой специализацией прокатки. Именно специализация дала возможность на вновь созданных заводах на востоке СССР прокатывать слитки максимального развеса (7—8 т), увеличить среднее сечение блюмсов и заготовки, что обеспечило повышение производительности сортовых станов[20].

Другой важнейшей линией политики Коммунистической партии и Советского правительства в области развития промышленности на Востоке явилась неуклонная концентрация всех ресурсов на главнейших народнохозяйственных объектах. Партия последовательно проводила в жизнь принцип ударности строительства. По постановлению Совета Труда и Обороны от 10 апреля 1931 г. в список ударных вошла 121 стройка (из них 69 в тяжелой промышленности). В число их вошли все первостепенного значения объекты, строившиеся на Востоке[21].

Из года в год росли абсолютные размеры и удельный вес капиталовложений в промышленность восточных районов. В 1932 г. в промышленность Урала, Западной Сибири и Караганды было вложено средств в полтора раза больше, чем в промышленность старых индустриальных районов Российской Федерации; на 10% больше, чем в промышленность

---

[19] Абсолютные цифры см. журнал «Социалистический транспорт», 1932, № 10, стр. 48.

[20] И. П. Бардин. Советская металлургия на службе Родине. М.-Л. 1946, стр. 19, 20.

[21] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 4311, оп. 2, д. 68, л. 52.

Украины, на территории которой строились такие гигантские индустриальные узлы, как Запорожский, Мариупольский и др.[22]. Начиная со второй половины первой пятилетки и до настоящего времени удельный вес восточных районов в общей сумме капиталовложений неизменно растет.

В ходе строительства предприятий Урало-Кузнецкого комбината их проекты пересматривались с целью дальнейшего укрупнения. Вот как, например, видоизменялись проектные мощности металлургических заводов (выплавка чугуна в год):

Магнитогорского[23]		Кузнецкого[24]	
1-й вариант	656 тыс. т чугуна	1-й вариант	360 тыс. т чугуна
2-й »	1 100 »	2-й »	420 »
3-й »	1 600 »	3-й »	505 »
4-й »	2 500 »	4-й »	1 005 »
		5-й »	1 200 »

Итак, окончательная проектная мощность Магнитогорского комбината почти вчетверо, а Кузнецкого более чем втрое превышала мощность, предусмотренную первым вариантом. Еще в первом варианте Магнитогорский комбинат проектировался как огромный завод, выплавлявший почти столько же чугуна, сколько его давала вся металлургия Урала в 1928 г. (692 тыс. т). Но по последнему, четвертому варианту он проектировался как гигант, не имевший равных в Европе и уступавший по величине лишь одному заводу в мире (город Гери, США).

Пересматривая проектные мощности в сторону крутого их наращивания, партия и правительство исходили из ряда соображений. Последние достижения техники убедительно свидетельствовали о том, что высокая концентрация производства наиболее эффективна экономически, она позволяет получить максимум продукции на каждый рубль капитальных затрат.

Началу мощного строительства на Востоке предшествовала большая техническая дискуссия. В ходе ее значительная часть старых специалистов выступила за сооружение средних по размерам предприятий и агрегатов. Эти люди находились в плену дореволюционной русской практики и традиций германской промышленности. Коммунистическая партия требовала проектировать заводы на основе использования новейшей техники, передового зарубежного опыта, не останавливаясь при этом перед коренной ломкой старых традиций, решительно отбрасывая половинчатые, робкие решения. В результате на Магнитогорском заводе были построены домны объемом в 1180 м^3 вместо первоначально запроектированных 820 м^3[25]. Для сравнения можно указать, что в 1928 г. средний объем доменной печи в СССР составлял 290 м^3, а объем самых больших печей (их было в стране лишь 4) колебался между 601 и 700 кубометрами[26]. Соответственно домнам-гигантам в первой пятилетке сооружались мартены и прокатные станы крупных, дотоле невиданных мощностей. В СССР сооружались также гигантские электростанции, шахты.

Укрупнение предприятий давало возможность при строительстве второй очереди свести к минимуму первоначальные трудности освоения нового района, предельно использовать в последующем сформированный коллектив, созданную базу и тем самым максимально сократить период строительства, ускорить ввод в строй новых мощностей.

---

[22] Сборник статей «Пятилетка в четыре года». М. 1932, стр. 52.
[23] ЦГАОР и СС, ф. 7952, оп. 5, д. 62, л. 27.
[24] Там же, ф. 5475, оп. 13, д. 120, л. 2.
[25] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР». М. 1933, стр. 104.
[26] «Промышленность СССР», стр. 120—121.

Необходимо было ввести в строй новые мощности возможно быстрее, чтобы оградить страну от всяких случайностей. За один 1931 г. по Магнитострою было выполнено капитальных работ в 2 раза, по Кузнецкстрою в 3,2 раза больше, чем за 21 предшествующий месяц [27].

Из различных районов, областей и республик СССР сотни тысяч людей пришли на стройки и предприятия Урало-Кузнецкого комбината. Рост количества рабочих, занятых в промышленности на Востоке, намного опережал увеличение численности рабочего класса в старых промышленных районах. Например, в Москве, Ленинграде, Горьковской и Ивановской областях количество рабочих кадров выросло в 1931 г. по сравнению с 1929 г. на 43,7%, а в районах Урало-Кузбасса — на 81,7%. Только за два эти года в промышленность Урала, Западной Сибири, Казахстана влилось около 1,2 млн. человек [28].

Молодым, часто еще неокрепшим коллективам предприятий пришлось пройти через большие и трудные испытания: не хватало жилищ, не было налажено продовольственное снабжение, культурно-бытовое обслуживание рабочих. Среди пришедших на стройку новых кадров нашлось немало малодушных, особенно из числа недавно прибывших из деревни. В результате большие размеры приняла текучесть рабочих. Но в целом коллективы с честью выдержали все испытания.

Важнейшую роль в преодолении трудностей сыграла деятельность Коммунистической партии по политическому воспитанию масс. Партия сумела организовать и повести за собой массы в борьбе за скорейшее завершение индустриализации страны.

На первых порах среди строителей сохранились вредные традиции, установившиеся еще в дореволюционные времена. Из деревни люди обыкновенно приходили целыми землячествами, организованными в артели. Во главе их нередко стояли старосты, фактически подрядчики, чаще всего из «крепких крестьян». Они держали в руках рядовых членов артелей, препятствовали развертыванию среди них массово-политической и культурно-просветительной работы. В апреле 1931 г. Уральский обком ВКП(б) обязал хозяйственное и партийное руководство Магнитостроя к 15 мая «обеспечить переход на бригадный способ работ по всем участкам и объектам строительства и изжить полностью существующий артельный и иные способы» [29].

Реорганизация артелей в бригады быстро дала положительные результаты. Одновременно с этим Коммунистическая партия принимала меры к укреплению партийного ядра коллективов строек, вовлекая в партию лучших людей. В постановлении, принятом в январе 1930 г., ЦК ВКП(б) указывал, что он «ставит важнейшей задачей парторганизаций обеспечение темпа и качества нового строительства и решительного усиления партийной и профсоюзной работы на новых строительствах» [30]. ЦК партии решил перебросить на новые объекты не менее 1 200 коммунистов, предварительно обучив их строительным специальностям. Центральный Комитет обязал Московскую и Ленинградскую партийные организации послать на стройки по 150 коммунистов, парторганизации Украины — 90. ЦК партии поручил ЦК ВЛКСМ мобилизовать на стройки тысячу комсомольцев, способных организовать комсомоль-

---

[27] Абсолютные цифры вложений за 1931 г. взяты из книги «Народнохозяйственный план на 1931 г.». Доклад Госплана СССР СНК СССР. М 1931, стр. 112—117. Сметная стоимость работ, выполненных на 1 января 1932 г.,— из титульного списка на 1932 г. ЦГАОР и СС, ф. 4311, оп. 2, лл. 5, 7.

[28] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР», стр. 174.

[29] Газета «Магнитогорский рабочий», 13 апреля 1931 года.

[30] Журнал «Партийное строительство», 1930, № 2, стр. 73.

ские бригады. Местным партийным организациям предложено было усилить прием в партию передовых кадров строителей [31].

Посланцы партийных и комсомольских организаций Москвы, Ленинграда, Донбасса, Киева, Харькова вскоре прибыли на Восток. Они сыграли огромную роль в развертывании социалистического соревнования, в политическом воспитании новых кадров. Многое сделали местные партийные организации по выполнению директивы ЦК партии о вовлечении в свои ряды передовых строителей. В Магнитогорске за время с октября 1930 по июнь 1931 г. количество членов партии увеличилось с 1 752 до 5 220, комсомольцев — с 2 400 до 7 400 [32]. Так же быстро росли партийные и комсомольские организации на других стройках Востока.

5 апреля 1931 г. ЦК партии принял специальное постановление об обеспечении рабочими и инженерными кадрами Магнитостроя и Кузнецкстроя. Центральный Комитет обязал в срок не более двух месяцев перевести с действующих предприятий на Магнитострой 100 инженеров, 200 техников, 1 500 монтажников, организовать на металлургических заводах Юга обучение для Магнитогорского комбината 6 300 рабочих-эксплуатационников [33]. Партийные организации металлургических заводов восприняли это постановление как боевой приказ. Они активно руководили отбором командных кадров для промышленных гигантов Востока, налаживали обучение людей для них. В 1932 г. в Караганду прибыла большая группа ударников Донбасса для помощи шахтерам молодого бассейна. Одновременно свыше ста рабочих-казахов выехали в Донбасс учиться горняцкому делу.

С первых же дней индустриализации Востока Коммунистическая партия организовала систематическую всестороннюю братскую помощь ему со стороны основных промышленных центров рабочими, инженерно-техническими кадрами, оборудованием. Планомерная и широко поставленная помощь старых районов новым — один из основных принципов, положенных в основу всего промышленного строительства на Востоке. Урало-Кузнецкий комбинат строила вся страна. Тысячи предприятий Ленинграда, Москвы, Харькова, Донбасса изготовляли оборудование для строек Урала, Сибири и Казахстана. По всей стране республиканские, областные, заводские партийные организации пристально следили за выполнением заказов индустриальных гигантов Востока.

Когда встала проблема освоения вновь построенных предприятий, по зову партии из Донбасса, Москвы, Ленинграда прибыли кадры квалифицированных, опытных хозяйственников, рабочих, инженеров и техников. В 1934 г. Кузнецкий завод из месяца в месяц не выполнял плана. Узким местом его были сталеплавильные цехи. Нарком тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе назначил директором предприятия молодого инженера К. И. Бутенко, проявившего себя на южных заводах талантливым организатором. Вслед за тем со Сталинского завода (Донбасс) были переведены 2 опытных инженера, 4 мастера, 30 сталеваров и подручных [34]. Эти новые кадры изменили обстановку в цехе, что обеспечило общий рост производства по всему заводу. Примеров такой братской помощи можно привести много.

Коллективы строек вели героическую борьбу за темпы, за ускорение пуска каждого цеха, агрегата. Эту борьбу возглавили партийные организации. Коммунисты, комсомольцы показывали образцы социалистического отношения к труду. Их ставили на самые трудные участки, и они вели за собой массы беспартийных рабочих. Когда на строительстве доменных печей Магнитогорского комбината осенью 1931 г. отстали

[31] Там же.
[32] «Магнитогорский рабочий», 18 марта 1931 года.
[33] ЦГАОР и СС, ф. 7952, оп. 5, д. 351, л. 47.
[34] Там же, д. 65, л. 15.

земляные работы, руководство местного комсомола бросило клич: «Каждый комсомолец должен вынуть один кубометр земли!». И среди многих тысяч комсомольцев не нашлось ни одного, кто бы не откликнулся на этот призыв. Все комсомольцы, независимо от того, какую работу они выполняли — штукатуры и плотники, маляры и шоферы, машинисты паровозов и инженеры,— шли после рабочего дня на указанный им участок, и каждый выбирал кубометр земли [35].

Партийные организации уделяли большое внимание политическому воспитанию и производственному обучению рабочих, пришедших из деревни. Вчерашние сезонники овладевали строительными профессиями, а затем превращались в квалифицированных горняков, металлургов, машиностроителей.

В борьбе за скоростные темпы строительства, а потом и за освоение новых объектов сотни тысяч человек, пришедших на стройку из деревни, не только приобретали опыт, сноровку, профессию, но вырабатывали у себя новое, социалистическое сознание. К. Е. Ворошилов, посетивший летом 1931 г. Кузнецкстрой, так изложил свои впечатления о строительстве и его людях: «Здесь, на стройке, не только строится завод-гигант. Здесь перестраиваются люди и выковываются настоящие пролетарии» [36].

XVII съезд партии (1934 г.) признал необходимым завершить во втором пятилетии строительство второй угольно-металлургической базы на Востоке, направив для этой цели более одной трети всех запроектированных капиталовложений в тяжелую промышленность [37].

Во второй пятилетке капитальное строительство протекало в восточных районах в несравненно более благоприятных условиях, чем в годы первой пятилетки: теперь здесь трудились люди, накопившие большой опыт. Стройки располагали собственной мощной технической базой, крупным парком механизмов. Все это значительно облегчило решение огромных, сложных задач, стоявших перед строителями.

В этот период на первый план была выдвинута проблема освоения новых предприятий и новой техники, поставленная январским (1933 г.) объединенным Пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б). Пленум указал на большие трудности, с которыми было связано достижение этой цели. Они были особенно велики в районах Востока, где промышленность только создавалась. В старых районах сложился производственный, трудовой режим, из поколения в поколение передавались славные традиции рабочего класса. Даже на новых предприятиях здесь удавалось сформировать значительное ядро опытных производственников. В районах же Востока удельный вес старых кадров в коллективах предприятий был незначителен. Здесь судьбу дела решала молодежь, никогда не работавшая ранее на производстве, не имевшая представления об индустриальном труде. Так, в коксовом цехе Магнитогорского комбината с его сложной технологией и аппаратурой к началу 1933 г. (когда производство проходило самый трудный этап освоения) 69% всех рабочих имели производственный стаж менее года, 26% — от одного до двух лет и лишь 5% — свыше двух лет. Подавляющее большинство коллектива (71% всех рабочих) пришло из деревни [38]. Не удивительно, что из-за простоев оборудования этот цех в феврале 1933 г. выполнил план по выпуску кокса лишь на 58%. Половина простоев объяснялась поломками механизмов из-за неумения персонала обращаться с техникой [39]. Не лучше обстояло дело на других заводах и шахтах Востока.

---

[35] «Магнитогорский рабочий», 20 сентября 1931 года.
[36] Газета «За индустриализацию», 29 августа 1931 года.
[37] См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. II, стр. 759.
[38] ЦГАОР и СС, ф. 7952, оп. 5, д. 291, л. 170.
[39] Там же, л. 37.

В 1932—1934 гг. была проведена большая политико-массовая и воспитательная работа. День за днем партийные организации на конкретных примерах учили и воспитывали новых работников. Усилия партии по формированию коллективов, их воспитанию и производственному обучению, активно поддержанные рабочим классом старых индустриальных центров, сыграли решающую роль в освоении производства на предприятиях восточных районов.

Особое значение имели мероприятия по ликвидации диспропорций по налаживанию взаимодействия отдельных частей всего вновь созданного грандиозного производственного комплекса, отдельные звенья которого были разбросаны на большой территории. Гигантский рудник Магнитогорского комбината, коксохимические и металлургические цехи Магнитогорского и Кузнецкого комбинатов, электростанции, шахты Кузнецкого и Карагандинского бассейнов, карьеры по добыче известняка, доломита, обширная железнодорожная сеть, связывавшая угольные бассейны с заводами, и внутризаводские пути представляли собой неразрывно связанные части единого, огромного хозяйственного ансамбля. Все эти объекты строились одновременно. В процессе пуска предприятий неизбежно возникали диспропорции, поскольку, например, строительство рудников, цехов и предприятий, поставлявших сырье и полуфабрикаты, в ряде случаев временно отставало от хода сооружений головных предприятий. Наоборот, пуск перерабатывающих цехов часто отставал от пуска первичных цехов. Так, на Магнитогорском комбинате мартеновские печи были пущены лишь через 17 месяцев после ввода в строй первой домны, а металлургический цикл был завершен через 21 месяц после выдачи первого чугуна[40]. При отсутствии на заводах запасов сырья и топлива каждая заминка в работе шахт, рудников, железнодорожного транспорта, электростанций передавалась по всей производственной цепи.

В старых промышленных районах (например, в Донецком и Криворожском бассейнах) были детально изучены железная руда, коксующиеся угли отдельных шахт, огнеупорные глины, известняки, доломиты каждого карьера. Любая коксовая установка, любой металлургический завод были связаны с определенными карьерами и шахтами, приспособились к специфическим особенностям руд, углей, известняка, поставлявшихся им десятилетиями. На Востоке эти связи приходилось создавать заново. Уже в процессе самого производства экспериментальным путем здесь устанавливались оптимальные пропорции между отдельными сортами потребляемого сырья.

В старых промышленных центрах предприятия производили капитальный ремонт на соседних машиностроительных заводах, от них же получали запасные части. Отдаленность новых очагов индустрии от центров машиностроения требовала усиленного развития ремонтных служб. Но при проектировании новых предприятий на Востоке не учли эту особенность, вытекавшую из специфики промышленного освоения новых районов. Более того, в стремлении ускорить строительство основных цехов здесь часто вовсе не заботились о ремонтной базе. Так, на Кузнецком металлургическом заводе механические мастерские в мартеновском и прокатных цехах с их мощным и сложным оборудованием были созданы через 2—3 года после ввода в строй самих цехов. Поэтому в самый трудный период освоения, когда особо важно было быстро сменить вышедшую из строя деталь, сделать это было трудно[41].

Коммунистическая партия и Советское правительство осуществили целую систему мероприятий, направленных к устранению причин, затруднявших освоение новой техники. В плане капитальных работ в

[40] «Магнитогорский рабочий», 12 января 1934 года.
[41] ЦГАОР и СС, ф. 7952, оп. 5, д. 63, лл. 159, 160.

1933—1934 гг. на первое место выдвигается исправление недоделок, форсирование жилищно-бытового строительства. Большие материальные и людские ресурсы были сосредоточены на ликвидации производственных диспропорций. Так, на Магнитогорском комбинате форсировалось завершение передельных цехов (мартеновских и прокатных). Была укреплена, оснащена новейшей техникой ремонтная база. Среди этих мероприятий важнейшее место заняла, как указывалось выше, работа по воспитанию и обучению кадров. На 1 августа 1932 г. на Кузнецком металлургическом заводе всеми методами обучения непосредственно на рабочем месте, на курсах, в техникумах было охвачено около 6 900 человек [42].

1932, 1933 и 1934 гг. прошли в упорном труде по освоению новой техники. И уже к концу 1934-го, особенно в 1935 г., страна ощутила результаты гигантской работы, осуществленной по строительству и освоению индустрии на Востоке.

1938—1940 гг. проходили под знаком все возраставшей военной опасности. XVIII съезд партии подчеркнул большие задачи, стоявшие перед страной, «особенно в условиях нарастания агрессивных сил империализма во внешнем окружении СССР» [43]. Съезд принял третий пятилетний план, в котором большое внимание уделялось проблемам территориального размещения нового строительства, дальнейшего подъема отсталых в прошлом экономических районов и развития производительных сил Востока.

В мирные годы третьей пятилетки на Востоке проводилась большая работа по завершению строительства полного, законченного промышленного комплекса с тем, чтобы, как указал XVIII съезд ВКП(б), «устранить случайности в снабжении некоторыми промышленными продуктами с предприятий-уникумов» [44]. С этой целью в Поволжье и на Урале строились предприятия-дублеры по ряду отраслей машиностроения, нефтепереработки и химии. Это мероприятие позволило в годы войны предотвратить последствия, которые были связаны с невозможностью получать продукцию предприятий-уникумов Ленинграда, центра страны, Донбасса, Баку. В 1938—1940 гг. в списке ударных строительств страны был особо высок удельный вес строек Востока [45]. В то время капитальные работы, осуществлявшиеся там, были направлены к обеспечению промышленности местным сырьем, топливом, укреплению его энергетической базы. Большие средства направлялись на строительство заводов черной металлургии. В этот период завершилось сооружение первой очереди третьего гиганта Урало-Кузнецкого комбината — Ново-Тагильского завода. В июне 1940 г. на нем был замкнут металлургический цикл. Строились новые мартеновские печи и прокатные станы на Магнитогорском комбинате.

Развитие черной металлургии, как и всей экономики Востока, происходило в 1938—1940 гг. по линии завершения ее комплексности, освобождения от дальнепривозных видов сырья.

Быстро росла угольная промышленность Караганды, непрерывно увеличивались ее поставки металлургии Урала. Правда, карагандинский уголь приходилось доставлять через Петропавловск — Курган, что перегружало сибирскую магистраль. Чтобы ее разгрузить и открыть кратчайший выход на Урал карагандинскому углю, по решению правительства в невиданно короткий срок (8 с половиной месяцев) была проло-

---

[42] Там же.

[43] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. II, стр. 885.

[44] Там же, стр. 898.

[45] Центральный архив бывшего Министерства черной металлургии СССР, ф. 2, оп. 1, д. 3, протоколы заседаний коллегии НКТП №№ 2, 4, 14.

жена новая магистраль Акмолинск — Карталы протяжением 805 километров.

Много внимания уделялось строительству предприятий цветной металлургии и редких металлов. В третьей пятилетке вошли в строй Балхашский гигант медной промышленности, Средне-Уральский и Медногорский медеплавильные заводы, развернул производство Уфалейский никелевый завод, в низовьях Енисея строился Норильский комбинат.

Серьезные успехи были достигнуты в строительстве «Второго Баку». Здесь широким фронтом налаживалось промысловое хозяйство, прокладывались трассы нефтепроводов. Только за 1938 г. в строительство нефтяных промыслов на территории «Второго Баку» было вложено 92 млн. рублей. В том же году на долю трестов Урало-Волжского района пришлось 4,3% всей добытой в стране нефти против 0,2% в 1933 году [46].

Крупные промышленные узлы были созданы к концу третьей пятилетки в республиках Средней Азии. В Восточном Казахстане строилась мощная цветная металлургия, на юге Казахстана (на Эмбе) была развернута нефтяная промышленность. В Узбекистане был сооружен Чирчикский химкомбинат. Ташкент превратился в мощный центр машиностроения и легкой промышленности. В Туркменской ССР Небит-Даг стал крупным центром нефтедобывающей промышленности, Кара-Богаз-Гол — химической индустрии.

Промышленность восточных районов добилась в третьей пятилетке значительных успехов. Но они могли быть значительно большими. Однако просчеты, допущенные в планировании производства, привели к образованию узких мест, диспропорциям, что сдерживало общее развертывание промышленности. Так, недооценка «тыловых» отраслей черной металлургии, одностороннее увлечение лишь агрегатами и цехами, непосредственно дающими металл, привели к тому, что в районах Урала и Западной Сибири добыча железной руды в 1940 г. не только не увеличилась по сравнению с 1937 г., а, наоборот, снизилась на 5,5% [47]. Снизились на Урале также выжиг кокса и производство кальцинированной соды [48]. Задержалось создание собственной марганцевой базы. И поэтому, несмотря на ввод в строй новых больших мощностей, выплавка чугуна возросла лишь на 3%, а производство проката на Урале не только не возросло за три года, но даже несколько снизилось [49].

На работе металлургической, химической и всех остальных отраслей отрицательно сказались неоправданные репрессии, которые враги Коммунистической партии и Советского государства Ежов и Берия в обстановке культа личности обрушили на командиров промышленности. Много честных и преданных партии работников, обладавших огромным опытом, были оклеветаны и сняты с постов. Руководитель Главного управления металлургической промышленности Наркомтяжпрома СССР указывал на собрании актива главка в феврале 1938 г., что молодые кадры, вновь выдвинутые взамен старых, «горят желанием честно работать, но технической подготовки для руководства работой заводов не имеют» [50]. К тому же частая смена руководства привела к ослаблению трудовой и технологической дисциплины. В результате участились аварии. В январе 1938 г. в цехах Кузнецкого завода произошло 170 аварий, в апреле того же года — 88, в мае — 98 [52]. Потребовалось значительное время для того, чтобы новые кадры освоили дело. И лишь в первом полугодии 1941 г. черная металлургия Урала и Западной Сибири в результате мероприятий,

[46] ЦГАОР и СС, ф. 7297, оп. 14, д. 63, лл. 8, 99.
[47] «Промышленность СССР», стр. 116.
[48] Там же, стр. 117, 195.
[49] Там же, стр. 112, 114.
[50] ЦГАОР и СС, ф. 4086, оп. 41, д. 11, л. 25.
[52] Газета «Индустрия», 28 июня 1938 года.

осуществленных партией и правительством, ликвидировала свое отставание.

Огромная созидательная работа, осуществленная в областях и республиках Востока (в Поволжье, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, в Казахстане и Средней Азии) в годы трех пятилеток, принесла замечательные плоды. В этих районах в 1940 г. было выплавлено чугуна столько же, сколько его было в 1913 г. выплавлено во всей царской России. Здесь же в 1940 г. было выплавлено стали на 62% больше, проката произведено на 37% больше, угля добыто на 105% больше, металлорежущих станков выпущено в 5 раз больше, минеральных удобрений — в 11 раз больше, цемента — в 65,6 раза больше, электроэнергии — в 6,5 раза больше, чем их было произведено в 1913 г. на территории всей страны [53].

Итак, к началу Отечественной войны СССР располагал на Востоке мощной индустрией, оснащенной самой передовой техникой.

В историю нашей страны вошли имена выдающихся деятелей нашей партии, Советского правительства, организаторов социалистического хозяйства, отдавших много сил строительству индустрии Урало-Кузнецкого комбината, претворению в жизнь ленинских завето о правильном размещении производительных сил. И. В. Сталин в докладах на XVI. XVII, XVIII съездах ВКП(б) последовательно отстаивал генеральную линию партии на форсированное развитие промышленности Урала и Сибири, на создание второй угольно-металлургической базы. Г. М. Кржижановский руководил разработкой первого, а В. В. Куйбышев — и первого и второго пятилетних планов. Г. К. Орджоникидзе непосредственно возглавлял борьбу за строительство индустрии Востока.

В историю индустриализации вошли славные имена руководителей партийных организаций: Урала — И. Д. Кабакова, Западной Сибири — Р. И. Эйхе, Казахстана — Л. И. Мирзояна,— мобилизовавших советских людей на претворение в жизнь дерзновенных заданий пятилеток по развитию индустрии Урало-Кузнецкого комбината. Один из руководящих деятелей промышленности, член ЦК партии В. И. Межлаук, долгое время возглавлял Главметалл. Он активно участвовал в разработке проектов гигантов металлургии Востока и деятельно помогал строительству и освоению их. Член ЦК партии Л. М. Рухимович много сделал для развертывания угольной промышленности Востока, в особенности Кузнецкого бассейна, во главе которой он стоял в наиболее трудные годы становления второй угольной базы страны. Много труда вложили в строительство и освоение важнейших предприятий Востока Я. С. Гугель, А. П. Завенягин, П. И. Коробов, Г. И. Носов (Магнитка), С. М. Франкфурт, И. П. Бардин, К. И. Бутенко (Кузнецкий комбинат), К. О. Горбачев (Карагандинский бассейн), А. П. Банников (Уралмашзавод), В. И. Иванов (Балхашский медеплавильный), К. П. Ловин (Челябинский тракторный), В. Е. Цифринович (Соликамский калийный рудник).

22 июня 1941 г. фашистская Германия напала на Советский Союз. Гитлер, по признанию его генералов, строил свои планы военного разгрома СССР в расчете «молниеносного» захвата промышленных районов Советской страны и лишения, таким образом, Красной Армии баз снабжения [54]. Советский народ совершил великий подвиг, сумев в труднейших условиях перебазировать часть промышленности в глубокий тыл. Успешная эвакуация промышленности оказала огромное влияние на весь ход войны. Однако до сих пор в исторической литературе слабо

[53] Подсчитано на основе абсолютных данных по отдельным экономическим районам, приведенных в статистических сборниках «Промышленность СССР», стр. 66—71, 79, 91, 93, 193; «Народное хозяйство СССР». М. 1956, стр. 67—69, 71, 74, 86, 87.

[54] К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М. 1956, стр. 191.

освещены вопросы о масштабах эвакуации кадров, об удельном весе эвакуированного оборудования по отдельным отраслям.

Освоение перебазированных предприятий потребовало от советского народа и Коммунистической партии героических усилий по расширению энергетической и сырьевой базы промышленности. Все эти проблемы не могут быть исследованы в настоящей статье и требуют специального изучения. Здесь мы попытаемся лишь проследить, как эвакуация промышленности отразилась на экономике восточных районов.

Из числа эвакуированных предприятий 455 были развернуты на Урале, 210 — в Западной Сибири, 250— в Средней Азии и Казахстане [55]. Перебазированные предприятия в основном разместились в крупнейших промышленных узлах, заняв существовавшие заводские площади и опираясь на местную энергетическую базу. Так, каждый из индустриальных центров Урала — Златоуст, Магнитогорск, Челябинск, Свердловск, Нижний Тагил, Пермь, Кизел, Березники, Соликамск — принял десятки предприятий. В Западной Сибири основными центрами размещения эвакуированных предприятий были Новосибирск, Кемерово, Сталинск, Анжеро-Судженск, Прокопьевск, Омск, Томск, в Казахстане — Караганда, Балхаш, Алма-Ата, Чимкент.

В ходе Великой Отечественной войны на Востоке осуществлялось большое капитальное строительство. В 1942—1943 гг. на долю восточных районов приходилось свыше 60% всех капиталовложений. За три военных года здесь были построены предприятия, значительно превышавшие по стоимости все промышленные сооружения, выстроенные за три предшествовавших года на всей территории СССР [56].

В результате были созданы новые индустриальные узлы. Так, на Урале, в Богословске, были построены мощная электростанция и алюминиевый завод, в Каменске-Уральском неустанно велись работы по вводу новых мощностей алюминиевого завода, ставшего крупнейшим предприятием в своей отрасли. Орск превратился в центр тяжелого машиностроения и никелевой промышленности, Миасс — автостроения. В Западной Сибири вырос новый промышленный узел — Рубцовск. Сюда перебазировались Харьковский тракторный, Харьковский завод сельскохозяйственных машин и Московский завод автотракторного электрооборудования. Темир-Тау в Казахстане (Карагандинская область) после сооружения здесь районной электростанции и передельного металлургического завода превратился в центр металлургии и энергетики. Огромное строительство было осуществлено на действовавших предприятиях. Нет на Востоке ни одного промышленного центра, который не принял бы новых предприятий и тем самым значительно не увеличил бы свой промышленный потенциал.

Большое промышленное строительство было осуществлено в период Великой Отечественной войны в республиках Средней Азии. В Узбекистане было введено в строй 280 эвакуированных и вновь построенных предприятий. Здесь развернулось строительство 6 гидроэлектростанций, в том числе крупнейшей в Средней Азии — Фархадской. Узбекистан создал свою угольную промышленность (Ангренский бассейн), свою металлургию (Беговатский металлургический завод), Киргизская ССР ввела в строй в 1942—1945 гг. 30 новых фабрик, заводов, шахт, увеличив выпуск промышленной продукции втрое [57].

В годы войны индустриальное развитие восточных районов осуществлялось путем концентрации перебазированных и строившихся пред-

---

[55] См. Н. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. Госполитиздат. 1948, стр. 41.

[56] Б. Соколов. Промышленное строительство в годы Отечественной войны. М. 1946, стр. 20.

[57] «Большая Советская Энциклопедия». 2-е изд. Т. 44, стр. 18; т. 21, стр. 82.

приятий в мощных промышленных узлах, что позволяло ускорить ввод в эксплуатацию новых мощностей. Работа, начатая в мирные годы третьей пятилетки по созданию предприятий-дублеров, не была завершена к моменту нападения фашистской Германии на СССР. Этот процесс в форсированном порядке пришлось завершать уже в военное время.

Восточные районы получили свою марганцевую промышленность (рудники Джездинский в Казахстане, Полуночный и Марсятский в Свердловской области).

В результате перебазирования и нового строительства основные экономические районы Востока создали у себя слаженное военное хозяйство.

В период послевоенных пятилеток индустрия восточных районов продолжала интенсивно развиваться. Ввод в строй первых агрегатов Орско-Халиловского комбината знаменовал завершение строительства нового мощного металлургического узла, включающего в себя черную и цветную (никелевый комбинат) металлургию, а также тяжелое машиностроение. Были сданы в эксплуатацию новые цеха и агрегаты на Магнитогорском и Ново-Тагильском комбинатах, вошла в строй Пермская ГЭС.

Первостепенное значение для всей экономики районов Востока имели замечательные успехи нефтяной промышленности «Второго Баку», развивавшейся темпами, беспрецедентными даже для промышленности СССР. В 1956 г. здесь было добыто 52 млн. т нефти, что в 28,5 раза больше, чем в 1940 году. Удельный вес «Второго Баку» в нефтяном балансе страны вырос за 1940—1956 гг. более чем в 10 раз (с 6 до 62%) [58].

В послевоенные годы промышленность восточных районов стала более многообразной и универсальной. Вторая угольно-металлургическая база на Востоке по своей мощи заняла равное место с первой угольно-металлургической базой на юге страны [59]. Этот решающий рост второй угольно-металлургической базы в промышленном балансе страны — один из наиболее ярких показателей тех территориальных сдвигов в размещении индустрии, которые осуществлены под руководством партии за годы Советской власти.

Соответственно возросла и роль рабочего класса Востока, а также удельный вес городского населения восточных районов. Если в 1926 г. немногочисленные города и рабочие поселки Сибири, Центрального Казахстана да и Урала выглядели как редкие островки, то к началу 1959 г. городское население по отношению к сельскому составляло в Свердловской и Челябинской областях 76%, Кемеровской — 77%, Карагандинской — 78%. По удельному весу городского населения и рабочего класса районы Урало-Кузнецкого комбината выдвинулись в один ряд с наиболее индустриальными районами страны [60]. Это наглядный показатель великих перемен, происшедших в составе населения восточных районов в результате индустриализации, огромного роста рабочего класса, превращения его в основную, ведущую силу в районах, где ранее преобладало крестьянство, а в некоторых местах (например, в Центральном Казахстане) — кочевое население.

Решения XX и XXI съездов КПСС открыли новую величественную главу в истории нашей Родины, в размещении ее производительных сил. XX съезд партии постановил: «Ускорить освоение богатых природных

---

[58] «РСФСР за 40 лет». Статистический сборник. М. 1957, стр. 35.

[59] Абсолютные цифры см. «Промышленность СССР», стр. 112, 113, 114, 143.

[60] «Народное хозяйство СССР в 1958 г.». Статистический ежегодник. М. 1959, стр 12—14.

ресурсов восточных районов страны. Обеспечить в районах Западной и Восточной Сибири и в Казахской ССР более высокие темпы капитального строительства, чем в целом по СССР. Создать в этих районах комплекс предприятий тяжелой промышленности...»[61]. В докладе на XXI съезде КПСС Н. С. Хрущев выдвинул грандиозную задачу создания на востоке страны новых мощных промышленных узлов: Кустанайского, Павлодарско-Экибастузского, Ачинско-Красноярского, Братско-Тайшетского и др.[62]. В постановлениях XX и XXI съездов партии воплощены бессмертные ленинские указания о рациональном размещении промышленности, о правильном использовании производительных сил страны.

Если в историю нашей страны довоенные пятилетки и годы Великой Отечественной войны вошли как эпоха освоения естественных богатств Урала, Западной Сибири, Карагандинской области в Казахстане, то теперь Коммунистической партией на передний край промышленного строительства выдвинуты Восточная Сибирь, в первую очередь Иркутская область и Красноярский край, ряд областей Казахстана, где до этого индустриализация не проводилась в широких масштабах. Этот новый цикл великих работ подготовлен многолетним героическим и самоотверженным трудом советского народа.

Разрабатывая план обширного нового строительства на необъятных территориях, находящихся к востоку от Урала, партия и правительство учитывали ряд важных особенностей этих экономических районов. Их огромные территории слабо заселены. В районах Сибири и Дальнего Востока, занимающих 50% всей площади страны, живет лишь 10% ее населения. Казахстан, на долю которого приходится 13% всей территории, насчитывает едва лишь 4,4% населения СССР[63].

Слабая заселенность Сибири и Казахстана требует привлечения кадров из других районов страны. По призыву партии сотни тысяч советских патриотов, главным образом молодежи, прибывают из всех республик, чтобы строить новые очаги индустрии. Местные партийные организации рассматривают формирование и укрепление коллективов новостроек как свое родное дело. Они шлют на стройки своих коммунистов и комсомольцев, ставя перед ними задачу всемерно помочь прибывшим из других областей и республик быстрее освоиться с новыми для них условиями.

Гигантские масштабы работ в восточных районах настоятельно требуют внедрения самой передовой техники, максимальной механизации строительных работ. Стройки и предприятия Восточной Сибири и Казахстана оснащены первоклассной техникой.

Создание грандиозной энергетической системы, дающей дешевую электроэнергию, комплексность развертываемых отраслей промышленности, самая высокая концентрация производства, возникновение новых производственных баз в виде мощных промышленных узлов в районах наилучшего сочетания и концентрации природных ресурсов — таковы основные методы развития новых производственных баз на Востоке. На базе самой дешевой в стране электроэнергии грандиозных Братской и Красноярской ГЭС, мощных тепловых электростанций у богатейших месторождений сырья создается третья металлургическая база, промышленность строительных материалов, нефтеперерабатывающие заводы. Весь этот комплекс предприятий технологически взаимно связан; в основу производственной кооперации положен принцип макси-

---

[61] «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Ч. II. Госполитиздат. 1956, стр. 482.

[62] См. «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Ч. I. Госполитиздат. 1959, стр. 42.

[63] «Народное хозяйство СССР в 1958 г.», стр. 8, 38; газета «Восточно-Сибирская правда», 15 октября 1959 года.

мального использования основного сырья, всех побочных продуктов производства.

Старая система управления промышленностью и строительством в последний период своего существования стала тормозить освоение великих естественных богатств Востока. Оторванность министерств от этих районов, слабое знание ими местных условий и ресурсов края не могло не сказаться отрицательно. В условиях большой удаленности восточных районов особо тяжело отражалась ведомственная разобщенность предприятий и строек. Ныне благодаря мудрой политике Коммунистической партии, смелого новаторства ее ленинского ЦК эти недостатки ликвидированы. Уже первый опыт работы совнархозов показал огромные преимущества новой системы управления промышленностью. Приближение руководства к предприятиям помогло вскрыть новые резервы на предприятиях и стройках Востока.

★

Великая созидательная работа, осуществленная в восточных районах в минувшие десятилетия советским народом под руководством Коммунистической партии, оказала огромное влияние на подъем всей экономики страны. Из общего прироста выплавки стали, добычи угля и нефти, достигнутого в нашей стране с 1913 по 1956 г., на долю восточных районов приходилось соответственно 50, 47 и 78%. На территории Урала, Сибири, Казахстана, республик Средней Азии в 1956 г. было выплавлено стали в 5,3 раза больше, добыто нефти и угля (вместе с Поволжьем) в 5,7 раза больше, чем в 1913 г. во всей России [64].

Превращение нашей Родины в исторически кратчайший срок из экономически отсталой страны в могучую индустриальную державу, оставившую далеко позади по мощи своей экономики все страны Европы,— результат мудрой, дальновидной ленинской политики Коммунистической партии по развитию всех производительных сил страны, в особенности наиболее отсталых ранее районов Востока, по освоению их естественных богатств.

Великое индустриальное строительство, осуществленное на Востоке, позволило полностью изжить экономическую отсталость национальных республик, унаследованную от царского колониально-капиталистического режима. В 1958 г. по сравнению с 1913 г. Казахская ССР увеличила валовую продукцию промышленности в 44 раза, Киргизская— в 50 раз [65]. При помощи всей Советской страны народы Востока создали свой многотысячный национальный рабочий класс, свою национальную инженерно-техническую интеллигенцию. Развертывание мощной социалистической индустрии, коллективизация сельского хозяйства позволили этим народам построить социалистическое общество, минуя капитализм.

Продвижение промышленности на Восток осуществлялось планомерно и концентрированно путем сосредоточения главных средств в определенных экономических районах. Период между XVI и XX партийными съездами (1930—1956 гг.) вошел в историю развития производительных сил нашей страны как период строительства Урало-Кузнецкого комбината. Советской стране потребовалось 25 лет для создания на расстоянии 2 тыс. км от старых промышленных центров второй индустриальной базы, по своей мощности в 4—5 раз превосходящей всю промышленность дореволюционной России и равной по размерам

---

[64] Абсолютные цифры см. «Народное хозяйство РСФСР». Статистический сборник. М. 1957, стр. 80; «РСФСР за 40 лет», стр. 35; «Народное хозяйство СССР в 1958 г.», стр. 191.

[65] «Народное хозяйство СССР в 1958 г.», стр. 141.

производства первой угольно-металлургической базе, во много раз выросшей за это время.

Ныне страна вступила в период всестороннего освоения богатств Восточной Сибири и Казахстана. Именно это великое мероприятие Коммунистической партии, знаменующее начало новой эпохи в развитии производительных сил страны,— одна из характернейших особенностей нынешнего этапа развития нашей экономики. В течение ближайших лет социалистическая промышленность совершит новый скачок на 2 тыс. км к Востоку. Это продвижение стало возможно только благодаря наличию мощной экономической базы, которую советский народ создал в минувшие годы. Лишь опираясь на нее, используя новейшие достижения науки и техники, страна под руководством партии смогла предпринять и предприняла великое промышленное наступление на районы Ангары, Енисея, Кустаная. Огромный рост экономической мощи Советской страны, ее техники и кадров позволяет во много раз ускорить темпы индустриального строительства.

По решению XXI съезда КПСС уже в текущем семилетии на Востоке будет введена в строй третья металлургическая база с производством чугуна примерно 9 млн. тонн [66]. На создание таких мощностей в районе второй металлургической базы потребовалось свыше 20 лет [67]. В течение 7 лет в народное хозяйство Востока будет вложено свыше 790 млрд. руб.— это лишь немногим менее, чем было вложено в народное хозяйство всей страны за 22 года (1929—1950) [68]. Эти невиданные масштабы капитальных вложений определяют и высокие темпы развертывания промышленности всех отраслей хозяйства в районах Востока.

Используя огромный опыт, накопленный в процессе строительства Урало-Кузнецкого комбината, опираясь на замечательные кадры рабочих, инженеров, ученых, прошедших великую школу пятилеток, на свою могучую, передовую, многоотраслевую промышленность, советский народ с честью разрешит новые исторические задачи, поставленные перед ним Коммунистической партией. Третья мощная металлургическая база в Восточной Сибири и Казахстане будет построена в кратчайший срок.

---

[66] См. «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза», Ч. II, стр. 508.

[67] Абсолютные цифры см. «Народное хозяйство РСФСР», стр. 79; «Социалистическое строительство СССР», стр. 136.

[68] См. «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза», Ч. II, стр. 501, 508; см. «Народное хозяйство СССР в 1958 г.», стр. 622, 623.

НАЧАЛО РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Академик М. Н. Тихомиров

Вопрос о начале русской историографии до настоящего времени не ыяснен с достаточной полнотой. Исследователи в основном склоняют-ı к мысли, что историческое знание на Руси было связано с летописа-ием, которое началось не раньше первой половины XI века. Так, А. А. Iахматов за дату возникновения древнейшего летописного свода при-имал 1039 год. В последующие годы исследователи русских летопи-ей (М. Д. Приселков и др.) в том или ином виде защищали построения Iахматова или старались привести новые данные в пользу того, что ревнейшие своды на Руси возникли только в XI веке. При этом Д. С. ихачев отнес появление русских летописных сводов даже ко второй ɔловине XI столетия, а первым произведением русской историографии ризнал сказание о крещении Руси, составленное в 40-х годах этого голетия.

Только И. И. Срезневский (более ста лет тому назад) считал воз-ожным отнести начало русского летописания уже к X веку. Однако нение этого глубочайшего знатока древнерусской письменности дол-ре время не находило поддержки. И только совсем недавно М. Н. Ти-омиров и Л. В. Черепнин вновь обратили внимание на возмож-ость возникновения древнейших русских исторических сочинений X веке.

Между тем вопрос о начале русского летописания — это вопрос е только историографический. Он имеет громадное значение и для ха-актеристики достоверности исторических сведений о древней истории уси в IX—X веках. Принимая за дату написания первых летописных звестий середину или вторую половину XI в., многие историки со стран-ой непоследовательностью вполне серьезно цитировали и комментиро-али летописные сказания, относящиеся даже к IX веку. В силу этого, апример, легенда о призвании князей трактовалась как известие до-товерное, хотя тут же сказание о Кие, Щеке и Хориве зачислялось в азряд преданий.

Основанные на глубоком анализе летописных сказаний, труды . А. Шахматова и других исследователей летописания дали ценные езультаты, но в то же время привели к самым различным выводам начале русской историографии. Причина этих разногласий кроется, ожет быть, и в том, что в основу исследований о летописях был по-ожен главным образом лингвистическо-литературный анализ, а соб-твенно исторический анализ известий о Руси IX—X вв., сохраненных етописью, остался малоразработанным.

Внимание исследователей было обращено в первую очередь на во-рос о том, когда возник тот или иной летописный свод. Между тем усскую историографию как начального периода, так и более позднего ремени нельзя отождествлять с летописными сводами, которые сами сновывались на ряде источников разнообразного характера. Летопис-ые своды были не начальной, а заключительной стадией историче-ких обобщений, которым предшествовали записи об исторических со-ытиях и отдельные сказания. На существование такого ряда сказа-

ний обратили свое внимание И. И. Срезневский и К. Н. Бестужев-Рюмин. В частности, Срезневский отметил возможность существования особой повести о распрях сыновей Святослава: «Нельзя, кажется, не отличить рассказов о судьбе Люта и Ярополка, как очень отличных от всего остального: они составляют одну цельную повесть, разделенную на части по годам случайно» [1].

И. И. Срезневский только наметил путь, по которому должно было пойти дальнейшее изучение ранних летописных известий; но, в сущности, этот ученый не имел продолжателей. Грандиозная схема русского летописания, предложенная А. А. Шахматовым, заслонила выводы всех его предшественников. Ведь их труды были сделаны до той поистине колоссальной и плодотворной работы над летописными текстами, которую провел Шахматов и без которой вопрос, поставленный Срезневским, не мог быть разрешен. И хотя Шахматов отнес время появления древнейшего летописного свода только к 1039 г., именно на основе его трудов, исходя из мысли о том, что до появления обширных летописных сводов уже существовали исторические сочинения или сказания о начале Руси, мы попытаемся по-иному решить вопрос о начале русской историографии.

★

Одним из крупнейших достижений А. А. Шахматова было установление того факта, что древнейшая летописная традиция дошла до нас не в «Повести временных лет», а в «Новгородской Первой летописи младшего извода», сохранившейся в списках середины XV века. Текст Новгородской Первой летописи был признан Шахматовым текстом летописного свода, возникшего в Киеве и названного им Начальным сводом. Этот свод оканчивался 1093 г., в силу чего в дальнейшем мы его будем одинаково называть Начальным сводом 1093 г. и Новгородской Первой летописью [2].

Сравнение известий о событиях IX—X вв. в «Повести временных лет» с Новгородской Первой летописью, или Начальным сводом 1 093 г., приводит к следующим выводам. В Начальном своде отсутствует введение «Повести временных лет» о народах, о древнейшей судьбе славян и о путешествии апостола Андрея в славянскую землю. Сходство текстов начинается только с рассказа о Кие и его братьях, причем в Начальном своде этот текст имеет дату и озаглавлен: «В лето 6362 (854). Начало земли Руской».

«Повесть временных лет» и дальше осложнена рядом вставок. Крупнейшими из них являются: рассуждение о Кие (был ли он старейшиной или перевозником); об играх; о нравах славянских племен; о нравах народов по Георгию Мниху; расчет лет от Михаила царя до смерти Святополка; о походе Михаила на болгар; о походе Аскольда и Дира на Царьград в 866 г. (в Начальном своде в другой редакции); о войнах Олега; о царствовании Леона и Александра; об уграх, о славянской грамоте; о договоре Олега с греками; о смерти Олега и чародействах; о войнах болгарского царя Симеона; о договоре Игоря с греками; о договоре Святослава с греками.

Наиболее совпадают по содержанию те части «Повести временных лет» и Начального свода, в которых говорится о смерти Игоря (945 г.) и княжении Святослава и его сыновей. Это сходство кончается на рассказе о строении Владимиром городов около Киева в 988 году.

---

[1] И. И. Срезневский. Чтения о древнерусских летописях, стр. 31 (приложение к XI тому «Записок Имп. академии наук», № 4. СПБ. 1862).

[2] В дальнейшем «Повесть временных лет» цитируется по изданию «Повесть временных лет». Ч. I. Подготовка текста Д. С. Лихачева. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М.-Л. 1930; текст Новгородской летописи по изданию «Новгородская Первая летопись младшего и старшего изводов». М.-Л 1950.

Таким образом, выявляется очень важный факт: общий источник «Повести временных лет» и Начального свода с известиями IX—X вв. оканчивался примерно около 988 года. К тому же оказывается, что в этот общий источник не входили такие явно основанные на письменных источниках материалы, как договоры Олега, Игоря и Святослава с греками, выписки из Хроники Георгия Амартола и Симеона Логофета, сказания о славянской грамоте, об апостоле Андрее и т. д.

Итак, Новгородская Первая летопись позволяет установить ряд вставок, внесенных в текст составителями «Повести временных лет». Выделив из состава «Повести...» вставные статьи, мы получим текст, дающий некоторое представление о том, какие известия о событиях на Руси IX—X вв. имелись в древнейшей летописи. Впрочем, и в таком реконструированном виде летописные известия все-таки предстанут перед нами не в своем первоначальном виде, а в более поздней переработке, так как и текст Новгородской летописи уже имеет составной, компилятивный характер.

В самом деле, известный нам Начальный свод носит на себе черты сравнительно поздней обработки, восходящей примерно к 60-м годам XI в., как это отметил А. А. Шахматов. Естественно, возникает вопрос: каким образом позднейшую обработку летописных известий о событиях IX—X вв. можно отделить от более раннего текста?

Такую попытку и сделал в свое время А. А. Шахматов[3]. На основе сравнительного анализа «Повести временных лет» и Новгородской Первой летописи он выделил крупным шрифтом тот текст, который, по его мнению, восходил к Древнейшему своду. В число древнейших известий, по Шахматову, входили повествование о Кие, но без рассказа о хождении Кия в Царьград, а также сказания о дани хазарам, о призвании варяжских князей, о захвате Киева и убийстве Аскольда и Дира, о походе Олега на Царьград, об убиении Игоря древлянами и мести Ольги, об уставах и погостах Ольги, о ее крещении в Царьграде, о походах Святослава, о распрях сыновей Святослава и начале княжения Владимира. А. А. Шахматов отнес к Древнейшему своду и сказание о принятии Владимиром христианства в Корсуни.

Реконструкция текста Древнейшего свода была сделана Шахматовым на основании текста «Повести временных лет» и Начального свода. Но возникает вопрос: нельзя ли привлечь новые источники, которые могли бы нам помочь отделить пласты XI в. от более ранних текстов? Вот тот с первого взгляда неразрешимый вопрос, какой поставил перед собой автор данной статьи. Для решения этого вопроса пришлось обратиться к относительно поздним летописным сводам, сохранившим старинную северную традицию. Среди них выделяется Устюжская, или Архангелогородская, летопись. Исследователь Устюжской летописи К. Н. Сербина справедливо отмечает, что эта летопись отразила «чрезвычайно интересный летописный свод, содержащий в первой своей части текст Начального свода и «Повести временных лет»»[4].

Летописный текст в Устюжской летописи дошел до нас в сильном сокращении и в поздней обработке, но и в таком виде он позволяет сделать интересные наблюдения.

Устюжская летопись не имеет предисловия, помещенного в Начальном своде, и начинается прямо словами: «В лето 6360. Начало земли Руския. Иже живяху кождо с родом своим на своих странах». После этого следует рассказ о Кие с братьями и о дани хазарам. Затем говорится о новгородцах и других северных племенах, которые платили дань варягам, а потом против них восстали (в 859 г.) и призвали ва-

[3] А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Т. I. Вводная часть. Текст. Примечание. Птрг. 1916.

[4] Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. М.-Л. 1950.

ряжских князей. Прибытие князей отнесено к 863 г., далее рассказывается о Рюрике с братьями, а также об Аскольде и Дире, которые «седоста в городке том», то есть в Киеве, и «начаша владети Полянскую землю». Под 866 г. говорится о походе Аскольда и Дира на Царьград, чего нет в Начальном своде; под 869 г.— о крещении Болгарской земли, под 879 г.— о смерти Рюрика, передавшего сына своего Игоря «на руце Ольгови». Под 881 г. рассказывается о походе Олега с Игорем на Киев, гибели Аскольда и Дира, захвате Киева Олегом, который стал княжить в Киеве «и облада Рускою землею». Тут же сказано о могилах Аскольда и Дира и сделана заметка: «а Дирова могила за святою Ириною», как и в Начальном своде. Далее идет повествование о войнах Олега с древлянами, северянами и хазарами (883 г.), что отсутствует в Начальном своде. Под 900 г. рассказывается о походе Олега на Царьград «на конех и в кораблех, 2 000 кораблей», что в Начальном своде приписано Игорю. После этого сразу под 922 г. говорится о втором походе Олега на Царьград и смерти Олега от укуса змеи, «егда же иде от Царяграда полем», об его могиле в Ладоге, причем в этом рассказе начало княжения Игоря отнесено к 912 году. Тут же сообщается о войнах Игоря с уличами и взятии Пересечена. Известия 922 г. кончаются словами о передаче воеводе «Свинделу» древлянской дани. Под следующим, 940 г. снова говорится о взятии Пересечена и передаче дани с него «Свинделу же». Затем следует сообщение о походе Игоря против древлян (945 г.) и дается пояснение, что «Свиндел тож отец Мстишин и Лютов». Под тем же годом рассказывается о смерти Игоря и мести Ольги древлянам. Продолжение известия поставлено под 946 г., где сообщается об окончательной победе княгини Ольги над древлянами. Под 947 г. говорится об установлении Ольгой погостов в Новгородской земле, под 955 г.— о крещении Ольги в Царьграде, причем императором назван «царь Чемскии», под 965—970 гг.— о походах Святослава, под 972 г.— о смерти Святослава в порогах, под 973 г.— о княжении Ярополка в Киеве и его брата Олега в Древлянской земле. Под 975 г. идет рассказ о наущениях Свиндела против Олега, а под 977 г.— о смерти Олега и бегстве Владимира из Новгорода «за море». Под 978 г. помещены известия о походах Владимира на Полоцк, на Киев и о гибели Ярополка, о кумирах, поставленных Владимиром на холме, где «ныне» есть церковь Василия. Под 981—985 гг. даны краткие сведения о войнах Владимира и о мучениках-варягах. С 986 г. начинаются сообщения о посольствах к Владимиру о вере, причем резко меняется весь характер текста. Под 986 г. говорится о мусульманских, католических и греческих послах, под 987 г.— о речи философа, под 988 г.— о крещении Владимира в Корсуни, под 989 г.— о крещении Русской земли, под 991 г.— о закладке Десятинной церкви, под 992 г.— о заложении Белгорода («заложил Белград»), под 996 г.— об освящении Десятинной церкви, под 1015 г.— о смерти Владимира.

При первом поверхностном взгляде текст Устюжской летописи можно было бы вывести из текста Новгородской Первой летописи или ее протографа, подвергнутого сильному сокращению. Однако такому выводу противоречит самостоятельный характер некоторых известий Устюжской летописи, а также ее хронология, резко отличная в своей начальной части и от Новгородской летописи и от «Повести временных лет». Например, только в Устюжской летописи походы Олега на Царьград обозначены 900 г. (первый) и 922 г. (второй). В начале повествования хронология Устюжской летописи отчасти совпадает с «Повестью временных лет», тогда как в Начальном своде о целом ряде лет ничего не говорится. Общая же хронологическая сетка для «Повести временных лет», Новгородской Первой летописи и Устюжской летописи начинается только с 945 г., под которым помещается сообщение об убиении Игоря древлянами. Эта особенность хронологии на-

чальных русских известий, как будет видно далее, найдет свое объяснение в том, что отсюда начинался и связный рассказ о русских князьях X века.

Другое отличие текста Устюжской летописи от Новгородской Первой летописи заключается в том, что Новгородская летопись осложнена рядом вставок, отсутствовавших в оригинале Устюжской летописи. Эти вставки носят по преимуществу церковный характер. Они имеются там, где в тексте Новгородской Первой летописи помещен рассказ о крещении Ольги: речь патриарха («чадо верное» и пр.), о беседах Ольги с ее сыном Святославом о христианстве, рассуждения по поводу измены воеводы Блуда («о злая лесть») и пр.

Вместе с тем в Устюжской летописи мы находим явно более древние чтения, чем в Новгородской Первой летописи; об этом будет сказано ниже.

Важнейшим отличием Устюжской летописи от Новгородской является прочное сохранение в ней традиции, согласно которой Олег, Аскольд и Дир были князьями, а не воеводами. В летописных сводах как бы борются две противоречивые традиции: по одной из них Олег, Аскольд и Дир были только воеводами, по второй — князьями, хотя имеются неоспоримые доказательства того, что Олег княжил в Киеве (в договоре Олега с императорами он прямо именовался великим князем русским). «Повесть временных лет» вначале называет Олега воеводой, а затем, рассказывая о его смерти, начинает это повествование словами: «И живяше Олег мир имея ко всем странам, княжа в Киеве»; следовательно, говорит об Олеге как о киевском князе. Также и Устюжская летопись, называя Олега воеводой Рюрика и Игоря, тут же замечает: «И седе Олг, княжа в Киеве, и рече: «Сеи град будет мати всем градом руским, и облада Рускою землею». Такая же сбивчивость изложения заметна и в рассказе об Аскольде и Дире. По Устюжской летописи, они не были «ни племени княжа, ни боярска», хотя тут же о них говорится как о князьях в Киеве и в Полянской земле.

Оригинал Устюжской летописи, судя по ссылкам на дворы Гордяты и Никифора, возник не раньше 60-х годов XI в. и, по-видимому, является каким-то промежуточным текстом. Этот текст предшествовал Начальному своду 1093 г. и, возможно, отразил какой-то летописный свод 60—70-х годов XI века.

Таким образом, при суждении о первоначальном составе известий о Руси IX—X вв. можно опираться не только на сравнение «Повести временных лет» с Начальным сводом 1093 г., но и на Устюжскую летопись.

После этих предварительных замечаний мы можем перейти к анализу летописных известий о Руси IX—X веков.

Выше говорилось, что «Повесть временных лет» начинается с рассказа о разделении земли между сыновьями Ноя, тогда как Новгородская Первая летопись имеет особое предисловие, после чего следует новое заглавие: «В лето 6362. Начало земли Руской. Живяху кождо с родом своим». С этих слов, видимо, и начиналась древнейшая летопись, что доказывается существованием традиции, сохраненной и в некоторых других летописных сводах.

Судя по заголовку «Повести временных лет» («Се повести времяньных лет, откуду есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуду Руская земля стала есть»), источник «Повести...» также начинался с заглавия о начале Русской земли и не имел еще предисловия к Временнику. В самом деле, слова в заглавии «Повести...»

«...кто в Киеве нача первее княжити» в дальнейшем изложении остаются нераскрытыми и неоправданными, так как из текста не ясно, кто же был первым князем в Киеве: Кий, Аскольд, Дир, Олег или Игорь? Исходя же из текста, надо предполагать, что первым князем признавался Кий. По крайней мере так понял дело составитель предисловия, открывающего Новгородскую Первую летопись. Название Киева произошло от имени князя, его основавшего, так же как и названия других мировых столиц: Рима, Александрии, Селевкии, Антиохии: «Також и в нашей стране зван бысть град великим князем во имя Кия». В эпоху составления Начального свода времена Кия были столь отдаленными, что шли споры о том, кем он был: князем, перевозчиком или охотником («его же нарицают тако перевозника» и пр.).

Желая каким-либо образом указать на те годы, когда жили Кий и его братья, летописцы попытались приурочить это к определенному времени. Новгородская Первая и Устюжская летописи относили годы жизни Кия к периоду царствования Михаила в Византии, так как первые сведения о Руси, найденные в византийских хрониках, касались царствования Михаила. Однако такое сопоставление было сделано не очень грамотным компилятором, в силу чего матерью императора Михаила названа Ирина, а не Феодора. Между тем из текста Новгородской летописи ясно, что речь идет не об Ирине, а именно о Феодоре, которая, как сказано в летописи, провозвестила «поклоняние иконам в пръвую неделю поста». Эти слова о восстановлении иконопочитания в Византии почти буквально совпадают с хроникой Симеона Логофета в славянском переводе, сообщающего, что Феодора «православную утврьди веру и церковь смири в пръвую неделя святыхь пость»[5].

Однако спутать имена Феодоры и Ирины было не так просто, и можно предположить, что путаница произошла оттого, что именно Ирина упоминалась в первоначальном тексте, а имя Михаила было приписано позже. Это было сделано потому, что в результате противоречивых сведений о начале Русской земли, которыми пользовались летописцы, последние пытались как-то согласовать имена Ирины и Михаила. Отражение такой противоречивости мы найдем и в «Повести временных лет», по которой Русская земля стала прозываться в первый год царствования Михаила, в 852 г., как это, по словам «Повести...», написано в греческом летописании. Имя Михаила действительно упоминается в наших летописных известиях, а имя Ирины стоит одиноко. Но в руках русских книжников были какие-то неизвестные источники, рассказывавшие о Кие, и следы этих источников сохранились в словах «Повести временных лет» о том, что Кий ходил в Царьград и принял великую честь от императора, имя которого летописец уже указать не мог («которого не свемы»). Если принять во внимание, что, согласно «Повести временных лет», первое известие о начале Русской земли взято было из греческого летописца, говорившего об императоре Михаиле, то понятно, почему составитель «Повести...» во избежание непримиримого противоречия не мог назвать имени Ирины или кого-либо из ее соправителей. Таким образом, упоминание об императрице Ирине в рассказе о Кие вполне объяснимо. К ее времени первоначально приурочивали рассказ об основании Киева, позднейшие же редакторы отнесли основание этого города почти ко времени Рюрика, в силу чего Аскольд и Дир сделались почти современниками Кия, хотя из самой «Повести временных лет» и Новгородской Первой летописи очевидно, что Кий с братьями жили в более отдаленный период. Этим отдаленным временем для летописца было царствование императрицы Ирины, то есть примерно

[5] «Симеона Метафраста и Логофета описание мира от бытия и летовник собран от различных летописец». Славянский перевод хроники Симеона Логофета с дополнениями. СПБ. 1905, стр. 100.

780—802 годы. «Повесть временных лет» пользовалась какими-то неизвестными нам сведениями о Кие. Она сообщает, что Кий поставил на Дунае городок, «еже и доныне наричють дунайцы городище Киевець». Эта легенда, как справедливо показывает болгарский исследователь Р. Стойков, основана на факте существования города Киева (Къйова) в районе Дуная еще в XV веке [6].

Рассказав о захвате Киева князем Игорем и его «воеводой» Олегом, Новгородская летопись под 922 г. сообщает о походе Олега на Царьград и о его смерти в Ладоге. В «Повести временных лет» об Олеге говорится полнее. В нее вставлены договор Олега с греками (под 912 г.) и пересказ договора (под 907 г.). Наиболее загадочным является то, что смерть Олега в «Повести временных лет» отнесена к 912 г., а в Новгородской летописи — к 922 году.

Однако есть основание полагать, что и в Новгородской Первой летописи и в «Повести временных лет» сообщение о захвате Киева дошло до нас не в первоначальном, а в измененном тексте. Летописцы, видимо, имели какие-то противоречивые сведения об Олеге и Игоре. Поэтому «Повесть временных лет» показывает Олега родственником Рюрика («умерши Рюрикови предасть княженье свое Ольгови, от рода ему суща») и признает его князем. С этим согласуются и слова «Повести...», в которых исчисляются годы от Адама до цесаря Михаила: «А от перваго лета Михаилова до перваго лета Олгова, рускаго князя, лет 29, а от перваго лета Олгова, понели же седе в Киеве, до перваго лета Игорева лет 31». Таким образом, существовала прочная традиция, согласно которой именно Олег был русским князем, «понели же седе в Киеве», то есть с того времени, как он утвердился на киевском столе. В данном случае Устюжская летопись сходится не с Новгородской летописью, а с «Повестью временных лет», сообщая, что Рюрик передал княжение «Ольгови, сроднику своему, а сын его Игорь мал еще». В той же летописи, как мы видели раньше, Олег выступает как князь: «и седе Олг, княжа в Киеве, и рече: «Сеи град будет мати всем градом руским, и облада Рускою землею».

Устюжская летопись сообщает, что Олег «оброки по всей земли Руской устави и многи городы постави», и под разными годами приводит рассказы об Олеге и его походах. Эти рассказы отличаются большой примесью легендарности и в то же время прочной киевской традицией. В частности, смерть Олега связывается с его походами на Царьград. Любимый конь Олега, от которого ему была предречена гибель, был убит по княжескому приказанию «далече в поле». Это случилось, когда Олег «иде от Царяграда, прешед море, поиде полем на конех». От змеиного укуса он заболел и умер, «и есть могила его в Ладозе». Такое явное противоречие между «полем» — степью — по дороге от Черного моря к Киеву и Ладогой на севере привело к тому, что в Новгородской летописи осталось только упоминание о могиле в Ладоге и нет рассказа о волхвах и змее, тогда как «Повесть временных лет» оставила повествование о волхвах и смерти Олега от змеи в несколько ином виде и с упоминанием о том, что Олег был погребен в Киеве на Щековице: «есть же могила его и до сего дни, словеть могыла Ольгова».

Крайне интересно то обстоятельство, что Устюжская летопись сохранила некоторые черты, объясняющие нам неясную хронологию «Повести временных лет» и Новгородской Первой летописи. Смерть Олега произошла, согласно «Повести...», в 912 г., по Новгородской летописи — в 922 году. Устюжская летопись сохранила и ту и другую дату, поставив смерть Олега под 922 годом. Под этим же годом она дает и другую дату: «Игорь же нача княжити в лето 6920» (912), после чего непо-

---

[6] Р. Стойков. Нови сведения за миналото на български селища през XV и XVI в. «Исторически преглед», 1959, № 6, стр. 79.

следовательно сообщается, что у Игоря был воеводой Свиндел (Свенельд) на место Олега: «и бе у Игоря князя воевода, во Ольга место, именем Свиндел». Отсюда начинается повествование об Игоре и его потомках, имеющее явные черты близких воспоминаний о событиях, как это далее будет видно. Здесь, видимо, и кончался первоначальный рассказ о становлении Русской земли, основанный на противоречивых преданиях и мало связанный с повествованием об Игоре и его потомках. Автор сказания пользовался различного рода преданиями, связав воедино ставшие легендарными имена Олега и свергнутых им Аскольда и Дира. Позднейшее стремление летописцев вести родословие киевских князей от Рюрика сделало Аскольда, Дира и Олега воеводами, а не князьями.

Между тем, как отметил Е. Перфецкий, существовало предание, что Аскольд и Дир были потомками основателей Киева. Это нашло отражение в том летописце (по предположению Перфецкого, перемышльского происхождения), который был известен польскому историку Длугошу в XV веке[7]. В летописце Длугоша сообщалось следующее: «После смерти Кия, Щека и Хорива, наследуя по прямой линии, их сыновья и племянники много лет господствовали у русских, пока наследование не перешло к двум родным братьям Аскольду и Диру»[8]. Именно таким был первоначальный текст сказания о начале Русской земли. Это видно из того, что в «Повести временных лет», в полном противоречии с варяжской легендой, также говорится о существовании князей из рода Кия и его братьев («и по сих братьи держати почаша род их княженье в Полях, в Деревлях свое, а в Дреговичах свое»); «род их» — это не кто иные, как наследники Кия и его братьев. Здесь мы имеем прямое указание на князей, существовавших задолго до Рюрика, причем указание той же «Повести...», которая сообщает легенду о призвании варяжских князей. Следы колебаний летописца по вопросу о том, кем были Аскольд и Дир, отразились и в его особом стремлении показать, что они были просто варягами, а не князьями и даже не боярами.

Итак, есть основание утверждать, что первоначальная повесть о начале Руси заключала в себе рассказ об основании Киева, о притязаниях хазар на Киев, об убиении Аскольда и Дира, являвшихся потомками Кия, об Олеге и его смерти. Позже этот рассказ был осложнен вставной легендой о призвании князей, в силу чего Олег, Аскольд и Дир сделались дружинниками Рюрика, что создало непримиримые противоречия в хронологии летописи, вставленной в первоначальный текст уже в более позднее время.

Когда же и где возникла повесть о начале Русской земли? На второй вопрос ответить сравнительно легко. Рассказ о начале Руси был написан в Киеве и имеет ярко киевскую окраску. Сообщение о разодранных кропинных (шелковых) парусах на кораблях словен носит характер явной насмешки над словенами (новгородцами), которые взялись за свои «толстины», потому что дорогие паруса были им недоступны. Правда, слова о порче кропинных парусов отсутствуют в Устюжской летописи, но в ней говорится о паволочитых парусах Руси и полотняных у словен.

И в «Повести временных лет» и в Новгородской и в Устюжской летописях о временах Олега сообщается как об очень отдаленных, овеянных легендами. Некоторым указанием на время составления рассказа об Олеге могут служить слова о том, что могила Дира находилась «за святою Ириною», а церковь Ирины, по летописи и по Прологу, была постав-

---

[7] Е. Перфецкий. Перемышльский летописный кодекс першой редакції в складі хроніки Яна Длугоша. «Записки Наукового товариства имени Шевченка». Т. 151. У Львові. 1931.

[8] Цитируется по изданию русских известий Длугоша в книге К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV века, СПБ. 1868, стр. 68 (приложение).

лена при Ярославе Мудром, но такая вставка могла быть сделана и позже. Большее значение имеет повествование о хазарах, которые брали дань с полян и которыми «до днешьняго дни» владеют русские князья. Последние слова имеют, несомненно, датирующее значение и относят возникновение сказания о начале Руси к относительно раннему времени. Конечно, это сказание не могло появиться раньше принятия Русью христианства, так как в нем отчетливо сказано о язычестве старых полян и основателей Киева («бяху же погане, жруще озерам и кладязем и рощением»), но его нельзя относить и далеко в глубь XI века. Сказание было написано в те годы, когда русские князья брали дань с хазар и владели ими «до днешьняго дни», то есть до настоящего времени. К каким же годам относится это настоящее время?

Хазарское царство, как известно, распалось к середине XI века. В летописи последнее упоминание о хазарах относится к 1023 г., в связи с рассказом о нападении на Киев князя Мстислава Черниговского, брата Ярослава Мудрого. В составе его войск летопись называет косогов и хазар («поиде Мстислав на Ярослава с Казары и с Касогы»). Последние годы существования Хазарского каганата мало изучены историками. В новейшем очерке истории хазар говорится: «Упоминания о хазарах в XI в. касаются только хазар тмутораканских и крымских и характеризуют их, как народ, лишенный самостоятельного практического значения» [9]. Однако это замечание не вполне правильно, так как хазары составляли значительную часть населения Крыма, Тмутораканского княжества и причерноморских степей. Как можно заключить из Печерского Патерика, хазары, исповедывавшие иудейство, служили опорой для иудейской пропаганды еще во второй половине XI века. Даже киевский князь именовал себя «каганом», что нашло отражение в известном слове митрополита Илариона «О законе и благодати». Исследователи этого произведения обычно не спрашивали, почему Иларион назвал таким титулом великого князя Ярослава, чего никогда не делали летописцы. Объяснить это, пожалуй, можно тем, что при Ярославе власть хазар окончательно сошла на нет и Хазария оказалась подчиненной киевскому великому князю. Такие события произошли после смерти Мстислава Черниговского (1036 г.) и присоединения Тмутораканской земли к Киевской. Под 1037 г. летопись сообщает о создании «великого города» Киева с золотыми воротами и заложении св. Софии — «митрополии». Под этим же годом говорится о построении Георгиевского монастыря и церкви Ирины. Известие о великом городе Киеве находит отклик в слове «О законе и благодати». К этому периоду (первая половина XI в.) предположительно можно было бы отнести и время обработки сказания о начале Руси. Прямым толчком к этому могли явиться события, имевшие место при Ярославе Мудром, и столкновение с Византийской империей, приведшее к неудачному русскому походу на Константинополь в 1043 году. Подобные осложнения были связаны и с положением в Крыму, который еще в XIV в. носил название Хазарии [10].

Впрочем, нельзя настаивать на том, что рассказ о Кие и его братьях возник только в такое относительно позднее время, а не был соответствующим образом обработан на основе более раннего текста. Во всяком случае, повесть о начале Руси уже существовала в первой половине XI столетия.

★

После рассказа о смерти Олега в летописи идет повествование об Игоре и его потомках, причем наиболее подробно описывается княжение

[9] «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв.». М. 1956, стр. 725.

[10] См., например, Francesco Balducci Pegalotti. La pratica della mercatura. Ed. by A. Evans. The Mediaeval Academy of America. Cambridge. Massachusetts. 1936, p. 54 и др.

Святослава и распри между его сыновьями. В основу этих известий положено особое сказание, которое условно может быть названо сказание о русских князьях X века.

Первоначально данное сказание, видимо, представляло собой повествование нелетописного порядка, в нем не было разделения на годы. Большое количество вставных статей в «Повести временных лет» разорвало первоначальный рассказ о княжении Игоря, заполнив описанием событий те годы, о которых ничего не говорилось в первоначальном тексте. Вставной характер ряда статей особенно бросается в глаза при изучении текстов Новгородской Первой и Устюжской летописей. Вставка годов была сделана примитивно, когда-то единый текст оказался разорванным на отдельные годы. Так, после слов: «И реша дружина Игореве: се дал еси единому мужеве много»,— поставленных под 922 г. (6430), в Новгородской Первой летописи имеется продолжение под 945 г. (6453): «отрочи Свенелжи изоделися суть оружием и порты». Таким образом, хронологически начало фразы отделено от ее продолжения 23 годами.

Такой же разрыв в повествовании путем введения заголовка («начало княжения Святославля» и др.) имеется и дальше. Рассказ о мести Ольги кончался словами: «А Ольга возвратися в Кыев и пристрои воин на прок их»; непосредственное же продолжение этих слов поставлено под 946 г. (6454) («иде на Деревскую землю»). Новый разрыв повествования сделан в результате вставки 947 г. (6455), в силу чего первоначальный текст оказался разделенным на две фразы: первая — «и прибывше лето едино» и вторая — «иде Ольга к Новугороду».

Явной вставкой является обозначение 969 г. (6477), разделившее первоначальный текст на две фразы: (Святослав) «собра воя и прогна Печенеге в поле и быть мирно» и «рече Святослав к матери своей и к боярам». Такого рода вставки в текст сказания об Игоре и его потомках отмечены были уже А. А. Шахматовым в его реконструкции Древнейшего свода.

Подробное повествование об Игоре, Святославе и о распрях между сыновьями последнего лишено каких-либо прикрас и отличается такими подробностями, которые сделаны если не очевидцем, то, во всяком случае, современником описываемых событий. Ярко показаны взаимоотношения сыновей Святослава, честолюбие Ярополка, названы княжеские воеводы: Блуд — воевода Ярополка, Свенельд — отцовский воевода («воевода отень») Святослава, упомянут некий Варяжко — приближенный Ярополка, который после его смерти бежал к печенегам и долгое время воевал против Владимира, и т. д.

Особенностью сказания о русских князьях X в. является и общая тема, связывающая весь рассказ в единое целое. По сути дела, это — повествование не только об Игоре и его потомстве, но и о борьбе киевлян (полян) с древлянами. Особенно подчеркивается роль Свенельда (Свиндела, по Устюжской летописи), о котором говорится уже в начале сказания. Составитель неоднократно напоминает о значении Свенельда в распре Ярополка с его братом Олегом. Свенельд подучает Ярополка пойти на Олега войною. Раньше же было сказано, что Свенельд получил в свое распоряжение древлянскую дань и брал «по черной кунице от дыма». Он же предводительствовал киевлянами в борьбе против древлян после смерти Игоря, сопровождал Святослава в его походах, которому не советовал идти в Русь в ладьях через пороги, а предлагал пойти «около на конях». Устюжская летопись, сохранившая более древний текст, чем Новгородская Первая летопись, добавляет такую подробность о битве с печенегами: «Свиндел же убежа з бою и приде в Киев к Ярополку сыну Святославлю и сказа ему смерть отцеву, и плакася по нем со всеми людьми».

Подробный рассказ о борьбе киевлян с древлянами обнаруживает осведомленность его автора о некоторых деталях. Таково упоминание о каменном тереме, который раньше стоял за Десятинной церковью над горою. Не вполне понятное упоминание о тереме в Новгородской летописи поясняется Устюжской летописью, по которой тут был «двор теремный, бе бо ту терем каменный». Из текста Устюжской летописи выясняется, что Ольга смотрела из терема, как несли древлянских послов и бросили их в яму, наполненную горящими углями, «и выникши Олга из терема»,— говорит летопись, рисуя эту трагическую сцену и мстительную княгиню, созерцавшую из терема гибель своих врагов.

Далее идет связный рассказ о войнах Ольги и ее сына Святослава с древлянами и точно указывается, что дань, возложенная на древлян, делилась по Новгородской летописи таким образом: «Две части дани Кыеву идет, а третья Вышегороду ко Олзе, бе бо Вышегород Олгин град». В этом упоминании наиболее характерно следующее: платеж дани Вышегороду обозначен настоящим временем, и это нельзя относить к позднему периоду, когда Древлянская земля была прочно присоединена к Киеву. Такой же близостью к рассказываемым событиям проникнуты слова летописи о становищах и ловищах Ольги в Деревской и Новгородской землях, по Десне и по Днепру.

В Новгородской летописи далее следует повествование о крещении Ольги в Царьграде. Вероятно, первоначально об этом говорилось значительно короче, о чем можно судить на основании Устюжской летописи, упоминающей о сватовстве цесаря к Ольге без обширных вставок из церковных текстов. Дальнейший рассказ тесно связан с конечными словами о крещении Ольги. Он начинается так: «Князю Святославу возрастшу и возмужавшу». Эти слова являются прямым продолжением предыдущей фразы: Ольга «кормящи сына своего до мужества своего и до возраста его». В Устюжской летописи о данном факте сказано точнее и яснее: «Она же учаше сына своего быти християну, он же не хотяше, и кормяше его до мужства».

Повествование о походах Святослава дано с еще большим количеством деталей, которые показывают, что это повествование составлено если не очевидцем, то человеком, писавшим по рассказам очевидцев или по близким припоминаниям. Таково и упоминание о происхождении Владимира, изложенное в Устюжской летописи таким образом: «Владимир бо бе от Малки — ключницы Ольжины: Малка же бе сестра Добрыне, отец ее бе Малк Любутчанин: бе бо Добрыня Малков, сын, дядя Владимеру по матери, и рожение бысть Владимеру в Будотине селе, ту бо бе посла Олга Малку в гневе, село бо бе ея ту, бе бо, умирая, Ольга отдаст село то пресвятей богородицы». Последние слова о пресвятой богородице имеют в виду Десятинную церковь и показывают, что известие было написано уже после ее основания, то есть после 989 года. В связи с появлением легенды о псковском происхождении Ольги село Будутино под Киевом позже было отождествлено в летописи с почти одноименным селом под Псковом.

Особенно точным летописный рассказ делается при повествовании о распрях сыновей Святослава. Новгородская летопись сообщает, что воевода Свенельд пришел в Киев к Ярополку, и это согласуется с тем, что сын Свенельда, Лют, убитый Олегом Святославичем, вышел на охоту из Киева. Если вспомнить, что Свенельд при Игоре держал в своих руках древлянскую дань, то поступок Олега можно объяснить тем, что речь шла о нарушении княжеских прав Олега в Древлянской земле и о попытке Люта утвердить старые отцовские права над древлянами.

Дальнейшее повествование о гибели Олега у Вручьего града, о княжении Ярополка, о походах Владимира и смерти Ярополка полностью лишено каких-либо легендарных черт. Новгородская летопись ре-

ально рассказывает об убиении Ярополка и о том, как некий Варяжко, приближенный Ярополка, бежал к печенегам и долгое время воевал с Владимиром.

Устюжская летопись и тут дает новые подробности, которые ни как не могут быть объяснены позднейшими вставками. О смерти Ярополка в ней говорится так: «И яко приде Ярополк в Киев и в дверях полатных 2 варяга подъяста мечи под пазухи». Упоминание о дверях палатных здесь вполне уместно, так как Ярополк был убит в каменном, «полатном» строении, вероятно, в том же отцовском тереме, о котором сообщалось выше.

Указание на каменный терем вводит нас в реальную обстановку конца X в., когда этот терем еще существовал. Позже понадобился уже комментарий к словам о тереме, который и находим в «Повести временных лет», в Новгородской Первой и в Устюжской летописях. Комментатор, упоминавший о боярских дворах 60-х или 70-х годов XI в., писал тогда, когда каменного терема уже не было, и он был вынужден пояснять, что терем стоял за святой Богородицей, то есть за Десятинной церковью. Таким образом, ко второй половине XI в. память о тереме стала стираться, и упоминание о нем в сказании о русских князьях снова ведет нас не к легендарным, а к действительным чертам русской истории X века.

Рассказ о распрях сыновей Святослава прерывается на словах о вокняжении Владимира и о кумирах, поставленных на холме, на котором была построена церковь святого Василия. О ней летописец обещал сказать позже («яко же последи скажем»).

Здесь, по-видимому, первоначально и оканчивалось сказание о русских князьях X в., так как дальнейший текст летописи теряет характер однотемного повествования, представляя собой сочетание различного рода вставных статей и кратких известий. При этом известия о княжении Владимира оказываются более скудными, чем рассказ об Игоре, Святославе, Ярополке и его братьях.

В Новгородской Первой летописи после слов о женах Владимира следует рассуждение о добрых и злых женах. Это рассуждение, как и последующее за ним сказание о первых мучениках-варягах, вставлено позже. Обе статьи являются особыми произведениями, а сказание о мучениках-варягах вошло в Пролог, притом в более полном и древнем виде, чем в летописи. Далее следует рассказ об испытании веры, и приводится длинная речь философа — произведение, также известное в виде особой статьи. Под 988 г. (6496) помещены сообщения о взятии Корсуни и крещении Владимира, а вслед за этим говорится о символе веры. Затем рассказывается о возвращении Владимира в Киев и введении христианства на Руси. Под следующим, 989 г. последовательное изложение Новгородской Первой летописи прерывается, так как здесь в нее вставлен краткий летописец. Это также указывает на то, что концом X в. завершилось сказание, послужившее одним из источников для летописи. В «Повести временных лет» изложение событий княжения Владимира осложнено вставкой двух больших статей об осаде Белгорода печенегами, борьбе отрока с печенегом и построении Переяславля. Обе статьи носят вставной и легендарный характер. Что касается Устюжской летописи, то в ней о княжении Владимира сказано совсем кратко.

Эти особенности летописных текстов должны быть приняты во внимание при суждении о времени возникновения русских известий X века. В самом деле, историки, относящие создание летописи ко второй половине XI столетия, не могут ответить на вопрос, почему повествование о Владимире Святом и Ярославе Мудром включает более легендарные мотивы (о белгородском киселе, о богатыре-кожемяке), чем рассказ об Игоре и его потомстве. Не могут они ответить и на другой вопрос: по какой причине летописное повествование о Владимире и Ярославе носит

более компилятивный характер, изобилует бо́льшим количеством вставных статей, чем рассказ о событиях второй половины X века. Объяснить такую особенность летописного повествования легче всего, если предположить, что существовало особое произведение, рассказывавшее о судьбах Руси в княжение Игоря, Святослава, Ярополка и Владимира.

Для суждения о том, где начинался и где кончался рассказ об Игоре и его потомстве, большое значение имеют некоторые летописные произведения, в первую очередь «Память и похвала» «мниха Иакова». Время создания «Памяти и похвалы» неизвестно, но можно думать, что она возникла в относительно раннее время, по нашему предположению, в первой половине XI века. Эту статью следует сопоставить со словом митрополита Илариона «О законе и благодати», где также подчеркивается апостольская деятельность Владимира. Даже если произведение монаха Иакова относить к значительно более позднему времени, то нет никакого сомнения в древности того летописца, каким воспользовался этот писатель при составлении своей «Памяти и похвалы», на что обратил внимание еще Бестужев-Рюмин. Так, в «Памяти и похвале» приводятся летописные данные, отчасти совпадающие с текстом «Повести временных лет» и Новгородской летописи, отчасти являющиеся новыми. Летописец, находившийся под руками Иакова, начинался с сообщения о смерти Святослава и кончался рассказом о вокняжении Владимира в Киеве. Иаков подчеркивает, что Владимир сел в Киеве на место отца своего Святослава и деда Игоря. Далее следует такой текст: «А Святъслава князя печенезе убиша, а Ярополк седяще в Кыеве на месте отца своего Святъслава, и Олег идый с вои, у Вруча града мост ся обломи с вои, и удавиша Олга в гребли, а Ярополка убиша в Кыеве мужи Володимерове, и седе в Кыеве князь Володимир в осьмое лето по смерти отца своего Святъслава месяца июня в 11 в лето 6486. Крести же ся князь Володимир в 10-е лето по убьеньи брата своего Ярополка» [11].

Описываемые в «Похвале» события помещены в «Повести временных лет» и в Новгородской летописи под 971—988 годами. В основном изложение событий в них и в летописце Иакова сходится, но имеется некоторое расхождение в хронологии. По летописцу Иакова, князь Владимир утвердился в Киеве в 978 г. (6486), а не в 977 г. (6485); при этом именно летописец Иакова сохранил точную дату вокняжения Владимира в Киеве — 11 июня 978 г., тогда как в Новгородской летописи и в «Повести временных лет» весь 978 г. не заполнен никакими событиями.

Замечательной особенностью «Памяти и похвалы» Иакова является то, что в этом произведении примерно очерчено, чем начинался и кончался источник «Памяти». Летописец Иакова рассказывает об Игоре, Святославе и сыновьях Святослава, но ни одним словом не упоминает о Рюрике, сыном которого по «Повести временных лет» и Новгородской летописи был Игорь. Поэтому можно предполагать, что летописец Иакова не знал еще легенды о призвании князей. Возможно, что не знал ее и Иларион, составляя свое слово «О законе и благодати». Он называет Владимира сыном Святослава, внуком Игоря.

Сказание о русских князьях X в. начиналось, как говорилось выше, фразой о княжении Игоря в Киеве и оканчивалось словами о вокняжении Владимира. В самом деле, короткий рассказ о событиях после смерти Святослава, помещенный в «Памяти и похвале» мниха Иакова, заканчивается так: «И седе в Кыеве князь Володимир в осьмое лето по смерти отца своего Святъслава месяца июня в 11 в лето 6486. Крести же ся князь Владимир в 10-е лето по убьеньи брата своего Яро-

[11] См. В. Срезневский. Мусин-Пушкинский сборник 1414 года. (Приложение к 72-му тому «Записок Имп. академии наук» № 5. СПБ. 1893.)

полка». Это дает право думать, что летописец, известный Иакову, как и сказание о русских князьях X в., заканчивался сообщением о крещении Владимира.

Точная дата вокняжения Владимира в Киеве указывает на то, что источник сведений у мниха Иакова был надежным и древним, так как такой даты нет в известных нам летописях, где просто говорится, что «Володимир вниде в Киев» и при этом не в 978, а в 980 году. Крещение Руси по «Повести временных лет» и Новгородской Первой летописи произошло в 988 г., по летописцу Иакова, Владимир крестился в 10-е лето после смерти Ярополка, который, согласно «Повести...» и Новгородской летописи, был убит в 980 году.

Источник летописных сведений «Памяти и похвалы» по-иному освещал крещение Владимира, не связывая этот акт с Корсунью. Здесь-то мы и находим объяснение того полемического выпада, который в Новгородской летописи и в «Повести временных лет» был направлен против тех, кто рассказывал, что Владимир крестился не в Корсуни, а в Киеве, или Василеве, или где-либо в другом месте («друзии же инако сказающе»). Иаков, писавший «Память и похвалу», имел в своем распоряжении разные сказания и летописные записи о княжении Владимира, разноречащие с известными нам летописными сводами, но он не знал Корсунской легенды, в силу чего утверждал, что Владимир «по крещеньи прожил 28 лет» (следовательно, крестился в 987 г.), «на другое лето по крещеньи к порогам ходил» (значит, в 988 г.), «на третье лето город Корсунь взял», то есть совершил поход на Корсунь в 989 году.

Все изложенное выше подводит нас к мысли, что сказание о русских князьях X в. начиналось с повествования об убиении Игоря и кончалось известием о вокняжении Владимира в Киеве 11 июня 978 года.

Косвенным подтверждением того, что сказание о русских князьях X в. оканчивалось примерно утверждением Владимира в Киеве, является расчет лет от Адама, приводимый «Повестью временных лет». Как уже заметил И. И. Срезневский, в этом расчете лет имеется три слоя. Первый из них кончается годами жизни Ярополка («а от перваго лета Святославля до перваго лета Ярополча лет 28, а Ярополк княжи лет 8»). Такой же подсчет лет находим и в псковских летописях, имевших в основе своих начальных известий не «Повесть временных лет», а какой-то свод, близкий к Устюжской летописи.

Попытаемся теперь установить время возникновения рассказа об Игоре и его потомстве. Рассказ был написан еще тогда, когда киевские князья вели борьбу с древлянами и другими племенами. Судя по Новгородской Первой летописи, автор рассказа знал, что уличи некогда жили вниз по Днепру и позже поселились между Бугом и Днестром. Здесь их и находит автор «Повести временных лет», но уже говорит о них в прошлом («бе множество их»). Устюжская же летопись помнит о войнах Игоря «на древляны и на улицы», о том, что он осаждал град Пересечен три года. Могила Игоря известна была составителю сказания «в Древах и до сего дня». Свенельд, как утверждает этот составитель, был отцом Мстиши, по-видимому, того Люта Свенельдича, который был убит позже Олегом, если только речь не идет о двух разных лицах. Автор сказания писал еще тогда, когда третья часть древлянской дани поступала в Вышгород, который был городом Ольги. Во всяком случае, сказание было написано до 1044 г., до того времени, когда тело Олега Святославича было перенесено в Десятинную церковь, как отметил А. А. Шахматов. Но эта дата поздняя, а можно указать более раннюю.

Повествование о смерти Ольги заканчивается следующими словами: «и несоша и погребоша ю на месте». После этого автор замечает: Ольга велела не делать тризны над ее могилой, потому что она имела при се-

бе священника «в тайне» и тот ее похоронил. Место, где была похоронена Ольга, в летописи не указано. Это вызывает представление о какой-то неточности, вернее, оборванности фразы (в реконструкции Шахматова здесь и поставлены три точки), тем более, что о могилах Олега и Ярополка упоминается особо, даже подчеркнуто, где они находятся (о могиле Олега): «есть могыла его и до сего дне у Вручьяго града». Позже Ольга была погребена в Десятинной церкви, где стоял ее саркофаг. Очевидно, тот, кто писал о каком-то месте, где похоронена была Ольга, не знал о перенесении ее мощей в Десятинную церковь. Поэтому нет оснований и приписывать создание сказания о русских князьях X в. автору, связанному с Десятинной церковью.

Когда же совершилось перенесение праха Ольги в Десятинную церковь? Кажется, это событие может быть связано с несколько неясным известием «Повести временных лет», помещенным под 1007 г. (6515): «Пренесени святии в святую Богородицю». К этому времени русскими святыми могли считаться только княгиня Ольга и мученики-варяги. В связи с переносом святых в Десятинную церковь могли появиться краткие или проложные сказания об Ольге и мучениках-варягах, внесенные в летопись. Но автор сказания о русских князьях X в. еще не был осведомлен о перенесении мощей Ольги в Десятинную церковь, он знал только одно, что Ольга была похоронена «на месте» и притом втайне. Следовательно, он писал до 1007 года.

В дошедшем до нас виде сказание о русских князьях X в. было осложнено не только вставными рассказами, но и общей тенденцией летописца связать династию Игоря с Рюриком и его братьями.

В наиболее древнем виде рассказ о призвании варягов сохранился в Новгородской Первой и Устюжской летописях. В Новгородской летописи упоминаются новгородские люди («рекомые словени»), кривичи и меря. В дальнейшем изложении к этим племенам прибавляется чудь. Каждое из этих племен жило родом своим («кождо своим родом владяше»). В этих словах видно сходство с тем, что было сказано в повествовании о Кие («живяху кождо с родом своим на своих местех и странах, владеюще кождо родом своим»). Славяне, кривичи, меря и чудь давали дань варягам, против которых они восстали, что привело к междоусобицам и к решению обратиться к тем же варягам. На призыв откликнулись три брата «с роды своими». В Новгородской летописи нет упоминания о том, что варяги прозывались «Русью», хотя и говорится, что «от тех Варяг, находник тех, прозвашася Русь и от тех словет Руская земля».

Последние слова о Руси, не объясненные летописцем, уже в давние времена вызвали своеобразные комментарии, пытавшиеся объяснить, кем же была «Русь», так как эти слова стояли в явном противоречии со сказанием о начале Русской земли, которое связывалось с Кием, Щеком и Хоривом, а не с варягами. Это привело к тому, что в «Повести временных лет» введен был комментарий к слову «варяги»: «Идоша за море к Варягам, к Руси. Сице бо ся зваху тьи Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свие, друзии же Урмане, Англяне, друзии Гъте, тако и си». Вставной характер этих слов признает и А. А. Шахматов.

Введение подобного комментария объясняется тем, что источники «Повести временных лет» разноречили по вопросу о том, какие племена обратились к варягам, причисляя к ним Русь, несмотря на то, что по «Повести временных лет» призванные варяги якобы сами назывались Русью. В самом деле, печатаемые всюду и упорно повторяемые слова: «реша Русь, Чудь, Словени и Кривичи и Вси: земля наша» и пр.— являются ученой фикцией, вызванной навязчивой идеей о реальности факта призвания варягов. В действительности в древнейших списках летописи, Лаврентьевском, Троицком и Ипатьевском, Русь упоминается вместе с чудью, словенами и кривичами в числе племен, приглашавших варягов, и текст читается таким образом: «Реша Русь, Чудь, Словени и Кривичи

и Вси: наша земля» и пр. То же чтение найдем и в древнейшем датированном списке летописи — кратком летописце патриарха Никифора с русскими статьями, помещенном в Новгородской Кормчей 1280 года. При царстве Михаила «придоша Русь, Чюдь, Словене, Кривичи к Варягом, реша» и пр.[12]. В дальнейшем Новгородская Первая летопись и «Повесть временных лет» как бы забывают о Рюрике, и прикрепление Игоря к династии Рюрика оказывается неоправданным. Этим объясняется и та несообразная хронология Новгородской летописи и «Повести временных лет», согласно которой в год смерти Рюрика (879) Игорь был ребенком. По подобной хронологии Игорю в год его смерти (945) исполнилось бы примерно 80 лет, сын же его Святослав был еще ребенком («детеск сы»). По той же хронологии, Ольга, вышедшая замуж за Игоря в 903 г., рождает сына Святослава лет через 30 после брака. Защитники полной реальности легенды о призвании князей никак не хотят обратить внимание на такую странную хронологию.

Однако тема об источниках рассказа о призвании князей особая и выходит за пределы статьи. Пока же ограничимся только общим замечанием о том, что легенда о трех варяжских князьях была записана примерно в первой половине XI в. и не старше легенды о Кие, Щеке и Хориве.

Итак, можно предполагать, что известия о Руси IX—X вв., помещенные в «Повести временных лет», в Новгородской и в Устюжской летописях, основаны на сказаниях: о начале Русской земли, о призвании варяжских князей, о русских князьях X века. Из этих сказаний наиболее ранним является последнее.

Сказание о русских князьях X в., вероятнее всего, было написано в Киеве вскоре после крещения Руси и является первым русским историографическим произведением, притом отнюдь не церковного характера. Мои предположения о существовании русских произведений нецерковного характера уже в XI в. вызвали насмешливые замечания людей, привыкших приписывать все древнерусские сочинения только церковникам. Но авторы подобных замечаний забывают о существовании таких произведений, как Слово о полку Игореве, духовная Владимира Мономаха и моление Даниила Заточника, забывают о повестях, рассказывающих о ратных подвигах, которые были написаны явно воинами, а не монахами и внесены в летопись. Таким было и сказание о первых русских князьях X в., как это в свое время отметил И. И. Срезневский.

Не должна удивлять и ранняя датировка нашего предполагаемого сказания, так как крещение Руси при Владимире только завершило длительный период существования христианства и неразрывно с ним связанной письменности на Руси. Находка сосуда с кирилловской надписью первой половины X в. в кургане под Гнездовом опровергла мысль о бесписьменной Руси первой половины X века. Об этом же говорят и договоры Руси с греками того же столетия. Составленные по византийской дипломатической практике, как это доказал польский ученый Микуцкий, они нужны были уже при Олеге и Игоре, когда Русь знала «закон» и «покон русский». Русская историография начинается уже в X в. и притом открывается памятником высокой ценности. Сказание о русских князьях X в. — древнейший памятник славянской историографии. Более подробное изложение своих взглядов на летописные известия о Руси IX—X вв. автор этой статьи предполагает сделать в особой монографии.

---

[12] «Полное собрание русских летописей». Т. 1. СПБ. 1846, стр. 251. Совершенно непонятно, по каким причинам новые издатели «Повести временных лет» (см. сноску 2) игнорировали тексты древнейших рукописей и положили в основу чтения о призвании князей поздний, Радзивилловский список XV века.

ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИТОГИ ПОБЕДЫ СВОБОДОЛЮБИВЫХ НАРОДОВ НАД ГЕРМАНСКИМ ИМПЕРИАЛИЗМОМ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ*

Д. Е. Мельников

Чем больше проходит времени с незабываемых майских дней 1945 г., тем величественнее выступает всемирно-историческое значение победы, одержанной свободолюбивыми народами над фашизмом.

Вторая мировая война возникла в результате развития и углубления межимпериалистических противоречий. В то же время по характеру и целям, которые ставили перед собой агрессивные силы, развязавшие ее, и по своим политическим и социально-экономическим итогам она представляет собой нечто совершенно отличное от всех войн эпохи империализма. Если в предыдущих военных конфликтах в конечном счете решался вопрос о преобладании на определенный отрезок времени того или иного государства, о судьбе колоний или отдельных территорий, принадлежавших метрополиям, рынков сбыта и источников сырья в различных частях света, то во второй мировой войне было поставлено на карту неизмеримо большее — решалась судьба народов в самом широком смысле этого слова, судьба европейской и мировой цивилизации.

Число стран, участвовавших во второй мировой войне, увеличилось по сравнению с первой мировой войной почти в полтора раза (61 вместо 36), число нейтральных государств сократилось в три раза (6 вместо 17), в войну было вовлечено 80% населения земного шара (против 62% в 1914 — 1918 гг.), количество государств, на территории которых происходили боевые действия, увеличилось с 14 до 40, а площадь, на которой разыгрывались сражения,— в пять с половиной раз (с 4 млн. до 22 млн. кв. км) [1].

Огромных масштабов достигли людские потери, разрушения и материальный ущерб. Число погибших, по предварительным подсчетам, определяется в 34 млн. человек, а раненых — в два-три раза больше этой цифры. Общие военные расходы государств составили около 1 000 млрд. долл.— почти в пять раз больше, чем в 1914—1918 годах. Эта сумма не включает материальные потери, вызванные разрушениями. Война принесла народам неслыханные бедствия.

Ответственность за это лежит не только на гитлеровской Германии, итальянском и японском империализме, но и в целом на всей империалистической системе.

Однако коренное отличие второй мировой войны обусловлено не столько ее масштабами, сколько тем фактом, что в ней приняли сознательное участие самые широкие антифашистски настроенные народные массы многих стран мира, вдохновленные великими освободительными целями. Именно героизм народов, их активное участие в борьбе обеспе-

---

* В основе статьи лежит доклад, сделанный автором на научной конференции историков СССР и ГДР в Берлине в декабре 1959 года.

[1] «Вторая мировая война. 1939—1945. Военно-исторический очерк». М. 1958, стр. 826—827.

чили победу над гитлеризмом. Это явилось яркой иллюстрацией возрастающей роли народных масс в определении хода истории. Закономерно поэтому, что победа над германским фашизмом привела к глубоким социальным и политическим изменениям в послевоенном мире. Война закончилась непредвиденными для империализма результатами. Общий кризис капиталистической системы вступил в новый этап, важнейшим проявлением которого явилось отпадение ряда стран от системы капитализма и образование мировой социалистической системы. Послевоенный период характеризуется также бурным размахом национально-освободительного, антиимпериалистического движения в колониальных и зависимых странах. В итоге национальных революций распадается колониальная система империализма. Современный этап общего кризиса капитализма характеризуется дальнейшим усилением неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран, обострением всех противоречий империализма.

★

Важнейший непосредственный результат войны — поражение германского империализма, который хотел ввергнуть человечество в фашистское рабство.

Фашизм представлял собой диктатуру самых реакционных, авантюристических и агрессивных кругов монополистического капитала Германии, одержимых идеей завоевания мирового господства. Основой его идеологии и политики были расизм, апология войны, звериная ненависть к социализму. Гитлеризм выдвинул обширную захватническую программу, которая привела его в столкновение с большинством капиталистических стран мира. Германский империализм ставил, по сути дела, вопрос не просто о переделе уже поделенного мира, а о завоевании мирового господства. Гитлеру мерещилось что-то вроде нового издания Священной римской империи. Он писал, что «истинно национальная» внешняя политика Германии должна начать с того, чем кончил император Карл V четыреста лет тому назад. Гитлер ставил задачу — создать германскую империю, включавшую Голландию, Бельгию, Северную Францию, Эльзас-Лотарингию, Люксембург, Швейцарию, Австрию, Чехословакию, Югославию, Румынию и Балтийские страны. В конечном итоге гитлеровские планы мирового господства должны были быть распространены и на «обе Америки». В Южной Америке, согласно карте, разработанной институтом Гаусгофера в Мюнхене, должна была быть создана «новая Германия», которая включала бы Аргентину, Чили, Уругвай, Боливию, Парагвай и часть Южной Бразилии. Отсюда должно было вестись наступление против Соединенных Штатов Америки, которые гитлеровские заправилы предполагали раздробить на отдельные небольшие государства.

Порабощение народов СССР считалось важнейшей предпосылкой осуществления авантюристических планов немецкого империализма. Советский Союз рассматривался гитлеровцами как главное препятствие на пути завоевания мирового господства. На совещании узкого круга фашистских руководителей в июле 1941 г. Гитлер возвестил следующую программу: «Все последователи фюрера должны знать: империя лишь тогда будет в безопасности, если западнее Урала не будет существовать чужого войска. Защиту этого пространства от всяких возможных опасностей берет на себя Германия. Железным законом должно быть: оружие не может носить кто-либо иной, кроме немцев...» [2]. Не менее откровенно высказывался по этому поводу «отец» германской геополитики Карл Гаусгофер. В связи с нападением гитлеровской Германии на Совет-

[2] «Internationaler Gerichtshof Nürnberg». Bd. VII. Nürnberg. 1946, S. 121—122.

кий Союз он писал: «С решением от 22 июня 1941 г. становится, наконец, сной для широких кругов величайшая задача геополитики... задача превратить создание Евразии и Еврафрики в действительность, в позивную и животворную ценность»[3]. Это решение, пояснял Гаусгофер, значает «оживление всех планов передела Старого света» и преодолеие любого сопротивления германскому империализму на континенте. Как видим, речь шла о плане распространения германского господства а всю Европу, а затем на Азию, Африку и Америку.

Германский фашизм выступал представителем не только германкого, но в известной степени мирового империализма в целом, взяв на ебя роль «ударной силы» в борьбе против социализма. Нынешний факический главнокомандующий западногерманским бундесвером Хойзинер в своей книге «Противодействие приказу» сообщает о беседе Гитлером летом 1941 г., во время которой последний заявил: «Я смету оссию с лица земли для того, чтобы нанести смертельный удар ольшевизму. Я веду эту борьбу не только ради Германии, а ради сей Европы»[4]. Германский фашизм мог возвыситься и стать угрозой ля человечества потому, что пользовался поддержкой международой реакции, которая и в годы войны не оставляла надежд на осуществление ее бредовой идеи о сокрушении социализма. С учетом этого ледует рассматривать цели, которые ставила перед собой гитлеровкая Германия в годы войны, и последствия ее крушения.

Вторая мировая война, явившаяся следствием обострения империаистических противоречий, носила поначалу империалистический характер. При активном воздействии народов с течением времени ее характер зменился, и она стала антифашистской, освободительной, справедлиой. Вступление Советского Союза в войну завершило этот процесс.

Именно Советским Союзом, вынесшим на своих плечах основную яжесть войны, был нанесен сокрушительный удар по немецкой военой машине и разбиты агрессивные планы гитлеровского фашизма. та победа означала крушение как планов германского милитариза, так и надежд мирового империализма вообще на уничтожение соиализма. Поэтому разгром фашизма явился мощным ударом по миовому империализму. Крах планов международной реакции в результате усилий миролюбивых народов всех стран антигитлеровской коалиии является величайшим завоеванием прогрессивного человечества.

Победа Советского Союза в войне с гитлеровской Германией явиась проявлением основной закономерности нашей эпохи, характериующейся ростом сил социализма и ослаблением капитализма. Это был риумф прежде всего советского государственного и общественного троя. Социалистическая организация общества не только блестяще ыдержала испытание, но и продемонстрировала в тяжелые военные оды великое превосходство над отживающей свой век капиталистичекой системой. Советский народ показал огромную моральную стойкость духовную силу, которые нашли выражение в массовом героизме воиов, в беззаветной работе всех трудящихся в тылу. Полностью подтвердились слова В. И. Ленина о том, что «во всякой войне победа в конечом счете обусловливается состоянием духа тех масс, которые на поле рани проливают свою кровь. Убеждение в справедливости войны, сонание необходимости пожертвовать своею жизнью для блага своих ратьев поднимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные яжести»[5].

Советский социалистический строй раскрыл свои неисчерпаемые озможности в мобилизации ресурсов для разгрома врага. В 1940 г. в

---

[3] «Zeitschrift für Geopolitik», 1941, H. 7, S. 369.
[4] A. Heusinger. Befehl im Widerstreit. Tübingen/Stuttgart. 1950, S. 114.
[5] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 115.

Советском Союзе производилось 14,9 млн. т чугуна, 18,3 млн. т стали и добывалось 165,9 млн. т угля. Фашистская Германия вместе с оккупированными странами располагала в 1941 г. значительно большей производственной мощностью: около 20 млн. т чугуна, 30 млн. т стали и 404 млн. т каменного угля[6]. В течение первых полутора лет войны народное хозяйство СССР понесло огромный урон. К ноябрю 1942 г. была потеряна территория, на которой добывалось до войны 63% угля, выплавлялось 68% чугуна, 58% стали[7]. Однако Советская страна, используя огромные возможности социалистической организации экономики, наращивала темпы военного производства, обеспечивая фронт всем необходимым. Советская промышленность производила во время последних трех лет войны ежегодно в среднем более 30 тыс. танков, самоходных артиллерийских установок и бронемашин, до 40 тыс. самолетов, до 120 тыс. орудий всех калибров, до 450 тыс. ручных и станковых пулеметов и т. д. В эти же годы в гитлеровской Германии среднегодовой объем военного производства составлял: танков и самоходных орудий — 18,8 тыс., самолетов — 26 тыс., орудий — 35,5 тыс., пулеметов — 276 тысяч.

Советский Союз возглавил антифашистскую коалицию государств с различным общественным устройством. Истинной движущей силой этой коалиции был народ. Борьба широких масс против фашизма приняла огромный размах во многих странах Европы и Азии. Славные страницы в историю освободительной борьбы вписали партизаны Югославии и французские маки, чешские партизанские группы и патриоты Болгарии и Польши, Норвегии и Албании и т. д. В глубоком подполье лучшие представители германской нации боролись против гитлеровского режима и вносили свою лепту в крушение гитлеровской диктатуры. Эта победа была завоевана народами всех стран антигитлеровской коалиции во главе с Советским Союзом.

★

Самым важным итогом разгрома германского фашизма и его пособников оказалось появление новой зияющей бреши в системе капитализма. Ряд стран Европы, насчитывающих более 100 млн. человек, пошел по пути социализма. Истекшие годы явились периодом неуклонного роста производительных сил, укрепления внутриполитического положения и международного авторитета социалистических государств. Большое значение имеет тот факт, что капиталистическое господство оказалось в решающей степени подорванным в самой Германии. Часть германского народа сумела сделать надлежащие выводы из войны и всего исторического развития Германии. Образовалась Германская Демократическая Республика, ставшая оплотом мира и социализма в центре Европы. Это означает поворот в судьбах не только Германии, но и всей Европы.

Образование Китайской Народной Республики и ряда других социалистических государств на Востоке коренным образом изменило соотношение сил между социализмом и капитализмом на азиатском континенте. Почти половина населения Азии, насчитывающей примерно 1 400 млн. человек, ныне живет в странах социализма.

За последние десятилетия соотношение населения и территории социалистических стран, с одной стороны, и стран буржуазного мира — с другой, претерпело резкие изменения. Накануне второй мировой войны население СССР составляло $^1/_{13}$ часть населения земного шара. Те-

---

[6] «Вторая мировая война. 1939—1945», стр. 847.

[7] Н. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М. 1947, стр. 38.

ерь же в странах, идущих по социалистическому пути, живет более тре- и населения мира. Эти страны занимают более четверти территории емного шара. После победы народной революции в Китае создан плошной массив социалистических государств, простирающихся от Эль- бы и Альпийских гор до Берингова пролива и китайских морей.

В 1940 г. СССР производил около десятой части мировой промыш- енной продукции. В 1956 г. социалистическая система мирового хо- яйства давала уже около одной трети всей мировой промышленной родукции. В послевоенные годы промышленное производство СССР других социалистических стран в среднем росло в четыре раза быстрее, ем в капиталистических. Преимущество социалистических государств еред капиталистическими странами в темпах развития дает основание читать, что уже в недалеком будущем социалистический мир обгонит мир капитализма по объему производства.

Ослабление империализма после второй мировой войны ярко про- вляется также в развале колониальной системы, составляющем дру- ую важную особенность современного этапа общего кризиса капита- изма. Еще в 1922 г. В. И. Ленин пророчески указывал, что «завтрашний ень во всемирной истории будет именно таким днем, когда окончатель- о проснутся пробужденные угнетенные империализмом народы и когда ачнется решительный долгий и тяжелый бой за их освобождение» [8]. После войны позициям старых колониальных держав были нанесены окрушительные удары в Азии и Африке. Франция потеряла самую круп- ую свою колонию — Индокитай, она вынуждена была уйти из Марок- о и Туниса. В результате войны Япония утратила все захваченные ею ходе войны обширные колониальные владения и все свои старые ко- ии с населением, насчитывавшим много десятков миллионов еловек.

Новые сильные удары были нанесены английскому колониализму. амым крупным из них была потеря «жемчужины империи» — Индии и бразование четырех суверенных республик: Индии, Бирмы, Пакиста- а, Цейлона. Англия вынуждена была вывести свои войска из зоны уэцкого канала, которая считалась важной опорой английского гос- одства на Ближнем Востоке. Попытки вернуть свои позиции путем грессии совместно с Францией и Израилем против Египта кончились озорным провалом и еще больше скомпрометировали империалистиче- кие державы в глазах народов колоний. Огромным потрясением для апиталистической Англии, так же как и других колонизаторов, была ракская революция. Усиливается освободительное движение в Африке, где уже образовалось несколько суверенных государств. Все это го- орит о том, что колониализм неуклонно идет к своему концу.

Даже представители империалистических кругов признают, что ре- олюционный процесс крушения колониального господства охватил весь олониальный мир. Член Верховного суда США Дуглас после своей по- здки по странам Востока писал: «Азия, пробудившись, избавляется т того представления, что ей суждено быть вечно эксплуатируемой ападом. Революция в России была одним из тех факторов, которые при- ают людям уверенность в том, что они могут сбросить с себя цепи гне- а... А победа коммунистов в Китае дала огромный толчок развитию деи революции» [9].

Накануне второй мировой войны население колоний и зависимых тран составляло 1 450 млн. человек, территория — более 78 млн. кв. км. 1959 г. население колоний и протекторатов составляло лишь 160 млн. еловек, а занимаемая ими площадь—25,5 млн. кв. км [10].

[8] В. И. Ленин. Соч. Т. 36, стр. 559.

[9] W. Douglas. North from Malaya. Adventure on Five Fronts. New York. 1953, p. 322—323.

[10] См. В. Я. Аварин. Распад колониальной системы. М. 1959, стр. 13, 40.

Таковы некоторые цифры, характеризующие глубину и размах процесса распада колониальной системы империализма после второй мировой войны. Значение этого факта для общего ослабления капиталистической системы огромно. Империализм теряет свои тылы, лишается источников сверхприбылей, возможностей открытого грабежа материальных ресурсов в бывших колониях. Почти все ранее угнетенные страны, ставшие в последнее время на путь независимого развития, порвали с агрессивной империалистической внешней политикой метрополий и придерживаются нейтралитета. Внешняя политика государств, сбросивших империалистический гнет после второй мировой войны, оказывает свое активное воздействие на развитие мировых событий, препятствуя осуществлению агрессивных замыслов империалистов.

Империалистическим державам становится все труднее удерживать свое господство в существующих еще колониях, так как пример освободившихся стран вдохновляет все угнетенные народы на усиление национально-освободительного движения. Особенно усиливается натиск народов на позиции колонизаторов в Африке и в Латинской Америке, где последним еще удалось сохранить господство в ряде районов.

В послевоенные годы продолжал свое действие закон неравномерности развития капиталистических стран. Доминирующую роль в капиталистическом мире стали играть США. Американские монополистические круги возглавляют империалистический лагерь, причем крупные монополии других капиталистических государств в значительной мере зависят от финансовой «помощи» США в деле восстановления ослабевших в ходе второй мировой войны позиций в своих странах и на международной арене. Эта «помощь» носила ярко выраженный классовый характер, то есть была направлена на восстановление позиций капитализма в Европе и в других странах.

В связи с усилением неравномерности экономического развития капиталистических стран обостряется борьба за рынки сбыта и источники сырья, углубляются противоречия между империалистическими государствами. В послевоенные годы возросла экономическая мощь западногерманских и японских монополий. Они пытаются восстановить и расширить свои внешнеэкономические позиции, усиливая наступление на своих конкурентов.

Сравним данные роста индексов промышленной продукции в Западной Германии, США и некоторых западноевропейских государствах. Если принять объем промышленной продукции в 1953 г. за 100, то в 1954 г. он составлял: в Западной Германии — 112, в США — 93, в Англии — 107, в Италии — 109, во Франции — 110; в 1955 г. соответственно — 129, 104, 113, 119 и 120. В 1957 г. Западная Германия превысила почти в полтора раза объем промышленной продукции 1954 г., в то время как США и Англия лишь незначительно увеличили объем промышленного производства. Отстали от Западной Германии также Франция и Италия [11].

В 1958 и 1959 гг. разрыв между Западной Германией и другими капиталистическими странами в росте промышленной продукции еще увеличился. Ныне Западная Германия производит, например, по сравнению с Францией угля в два с лишним раза больше, стали — почти в два раза, чугуна — в полтора раза и электроэнергии — более чем в полтора раза [12]. В то время как удельный вес Англии во всем промышленном производстве капиталистического мира составлял в 1958 г. 8,3%, ФРГ достигла 10,5% [13] (против 7% в 1953 г.). Таким образом, Западная Германия выдвинулась на второе место в капиталистическом мире.

[11] «Monthly Bulletin of Statistics of the United Nations». March 1959.
[12] «Beiträge zur Zeitgeschichte». 1959, H. 3/4, S. 192.
[13] «Neues Deutschland», 10 января 1960 года.

есь осуществляется с помощью западных держав обширная програм- перевооружения. Западногерманское государство носит явно мили- ристский характер. В нем установлен крайне реакционный клерикаль- -милитаристский режим и возрождается реваншизм и экспансионизм.

В западногерманской печати откровенно выдвигаются требования том, чтобы предоставить ФРГ «традиционное положение» в «европей- ом пространстве»[14]. Вновь выходящий ныне в ФРГ журнал «Geopoli- » ведет разнузданную проповедь идей космополитизма, объявляя веренитет отдельных государств устаревшим и призывая к тому, что- признать отечеством германских милитаристов всю Европу[15]. В За- дной Германии берется под защиту фашистский «рейх» и его по- тика[16].

Германский милитаризм вновь стал серьезной угрозой делу мира Европе. Он пытается угрожать не только социалистическим государ- вам, но не в меньшей мере и капиталистическим странам Европы. В ой связи усиливаются противоречия между западногерманским ми- таризмом и рядом европейских капиталистических стран. В послевоен- м капиталистическом мире вновь возникли многочисленные узлы про- воречий. Особо следует выделить растущие противоречия между США всеми другими капиталистическими странами, на руководство которы- США претендуют, а также принимающие все большую остроту проти- речия между двумя экономическими блоками в Европе — «группой щего рынка», фактически руководимой ФРГ, и группой «зоны свобод- й торговли», возглавляемой Англией.

С точки зрения внутренней неустойчивости и шаткости империализ- по-прежнему наибольшее значение имеет противоречие между тру- м и капиталом, между трудящимися и эксплуататорами.

Процессы, происходящие внутри отдельных капиталистических стран во всем лагере капитализма после окончания войны, характеризуются илением демократических сил, огромным ростом роли народных масс общественности как внутри самих этих государств, так и на междуна- дной арене. Социальная база империализма сужается. Это находит ое выражение в развитии борьбы рабочего класса, укреплении его ганизаций, усилении влияния коммунистической идеологии. Рабочий асс и его авангард — коммунистические партии — играют ведущую ль в демократических движениях современности. Война ясно показа- , что коммунисты являются последовательными патриотами, реши- льными защитниками интересов народа. Влияние коммунистов в капи- листическом мире после войны резко возросло. В странах капита- усиливается забастовочное движение. Так, за период 1951—1957 гг. США в среднем ежегодно бастовало свыше 2 млн., во Франции — ыше 1 млн. чел., а в ФРГ и Англии насчитывалось до 1 млн. бастующих. лько в 1957 г. в США было зарегистрировано 3 673 стачки, во Фран- и — 2 623, Англии — 2 859, Японии — 830[17].

Обостряются противоречия между монополистической буржуазией народом, выступающим против ее попыток задушить демократические боды и установить свою открытую террористическую диктатуру. е большее число людей в капиталистических странах начинает ясно нимать пороки общества, основанного на эксплуатации и угнетении; стет среди народов недовольство засильем монополий. Не случайно ологеты буржуазии выдвигают различные теорийки о «народном питализме», «регулируемом капитализме» и т. д., стремясь приукрасить временный капитализм, силясь доказать его «разумность». Массовая

---

[14] См. «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 16 April 1959.
[15] «Geopolitik», 1954, H. 5, S. 316.
[16] См., например, H. C. Backhaus. Volk ohne Führung. Göttingen. 1955, S. 157.
[17] См. «Проблемы мира и социализма», 1959, № 12. Приложение, стр. 35—38.

безработица, принявшая в капиталистических странах хронический характер, служит одним из убедительных свидетельств порочности капиталистического строя. Только в 1958 г. в США, по заниженным официальным данным, было 4,6 млн. безработных, в Италии—1,8 млн., ФРГ — 0,7 млн., Англии — 0,5 млн.[18].

Народные массы все более активно вмешиваются в политику капиталистических правительств, заставляя их считаться со своей волей и устремлениями. Этот процесс особенно характерен для XX века. «С начала XX столетия, — указывал В. И. Ленин, — ...произошли большие изменения, а именно: миллионы и сотни миллионов, — фактически громаднейшее большинство населения земного шара, — сейчас выступают, как самостоятельные активные революционные факторы»[19]. Ленин особенно призывал «помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира»[20].

Возросшая роль народных масс после второй мировой войны наиболее ярко видна на примере борьбы вокруг решающей проблемы современности — проблемы войны и мира. Здесь вмешательство народных масс приняло особенно активный характер, борьба народов за мир охлаждает пыл наиболее агрессивных и авантюристических элементов империализма. И это, несомненно, также представляет собой одно из величайших явлений в послевоенный период.

★

Коренное изменение в мировой обстановке в послевоенный период и прежде всего укрепление социалистического лагеря, рост демократических сил во всех странах, остро выдвинуло вопрос о мирном сосуществовании двух мировых систем.

Принцип сосуществования был принят в качестве основы советской внешней политики с первых дней возникновения социалистического государства и незыблемо проводился в жизнь Коммунистической партией и Советским правительством.

Этот принцип в течение всех лет войны лежал в основе межгосударственных отношений Советского Союза, с одной стороны, и его союзников по антигитлеровской коалиции — с другой. Торжество этого принципа в годы войны определялось экономическим и военным могуществом нашей страны, ставшей с самого начала главной силой в антифашистской борьбе, поддержкой политики Советского Союза народными массами капиталистических стран, оказывавших давление на правительства своих стран. Ведущая роль СССР в разгроме фашизма была признана У. Черчиллем, который 23 февраля 1945 г. писал И. В. Сталину: «Красная Армия празднует свою 27-ю годовщину с триумфом, который вызвал безграничное восхищение ее союзников и который решил участь германского милитаризма. Будущие поколения признают свой долг перед Красной Армией так же безоговорочно, как это делаем мы, дожившие до того, чтобы быть свидетелями этих великолепных побед»[21].

Правда, влиятельными кругами Запада было предпринято немало попыток нарушить принципы сосуществования и совместной борьбы, особенно в конце войны, когда участь гитлеровской Германии уже была решена. В связи с этим нельзя не вспомнить о вынашивавшихся Черчиллем планах образования в Европе силами английских и американских войск нового фронта против продвижения советских армий[22]. В то

---

[18] Там же, стр. 30.

[19] В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 457—458.

[20] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 220.

[21] «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945». Т. I. М. 1957. стр. 310.

[22] W. S. Churchill. The Second World War. Vol. V. London. 1954, pp. 498—499.

ке время мы знаем, что определенная часть правящих кругов гитлеровской Германии пыталась тогда заключить сепаратный мир с западными странами и прежде всего с Англией. Характеризуя внешнеполитические планы так называемой генеральской оппозиции, реакционный западногерманский историк В. Гёрлиц писал: «Офицерская оппозиция начала поиски правительства, которое было бы в состоянии начать переговоры с (западными.— *Д. М.)* союзниками» [23].

Однако факторы, о которых говорилось выше, оказались неизмеримо сильнее устремлений империалистической реакции. Советская Армия наносила врагу удар за ударом, мощь которых нарастала с каждым месяцем, с каждым днем. Воля широких народных масс сокрушить врага препятствовала всем планам сговора реакционных сил капиталистических стран с фашистскими агрессорами. Эта воля сплачивала союз народов, объединенных борьбой против фашизма, цементировала антигитлеровскую коалицию. В такой обстановке какие-либо сепаратные мирные переговоры на Западе теряли всякий смысл и цену, их невозможно было ни оправдать теоретически, ни осуществить практически. Антигитлеровская коалиция выдержала испытания и последних месяцев войны и добилась полного поражения общего врага.

Соглашения военного времени — англо-советский союз 1942 г., франко-советский договор 1944 г., тегеранские и крымские решения 1943—1945 гг. и, наконец, Потсдамская декларация 1945 г.— сыграли большую роль в достижении победы. Эти соглашения могли бы стать основой для установления нормальных, миролюбивых взаимоотношений между государствами после войны. Дух этих совместных документов и уроки, вытекающие из факта их принятия, оказывали и оказывают новое воздействие на взаимоотношения держав, служа практическим доказательством не только возможности, но и плодотворности для дела мира, сотрудничества государств с различным социальным строем. Оценивая результаты Крымской конференции, Ф. Рузвельт заявил в конгрессе США: «Конференция была успешной попыткой трех ведущих государств найти общую для всех основу мира. Она означает конец системы односторонних мер, сепаратных союзов, замкнутых сфер влияний, равновесия держав и всяких подобных же вспомогательных средств, которые испытывались на протяжении веков и не оправдывались» [24].

В своих мемуарах, изданных в 1948 г., Д. Эйзенхауэр вполне реалистически оценивал перспективы советско-американских отношений: «Прошлые отношения Америки и России не давали повода смотреть на будущее пессимистически. Исторически оба народа поддерживали нерушимую дружбу, уходящую своими истоками к образованию Соединенных Штатов как независимой республики, за исключением короткого периода их дипломатические отношения не прерывались... Дважды они были союзниками в войне. С 1941 г. зависели друг от друга в достижении окончательной победы над державами оси в Европе». Д. Эйзенхауэр отмечал, что не будет угрозы войны, «если между Америкой и Советами может быть достигнуто взаимное доверие» [25].

После второй мировой войны империалистическая реакция предприняла ожесточенные атаки с целью нарушить мирное сосуществование. Правящие круги Англии, Франции и США отказались от основных принципов соглашений военного времени. Бывший президент США Г. Трумэн объявил союз между США и СССР в годы войны «случайно-

---

[23] W. Görlitz. Der deutsche Generalstab. Geschichte und Gestalt. Frankfurt am Main. 1953, S. 333.

[24] См. K. Bittel. Atlantikpakt oder kollektive Sicherheit für Europe. Berlin. 1954, S. 70.

[25] «Crusade in Europe by D. D. Eisenhower». New York. 1948, pp. 457—458.

стью»[26]. В политике «холодной войны» нашли отражение попыт ки империалистических сил отказаться от учета послевоенных измене ний и повернуть события вспять, от сосуществования к войне. Наиболе реакционные представители империализма лелеют мечту задушить со циализм и восстановить полновластие капиталистической системы на миром. «Холодная война» основывалась на признании силы в качестве орудия американской внешней политики. Можно напомнить хотя бы заявление Г. Трумэна о том, что США должны использовать силу, чтобы установить свое руководство над миром[27]. Об этом же откровенно за являли многие известные деятели капиталистической политики прессы[28].

Известный английский историк Фуллер, защищая политику «с по зиции силы», возводит войну в «естественный закон» и подхватывае гитлеровскую теорию «жизненного пространства»[29].

Подобные теории имеют свою сугубо практическую цель: оправ дать политику гонки вооружений и милитаризации, проводимую органи заторами «холодной войны».

Неизбежность войны вообще и американо-советского столкнове ния в частности — таковы два основных тезиса сторонников политики «с позиции силы», взявших курс на развязывание новой агрессии, направ ленной против СССР и других социалистических государств. Однако им периалисты неправильно оценили обстановку, явно преувеличили свои собственные силы и пренебрегли уроками второй мировой войны. На пути осуществления империалистических замыслов встали возросшие силы демократии и мира. Развитие событий в послевоенное время характе ризуется крахом попыток империалистов повернуть колесо истории вспять. Вопреки воинственным стремлениям империалистической реак ции действие факторов, толкающих капиталистические страны к признанию принципов сосуществования, усилилось в послевоенный пе риод. Решающее значение при этом имело изменение соотношения сил между социализмом и капитализмом, ликвидация атомной монополии Соединенных Штатов Америки, крах мифа о неуязвимости американского континента.

В условиях постоянного изменения соотношения сил между социа лизмом и капитализмом в пользу социализма сосуществование превра щается в жизненную необходимость для самого капитализма, ибо уроки двух мировых войн показывают, что капиталистической системе в ре зультате этих войн были нанесены непоправимые удары.

Политическое и идеологическое воздействие социализма на весь ка питалистический и колониальный мир неоспоримо. Оно становится все более могучей и решающей материальной силой, влияющей на ход мировой истории. Это воздействие усиливается в связи с большими побе дами Советского Союза в области научно-технического соревнования между социализмом и капитализмом. Особенно следует отметить успехи СССР в области развития ракетной техники, запуска космических ракет. Влияние социализма сказывается в решающей степени на развитии современных международных отношений. Наиболее здравомыслящие лидеры капиталистического мира вынуждены признать, что единствен ная альтернатива — это мирное сосуществование двух социально-эконо мических систем. Этот новый фактор побуждает некоторых политиков США более трезво оценивать обстановку. «Мощь современного ору жия,— пишет Киссингер,— сделала всеобщую ядерную войну бесполез

[26] «Memoirs by Harry S. Truman». Vol. I. New York. 1956, p. 516.

[27] См. Kai Moltke. Kampf um Atommonopol. Berlin. 1958, S. 33.

[28] См., например, аналогичное высказывание Уолтера Липпмана в «One World or None». New York. 1946, p. 75.

[29] J. F. Ch. Fuller. The Decisive Battles of the Western World and their influence upon History. Vol. 1. London, 1954, p. 2.

ой в качестве средства проведения политики, если, конечно, не говорить б актах, порожденных отчаянием»[30].

Ведь весьма показательно, что именно те политические деятели, оторые считаются «отцами» доктрин «холодной войны» и политики «с озиции силы», вынуждены ныне пересматривать свои концепции. Мы оворим о Черчилле и Кеннане. Оба они сторонники тех внешнеолитических доктрин, которые признавали лишь один критерий — военую силу, и именно они ныне вынуждены публично выступать с критиой этих доктрин и призывать капиталистический мир к благоразумию.

Великая победа свободолюбивых народов во второй мировой войе и все послевоенное развитие открывают возможность для исключения ойн из жизни человечества как средства разрешения спорных вопроов. Впервые этот всемирно-исторический вывод был сделан на основе лубочайшего марксистско-ленинского анализа современной обстановки а XX съезде КПСС в 1956 году. XXI съезд КПСС углубил и развил оложение о возможности исключения войн из жизни человечества. X и XXI съезды раскрыли перед миром новые лучезарные перспективы. документах съездов вновь подчеркивалось, что, как никогда раньше, удьба мира находится в руках народов, которые обладают ныне реальыми силами, чтобы осуществить вековую мечту человечества — избаить мир от бедствий войны.

Итоги второй мировой войны служат наглядным уроком для тех грессивных сил в западных странах, которые хотели бы «переиграть гру», ввергнуть мир в пучину войны. В новой обстановке, характериющейся коренным изменением соотношения сил в мире в пользу соиализма, подобные планы могут родиться лишь в головах безнадежных вантюристов, потерявших всякую способность считаться с реальными актами действительности. В наше время единственно разумный путь азвития взаимоотношений между государствами, входящими в лагерь оциализма и лагерь капитализма, — это путь сосуществования. Советкий Союз, руководствуясь этим принципом, настойчиво выступает за еобщее и полное разоружение, прекращение испытаний атомного оруия, за подведение черты под второй мировой войной. Заключение мирого договора с двумя реально существующими германскими государвами обеспечило бы нормальную обстановку мира и спокойствия в вропе и содействовало бы практическому осуществлению принципов ирного сосуществования в международных отношениях.

Говоря о новом этапе сосуществования, Н. С. Хрущев в докладе на ессии Верховного Совета СССР в октябре 1959 г. подчеркнул: «Сейчас опрос состоит не в том, должно или не должно быть мирное сосуществование,— оно есть и будет, если мы не хотим безумия мировой ядерро-ракетной войны. Суть в том, чтобы сосуществовать на разумной снове»[31].

Именно за такое сосуществование, знаменующее торжество разуа, борется Советский Союз, выступающий за то, чтобы исключить войы из жизни человечества.

---

[30] Г. Киссингер. Ядерное оружие и внешняя политика. М. 1959, стр. 216.
[31] «Правда», 1 ноября 1959 года.

ПОДЪЕМ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Р. Г. Ланда

В. И. Ленин при разработке стратегии и тактики пролетарских партий в эпоху империализма уделял много внимания национально-колониальному вопросу, рассматривая национально-освободительное движение как важный фактор углубления общего кризиса капитализма. В статье «Лучше меньше, да лучше», написанной в марте 1923 г., вождь мирового пролетариата следующим образом определил роль Востока, прежде всего Индии и Китая, в ходе всемирной битвы между капитализмом и социализмом: «Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена» [1]. В. И. Ленин гениально предвидел неизбежный бурный рост национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах. Он писал, имея в виду страны Востока, что «для всего мира ясно теперь, что они втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма» [2].

Жизнь блестяще подтвердила все положения ленинского учения, в том числе предвидение В. И. Ленина относительно перспектив развития национально-освободительного движения в странах Востока.

За последнее пятнадцатилетие оно широко развернулось в Азии и Африке. Активное участие в этом движении приняли арабские народы. После второй мировой войны 9 арабских стран, в том числе Тунис и Марокко, встали на путь независимого развития. Они получили признание и поддержку со стороны прогрессивных сил всего мира, прежде всего социалистических государств во главе с Советским Союзом. Н. С. Хрущев в докладе на XXI съезде КПСС отметил: «Мы приветствуем национально-освободительное движение арабских народов и других народов Азии, Африки, избавившихся от колониального гнета» [3].

Бурное развитие освободительного движения в арабских странах, которое является ярким свидетельством распада колониальной системы империализма, вызывает необходимость его внимательного изучения. В этой связи чрезвычайно важным представляются анализ эволюции,

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 458.
[2] Там же, стр. 457.
[3] «Материалы Внеочередного XXI съезда КПСС». М. 1959, стр. 68.

пережитой странами Магриба[4] за последние 14—15 лет, и определение вклада народов этих стран в антиимпериалистическую борьбу. Советской историографией достигнуты в этой области определенные результаты: вышли в свет книги Н. А. Иванова, Н. С. Луцкой[5], опубликован ряд научно-исследовательских статей[6]. Однако до сих пор еще нет крупных исследований по истории национально-освободительного движения в Северной Африке после второй мировой войны.

Важными источниками по истории этого движения являются документы и периодические издания коммунистических партий Алжира, Туниса и Марокко, содержащие анализ политической и классовой борьбы в Магрибе с позиций марксистско-ленинской теории[7]. Часть этих материалов недавно переведена на русский язык[8]. Большую ценность представляют также документы национально-буржуазных партий стран Магриба, хотя в этих документах часто неправильно, с позиций буржуазной или мелкобуржуазной идеологии освещаются события общественной жизни[9].

Литература о национальном движении в Северной Африке включает исследования и публицистические произведения. Среди них следует отметить книги прогрессивных исследователей Жака Арно, Альбера Аяша, Поля Себа, Марселя Эгрето и др.[10]. Алжирская проблема всесторонне рассмотрена в брошюре секретаря ЦК Коммунистической партии Алжира Ларби Бухали[11].

Большинство произведений буржуазной, в основном французской, историографии написано с реакционных, колониалистских позиций и имеет целью оправдать империалистическую политику правящих кругов Франции в Северной Африке[12].

Особое положение занимают книги о национальном движении в Ма-

---

[4] Северная Африка, или Магриб, составляет западную часть арабского мира, включающего страны, расположенные по южному побережью Средиземного моря, в долине Нила, в Передней Азии и на Аравийском полуострове. Народы этих стран, довольно разнородных по своим социальным условиям и уровню экономического развития, связаны общностью исторических, языковых и культурных традиций, сознанием своего единства и принадлежности к сообществу арабов.

[5] Н. А. Иванов. В борьбе за независимость. М. 1957; его же. Современный Тунис. М. 1959; Н. С. Луцкая. Марокко вновь обретает независимость. М. 1958.

[6] Н. А. Иванов. Тунис, Марокко и Алжир. Сборник «Арабы в борьбе за независимость». М. 1957; Р. Г. Ланда. Борьба алжирского народа за национальную независимость. Журнал «Советское востоковедение». 1957. № 6.

[7] Ali Yata. Aider l'Algérie à conquérir rapidement son indépendance nationale. Rapport présenté à la session du Comité Central du Parti Communiste Marocain. 26—27 octobre 1957; Larbi Bouhali. Action unie sur le sol national pour une Algérie libre et independante. Rapport présenté au VI-e Congrès National du Parti Communiste Algérien. Hussein-Dey 21—23 février 1952; газета «Liberté» (Alger) за 1952—1955 гг.; «Parti Communiste Tunisien. Pour une Tunisie libre et independante». Tunis, 1951; «Pour une Nation Algérienne Libre, Souveraine et Heureuse». Ed. par le Comité Central du Parti Communiste Algérien. Mars 1957.

[8] «Досье изгнанника» (Документы о борьбе генерального секретаря Коммунистической партии Марокко Али Яты за отмену постановления о его изгнании). М. 1959; «Коммунистическая партия Марокко в борьбе за национальную независимость». Материалы и документы. 1949—1958 гг. М. 1959.

[9] Газета «Аль-Басаир» (Алжир) за 1952—1954 годы (на арабском языке); газета «Аль-Мукавама Аль-Джазаирийа» за 1956—1957 гг. (на арабском языке); H. Bourguiba. La Tunisie et la France. Vingt-cinq ans de lutte pour une cooperation libre. Paris. 1954; «Deuxième Congrès National du Mouvement pour le Triomphe des Libertés Démocratiques en Algérie» (Materiaux). Alger. 4—6 avril 1953; «Du Manifeste à la République Algérienne». Alger. 1948; «Tunisian Destur Party. The Problem of Tunisia (1). The Political Status of Tunisia». Cairo. 1951.

[10] J. Arnault. Procès du colonialisme. Paris. 1958; А. Аяш. Марокко. Итог одной колонизации. М. 1958; П. Себа. Тунис. М. 1953; М. Эгрето. Алжирская нация существует. М. 1958.

[11] Ларби Бухали. Октябрьская социалистическая революция и национальное движение в Алжире. М. 1957.

[12] H. Bénazet. L'Afrique française en danger. Paris. 1947; P. Fontaine. Alger—Tunis—Rabat. Les dessous du drame nord-africain. Paris. 1953.

грибе, изданные в арабских странах. Они в основном освещают события в Магрибе с антиимпериалистических позиций[13].

Настоящая статья ставит своей задачей осветить лишь главные вопросы национально-освободительного движения народов Магриба после окончания второй мировой войны и до осени 1959 года.

★

Народы Северной Африки оказывали упорное сопротивление колонизаторам с момента их вторжения. На первом этапе эта борьба возглавлялась представителями господствующих классов: феодальной аристократии, теократической верхушки братств марабутов[14] и феодализировавшейся племенной знати. Однако антиколониальные выступления терпели поражение.

Новый этап в освободительном движении народов Северной Африки связан с периодом «пробуждения Азии». Вслед за революцией 1905 г. в России демократическая революция охватила всю Азию. В своей известной статье «Пробуждение Азии» В. И. Ленин писал: «Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию... Пробуждение Азии и начало борьбы за власть передовым пролетариатом Европы знаменуют открывшуюся, в начале XX века, новую полосу всемирной истории»[15]. Процесс «пробуждения Азии» в значительной степени сказался в Северной Африке, особенно в Алжире и Тунисе. Здесь по мере усиления колонизации, стимулировавшей развитие капиталистических отношений, росли новые социальные силы: пролетариат и национальная буржуазия. В Алжире и Тунисе в начале XX в. появились политические организации, именовавшиеся в литературе «младоалжирцами» и «младотунисцами», которые, выражая требования нарождавшейся национальной буржуазии и постепенно примыкавших к ней феодальных прослоек, требовали уравнения в правах североафриканцев с французами.

После первой мировой войны и победы Великой Октябрьской социалистической революции, указавшей путь к освобождению всем угнетенным народам мира, национальное движение народов Магриба развивалось в условиях общего подъема освободительной борьбы народов Востока, положившего начало кризису колониальной системы империализма. В Северную Африку стали проникать идеи марксизма-ленинизма. В 1920 г. были созданы североафриканские секции Коммунистической партии Франции, позднее преобразованные в самостоятельные партии.

Под давлением широко развернувшегося народного движения империалисты были вынуждены пойти на отдельные уступки: в 1919 г. верхушка коренного населения Алжира получила избирательные права; в 1922 г. некоторое подобие представительных учреждений было создано и в Тунисе. Но эти половинчатые реформы не остановили в последующие годы развития антиимпериалистического движения, возглавленного национальными буржуазными партиями и организациями[16].

---

[13] Алляль аль-Фаси. Аль-харакат аль-истиклалийа фи-ль-Магриб аль-Арабий (Освободительные движения в Арабском Магрибе). Каир. 1948; Саад Заглул Фуад. Аль-Джазаир фи мааракат-ат-тахрир (Алжир в битве за освобождение). Тунис. 1957; Ибрахим Кубба. Адва аля-ль-кадыйа аль-джазаирийа (Освещение алжирской проблемы). Багдад. 1956.

[14] Марабуты — члены религиозных братств, возникших в Магрибе еще в XI веке. Позднее марабутами стали называться только выдвигавшиеся этими братствами своего рода местные святые.

[15] В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 66.

[16] В Тунисе на базе организации «младотунисцев» возникла в 1920 г. партия «Дустур» (сокращенно от «Хизб аль-хурр ад-дустури»; буквально «Конституционно-либеральная партия»). В 1934 г. из ее рядов выделился «Новый Дустур», к которому

С началом второй мировой войны деятельность различных патриотических партий и организаций, стоявших на позициях освободительной борьбы, была запрещена. Она возобновилась лишь в 1943—1944 годах. Североафриканцы, многие из которых сражались в рядах французской армии, надеялись, что правительство Франции оценит их вклад в общее дело борьбы со странами фашистского блока. Однако французские империалисты не хотели отказываться от своего господства в Северной Африке. В мае 1943 г. ими был свергнут с престола и выслан из Туниса бей Мухаммед аль-Мунсиф, выступивший в конце 1942 г. с программой антиколониальных реформ, и распущено созданное беем национальное правительство. В январе 1944 г. колониальные власти арестовали лидеров марокканской партии «Истикляль» [17], потребовавших в своем манифесте реформы системы управления и предоставления Марокко независимости. Массовые демонстрации протеста против этих арестов были расстреляны, их участники подверглись жестоким преследованиям. В ходе подавления восстания в Алжире в мае 1945 г. карательные отряды армии, полиции и европейских колонистов убили до 45 тыс. алжирцев [18].

В результате победы Советского Союза над гитлеровской Германией и империалистической Японией произошло дальнейшее углубление и обострение общего кризиса капитализма. Образовался мировой лагерь социализма во главе с СССР. Начался бурный процесс распада колониальной системы империализма. Коренное изменение международной обстановки, рост демократических сил во Франции после ее освобождения от гитлеровского гнета и подъем антиколониального движения почти во всех заморских владениях Франции не позволяли французскому империализму продолжать прежнюю политику открытого удушения народов колониальных или зависимых от Франции стран. Поэтому первые послевоенные годы почти во всех французских колониях, в том числе и в Магрибе, ознаменовались рядом маневров колонизаторов, вынужденных пойти на временные уступки национальному движению. Однако с началом наступления реакции во Франции в 1947 г. империалисты вновь возобновили террор и репрессии. Этот удар вызвал перегруппировку сил патриотов и их контрнаступление. Главным фактором подъема национального движения в Магрибе после второй мировой войны явилось вовлечение в эту борьбу широких масс крестьянства.

Развитие национально-освободительного движения народов Магриба после второй мировой войны прошло три основных этапа: 1) послевоенный подъем национально-освободительной борьбы, вызвавший показные уступки и «реформы» со стороны колонизаторов (1945—1947 гг.); 2) перегруппировка национальных сил в условиях наступления реакции (1947—1951 гг.); 3) контрудар национальных сил (1951—1956 гг.). Разумеется, указанные хронологические рамки условны. В каждой североафриканской стране переход к тому или иному этапу совершался в различное время и по-разному, в зависимости от особенностей социально-экономического и политического развития данной страны. Тунис, например, раньше других (с конца 1951 г.) вступил в третий этап. Это объясняется прежде всего тем, что национальная буржуазия Туниса — наиболее сильная в Магрибе, а освободительное движение было наиболее организованным и монолитным. В Марокко первый этап получил весьма слабое выражение, а третий этап начался позднее, чем в

перешла ведущая роль. В Алжире в 1927 г. образовалась соглашательская Федерация туземных избранников, а в 1931 г. была создана Ассоциация улемов. Мелкобуржуазная «Северо-африканская звезда», образованная в 1926 г., в 1937 г. была реорганизована в «Партию алжирского народа». В Марокко в 1934 г. был создан «Комитет марокканского действия», на базе которого в 1937 г. возникли «Национальная партия для осуществления требований» и «Народное движение».

[17] «Истикляль» по-арабски — «независимость». Эта партия создана в 1943 г. на основе «Национальной партии для осуществления требований».

[18] «Réalités algériennes», Alger, MTLD, 1953, p. 105.

Тунисе (с осени 1953 г.), ввиду сравнительной прочности позиций сотрудничавших с колонизаторами реакционных феодалов и разобщенности патриотических сил. В Алжире чрезвычайно затянулся второй этап (до 1954 г.), причиной чего было наличие в стране значительного европейского меньшинства, которое в основном поддерживало французскую администрацию. Третий этап в Алжире продолжается и в настоящее время, а в Марокко и Тунисе с 1956 г. начался новый этап — борьба за укрепление национальной независимости.

★

В Тунисе после второй мировой войны маневры колонизаторов свелись к уравнению количества делегатов в тунисской и европейской секциях так называемого Большого совета [19], некоторой демократизации избирательной системы и увеличению числа министерств, возглавляемых тунисцами. Практически эти реформы ничего не изменили. По существу они преследовали цель укрепить режим протектората путем чисто внешних изменений его юридических форм.

Реформы 1945—1947 гг. ни в коей мере не удовлетворяли стремления народных масс Туниса к независимости. Выразителем этого стремления явилась Коммунистическая партия Туниса, выступившая 4 августа 1946 г. с предложением об объединении всех антиколониальных сил страны в Тунисский национальный фронт. В основу программы фронта были положены следующие требования: упразднение режима протектората и всего колониального аппарата; выборы в Тунисское национальное собрание, суверенное и учредительное, избираемое путем прямых и всеобщих выборов; образование тунисского правительства, ответственного перед избранниками народа [20]. Националистические партии не приняли предложения коммунистов о сотрудничестве, но резко выступили против режима протектората.

В августе 1946 г. Национальный конгресс, созванный по инициативе главной буржуазно-националистической партии «Новый Дустур» (в нем участвовали также «Старый Дустур» и некоторые другие организации), принял Декларацию независимости, в которой провозглашалось «неотъемлемое право тунисского народа обрести свою неприкосновенную независимость» [21]. Французская полиция разогнала конгресс, и многие его участники были арестованы, на что трудящиеся Туниса ответили трехдневной всеобщей забастовкой протеста. Эта забастовка показала возможность единства всех национальных сил в борьбе против колониализма. В частности, подобное единство возникло в рядах движения сторонников мира [22]

Однако в 1949 г. руководство «Нового Дустура» сняло требование о немедленном предоставлении Тунису независимости и объявило своей ближайшей целью достижение «внутренней автономии» Туниса путем так называемой «политики почетного компромисса», то есть сотрудничества с французскими властями [23]. Одновременно оно обещало поддерживать

---

[19] Большой совет — совещательное собрание, созданное в 1922 г., функции которого ограничивались рассмотрением финансово-экономических вопросов.

[20] «Parti communiste tunisien. Pour une Tunisie libre et independante». Tunis. 1951 p. 24.

[21] «Tunisian Destur Party. The Problem of Tunisia (1). The Political Status of Tunisia», p. 19.

[22] Член Политбюро «Нового Дустура» Али Бильхаван возглавил образованный в апреле 1949 г. тунисский «Комитет за свободу и мир». В состав комитета наряду с коммунистами и беспартийными общественными деятелями вошел лидер «Старого Дустура» Бен Миляд.

[23] Руководство «Нового Дустура» в рамках этой политики выдвинуло в апреле 1950 г. следующие требования: 1) возрождение института тунисской исполнительной власти; 2) организация тунисского правительства во главе с премьер-министром тунисцем; 3) ликвидация должности генерального секретаря, фактически возглавляющего

оенные мероприятия западных держав в рамках пакта НАТО и отозва-о всех членов своей партии из «Комитета за свободу и мир»[24].

В августе 1950 г. французские власти согласились на образование равительства во главе с тунисцем Шеником[25]. Однако происходившие августе 1950 — феврале 1951 г. франко-тунисские переговоры завершились отказом правительства Франции предоставить Тунису «внутреннюю втономию», что вызвало всеобщее возмущение и трехдневную забастовку протеста в стране (21—23 декабря 1951 г.). Правительство Шеника фициально обратилось 14 января 1952 г. в Совет Безопасности ООН с росьбой вмешаться в спор между Францией и Тунисом. В ответ на это енеральный резидент Франции в Тунисе де Отклок, лично связанный с европейскими капиталистами и крупными колонистами в Тунисе, приказал арестовать 18 января руководителей «Нового Дустура» и Коммунистической партии Туниса, установил цензуру над печатными изданиями объявил вне закона «Новый Дустур». Массовые демонстрации протеста и выступления рабочих, ремесленников, торговцев и студентов, объявивших 1 февраля 1952 г. всеобщую забастовку, жестоко подавлялись расстреливались колонизаторами. Власти протектората арестовали в очь на 26 марта национальное правительство Туниса во главе с премьером Шеником и заменили его марионеточным кабинетом коллаборациониста Салахаддина аль-Баккуша. К началу апреля 1952 г. были арестоаны 20 тыс. тунисцев[26].

Разгул полицейского террора в Тунисе вызвал протесты мирового бщественного мнения. Делегации арабских и азиатских стран 2 апреля 952 г. потребовали, чтобы Совет Безопасности рассмотрел положение, ложившееся в Тунисе. Они предложили срочно созвать специальную сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Это предложение было емедленно поддержано Советским Союзом и странами народной деморатии, а также некоторыми другими государствами. Однако ввиду того, го блок западных держав выступил против созыва специальной сесии, тунисский вопрос обсуждался на очередной сессии Генеральной ссамблеи ООН в октябре 1952 г. и на последующих сессиях. В поддержу национальных требований Туниса всегда выступали делегации азиатких стран и стран социалистического лагеря.

В 1952—1954 гг. в Тунисе происходили непрерывные волнения, патиотические забастовки, демонстрации, кампании бойкота и неповиновеия. Наряду с этим развернулось движение вооруженного сопротивлеия. Тунисские партизаны — фидаи (по-арабски — жертвующие собой), бъединенные в Армию освобождения, взрывали мосты, разрушали средтва связи, нападали на казармы, стратегические объекты и отряды французских войск и полиции.

Французское правительство, убедившись, что политика репрессий не риносит своих плодов, решило несколько изменить тактику. 2 сентября 953 г. оно заменило де Отклока на посту генерального резидента в Тунисе «либеральным» Вуазаром, который отменил цензуру и освободил

унисское правительство; 4) ликвидация института гражданских контролеров (то есть ранцузских чиновников), занимающихся непосредственно административной деятельностью, что несовместимо с суверенитетом Туниса; 5) ликвидация французской андармерии; 6) создание выборных муниципалитетов с представительством французов в тех пунктах, где имеется французское меньшинство; 7) избрание путем всеобщего голосования Национального собрания, первоочередной задачей которого будет азработка демократической конституции, устанавливающей будущие франко-тунисские отношения на основе уважения законных интересов Франции и равным образом важения суверенитета Туниса (П. Себа. Указ. соч., стр. 245—246).

[24] Председатель «Комитета за свободу и мир» доктор Слиман бен Слиман, не одчинившийся этому решению, был исключен из «Нового Дустура».

[25] От «Нового Дустура» в правительство был включен генеральный секретарь артии Салах бен Юсеф.

[26] Н. А. Иванов. В борьбе за независимость, стр. 62.

ряд деятелей национального движения. Кабинет коллаборационист аль-Баккуша был уволен в отставку. 4 марта 1954 г. был опубликова проект реформ, согласно которому учреждалось Тунисское собрани Однако, по сути дела, ничего не менялось, так как последнее получал лишь совещательные функции [27].

Неудача попыток добиться умиротворения при сохранении режим протектората побудила правительство Франции пойти на уступки. Пр бывший в Тунис 31 июля 1954 г. французский премьер-министр Менде Франс заявил о признании внутренней автономии Туниса. Это означал крупный успех освободительного движения. Политбюро Коммунистич ской партии Туниса в своей декларации от 3 августа 1954 г. так охара теризовало сложившееся в стране положение: «Признание и провозгла шение внутренней автономии нашей страны французским правител ством приветствовалось нашим народом как важный шаг к его нацио нальной независимости и к установлению новых отношений между Фран цией и Тунисом» [28].

13 сентября 1954 г. в Париже начались переговоры, завершившиес подписанием 3 июня 1955 г. франко-тунисских конвенций о внутренне автономии. На основании этих конвенций Франция сохраняла контрол над внешней политикой и безопасностью Туниса, брала на себя «защит интересов» проживающих в стране французов и фактически ограничи вала суверенитет Туниса во многих внутренних вопросах (национали зация, аграрная реформа, организация полиции и службы безопасно сти и др.) [29]. Тем не менее внутренняя автономия открыла перед Тун сом новые перспективы: началась демократизация общественно-полити ческой жизни, были отменены ограничения, связанные с периодом колониальных репрессий. 14 сентября 1955 г. было образовано первое тунис ское правительство, в состав которого не вошел ни один французски чиновник.

Тунисский народ рассматривал внутреннюю автономию лишь ка этап на пути к полной независимости. Победа левых сил на выборах в Франции 2 января 1956 г. и сложившаяся международная обстановк (в частности, подъем освободительного движения в Алжире, Марокко других арабских странах) создали благоприятные условия для полного восстановления суверенитета Туниса. Соответствующие переговоры, на чатые в Париже, завершились 20 марта 1956 г. признанием Францией независимости Туниса. Бардосский договор 1881 г. был признан утратив шим силу, а режим протектората — окончательно ликвидирован. 25 мар та 1956 г. в Тунисе были проведены выборы в Учредительное собрание Победу на выборах одержал «Новый Дустур». 14 апреля было образо вано первое в истории страны конституционное правительство во главе с председателем «Нового Дустура» Хабибом Бургибой.

После завоевания политической независимости в Тунисе были проведены чистка государственного аппарата от коллаборационистских и феодальных элементов, реорганизация местной администрации и полиции, буржуазные реформы в области суда, права и быта по образцу кемалистской Турции. 25 июля 1957 г. была ликвидирована монархия, Тунис был провозглашен республикой. 17 августа и 19 ноября были приняты исключительные законы против лиц, сотрудничавших с колонизаторами в период протектората.

Правительство Туниса встало на путь решительной поддержки осво-

---

[27] При обсуждении бюджета равными правами с Тунисским собранием пользовались делегация французов Туниса и франко-тунисская делегация экономических палат страны («Арабы в борьбе за независимость», стр. 54—55).

[28] «France Nouvelle», 7 августа 1954 года.

[29] Текст конвенций опубликован в приложении к журналу «Encyclopédie mensuelle d'outre-mer». Paris. 1955. №№ VIII, IX.

бодительного восстания алжирского народа [30]. Еще 21 мая 1956 г. Бургиба заявил: «Наша солидарность с нашими алжирскими братьями абсолютна и безгранична. Мы будем на их стороне, как бы ни сложились обстоятельства» [31].

Французские колонизаторы, обвиняя Тунис не только в морально-политической, но и в материально-технической поддержке алжирских повстанцев, использовали солидарность тунисцев с алжирцами в качестве предлога для грубых нарушений границы Туниса. Эти постоянные провокации вызывали неоднократные протесты тунисских властей и массовые выступления широких слоев тунисского народа. Наибольший размах эти выступления приняли после варварской бомбардировки французской авиацией тунисского пограничного селения Сакиет Сиди Юсеф 8 февраля 1958 г., на которую правительство Туниса ответило отзывом своего посла из Парижа, выселением европейских колонистов из пограничной зоны и требованием эвакуации из Туниса французских войск.

Резкий подъем антиимпериалистического движения в Тунисе в апреле — мае 1958 г. (массовые демонстрации, блокирование французских войск на их базах и в казармах вооруженными силами Туниса и отрядами патриотической молодежи, обращение Туниса в Совет Безопасности ООН) вынудил новое правительство Франции, сформированное 1 июня 1958 г. генералом де Голлем, пойти на уступки и заключить 17 июня 1958 г. соглашение с тунисским правительством о выводе французских войск из Туниса. В течение 1958 г. эти войска были эвакуированы со всей территории Туниса, за исключением военно-морской базы Бизерты [32].

Успехи освободительной борьбы в Тунисе до и после завоевания им независимости, как и соответствующие мероприятия в области внутренней политики, значительно укрепили политическое и экономическое положение стоящей у власти тунисской национальной буржуазии. Сложившееся в Тунисе положение лучше всего охарактеризовал секретарь ЦК Коммунистической партии Туниса Хармель: «Совершенно очевидно, что достижение независимости еще не означает, что национальная буржуазия уже исчерпала свои революционные возможности. Стремление буржуазии упрочить свою власть приводит ее к необходимости продолжать борьбу с феодализмом и империализмом... Однако после прихода к власти национальная буржуазия неизбежно сталкивается с новыми противоречиями, которые она уже не в состоянии разрешить сама. Все более отчетливо сказываются пороки буржуазии как во внешней, так и во внутренней политике, и влияние ее постепенно падает... В настоящее время рабочий класс начинает постепенно проникаться сознанием своих собственных интересов и понимать истинные цели национальной буржуазии» [33].

★

Развитие национального движения в Марокко после второй мировой войны отличалось по сравнению с Тунисом меньшей монолитностью и бо́льшей социальной разнородностью составлявших его сил. Важной силой этого движения явилась созданная в декабре 1943 г. буржуазная партия «Истикляль», объединявшая широкие слои городского населе-

[30] На состоявшейся в Тунисе в январе 1960 г. конференции стран Африки делегация правительства Туниса, как и марокканская делегация, подтвердила свою политику безусловной поддержки борьбы за освобождение алжирского народа. Эту политику одобрили делегации всех африканских стран.

[31] H. Bourguiba. Au service de la Tunisie. Au service de la Paix. Tunis, p. 41.

[32] В феврале 1960 г. президент Туниса потребовал вывода из Бизерты всех французских войск.

[33] Мохамед Хармель. Национальная буржуазия Туниса до и после прихода к власти. Журнал «Проблемы мира и социализма». 1959, № 8, стр. 80.

ния [34]. Вместе с тем против режима протектората выступал и султан Марокко Мухаммед бен Юсеф совместно с поддерживавшими его (в основном арабскими) феодалами. Другая часть феодалов (в основном берберских) во главе с пашой Марракеша аль-Глауи активно поддерживала колонизаторов и была связана с французскими трестами и местными европейскими капиталистами. Борьба патриотической и коллаборационистской группировок среди феодалов Марокко оказывала сильное влияние на ход освободительного движения. Эту борьбу французские колонизаторы использовали для поощрения сепаратизма берберских феодалов и для разжигания антиарабских настроений среди берберов.

В первые послевоенные годы французские власти в Марокко вынуждены были проводить сравнительно умеренную политику. Были освобождены из заключения деятели национального движения и легализованы патриотические партии. В противоположность тактике «Истикляля», полагавшейся на давление со стороны США, ООН или Лиги арабских стран на правительство Франции, Коммунистическая партия Марокко основной упор делала на развитие освободительного движения внутри страны. В качестве базы для объединения всех патриотов страны она выдвинула 4 августа 1946 г. следующие положения: отмена Фесского договора и франко-испанского соглашения 1912 г., а также других договоров, ограничивающих суверенитет страны; упразднение постов генерального резидента, испанского верховного комиссара и колониальной администрации; объединение страны путем ликвидации французской и испанской зон и международного статута Танжера; эвакуация всех иностранных войск, полицейских сил и жандармерии; национализация горных богатств и конфискация иностранных капиталов, инвестированных в Марокко финансовыми монополиями; создание путем всеобщих выборов Национального собрания, которое даст марокканскому народу конституцию, правительство, администрацию и национальную армию [35]. Однако лидеры «Истикляля», как и других буржуазных партий, не откликнулись на призыв коммунистов.

10 апреля 1947 г. султан выступил в Танжере с речью, в которой заявил о праве марокканского народа на свободу, суверенитет и единство страны [36]. Последовавший за этим патриотический подъем был встречен жестокими репрессиями колонизаторов как во французской, так и в испанской зоне. Особенно усилились репрессии при французском генеральном резиденте Жюэне (1947—1951 гг.). Главные удары Жюэн направлял против Коммунистической партии Марокко, под руководством которой марокканские профсоюзы стали значительной силой национального движения.

В октябре 1950 г. в ходе переговоров султана с президентом Франции французские власти отказались от какого-либо изменения франко-марокканских отношений, а в феврале 1951 г. Жюэн предъявил султану ультиматум, требуя осуждения национального движения. Эти требования были подкреплены концентрацией французских войск в крупных городах и выступлением 20 тыс. вооруженных берберов во главе с аль-Глауи [37]. Султан, дворец которого был окружен французскими танками, вынужден был распустить национальное правительство и утвердить навязанные ему Жюэном реакционные указы. Вслед за этим были арестованы некоторые руководители «Истикляля», что вызвало новую волну массовых демонстраций протеста.

8 декабря 1952 г. в Марокко по призыву профсоюзов состоялась всеобщая забастовка протеста в связи с убийством руководителя тунисских

[34] В испанской зоне Марокко движение за независимость возглавлялось «Партией национальных реформ».

[35] «Liberté», 3 января 1952 года.

[36] А. Аяш. Указ. соч., стр. 424—426.

[37] «Арабы в борьбе за независимость», стр. 68.

рофсоюзов Фархата Хашада. Колониальные власти ответили на нее рас-трелами и массовыми арестами [38]. Но репрессии не смогли ослабить вижение за независимость. Против осуществления навязанных Жюэном 1951 г. указов решительно выступили все национальные партии Марок-о, и султан под их влиянием отказался утвердить соответствующие роекты «реформ», представленные французским правительством. Тогда олонизаторы решили свергнуть султана, что планировалось ими еще в 951 году [39]. В апреле 1953 г. они организовали против султана выступ-ение феодалов во главе с аль-Глауи. Воспользовавшись нерешительно-тью и колебаниями султана и националистических лидеров, в августе 953 г. группировка аль-Глауи подняла открытый вооруженный мятеж. Французские власти немедленно его поддержали, низложили и выслали з страны султана, заменив его марионеткой Мухаммедом бен Арафа, оторый утвердил все угодные колонизаторам «реформы».

Августовские события 1953 г. в Марокко еще раз доказали необхо-имость единства всех национальных сил страны в освободительной нтиимпериалистической борьбе. Именно из-за отсутствия такого един-тва, ввиду пассивности и тактики выжидания националистических пар-ий, упорно отказывавшихся от предлагавшегося Коммунистической пар-ией союза, марокканские патриоты оказались разобщенными и безоруж-ыми перед натиском реакции.

Августовский переворот явился серьезным уроком для всех патрио-ов Марокко. Они осознали необходимость активной и упорной борь-ы с колонизаторами вплоть до вооруженного сопротивления. Почти во сех городах страны состоялись крупные демонстрации и столкновения полицией и войсками, которые осенью 1953 г. переросли в вооружен-ую партизанскую борьбу. Одновременно продолжались забастовки, де-онстрации и антифранцузские кампании под лозунгом возвращения за-онного султана. В них участвовали представители всех национальных артий [40].

К маю 1954 г. французские власти убедились в невозможности силой одавить антиколониальную борьбу марокканцев и прибегли к маневрам, фициально высказавшись за решение марокканского вопроса путем пере-оворов. К этому их побуждало также и мировое общественное мнение, ротесты стран Азии и Африки, обсуждение марокканского вопроса в ООН, завершившееся принятием в 1953 г. резолюции, признававшей пра-о марокканского народа на самоопределение. Однако никаких перегово-ов в 1954 г. начато не было [41].

Перемены в политике французских властей в Марокко произошли с азначением 20 июня 1955 г. на пост генерального резидента Жильбера ранваля, который предложил французскому правительству устранить Мухаммеда бен Арафа, заменить его регентским советом и создать пра-ительство, пользующееся «доверием марокканской общественности». Во торую годовщину низложения султана Мухаммеда бен Юсефа 20 авгу-та 1955 г. по всей стране начались крупные демонстрации и восстания, том числе в берберских областях, ранее считавшихся оплотом феодаль-ой реакции. 23—25 августа 1955 г. в Экс-ле-Бэне (Франция) состоялись ереговоры представителей французского правительства и политических руппировок Марокко, во время которых было решено отстранить Му-

[38] Были разгромлены помещения профсоюзов, запрещена деятельность Коммуни-тической партии и «Истикляля». Двенадцать руководителей Коммунистической пар-ии и 30 деятелей «Истикляля» были брошены в тюрьмы. Всего было арестовано в екабре 1952 г. 43 тыс. марокканцев («Арабы в борьбе за независимость», стр. 72).

[39] R. Janon. Sultans, Glaoui and C°. Paris. 1953, p. 58.

[40] Газета «За прочный мир, за народную демократию», 10 сентября 1954 года.

[41] Реакционная верхушка европейского населения Марокко, опасаясь ослабле-ия своих позиций в случае решения вопроса путем переговоров, мешала началу ереговоров и создала летом 1954 г. погромную организацию «Французское присут-твие», которая начала террор против участников национального движения.

хаммеда бен Арафа, создать Тронный совет Марокко, отменить августо-ские «реформы» 1953 г. и создать национальное правительство Марокко[42].

30 октября Мухаммед бен Арафа отрекся от престола. 5 ноября фра-цузское правительство признало Мухаммеда бен Юсефа султаном Маро-ко, 16 ноября он прибыл в Марокко, а 7 декабря 1955 г. было сформи-ровано национальное правительство во главе с Си Беккаи[43]. Во врем франко-марокканских переговоров, на исход которых сильное влияни оказали парламентские выборы и общий сдвиг влево во Франции, 2 ма та 1956 г. была подписана Декларация о независимости Марокко в рам ках «франко-марокканской взаимозависимости». Фесский договор 1912 отменялся.

Но и после провозглашения независимости борьба за освобожден продолжалась. Правительство Франко отказалось признать суверените Марокко над городами Сеутой и Мелильей (северное Марокко) и на территориями Ифни и Рио-де-Оро. Когда же марокканские патриоты на чали в 1957—1958 гг. вооруженную борьбу за освобождение двух послед них территорий, против них были брошены значительные силы испанско армии. Не урегулирован также вопрос о границах в Сахаре, о районах Тиндуфа и Колон-Бешара, а также Мавритании, которую марокканцы считают частью Марокко. Перед марокканским освободительным движе нием стоит также проблема эвакуации иностранных (французских, испан ских, американских) войск с территории страны[44]. Столь же важна за дача борьбы за развитие национальной экономики, тесно связанная с проблемой избавления от экономического господства иностранного главным образом французского, капитала[45].

В Марокко не проводились буржуазные реформы. В стране еще силь ны феодальные и полуфеодальные пережитки. Нет единства и среди са мой национальной буржуазии, что находит, в частности, выражение наличии выступающих против «Истикляля» буржуазных партий и в раско ле самого «Истикляля» в январе 1959 года. В Марокко силен еще бер берский регионализм, разжигавшийся в свое время колонизаторами и ныне используемый реакционными феодалами для антиправительствен ных выступлений. Кроме того, среди крупной национальной буржуазии нарождается компрадорская прослойка, выступающая против национальн ного движения, за сохранение экономического господства французских монополий в Марокко. Некоторые элементы марокканской национальной буржуазии, опасаясь усиления широко развернувшегося после завоевания независимости рабочего движения в стране, также обнаруживают тенден цию затормозить дальнейшее развитие освободительной борьбы и ско вать инициативу масс[46]. Это нашло свое выражение, в частности, в су дебном преследовании и запрещении Компартии Марокко.

Освободительная борьба алжирского народа происходила и происхо дит в более сложных условиях, чем в соседних странах Северной Африки, ввиду бо́льшей прочности позиций французского капитала и значитель ного удельного веса европейского населения в этой стране. Подъем антиколониального движения в Алжире начался в 1943 г., когда полити-

[42] Газета «Аль-Ахрам», 10 сентября 1955 года.

[43] Впоследствии Си Беккаи сменили лидеры «Истикляля» — Ахмед Балафредж и Абдаллах Ибрагим (с января 1959 г.— лидер отколовшегося от «Истикляля» Национального союза народных сил).

[44] Председатель партии «Истикляль» 2 мая 1958 г. подчеркнул, что марокканцы требуют эвакуации не только французских, но и всех других иностранных войск («Le Monde», 3 мая 1958 года).

[45] Коммунистическая партия Марокко в связи с этим предлагала национализировать принадлежащие исключительно иностранному капиталу шахты, банки, транспорт (Ali Yata. Указ. соч., стр. 37).

[46] Хади Мессуак. Рабочий класс и национальная буржуазия. «Проблемы мира и социализма». 1959, № 8, стр. 73—75.

ческие лидеры национальной буржуазии во главе с Фархатом Аббасом выступили с требованием демократизации управления Алжиром и уничтожения привилегий европейских колонистов. Программа буржуазно-демократических реформ была изложена ими в Манифесте алжирского народа 10 февраля 1943 года[47].

На базе движения сторонников манифеста возник в марте 1946 г. «Демократический союз алжирского манифеста» (УДМА). Нелегальная «Партия алжирского народа» была реорганизована 10 ноября 1946 г. в «Движение за торжество демократических свобод» (МТЛД). Одержав победу на выборах депутатов от Алжира в Учредительное собрание Франции 2 июня 1946 г. и получив 11 мандатов из 13, УДМА выступил 9 августа с проектом конституции Алжирской республики[48]. Однако этот проект был отклонен ввиду нежелания французской буржуазии изменить колониальный статут Алжира.

В антиколониальном движении видную роль играет Коммунистическая партия Алжира, численность которой за годы войны выросла в 3 раза[49]. Коммунистическая партия стремилась объединить освободительную борьбу коренного населения с демократическим движением европейского населения. Пленум ЦК Компартии Алжира 20—21 июля 1946 г. обратился ко всем националистам и демократам с призывом образовать Национальный демократический фронт под лозунгом «За свободу, землю и хлеб, за свободный, единый и демократический Алжир»[50]. Выступая за существенные социально-экономические преобразования, коммунисты Алжира в то же время для сплочения всех антиколониалистов выдвигали следующую программу требований: создание Алжирского собрания и правительства, ликвидация колониальной администрации и поста французского генерал-губернатора; признание арабского языка официальным наряду с французским; обязательное обучение на арабском языке во всех школах; создание арабского университета; прекращение всякого вмешательства администрации в дела мусульманского культа. В случае выполнения этих требований в качестве следующего этапа Коммунистическая партия предлагала добиваться образования Алжирской демократической республики в составе Французского Союза[51].

В конце 1946 — начале 1947 г. в Алжире и Франции развернулась дискуссия вокруг многочисленных проектов статута Алжира. Проекты УДМА и Коммунистической партии предусматривали политическую автономию Алжира, а проекты правительства и социалистической партии Франции — лишь некоторые реформы в системе администрации[52]. Проекты рассматривались парламентом в августе 1947 г. в обстановке наступления реакции во Франции и открытых угроз европейской верхушки Алжира поднять мятеж, если будут затронуты ее интересы. Вследствие этого в сентябре 1947 г. был утвержден статут, содержавший некоторые уступки алжирцам, но сохранявший колониальный режим в стране и полновластие французского генерал-губернатора[53]. Первые же выборы в созданное согласно статуту Алжирское собрание (из 60 европейских и

---

[47] Полный текст манифеста см. «Du Manifeste à la République Algérienne». Alger. 1948, pp. 25—43.

[48] Проект предусматривал фактическую ликвидацию колониального режима и учреждение в Алжире автономной республики с президентом, правительством и парламентом, избираемым всеми жителями Алжира вне зависимости от национальной принадлежности (там же, стр. 73—93).

[49] Журнал «Cahiers du Communisme». Janvier 1946, p. 80.

[50] «Cahiers du Communisme», Août 1946, p. 691.

[51] «L'Humanité», 23 и 24 июля 1946 года.

[52] О проектах статута см. H.-P. Pellegrin. Le Statut de l'Algerie. Paris. 1948, pp. 52—205.

[53] Полный текст статута см. «Du Manifeste à la République Algérienne», pp. 99—114.

60 алжирских делегатов) были проведены в обстановке полицейского террора, а результаты их — подтасованы властями[54].

В 1948—1954 гг. французские власти нарушали все демократические свободы в Алжире, в том числе гарантированные статутом 1947 г., бросали в тюрьмы и жестоко пытали борцов за независимость Алжира, грубо фальсифицировали выборы, постоянно вмешивались в дела мусульманского культа, душили национальную культуру алжирцев, подвергали их дискриминации.

Патриотические партии Алжира, включая Коммунистическую партию, упорно боролись против произвола колонизаторов. Однако их успешной борьбе мешало отсутствие единства действий. После фальсификации выборов депутатов от Алжира в Национальное собрание Франции 17 июня 1951 г. положение изменилось. По инициативе коммунистов был образован в конце июля 1951 г. Алжирский фронт защиты и уважения свободы, в состав которого вошли Коммунистическая партия, МТЛД, УДМА и Ассоциация алжирских улемов. Программа Фронта сводилась к требованиям аннулирования фальсифицированных выборов, уважения основных демократических свобод, прекращения репрессий и освобождения политзаключенных[55]. Деятельность Фронта способствовала развертыванию политической инициативы масс.

В 1952 г. Фронт распался в результате жесточайших репрессий, интриг и маневров колонизаторов, а также обострения идеологических разногласий между Коммунистической партией и националистами. Национальные партии Алжира продолжали борьбу, однако единство действий в 1952—1954 гг. устанавливалось между ними лишь по отдельным определенным вопросам. Их разобщенность увеличилась летом 1954 г. вследствие раскола крупнейшей национальной партии МТЛД на «централистов» (сторонников ЦК партии) и «мессалистов» (приверженцев председателя партии Ахмеда Мессали).

Коренной перелом в развитии антиколониального движения в Алжире был обусловлен как обострением внутриполитических противоречий между алжирским народом и французскими колониальными властями, так и влиянием успехов освободительного движения в Египте, Тунисе и Марокко. В апреле 1954 г. наиболее решительные молодые националисты из МТЛД создали Революционный комитет единства и действия[56]. Комитет подготовил вооруженное восстание против колониального режима, начавшееся в ночь на 1 ноября 1954 года. Предпринятые колонизаторами репрессии против повстанцев и попытки их изолировать не достигли цели. Также не дали эффекта роспуск 5 ноября 1954 г. обеих фракций МТЛД и последовавшие массовые аресты. Революционный комитет единства и действия вскоре был преобразован во Фронт национального освобождения, а его партизанские отряды объединились в Армию национального освобождения. Летом 1955 г. они образовали сеть администрации в горных сельских районах на севере страны[57]. 20 августа 1955 г. вооруженная борьба с новой силой вспыхнула в восточных, а 1 октября — в западных районах страны. К октябрю 1955 г. действия Армии национального освобождения распространились на всю территорию Алжира[58].

В таких условиях колонизаторы вновь прибегли к маневрам. Назначенный генерал-губернатором Алжира в январе 1955 г. Жак Сустель выдвинул 1 июня так называемый план «интеграции» Алжира, то есть пол-

---

[54] Сведения о нарушениях свободы выборов и других демократических свобод в Алжире опубликованы в серии брошюр МТЛД под общим заголовком «Le Problème Algérien. Atteintes aux droits de l'homme». Alger. Décembre 1951.

[55] «Liberté», 17 января 1952 года.

[56] Саад Заглул Фуад. Указ. соч., стр. 88.

[57] S. Bromberger. Les rebelles algériens. Paris. 1958, pp. 49, 81.

[58] Ход событий в Алжире в 1954—1955 гг. лучше всего описан в книге К. и Ф. Жансон. Алжир вне закона. М. 1957, стр. 199—238.

ного слияния его с Францией. Он сводился к ряду мелких уступок алжирцам в социально-экономической области и к проведению в жизнь неосуществленных положений статута 1947 года[59]. Никакого влияния на положение в стране он не оказал. Не имел также успеха и второй план Сустеля об «интеграции», предусматривавший слияние администрации Алжира и Франции с последующим увеличением числа депутатов от Алжира в Национальном собрании Франции[60].

Правительство социалиста Ги Молле, пришедшее к власти во Франции в результате выборов 2 января 1956 г., объявило о своем намерении решить алжирский вопрос путем переговоров и признать «алжирскую индивидуальность» (то есть национальную самобытность Алжира)[61]. Против этого выступила европейская верхушка в Алжире, организовавшая с помощью своих реакционных ассоциаций антиправительственные демонстрации в Алжире в день прибытия туда Ги Молле — 6 февраля 1956 года. Уступив давлению колониалистов, Ги Молле фактически принял их требования о продолжении алжирской войны[62]. Назначенный им министр-резидент Алжира социалист Лакост выступил за «умиротворение страны военными средствами». К июлю 1956 г. численность французской армии в Алжире была доведена до 400 тыс. человек[63].

Продолжение французскими властями политики террора и репрессий вызвало рост сопротивления со стороны всех социальных слоев алжирского народа. Патриотические организации и группировки, выражавшие интересы этих слоев, постепенно объединялись вокруг Фронта национального освобождения. В 1955—1956 гг. к Фронту последовательно присоединились основная масса сторонников МТЛД во главе с большей частью руководства партии, УДМА и Ассоциация алжирских улемов[64]. Коммунистическая партия Алжира, запрещенная колонизаторами в сентябре 1955 г., с самого начала оказывала повстанцам всемерную поддержку и с весны 1956 г. создала свои вооруженные группы партизан. Стремясь к объединению усилий всех патриотов Алжира, коммунисты после переговоров с лидерами Фронта национального освобождения в мае — июне 1956 г. включили свои отряды в состав Армии национального освобождения. Но влиться в ряды Фронта, политически в нем раствориться, как это сделали националистические партии, Коммунистическая партия отказалась[65]. В настоящее время она поддерживает его в военно-политическом плане, сохраняя, тем не менее, идеологическую и организационную независимость.

После объединения всех патриотических сил алжирского народа в ходе вооруженной антиколониальной борьбы движение алжирских повстанцев окончательно приняло форму национальной революции. Секретарь ЦК Коммунистической партии Алжира Башир Хадж Али отмечал: «...современная алжирская революция качественно отличается от предшествовавшей борьбы тем, что стоит выше в политическом и военном отношении. Это не бунт и не восстание одной провинции, одной области или части населения. Алжирская революция — дело всего народа и развертывается на всей территории Алжира»[66]. В августе 1956 г. на

---

[59] J. Soustelle. Aimée et souffrante Algérie. Paris. 1956, p. 77.

[60] Журнал «Cahiers Internationaux», février 1956, p. 42.

[61] Там же.

[62] «Revue politique et parlementaire». Paris. Mars 1956, pp. 327—328.

[63] «Foreign Policy bulletin». New York. 1956. July 15, p. 161.

[64] Только «мессалисты» не пожелали примкнуть к Фронту и даже развернули вооруженную борьбу против него. К концу 1957 г. сторонники Мессали, практически переставшие представлять собой серьезную политическую силу, частью примкнули к фронту, частью — к войскам колонизаторов. Некоторые позиции они еще сохранили среди алжирских эмигрантов во Франции.

[65] «Pour une Nation Algérienne Libre, Souveraine et Heureuse», p. 23.

[66] Башир Хадж Али. Современный этап освободительной войны в Алжире. «Проблемы мира и социализма». 1959, № 5, стр. 51.

конгрессе руководителей Фронта в долине Суммам (область Кабилия) был избран Национальный совет алжирской революции, возглавивший борьбу, укреплена организация Армии национального освобождения, уточнена программа Фронта. Эта программа предусматривает следующие политические цели: признание алжирской нации и независимости Алжира, коренную аграрную реформу, равноправие алжирцев и европейцев, новые отношения с Францией на основе свободы и равенства, тесные связи с Тунисом и Марокко в рамках североафриканского единства [67].

Наиболее существенной стороной алжирской революции является ее крестьянский характер. Безземельные феллахи, батраки и издольщики стремятся вырвать землю из рук европейских колонистов. «Основную массу бойцов во все большей мере поставляет крестьянство... Именно крестьянство несет на себе основную тяжесть национально-освободительной войны, участвуя в боях, обслуживая вспомогательные армейские организации и обеспечивая армию продовольствием, уже не говоря о том, что ему приходится выносить чудовищные репрессии со стороны колонизаторов. Таким образом, война принимает ясно выраженный характер антиимпериалистической аграрной революции» [68]. Благодаря поддержке крестьян численность Армии национального освобождения, несмотря на тяжелые потери в боях с превосходящими силами колонизаторов, выросла до 60 тыс. бойцов в 1956 г. и до 130 тыс.— в 1958 году [69]. Весной 1958 г. в Алжире происходили разделы земли крестьянами при содействии Армии национального освобождения [70].

Успехи Фронта национального освобождения, экономические затруднения Франции в связи с алжирской войной и неспособность сменявших друг друга французских кабинетов разрешить алжирскую проблему породили во Франции острый политический кризис. Выход из него некоторые круги французской буржуазии пытались найти в поисках компромиссного решения и переговоров с Фронтом. Ультраколониалистская верхушка европейцев в Алжире, увидевшая в этих проектах угрозу своим привилегиям и господствующим позициям в Алжире, решила предупредить события. Она организовала в Алжире 13 мая 1958 г. антиправительственный мятеж, в котором наряду с политическими ассоциациями европейских колониалистов приняли участие офицеры и генералы расквартированных в Алжире французских войск [71]. Вся страна была покрыта сетью «комитетов общественного спасения», состоявших из офицеров и наиболее реакционных колониалистов. Одновременно путчисты провели серию демагогических маневров, стремясь представить дело так, будто Фронт национального освобождения — изолированная группа, мешающая «франко-мусульманскому братству» [72]. На самом деле движение в Алжире носило массовый характер; бои в мае 1958 г. велись с прежней интенсивностью и потери с обеих сторон были такими же, как и в предыдущие месяцы [73].

События 13 мая 1958 г. оказали значительное влияние на положение во Франции. Политика правительства де Голля, пришедшего к власти 1 июня 1958 г., характеризовалась рядом политических и социально-экономических мероприятий в Алжире [74]. 26—28 сентября того же года там был проведен референдум по вопросу о новой конституции Франции, 28—30 ноября — выборы депутатов в Национальное собрание Франции,

---

[67] «Аль-Мукавама Аль-Джазаирийа», 15 ноября 1956 года.
[68] Ларби Бухали. Указ. соч., стр. 30—31.
[69] «El-Moudjahid», 19 сентября 1958 года.
[70] «Cahiers Internationaux». Mars 1958, p. 66.
[71] О мятеже 13 мая 1958 г. см. «Le Monde», 15—18 мая 1958 года.
[72] О характере и подоплеке демонстраций «франко-мусульманского братания» см. «Cahiers Internationaux», juillet—août 1958, pp. 21—22.
[73] J. Duquesne. L'Algérie ou la guerre des mythes. Bruges. 1958, p. 164.
[74] См., например, 5-летний план («Le Monde», 4 октября 1958 года).

в апреле 1959 г.— муниципальные выборы, в июне — выборы в сенат Франции. Проводя выборы, французские власти рассчитывали, как указывал марксистский журнал «La Pensée», выявить среди алжирцев силы, противостоящие Фронту национального освобождения, и опереться на них[75].

Выборы в Алжире были, по данным французской левой и либеральной прессы, не свободным волеизъявлением, а принудительным голосованием под нажимом войск и полиции, действовавших совместно с верхушкой европейских ультраколониалистов[76]. Колониальная администрация в Алжире не смогла поэтому добиться никакого контакта с широкими массами алжирского народа. Для борьбы же с партизанским движением с начала 1959 г. стало проводиться выселение коренных жителей из так называемых «опасных» (то есть охваченных восстанием) зон и помещение их в лагеря, официально именуемые «центрами перемещения»[77].

Выражением решимости алжирского народа продолжать борьбу за независимость явилось провозглашение 19 сентября 1958 г. Алжирской республики и образование Временного правительства. 26 сентября была оглашена декларация Временного правительства Алжирской республики, ответственного перед Национальным советом алжирской революции[78]. Правительство заявляло о своей готовности в любой момент начать переговоры с целью мирного урегулирования алжирской проблемы. При этом подчеркивалось, что «алжирцы никогда не сложат оружия, пока не будет формально признано их право на независимость и суверенитет».

Война в Алжире еще продолжается, но идея прекращения войны на основе признания законных требований алжирского народа постепенно пробивает себе дорогу. 16 сентября 1959 г. президент Франции де Голль в речи по французскому радио и телевидению признал право алжирского народа на самоопределение, хотя и сопроводил это признание рядом оговорок[79]. По этому поводу Н. С. Хрущев заявил в докладе «О международном положении и внешней политике Советского Союза» 31 октября 1959 г.: «Недавние предложения президента де Голля решить алжирский вопрос на основе самоопределения путем всенародного голосования в Алжире могут сыграть важную роль в урегулировании алжирского вопроса. Они сыграют эту роль, если не останутся декларативными, будут подкреплены реальными шагами, которые, учитывая права населения Алжира на свободное и независимое развитие, вместе с тем обеспечивали бы согласование взаимных интересов сторон»[80].

Картина развития освободительной борьбы в Северной Африке была бы неполной без анализа движения за единство всех стран Магриба в борьбе против империализма. Первым проявлением такого единства было образование в январе 1947 г. в Каире Фронта защиты Северной Африки, в который вошли тунисские партии «Новый Дустур» и «Старый Дустур», алжирская МТЛД и марокканская «Истикляль». 15—24 февраля того же года секретариат Лиги арабских стран созвал

---

[75] «La Pensée». Novembre—décembre 1958, p. 15.

[76] В этих условиях в качестве алжирских представителей были «избраны» реакционные или соглашательские элементы, не выражавшие интересов большинства алжирского народа. К тому же, несмотря на террор властей, более 1 млн. избирателей не приняло участия в голосовании или голосовало против во время референдума в сентябре 1958 г. («Le Monde», 3 октября 1958 года).

[77] В мае 1959 г. в эти лагеря, согласно официальным данным, было заключено свыше 1 млн. алжирцев. Условия их жизни там были чрезвычайно тяжелыми («Cahiers du Communisme». Mai 1959, p. 543).

[78] Полный текст декларации см. «Al-Istiqlal». Rabat, 4 octobre 1958.

[79] «Marchés tropicaux et méditerranéens». Paris. 19 septembre 1959, p. 2082.

[80] «Правда», 1 ноября 1959 года.

конгресс Арабского Магриба, который потребовал провозглашения независимости всех североафриканских стран и вывода иностранных войск с их территории[81].

7 января 1948 г. в Каире был создан Комитет освобождения Арабского Магриба во главе с эмиром Абд-аль-Кримом. Комитет стремился организовать помощь североафриканским патриотам со стороны всех арабских стран и обязывал каждую из стран Магриба, достигшую независимости, бороться за освобождение остальных[82]. Комитет стал важным центром по координации антиимпериалистической борьбы буржуазно-националистических партий Магриба, особенно с начала перехода националистов Туниса, Марокко и Алжира к вооруженной борьбе[83].

После достижения Тунисом и Марокко независимости народы этих стран требуют предоставления братскому алжирскому народу права на свободное самоопределение. Выражая требования широких масс, коммунистические партии Магриба заявили в совместной декларации в ноябре 1957 г.: «Алжирская, Марокканская и Тунисская коммунистические партии убеждены, что освобождение Алжира является общим делом трех североафриканских народов. Его необходимо ускорить не только в интересах алжирского народа и сохранения всеобщего мира, но также для того, чтобы укрепить независимость марокканского и тунисского народов и приблизить час единства Северной Африки, которое позволит трем свободным народам продвигаться по пути демократии, социального прогресса и мира»[84].

Конкретные шаги по практическому осуществлению магрибского единства были предприняты на конференции представителей правящих партий Туниса и Марокко («Новый Дустур» и «Истикляль»), а также Фронта национального освобождения Алжира, состоявшейся 27—30 апреля 1958 г. в Танжере (Марокко)[85]. Конференция провозгласила «право алжирского народа на суверенитет и независимость», считая его единственным условием разрешения франко-алжирской проблемы. Одновременно конференция потребовала вывода иностранных войск с территории Туниса и Марокко. Важное значение имело решение конференции о создании федерации Арабского Магриба в составе Алжира, Туниса и Марокко[86]. В июне 1958 г. возник секретариат Единого Арабского Магриба, целью которого является координация политических и дипломатических действий национальных сил Алжира, Туниса и Марокко.

В ходе освободительной борьбы народы Магриба опирались и опираются на поддержку стран Азии и Африки. Эта поддержка нашла отражение в документах Бандунгской конференции (апрель 1955 г.), первой (Аккра, апрель 1958 г.) и второй (Тунис, январь 1960 г.) конференциях народов Африки. Эти собрания представителей стран, освободившихся от колониализма, отражают важную особенность развития современных международных отношений, демонстрируют крепнущее единство народов Азии и Африки в борьбе против колониализма.

---

[81] «Political Science Quarterly». New York. September 1951, p. 351.

[82] Алляль аль-Фаси. Указ. соч., стр. 409—410.

[83] Комитет готовил кадры для этой борьбы и создал в 1953 г. штаб по объединенному руководству партизанским движением во всей Северной Африке («Revue de Defense Nationale». Paris. Décembre 1956, p. 1465).

[84] «Parti Communiste Marocain. Bulletin d'information pour l'éxterieur». Décembre 1957, p. 3.

[85] Документы Танжерской конференции опубликованы в «Articles et Documents». Paris. 1 juillet 1958. № 671, pp. 1—2.

[86] Лидер Фронта национального освобождения Алжира Фархат Аббас заявил в июле 1958 г.: «Наша формула североафриканской конфедерации может включать сохранение трех североафриканских государств, но основой нашей концепции является полное объединение в области образования, экономики, индустриализации, национальной обороны и внешней политики» («El-Moudjahid», 17 сентября 1958 г.).

ИСТОРИОГРАФИЯ

РАЗРАБОТКА ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ПОСЛЕ XX СЪЕЗДА КПСС

В. Г. Руслякова

Советская историческая наука, пройдя большой и сложный путь развития, встретила XX съезд Коммунистической партии Советского Союза значительными успехами в разработке истории Великого Октября. Особенно за последнее десятилетие по данной проблеме вышло много оригинальной и документальной литературы. В первой половине 50-х годов появился ряд работ, внесших определенный вклад в марксистско-ленинскую разработку истории социалистической революции в России. Среди них исследования по отдельным вопросам [1], научно-популярные очерки по проблеме в целом [2], книги, рассказывающие об установлении Советской власти на местах и в национальных районах [3], а также ряд сборников документов, изданных Академией наук СССР [4].

Однако разработка истории Октябрьской революции не отвечала еще предъявляемым к ней требованиям: среди книг по рассматриваемой теме преобладали научно-популярные очерки, широкое распространение получил метод цитатничества, догматический подход к историческому исследованию, недостаточно раскрывались объективные факторы революции, имелись элементы субъективизма. Слабо освещалась роль народных масс, союза рабочих и крестьян в социалистической революции. Мало внимания уделялось деятельности таких массовых организаций, как Советы, фабрично-заводские, крестьянские комитеты и др. Многие работы не давали глубоко научного освещения всесторонней деятельности партии большевиков, ее Центрального Комитета и В. И. Ленина в период Великого Октября.

Такие явления в значительной мере были порождены последствия-

---

[1] И. А. Гладков. Очерки строительства советского планового хозяйства в 1917—1918 гг. М. 1950; Н. И. Шатагин. Организация и строительство Красной Армии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.). М. 1951; И. С. Смирнов. Из истории строительства социалистической культуры в первый период Советской власти (октябрь 1917 — лето 1918 г.). М. 1952; В. И. Сторожев. Союз рабочего класса и беднейшего крестьянства в социалистической революции. М. 1954; А. В. Березкин. США — активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918—1920 гг.). М. 1952; В. А. Виноградов. Социалистическое обобществление средств производства в промышленности СССР (1917—1918 гг.). М. 1955; М. П. Степанов. Партия большевиков — организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1951, и др.

[2] О. Н. Чаадаева Подготовка Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1952; Г. Н. Голиков. Великая Октябрьская социалистическая революция. М. 1954, и др.

[3] «Установление Советской власти на местах в 1917—1918 гг.» Сборник статей. М. 1953; В. Шварев. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Пензенской губернии. Пенза. 1953; А. И. Потылицын. Архангельские рабочие и крестьяне в борьбе против царизма, помещиков и капиталистов, за Советскую власть. Архангельск. 1952; А. Лихолат. Разгром националистической контрреволюции на Украине. М. 1954; О. Кулиев. Туркменистан в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Ашхабад. 1953; А. Эльчибекян. Установление Советской власти в Армении. Ереван. 1954; Н. И. Супруненко. Коммунистическая партия — вдохновитель и руководитель борьбы украинского народа за создание и упрочение Украинского Советского государства. Киев. 1954, и др.

[4] «Национализация промышленности в СССР». М. 1954: «Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.)». М. 1954, и др.

ми культа личности. К тому же советские историки недостаточно обращались к богатейшему ленинскому наследию, к решениям и документам партии, канонизировали «Краткий курс истории ВКП(б)» и воспринимали ряд положений из трудов И. В. Сталина догматически.

Все эти факты, отрицательно сказывавшиеся на изучении истории, были вскрыты и осуждены в решениях и документах партии, особенно в постановлениях XX съезда КПСС, как чуждые нашей советской действительности.

XX съезд открыл новый этап в развитии марксизма-ленинизма. Он стал вехой и для развития исторической науки, дав конкретный пример творческого применения великого учения Маркса — Ленина в новых исторических условиях — в эпоху крушения империализма и становления мировой системы социализма. Дальнейшая разработка марксистско-ленинской теории нашла свое выражение в постановке и решении на съезде таких принципиальных вопросов современного международного развития, как вопрос о мирном сосуществовании двух систем, о возможности предотвращения войн в современную эпоху, о формах перехода различных стран к социализму.

Решения съезда предъявили повышенные требования ко всей идеологической работе, указали на необходимость полного подчинения ее задачам коммунистического строительства, коммунистического воспитания советских людей. XX съезд поставил ряд задач и перед советскими историками, в том числе перед учеными, разрабатывающими историю Октябрьской революции, обязав их создать по этой теме капитальные труды. Съезд помог вскрыть недостатки в освещении основных вопросов истории Великого Октября.

Решения XX съезда КПСС и ряд других партийных документов, среди которых особое место занимает «Декларация Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран», вооружили советских историков глубоким марксистско-ленинским анализом существенных черт и общих закономерностей социалистической революции, помогли им сосредоточить внимание на главных и наиболее актуальных проблемах истории Октября. Вместе с тем они определили направление борьбы историков, с одной стороны, против ревизионизма, буржуазного объективизма и других проявлений буржуазной идеологии, с другой — против догматизма и субъективизма, тормозивших разработку научной истории пролетарской революции в России.

Поставив перед исторической наукой ряд ответственных задач, Коммунистическая партия и Советское правительство создали все условия для дальнейшей творческой работы исследователей. Сейчас значительно расширилась источниковедческая база, обеспечен широкий доступ к архивным документам, усилилась публикация архивных материалов, партийных документов и ленинского наследия. Все это обогащает научное содержание и повышает идейный уровень работ по истории Великой Октябрьской социалистической революции.

Борьба партии за чистоту марксистско-ленинской теории и методологии при изучении истории Великого Октября нашла отражение в партийных и исторических журналах [5]. Эта борьба способствовала подъему научной работы советских историков, о чем свидетельствует большое количество литературы, вышедшей к 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

В связи с юбилеем вышло в свет почти две тысячи только ориги-

---

[5] См. Е. Бугаев. Когда утрачивается научный подход. «Партийная жизнь». 1956, № 14; его же. К вопросу о тактике партии в марте — начале апреля 1917 года. «Вопросы истории КПСС», 1957, № 1; В. Виноградов, И. Маевский. Против извращения истории образования социалистического способа производства в СССР. «Коммунист». 1956, № 16; «За ленинскую партийность в исторической науке!». «Вопросы истории», 1957, № 3, и др.

нальных работ — книг, монографий, брошюр, коллективных трудов и сборников статей, ученых записок и журнальных статей. В 1957—1958 гг. как в центре, так и на местах вышло свыше 130 сборников, в которых было опубликовано более 15 тысяч новых документов, содержащих огромный материал по основным разделам истории социалистической революции. Появились работы по историографии Октября [6].

Эта литература свидетельствует о повысившемся качестве научно-исследовательской работы. Вдумчивое изучение ленинского наследия, широкое привлечение архивных материалов помогло советским ученым в значительной степени изжить цитатно-иллюстративный метод исследования, преодолеть элементы субъективизма, поднять идейный и научный уровень своих трудов. В результате им удалось глубже осветить такие коренные проблемы социалистической революции, как социально-экономические предпосылки Октября, руководящая роль в революции рабочего класса во главе с Коммунистической партией, союз рабочих и трудящихся крестьян как главная социальная сила, обеспечившая ее победу, первые социалистические преобразования общества, всемирно-историческое значение и интернациональный характер Великой Октябрьской социалистической революции и др.

В рамках одной статьи трудно дать исчерпывающий анализ всех исследований по вышеперечисленным проблемам. Поэтому автор ограничивается рассмотрением лишь наиболее важных работ.

Один из коренных вопросов новейшей истории — социально-экономические предпосылки пролетарской революции в России,— длительное время не получавший должного освещения, подвергся в юбилейной литературе изучению в конкретно-историческом плане. Научные статьи П. В. Волобуева, А. Л. Сидорова, В. И. Манцева [7] и других опровергают концепции буржуазно-ревизионистской историографии об «абсолютной» отсталости России, о «незрелости» ее для социализма и о «незакономерности» Октябрьской революции. На конкретном, чаще всего новом материале авторы убедительно показали, почему в России с объективной необходимостью назревала социалистическая революция.

На основе изысканий советских историков опровергнута получившая в свое время широкое распространение точка зрения о том, что в России в конце прошлого века монополии были единичным явлением. Подобный взгляд приводил к неправильному выводу о времени вступления страны на путь империалистического развития, относил его к кануну первой мировой войны. Новые архивные данные подтверждают, что уже в 80-е годы в важнейших отраслях тяжелой промышленности в России существовала целая группа монополистических объединений. Авторы приводят интересные сведения о росте монополий в крупной промышленности России, о их перерастании в государственно-монополистический капитализм — полнейшую, по определению В. И. Ленина, материальную предпосылку социализма.

---

[6] М. Е. Найденов. Великая Октябрьская социалистическая революция в освещении советской русской исторической литературы. «Из истории Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник статей. М. 1957; Б. Е. Штейн. Некоторые вопросы истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР в освещении зарубежной историографии периода 1917—1924 гг. Там же, и др.

[7] См. П. В. Волобуев. Экономические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. «Победа Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник статей. М. 1957; А. Л. Сидоров. Экономические предпосылки социалистической революции в России. «История СССР», 1957, № 4; В. И. Манцев. К вопросу об экономических предпосылках Октябрьской социалистической революции. «40 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник статей. М. 1957.

В юбилейных изданиях более обстоятельно, чем в ранее вышедших трудах [8], раскрывается главная особенность экономического развития России в эпоху империализма, которую В. И. Ленин охарактеризовал как «самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм!» [9]. Авторы обоснованно показывают, как под тяжестью войны и в результате антинародной политики Временного правительства страна оказалась на краю экономической и национальной катастрофы, предотвратить которую могла только социалистическая революция.

Особо ценным является то, что исследователи экономических предпосылок Октябрьской революции, раскрывая ее основу — конфликт между общественным характером производства и частной капиталистической формой присвоения,— пытаются дать всесторонний анализ конкретным проявлениям этого конфликта, рисуют картину экономического развала в стране накануне Октября. В этой связи авторы показывают тщетность попыток царского, а затем Временного буржуазного правительства осуществить государственное регулирование народного хозяйства.

Однако о борьбе народных масс в период от Февраля к Октябрю за революционно-демократический путь регулирования экономической жизни страны, в частности за рабочий контроль над производством и распределением, в этих исследованиях говорится мало. Не раскрывается также в этом плане огромная роль массовых революционных организаций: Советов, фабзавкомов и др. Подобный недостаток в известной мере присущ и двухтомному сборнику документов «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции». Вошедшие в него 670 документов (из них 577 публикуется впервые) — это, как справедливо указывается в предисловии сборника, «документы правительственных учреждений и организаций буржуазии. Документы партийных органов, рабочих и демократических организаций использованы в такой мере, в какой их удалось выявить по теме сборника. К сожалению, эти документы весьма немногочисленны» [10].

Ряд исследований в какой-то степени заполняет этот пробел, в частности, те из них, которые касаются вопросов о рабочем контроле над производством и распределением продуктов в период от Февраля к Октябрю. Среди них можно назвать статью В. И. Селицкого [11]. Но, к сожалению, автор доводит анализ событий лишь до VII (Апрельской) конференции РСДРП(б), сосредоточивая основное внимание на стихийном зарождении рабочего контроля. Этот вопрос рассматривается и в других работах, например, в трудах о рабочем классе в революции (Л. С. Гапоненко, А. Г. Егорова), о первых социалистических преобразованиях в стране (А. В. Венедиктов), авторы которых освещают его постольку, поскольку это необходимо для раскрытия исследуемых ими проблем.

Из сказанного следует, что политика партии и ее практическая деятельность в области установления рабочего контроля еще до победы Великой Октябрьской социалистической революции, а также способы экономической борьбы пролетариата, указанные В. И. Лениным в Апрельских тезисах, в решениях VII (Апрельской) конференции и VI съезда партии, и другие вопросы требуют специального и тщательного изучения. Иными словами, нужны капитальные труды, освещающие экономическую платформу большевистской партии на пути к Октябрю, без глубокого исследования которой нельзя понять экономические предпосылки

---

[8] См., например, Г. Н. Голиков. Указ. соч.

[9] В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 406.

[10] «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции». Ч. 1. М.-Л. 1957.

[11] В. И. Селицкий. К истории лозунга о рабочем контроле (март — апрель 1917 г.). «Великий Октябрь». Сборник статей. М. 1958, стр. 180—208.

Великой Октябрьской социалистической революции. Отдельные статьи на эту тему [12] полностью не заполняют имеющегося пробела.

В некоторых работах, например в монографии И. Ф. Петрова [13], сделана ценная попытка проанализировать экономические и политические, объективные и субъективные предпосылки революции в их неразрывном единстве. Это позволяет глубже понять закономерный характер социалистической революции, раскрыть марксистско-ленинское положение о том, что революцию нельзя делать по заказу или «экспортировать», что для ее осуществления «...требуется не только необходимая зрелость материальных условий, но и убежденность самих широких масс в ее необходимости, их решимость бороться за победу нового общественного строя до конца» [14].

Однако и монография И. Ф. Петрова, как и ряд других работ, в той или иной степени освещающих предпосылки Октября, не исключает необходимости специальных фундаментальных исследований по этой проблеме.

★

Известно, что главный вопрос революции — вопрос о власти. Без его глубокого исследования нельзя понять революции как единого целого, раскрыть ее задачи, движущие силы и конечную цель. В работах 1957—1958 гг. данной проблеме уделено значительно больше внимания, чем в трудах предшествовавших лет.

Новым и ценным в освещении этого кардинального вопроса является анализ мирного и немирного пути развития революции, мирного и немирного пути завоевания власти пролетариатом. Советские историки добились серьезных успехов, проследив процесс возникновения и укрепления союза рабочего класса с беднейшим крестьянством как общественной силы, обеспечившей победу Октябрьской революции, проанализировав стратегические и тактические лозунги, формы и методы борьбы большевистской партии за установление власти рабочих и трудящихся крестьян [15].

Авторы указанных трудов сумели дать правильную оценку роли классов и партий, показать соотношение их сил в революции, осветить всемирно-историческую победу пролетариата и трудящегося крестьянства в октябре 1917 г. под руководством большевиков.

Но это только одна сторона вопроса. Чтобы получить полную картину революции, необходимо в неразрывной связи с анализом соотношения классовых сил давать исследование деятельности учреждений, служащих конкретным выражением этого соотношения. Прежде всего следует обратить внимание на Советы — новые органы государственной власти, пришедшие на смену старым. В. И. Ленин указывал, что «конкретное, марксистское положение требует теперь (в период революции.—*В. Р.*) не только учета классов, но учреждений» [16].

---

[12] А. И. Василькова. Экономическая платформа партии большевиков накануне Великой Октябрьской социалистической революции. «Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник статей. М. 1957; И. А. Гладков. Ленинская программа социалистического преобразования России. «Вопросы экономики». 1957, № 7; А. Кузнецова. Экономическая платформа партии большевиков накануне Великого Октября. «В помощь политическому самообразованию». 1957, № 9, и др.

[13] И. Ф. Петров. Стратегия и тактика партии большевиков в Октябрьской революции. М. 1957.

[14] Там же, стр. 5.

[15] «Победа Великой Октябрьской социалистической революции»; «Великий Октябрь»; «Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник статей. М. 1957; «История Москвы». Т. VI. М. 1957; П. Н. Соболев. Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в Октябрьской революции. М. 1958; «Петроградские большевики в Октябрьской революции». Л. 1957, и др.

[16] В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 13.

Между тем историки ограничиваются рассмотрением по преимуществу только первой стороны вопроса — соотношения классовых сил. До сих пор нет специальных обобщающих работ, в которых прослеживался бы путь возникновения и революционного становления Советов в масштабе всей страны за время, прошедшее от февраля до октября 1917 года. Что касается трудов Д. Чугаева, Ф. Чебаевского, Б. Морозова [17] и других историков, дающих суммированное исследование в этой области, то они охватывают период после победы Октября. Сложный этап от Февраля к Октябрю выпадает из поля зрения ученых. К сожалению, до сих пор нет специального труда, посвященного деятельности Петроградского Совета в это время. К 40-й годовщине Октябрьской революции был выпущен ряд исследований о работе отдельных Советов. Среди них книга С. М. Кукушкина о Московском Совете [18]. Автор использовал документальный материал из фондов архивов Института истории партии МК и МГК КПСС, Московского областного архива, печатные издания 1917 года. Это давало возможность С. М. Кукушкину всесторонне раскрыть роль Московского Совета в борьбе за победу социалистической революции. Однако автор недостаточно показал деятельность Совета как реального органа власти в тот период. Свой тезис о том, что Московский Совет после февраля 1917 г. противостоял «Комитету общественных организаций» как орган власти рабочего класса Москвы и что этот комитет — орган власти буржуазии — «существовал постольку, поскольку его признавал Моссовет», автор не подкрепил конкретным материалом. Рассказывая о расширении полномочий и оживлении деятельности Московского Совета (начавшейся с сентября 1917 г. благодаря его большевизации), С. М. Кукушкин ограничивается лишь цитированием ряда резолюций и постановлений Совета по различным вопросам, не показывая, однако, претворения этих решений в жизнь. В книге подробно и конкретно обрисовывается вопрос о засилье меньшевиков и эсеров в Московском Совете, но весьма скупо показана все возраставшая сила большевиков в нем. Это особенно бросается в глаза при освещении автором роли Московского Совета в подготовке и проведении вооруженного восстания. Автор правильно выдвигает тезис, что «Московский Совет рабочих депутатов под руководством большевиков стал важнейшим центром подготовки и руководства вооруженным восстанием» (стр. 145). Однако конкретный материал, приводимый далее в книге, не доказывает, а опровергает этот тезис. Автор, например, приводит факты о том, что вооружение московских рабочих шло помимо Совета, а деятельность созданного Советом 25 октября (7 ноября) Ревкома иногда сводилась к выпуску воззваний и распоряжений, не подкрепляемых практическими делами (стр. 149—152), или была явно ошибочной (стр. 160).

Автор не раскрыл всесторонне социальной сущности Московского Совета, которая была типичной для большинства Советов страны того времени.

А это был, по определению В. И. Ленина, период изживания мелкобуржуазных, соглашательских иллюзий среди широких народных масс, период известного испытания для органов народной власти — Советов. История последних в ту пору заключалась не только в том, что пагубное влияние соглашателей обессиливало их, а и в том — и это главное,— что они за сравнительно короткий срок сумели освободиться из-под такого влияния, перейти на сторону большевистской партии, подготовить под ее

---

[17] Ф. В. Чебаевский. Триумфальное шествие Советской власти. «Победа Великой Октябрьской социалистической революции»; Б. М. Морозов. Создание и укрепление советского государственного аппарата (ноябрь 1917 г.— март 1919 г.). М. 1957; Д. А. Чугаев. Слом буржуазной государственной машины и создание советского государственного аппарата. «Победа Великой Октябрьской социалистической революции», и др.

[18] С. М. Кукушкин. Московский Совет в 1917 году. М. 1957.

руководством почву для установления диктатуры пролетариата и в результате Октябрьского переворота стать полновластными органами государства нового типа.

Именно эту сущность Советов в период от Февраля к Октябрю, на наш взгляд, хорошо показал Н. Г. Гончаренко [19], исследовавший историю Советов Донбасса — крупнейшего промышленного района России. Автор осветил возникновение и деятельность Советов Горловско-Щербиновского района, Луганска, Краматорска, Юзовки, Славянска, Лисичанска, Дружковки и других за время с марта по декабрь 1917 года. Он подробно охарактеризовал обстановку острой классовой и партийной борьбы, в которой проходила деятельность этих Советов как в мирный, так и немирный периоды развития революции. В книге приводится много фактов, убедительно свидетельствующих о том, что Советы выступали как реальные революционные органы власти после февраля 1917 г. (они провели разоружение жандармерии и полиции, создали рабочую милицию, декретировали 8-часовой рабочий день, установили охрану предприятий, контроль над производством, который уже в мае — июне стал массовым и активным, поддерживали в городах и рабочих поселках революционный порядок, осуществляли контроль над судопроизводством и т. п.). Наиболее действенную роль играли Советы крупнейших промышленных центров Донбасса, где была сильна прослойка кадровых рабочих. Особую активность проявляли большевистские Советы Луганска, Краматорска и Горловско-Щербиновского района. Там, где было засилье меньшевиков и эсеров (Юзовка, Славянск, Лисичанск и другие места), Советы на первых порах слабо осуществляли свою власть. Н. Г. Гончаренко на конкретных фактах проследил рост сил этих Советов, их большевизацию, ускоренную таким событием, как разгром корниловщины. Свое исследование автор заканчивает изложением материала об установлении власти Советов в Донбассе и на Украине.

Книга Н. Г. Гончаренко выгодно выделяется среди работ, всесторонне освещающих историю местных Советов [20]. Эти работы свидетельствуют о возможности создания обобщающих трудов о деятельности Советов в период от Февраля к Октябрю в масштабе всей страны.

Вопрос о революционном преобразовании государственного аппарата по праву занимает важное место в исторических исследованиях. Следует, однако, отметить, что в его разработке встречаются неточности принципиального порядка. Так, в статье М. Ф. Макаровой [21] содержится правильное положение о том, что к моменту победы Октябрьской революции имелись материальные предпосылки для осуществления рабочего контроля над производством и распределением в лице развитого аппарата банков и синдикатов. Однако этот правильный тезис автор не сопроводил объяснением, каким путем этот капиталистический аппарат можно было поставить на службу трудящимся, как происходило превращение его в аппарат пролетарского государства. М. Ф. Макарова не показывает, какие конкретные изменения после победы пролетарской революции претерпели банки, кредитные и другие финансово-торговые организации, созданные буржуазией. Автор не дает, в частности, всестороннего освещения организации советского продовольственного аппарата, сыгравшего огромную роль в борьбе с голодом. М. Ф. Макарова явно переоценивает роль в этом деле старых продовольственных

---

[19] Н. Г. Гончаренко. Советы Донбасса в 1917 г. Сталино. 1957.

[20] К таким работам можно отнести книги: Н. В. Лебедев. Вологодские большевики в борьбе за Советскую власть. Вологда. 1957; Н. И. Резвый и П. И. Козлов. Борьба за власть Советов в Ярославской губернии. Ярославль. 1957; Г. Д. Костомаров. Московские большевики в борьбе за Октябрь. «Великий Октябрь», и др.

[21] М. Ф. Макарова. Борьба Советского государства за овладение рынком и развертывание товарооборота. «Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции».

учреждений, созданных Временным буржуазным и даже еще царским правительствами (продовольственных управ, продовольственных советов и комитетов) (стр. 217). В результате автору не удалось раскрыть ленинское положение об использовании пролетариатом после победы социалистической революции хозяйственного аппарата капитализма М. Ф. Макарова ограничилась лишь утверждением: «...весь (разрядка моя.— *В. Р.*) этот развитый аппарат капиталистического хозяйства необходимо было поставить на службу пролетариату» (стр. 216). Между тем необходимо помнить, учил В. И. Ленин, что хозяйственный механизм капитализма в отличие от преимущественно «угнетательского» государственного аппарата в виде постоянной армии, полиции, чиновничества разбивать нельзя и не надо. «Его надо вырвать из подчинения капиталистам,— указывал Владимир Ильич,— от него надо отрезать, отсечь, отрубить капиталистов с их нитями влияния, его надо подчинить пролетарским Советам... Отсечь то, что капиталистически уродует этот превосходный аппарат, сделать его еще крупнее, еще демократичнее, еще всеобъемлющее. Количество перейдет в качество»[22]. При этом В. И. Ленин указывал, что хозяйственный аппарат капитализма, который в условиях империализма и даже государственно-монополистического капитализма не является вполне государственным, предстоит превратить в условиях диктатуры пролетариата в аппарат вполне государственный. Это ленинское указание блестяще подтвердила Великая Октябрьская социалистическая революция.

★

XX съезд КПСС подверг резкой критике состояние научной разработки истории партии, в частности исследование ее роли в подготовке и проведении социалистической революции, указав, что на освещении этого вопроса с особой силой сказалось отрицательное влияние культа личности. Решения XX съезда и та борьба, которую развернула партия с последствиями культа личности, оказали плодотворное влияние на деятельность советских историков. Об этом свидетельствуют работы, вышедшие по данной проблеме к 40-й годовщине Октября[23].

Значительно расширилась источниковедческая база. Осуществлена публикация таких основательных сборников документов, как серия «Великая Октябрьская социалистическая революция» (М. 1957—1958), «Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за победу социалистической революции» (М. 1957), «Протоколы ЦК РСДРП(б)» (М. 1958), «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями» (М. 1957), ряда местных сборников. Наблюдается более глубокое изучение ленинских работ и партийных документов. Все это позволило советским историкам полнее раскрыть значение партии в социалистической революции, шире и четче, чем раньше, осветить деятельность В. И. Ленина, Центрального Комитета и местных партийных организаций, их руководящую и направляющую роль в отношении Советов, в создании союза рабочего класса с беднейшим крестьянством, в слиянии различных революционных потоков в общий поток борьбы за Советскую власть.

---

[22] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 81—82.

[23] «Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции»; «Великий Октябрь»; С. М. Петров. Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор Великой Октябрьской социалистической революции. «40 лет Великой Октябрьской социалистической революции»; М. П. Степанов. Партия большевиков в Октябрьской революции. М. 1958; его же. Разработка В. И. Лениным проекта партийной программы (апрель 1917 г.— март 1919 г.). «40 лет Великой Октябрьской социалистической революции», и др.

В опубликованных работах подробно говорится о деятельности большевиков в феврале — апреле 1917 г., до приезда В. И. Ленина [24], то есть в тот период, на событиях которого длительное время упражнялись фальсификаторы истории, чтобы принизить значение большевистской партии в революции. В них более ярко показана решающая роль, какую сыграла партия в трудные, переломные периоды революции (июльские события, корниловщина [25] и др.).

Заметный шаг вперед, сделанный в освещении руководящей роли Коммунистической партии в подготовке и проведении Октябрьской революции, виден в книгах И. Ф. Петрова и М. П. Степанова, сборниках статей «Великий Октябрь» и «Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор побед Великой Октябрьской социалистической революции». Руководствуясь ленинскими принципами историзма и партийности в науке, авторы указанных книг и сборников на большом архивном материале, с привлечением партийных документов прослеживают наиболее важные стороны революционного процесса. Они раскрывают многогранную работу большевистской партии как в мирный, так и в немирный периоды развития революции по завоеванию на свою сторону широких трудящихся масс.

Многие авторы сумели убедительно показать не только гигантскую практическую работу, но и огромную теоретическую деятельность В. И. Ленина и партии в период революции. В огне борьбы В. И. Ленин и Коммунистическая партия проверяли и уточняли отдельные положения революционной теории, конкретизировали и обогащали новыми положениями марксистское учение о социалистической революции и диктатуре пролетариата, вели непримиримую борьбу с буржуазной идеологией и ревизионизмом [26].

Названные работы, и прежде всего коллективные труды, сделали возможным приступить к созданию обобщающих фундаментальных исследований по вопросу о руководящей роли партии в Октябрьской революции.

Много сделали советские историки в исследовании вопроса об исторической роли рабочего класса в пролетарской революции. Об этом свидетельствует ряд работ [27], в которых на конкретно-историческом и стати-

---

[24] А. В. Лукашев, М. Д. Стучебникова. О тактике партии в период двоевластия (март — июнь 1917 г.). «Великий Октябрь»; Е. И. Бугаев. К вопросу о тактике партии в марте — начале апреля 1917 года. «Вопросы истории КПСС», 1957, № 1; К. Т. Семенов. Рост и укрепление большевистских партийных организаций в марте — апреле 1917 г. «Вопросы истории КПСС», 1957, № 2, и др.

[25] И. Ф. Петров. Июльские события 1917 года. «Вопросы истории», 1957, № 4; Л. Бромберг, И. Якушев. Большевики — организаторы разгрома корниловщины. М. 1957; Л. Б. Гайсин. Большевистская партия — организатор разгрома контрреволюционного заговора генерала Корнилова. «Ученые записки» Ленинградского государственного педагогического института. Т. 195, вып. 2. 1958; А. М. Сорокин. Руководящая роль большевистской партии в разгроме корниловского мятежа. «Великий Октябрь», и др.

[26] Б. Н. Камешков. Петроградские большевики в борьбе за победу Октябрьского вооруженного восстания. «Великий Октябрь»; П. Смирнов. Коммунистическая партия — вождь и организатор Октябрьского вооруженного восстания. «Коммунист», 1957, № 13; С. И. Аввакумов. Борьба петроградских большевиков за осуществление ленинского плана Октябрьского восстания. Сборник статей «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». М.-Л. 1957; М. Н. Фролова. В. И. Ленин — вдохновитель и организатор Октябрьского вооруженного восстания в 1917 году. «Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции», и др.

[27] А. Г. Егорова. Рабочий класс России в период подготовки социалистической революции. «Победа Великой Октябрьской социалистической революции»; В. Е. Полетаев. Из истории рабочего движения в Московской губернии в 1917 году. «Исторический архив», 1957, № 1; Л. Н. Кондратьева. Из истории борьбы рабочих и солдат Петрограда за мир в период двоевластия. «Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции»; Е. М. Скляренко. Рабочий класс Украины в борьбе за власть Советов. Киев. 1957; Л. С. Гапоненко,

стическом материале сделана попытка раскрыть ленинское положение о том, что сила пролетариата несравненно больше, чем его доля в общей массе населения.

В исследованиях о рабочем классе впервые четко ставится задача — показать, как пролетариат России, несмотря на его малочисленность по отношению ко всему населению страны, превратился в силу, способную под руководством Коммунистической партии возглавить Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Этому способствовала высокая концентрация производства и рабочих.

Историки более подробно, чем прежде, анализируют причины того, почему среди российского пролетариата была сравнительно невелика рабочая и профсоюзная аристократия, почему рабочий класс почти не был заражен социал-шовинизмом, почему окончились неудачей попытки буржуазии насадить среди рабочих «гвоздевщину» и идеологию «гражданского мира» [28]. Авторы выясняют количественный и качественный состав пролетариата, изменения и сдвиги, которые он претерпел в период империалистической войны, описывают экономические и политические стачки рабочего класса, его борьбу за 8-часовой рабочий день. Увеличилось количество работ, посвященных профсоюзам и фабзавкомам [29]. Значительно лучше, чем раньше, раскрывается героическое участие рабочих в Октябрьском вооруженном восстании [30].

Характерно, что наряду с изучением истории рабочего класса отдельных промышленных центров и районов (Петрограда, Москвы, Донбасса и др.) появились обобщающие исследования, которые делают шаг вперед по пути более полного освещения этой важной проблемы. К числу подобных трудов относятся работы Л. С. Гапоненко, А. Г. Егоровой и др. Авторы на основании большого фактического материала содержательнее, шире, чем в локальных исследованиях, анализируют вопрос о роли рабочего класса в революции, охватывая весь период от Февраля к Октябрю. Они показывают, как после свержения царизма под руководством партии большевиков развивалось могучее рабочее революционное движение, его основные формы — демонстрации, экономические и политические стачки, как это движение вплотную подвело рабочий класс к проблеме взятия власти в стране и управления предприятиями. Наиболее удачны страницы, посвященные революционному творчеству пролетариата, небывалому росту его организованности, выражавшемуся в создании профсоюзов, фабзавкомов, рабочей милиции, Красной гвардии.

Однако изучение вопроса о роли рабочего класса в революции еще не поднялось до уровня обобщающих монографических исследований. Отсутствие таких исследований по столь важной проблеме чувствуется значительно больше, чем по какому-либо другому вопросу. Особенно заметен пробел в изучении и освещении роли пролетариата как единственного и естественного авангарда всех трудящихся в их борьбе за побе-

---

Рабочий класс России в борьбе за победу социалистической революции. «История СССР», 1957, № 5; Н. Г. Гончаренко. Борьба донецкого пролетариата за установление Советской власти. «Ученые записки» Ворошиловградского педагогического института. Т. 7. Ростов-на-Дону. 1957, и др.

[28] А. Г. Егорова. Указ. соч., стр. 142—146, и др.

[29] «Профсоюзы в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции». Сборник статей. М. 1957; В. Михайлов. Первая конференция фабрично-заводских комитетов Петрограда (1917). «Советские профсоюзы». 1957, № 5; Д. А. Коваленко. Борьба фабрично-заводских комитетов Петрограда за рабочий контроль над производством (март — октябрь 1917 г.). «Исторические записки», 1957, № 61, и др.

[30] В. И. Старцев. Военно-революционный комитет и Красная гвардия в Октябрьском вооруженном восстании. «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде»; Б. М. Кочаков. Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 г. Там же; Г. Н. Голиков. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. «История СССР», 1957, № 4; Г. С. Игнатьев. Октябрьское восстание в Москве. «История СССР». 1957, № 4; И. Г. Дыков. Победа Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде в 1917 г. М. 1957, и др.

ду революции, в показе того, как рабочий класс укреплял свой союз с беднейшим крестьянством.

До сих пор встречаются работы, в которых рабочий класс изображен вне связи с остальными трудящимися массами. Примером тому может служить книга В. И. Томарева [31], оставляющая впечатление, что пролетариат Царицына боролся и побеждал один, без союза с беднейшим крестьянством.

★

Вопрос о союзе рабочего класса и беднейшего крестьянства — один из коренных вопросов Великой Октябрьской социалистической революции — длительное время не получал решения в плане глубокого исторического исследования. Поэтому отрадно видеть появление ряда работ по данной проблеме [32].

Эти труды по сравнению с выходившей ранее преимущественно научно-популярной литературой ставят на разрешение новые вопросы: предпосылки союза рабочего класса и беднейшего крестьянства в социалистической революции, сплочение крестьянской бедноты (в том числе и солдат) [33] вокруг пролетариата по вопросам войны и мира, борьба большевистской партии с меньшевиками и эсерами за крестьянские резервы, завоевание рабочим классом большинства крестьянства в процессе установления и упрочения диктатуры пролетариата. Все это помогает глубже познать политику Коммунистической партии, отражавшую и сочетавшую в себе строгую научность и революционный размах, ее роль в создании союза рабочих и беднейших крестьян как политической армии революции.

Среди трудов, посвященных вопросу о союзе рабочих и крестьян, упомянем монографию П. Н. Соболева «Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в Октябрьской революции». Ее достоинство заключается в умелом сочетании богатого фактического материала с обстоятельным анализом. В монографии, на наш взгляд, удачно освещается проблема двух социальных войн в деревне — и против помещиков и против кулачества. До сих пор в исследовании данного вопроса основное внимание уделялось борьбе крестьян с помещиками. Книга П. Н. Соболева и ряд других работ полнее и всестороннее, чем это делалось раньше, рассматривает вопрос о крестьянстве как часть вопроса о диктатуре пролетариата.

Однако в большинстве исследований все еще недостаточное место отводится руководящей роли рабочего класса. В результате получается некоторая изолированность в изучении рабочего и крестьянского вопросов. Например, в трудах А. С. Смирнова, Р. Я. Хабибулиной [34] много говорится

---

[31] В. И. Томарев. Пролетариат Царицына в борьбе за власть Советов. Сталинград. 1957.

[32] И. М. Ионенко. Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября. Казань. 1957; Ш. Хамматов. О союзе рабочих и крестьян в Татарии (ноябрь 1917—1920 гг.). Казань. 1957; А. И. Котеленц. Во главе революционного крестьянства. Борьба Московской большевистской организации за крестьянские массы в 1917 г. М. 1957; А. М. Богданов. Борьба тульских большевиков за ленинскую аграрную программу (1917—1918 гг.). Тула. 1957; В. Губарева. Развертывание социалистической революции в деревне в 1918 г. Л. 1957, и др.

[33] По истории революционного движения в армии вышло несколько исследований (М. И. Капустин. Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов. Л. 1957; П. А. Голуб. Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 — февраль 1918 г.). Киев. 1958, и др.), которые показывают, как в процессе революционной ломки военно-бюрократического государственного аппарата и его оплота — старой армии складывался союз рабочих и крестьян под руководством большевистской партии.

[34] См. А. С. Смирнов. Агитация и пропаганда большевиков в деревне в период подготовки Октябрьской революции (март — октябрь 1917 г.). М. 1957; Р. Я. Хабибулина. Борьба большевистской партии за союз рабочего класса и крестьянства в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. «Ученые записки» Ленинградского государственного университета. № 242, серия исторических наук. Л. 1957, и др.

о воздействии пролетариата и его партии на крестьянство посредством землячеств и других организаций благодаря посылке агитаторов, возвращению революционных солдат с фронта и т. п., раскрывается, как под влиянием этого воздействия революционизировалось крестьянство, возникали крестьянские Советы. Но суть вопроса — почему именно Советы пришлись по душе трудящимся крестьянам, почему в борьбе за них проявлялась общность интересов рабочих и крестьян, почему именно через Советы рабочий класс наилучшим образом мог осуществить свою руководящую роль по отношению к трудящемуся крестьянству — в названных книгах далеко не исчерпывается.

Неосвещенность всех этих вопросов не позволяет всесторонне раскрыть предпосылки союза рабочих и крестьян. Чаще всего авторы показывают, что такие предпосылки подготовлялись в процессе классового расслоения деревни, обусловленного развитием капитализма, и на этом ограничивают свою задачу.

Дальше других в данном вопросе пошел И. М. Ионенко[35]. Он рассматривает зарождение союза рабочих и крестьян, учитывая не только процесс расслоения крестьянства, что делают многие авторы, но и то революционное творчество масс, которое выражалось в ломке старого государственного аппарата и замене его новым. В его книге приводятся ценные сведения о том, как после свержения самодержавия разгонялись волостные правления и как организовывались новые органы власти, какими стали Советы после февраля 1917 года.

В ряде трудов исследование обрывается на Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде и, следовательно, вопрос о дальнейшем упрочении союза рабочих и крестьян в социалистической революции не получает полного освещения[36].

Этот недостаток в значительной мере восполняется работами, посвященными периоду триумфального шествия Советской власти, особенно локальными исследованиями[37]. В обобщающем виде вопрос о триумфальном шествии Советской власти освещен в третьем томе «Истории гражданской войны в СССР» (1957 г.). Здесь впервые целостно и конкретно изложена история установления Советской власти в центральных районах страны, на Украине, в Белоруссии, в Прибалтике, Молдавии, на Дону и Кавказе, в Туркестане и Киргизии, на Южном Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

Дальнейшую разработку в вышедшей литературе получил вопрос о революционном преобразовании экономики, о замене старых, капиталистических производственных отношений новыми, социалистическими. Ему посвящены монографии[38], авторы которых рассматривают первые социа-

---

[35] И. М. Ионенко. Указ. соч.

[36] См. А. Я. Утенков. Работа большевиков среди трудового крестьянства накануне Октября. М. 1958; В. М. Спивак. Аграрная программа Коммунистической партии и ее роль в укреплении союза рабочего класса и крестьянства в период подготовки социалистической революции. «Ученые записки» Калужского педагогического института. Вып. 4. 1957, и др.

[37] С. Ф. Найда. Триумфальное шествие Советской власти. М. 1957; Е. Анисимова, В. Яковлев, Я. Шорр. 1917 год в Москве. М. 1957; Н. В. Лебедев. Вологодские большевики в борьбе за Советскую власть (1917—1920 гг.). Вологда. 1957; П. С. Степанов. Борьба за укрепление Советской власти в Смоленской губернии в 1917—1920 гг. Смоленск. 1957; Ф. Ф. Захаров. Самарские большевики в Октябрьской революции. Куйбышев. 1957; С. С. Деев, Г. К. Николаичев. В борьбе за Великий Октябрь. Иваново. 1957; Н. К. Лисовский. Октябрь на Южном Урале. Челябинск. 1957; И. И. Минц. Победа социалистической революции на местах. «История СССР», 1957, № 4, и др.

[38] Д. А. Баевский. Очерки по истории хозяйственного строительства периода гражданской войны. М. 1957; А. В. Венедиктов. Организация государственной

листические преобразования в экономике как решение главной и самой трудной задачи социалистической революции и диктатуры пролетариата. Ликвидация старого и организация нового общественно-экономического строя вытекают из коренной особенности пролетарской революции. Социалистический уклад, основанный на общественной собственности на средства производства, не может постепенно вызревать в недрах буржуазного общества, подобно тому, как капиталистический уклад вызревал в недрах феодализма. Отсюда особая роль Советского государства в революционном преобразовании экономики. Авторы работ по данной теме на конкретном материале убедительно показывают, что преобразование экономики на социалистических основах не стихийный процесс, а результат сознательной творческой деятельности народных масс, выступающих во главе с пролетариатом и под руководством Коммунистической партии.

Значительно лучше, чем прежде, в конкретно-историческом плане показывается процесс «экспроприации экспроприаторов». Более подробно раскрывается историческое значение первых декретов Советской власти: о земле, рабочем контроле, ВСНХ, о национализации банков, промышленности, торгового флота, монополии внешней торговли и др. Во всех работах вопрос о первых экономических преобразованиях освещается на фоне тогдашней весьма сложной обстановки в стране. Отдельные авторы посвятили свои исследования истории борьбы молодого Советского государства с контрреволюцией и саботажем буржуазии, за решение важнейшей задачи — создание новой, социалистической экономики, вовлечение в созидательную работу широких народных масс путем отрыва их от буржуазных и мелкобуржуазных партий [39].

Обстоятельное использование произведений В. И. Ленина, партийных документов позволило историкам глубже раскрыть проблему возникновения и развития социалистического способа производства. Научные труды в этой области, имеющие актуальное значение, облегчают борьбу с ревизионистами, которые, отрицая историческую необходимость диктатуры пролетариата, изображают возникновение социалистического способа производства не как революционный, а как эволюционный процесс. Кое-кто из советских историков в недавнем прошлом также склонялся к этой порочной точке зрения. В журнале «Вопросы истории» (1956, № 5) была опубликована статья В. П. Насырина «О некоторых вопросах социалистического преобразования промышленности в СССР», в которой неправильно трактовались проблемы зарождения социалистического способа производства, пути и методы построения социализма в нашей стране, в частности вопросы национализации промышленности. Автор статьи под видом дискуссии, по существу, стремился воскресить старую, разбитую В. И. Лениным ревизионистскую концепцию о «мирном вызревании» социализма в недрах капитализма.

Взгляды В. П. Насырина встретили решительный отпор со стороны научной общественности. Многие авторы на конкретном материале сумели четко показать, что только через диктатуру пролетариата возможно было экспроприировать капиталистов и помещиков, обобществить банки, фабрики, заводы, транспорт, передать их в собственность Советского государства и строить социализм [40].

Эта важная проблема Октябрьской революции — о первых социалистических преобразованиях в экономике страны — находит все более глубокое и правильное освещение. Ее решение позволяет уяснить основные

промышленности в СССР. Т. I. 1917—1920. Л. 1957; Н. В. Каменская. Первые социалистические преобразования в Белоруссии (25 октября 1917 г.— июль 1919 г.) Минск. 1957, и др.

[39] См., например, О. М. Лукашова. Рабочий класс России в борьбе с саботажем буржуазии (октябрь 1917 г.— февраль 1918 г.). «40 лет Великой Октябрьской социалистической революции».

[40] См. «История гражданской войны в СССР». Т. III. М. 1957, стр. 74.

закономерности перехода от капитализма к социализму, всесторонне раскрыть главную, созидательную сторону социалистической революции, полнее осветить международное значение Октября.

Вопросу о всемирно-историческом значении Октябрьской революции в советской исторической литературе последних лет уделено больше внимания, чем в предшествующие годы. По этому актуальнейшему вопросу вышли монографические исследования, капитальные коллективные труды, сборники научных статей [41]. Эти работы, содержащие в большинстве случаев новый исторический материал, обстоятельно раскрывают международное значение пролетарской революции в России. Особенно удачно освещена эта тема с точки зрения исторически неизбежного повторения основных черт и закономерностей Октябрьской революции в международном масштабе. Правильно подчеркивается, что она показала рабочему классу всех стран основные силы, формы, приемы и способы перехода от старого, капиталистического строя к новому, свойственные всякой социалистической революции.

Среди основных закономерностей и черт Великого Октября наиболее подробно исследованы роль диктатуры пролетариата как орудия построения социалистической экономики, ликвидации эксплуататорских классов и уничтожения социального и национального гнета, пролетарский интернационализм [42]. В соответствии с ленинской теорией социалистической революции доказано положение, что ее основные закономерности имеют всеобщий характер. Социалистическая революция во всех странах возникает под влиянием экономических законов, действующих при империализме во всей мировой капиталистической системе. Следовательно, каковы бы ни были разнообразные конкретно-исторические условия, основа возникновения социалистической революции во всех странах будет общей. Развивается социалистическая революция во всех странах на основе ей присущих закономерностей.

Ряд статей впервые дает глубокий анализ повторения основных закономерностей Октябрьской революции в странах народной демократии: в Китае, Корее, Румынии, Албании и др. Советские историки изучают эту проблему в содружестве с зарубежными авторами.

Исследованию вопроса о всемирно-историческом значении Октября с точки зрения его воздействия на другие страны в юбилейной литературе отводится также большое место. Из многих работ по этому вопросу выделяются прежде всего статьи Е. М. Жукова, С. И. Гопнер и В. М. Холодковского [43].

В сборниках статей «Великий Октябрь» и «Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции» впервые конкретно и четко раскрыто ленинское положение о том, что «русская революция была в сущности генеральной репетицией или одной из репе-

---

[41] «Советская Россия и капиталистический мир в 1917—1923 гг.». М. 1957; «Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции»; «Великий Октябрь»; «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы». Сборник статей. М. 1957; «Великий Октябрь и народы Востока». М. 1957, и др.

[42] См., например, П. К. Фигурнов. Общие закономерности социалистической революции и разные формы перехода к социализму. «Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции».

[43] Е. М. Жуков. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие международных отношений. «Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции»; С. И. Гопнер. Великая Октябрьская социалистическая революция и первый революционный кризис в странах Западной Европы. Образование Коминтерна. «Великий Октябрь»; В. М. Холодковский. Великий Октябрь и революция 1918 г. в Финляндии. «Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции».

тиций всемирной пролетарской революции»[45]. Авторы на новых архивных документальных материалах раскрыли, как Великий Октябрь способствовал подъему международного революционного и коммунистического движения на новую, высшую ступень. Бесспорно, что главной предпосылкой роста этого движения послужили в каждой стране внутренние причины, обусловленные усилением эксплуатации трудящихся со стороны господствующих классов, углублением нищеты и бедствий народных масс. Однако пример русских братьев по классу показывал пролетариям Европы конкретные формы организации, пути и средства свержения власти эксплуататоров.

Авторы убедительно рассказывают о том, что под воздействием Октября возникли Советы в Польше, Германии, Австрии, Венгрии, Финляндии, Норвегии, Болгарии, Италии, Канаде и Словакии. Несмотря на кратковременное существование, их появление служит ярким подтверждением международного характера Октябрьской революции. Приводится много новых фактов, как непосредственно под влиянием победы Октября уже в 1918 г. образовались коммунистические партии в Финляндии, Венгрии, Польше, Австрии, Германии, Аргентине. Во многих странах Европы, Америки и Азии возникли коммунистические группы. Коммунистическое движение в то время росло и ширилось, в результате создалась реальная основа для объединения компартий в III, Коммунистический Интернационал. Подчеркивается, что возникновение современного мирового коммунистического движения и основание Коминтерна, связанные с победой Великой Октябрьской социалистической революции, ознаменовали собою торжество марксизма-ленинизма над социал-демократизмом в международном рабочем движении.

Вышли в свет исследовательские работы, посвященные участию иностранных интернационалистов в борьбе за укрепление первой в мире рабоче-крестьянской республики, что явилось ярким примером пролетарской солидарности. Данный вопрос, как известно, длительное время вообще не освещался в нашей литературе. Лишь в 20-х годах было опубликовано несколько популярных сочинений, главным образом мемуарного характера.

Из работ, вышедших к 40-летнему юбилею Октября, определенный интерес представляют статьи Б. Б. Медведева («Октябрьская революция и иностранные интернационалисты в России»), Н. Д. Черепениной («Иностранные коммунистические группы в Советской России и их деятельность (1918—1920 гг.)»[46] и др. Б. Б. Медведев приводит данные о составе находившихся в России зарубежных трудящихся, большинство которых под влиянием Октябрьской революции стало в ряды ее активных участников и защитников. Среди иностранцев свыше 2 млн. составляли военнопленные — немцы, австрийцы, венгры, чехи, словаки, сербы, хорваты, словенцы, болгары, турки и др. Немало жило в России эмигрантов, приехавших сюда в поисках заработка. Много было и китайцев. Кроме того, на русских военных заводах находились рабочие, присланные в годы первой мировой войны странами — союзницами России. Как подчеркивается в статье Б. Б. Медведева, пролетарская революция в России произвела коренной перелом в сознании основной массы этих людей и явилась для них замечательной школой классового воспитания[47].

Иностранные трудящиеся, бывшие непосредственными свидетелями Великого Октября, воочию убедились в глубоко народном, социалистическом характере революции. Это обусловило их переход на ее сторону, в ряды интернационалистов. Самое активное участие в движении иностран-

---

[45] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 132.

[46] «40 лет Великой Октябрьской социалистической революции»; «Пролетарский Интернационал — боевое знамя Коммунистической партии». М. 1959.

[47] См. «40 лет Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 408.

ных интернационалистов принимали Бела Кун, Джон Рид, Тибор Самуэли, Сун Фу-юань, Жанна Лябурб, Иоганн Копленинг, Ференц Мюнних, Ференц Янчик, М. Г. Бужор, Ион Монтяну, Фихтер, Зингер и др.

К сожалению, до сих пор еще нет работ, которые показали бы, как трудящиеся России, находившиеся в период Октября за рубежом, оказывали помощь народам тех стран, куда их забросила судьба, как по призыву Советского правительства и В. И. Ленина русские эмигранты героически боролись за интересы народа плечом к плечу с трудящимися этих стран. Известно, например, что в период провозглашения Венгерской Советской Республики Советское правительство обратилось к русским военнопленным, находившимся в Венгрии, с призывом вступать в ряды венгерской Красной Армии. В мае 1919 г. в Будапеште из пленных была сформирована интернациональная бригада, в рядах которой сотни русских добровольцев сражались вместе с рабочими-мадьярами за Венгерскую республику. О подобных фактах пролетарского интернационализма свидетельствует история других стран.

Отсутствие анализа такого рода фактов — серьезный недостаток в разработке проблемы международного значения Октябрьской революции. Советские историки должны восполнить этот пробел, глубже раскрыть интернациональный характер Октября, показать нераздельность национальных и интернациональных интересов рабочего класса, единство социалистического патриотизма и интернационализма.

Нельзя не указать на отдельные недостатки, встречающиеся в некоторых, в основном хороших, работах, освещающих международное значение Октябрьской революции. В частности, в коллективном труде «Советская Россия и капиталистический мир» мало внимания, на наш взгляд, уделяется истории Великой Октябрьской социалистической революции. Ее подготовка и проведение излагаются слишком сжато, совершенно упущен мирный период развития социалистической революции. Ряд разделов книги, особенно о Ноябрьской революции в Германии, весьма фактологичен.

Таковы достижения и недостатки в разработке некоторых основных вопросов истории Великой Октябрьской социалистической революции.

В настоящей статье автор не имел возможности остановиться на анализе литературы, освещающей подготовку и проведение Октябрьской революции в национальных районах. Однако необходимо отметить, хотя бы в общем виде, что советские историки национальных республик внесли ценный вклад в разработку вопросов Октября. За последние годы они выпустили большое число фундаментальных работ [48], содержащих богатый, в основном новый, конкретно-исторический материал, значительно подняли теоретический уровень своих трудов. Эти труды раскрывают активное участие широких народных масс национальных окраин в борьбе за победу Октябрьской революции и наглядно опровергают фальсификаторские измышления буржуазной историографии о «привнесении» русскими революции в национально-колониальные районы бывшей царской России.

Как правило, революционное движение в национальных районах показывается в неразрывной связи с революционным движением в России.

---

[48] Н. И. Супруненко. Победа Великой Октябрьской социалистической революции на Украине. Киев, 1957; Я. К. Павлов. Великая Октябрьская социалистическая революция и разрешение национального вопроса в Чувашии (1917—1925 гг.). Чебоксары. 1957; И. И. Саладков. Большевики Белоруссии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции Минск. 1957; Г. В. Хачапуридзе. Борьба грузинского народа за установление Советской власти. Тбилиси. 1957; А. А. Дризулис. Великая Октябрьская социалистическая революция в Латвии. Рига. 1957; Х. Ш. Иноятов. Октябрьская революция в Узбекистане. М. 1958; Т. Елеуов. Установление Советской власти в Казахстане. Алма-Ата. 1957; «Борьба за победу социалистической революции в Молдавии». Сборник статей. Кишинев. 1957, и др.

Однако, о чем уже справедливо отмечалось в печати [49], в ряде книг по истории социалистической революции в национальных республиках, вышедших к 40-летию Октября, имеет место тенденция к известной национальной ограниченности, преувеличивается роль местных организаций (см., например, характеристику группы «Гуммет» в книге «История Коммунистической партии Азербайджана»), отдельных деятелей в революционных событиях (например, в книге «Активные борцы за Советскую власть в Азербайджане»). Иногда местные печатные органы (в частности, газета «Рабочий и солдат» — орган Александропольского Совета) далеко не большевистского направления выдаются за большевистские [50]; под видом местной специфики развития революции преувеличиваются и оправдываются объединительные тенденции большевиков с меньшевиками (см. введение к книге И. К. Дадыкова «Победа Октябрьской революции в Туркестане», 1957) и т. п. Историкам Октября союзных республик необходимо изжить имеющиеся недостатки, более критично относиться к первоисточникам, шире использовать ленинское наследие, решения и документы партии по вопросам подготовки и проведения социалистической революции в национальных районах, ни на йоту не отступать от исторической правды, от ленинских принципов партийности и пролетарского интернационализма.

★

Сжатый анализ литературы по истории Октябрьской революции, вышедшей после XX съезда КПСС, показывает, что советская историческая наука в области исследования этой проблемы находится на крутом подъеме. Опираясь на постановления XX съезда КПСС и последующие партийные решения и документы, на помощь партии и правительства, которые создали все необходимые условия для плодотворной работы, советские историки сумели перейти от популярных очерков по вопросам Октября к глубокому и всестороннему изучению его главных и наиболее актуальных проблем в конкретно-историческом плане. Ряд этих проблем — стратегия и тактика партии большевиков в Октябрьской революции, союз рабочего класса с крестьянством, первые социалистические преобразования в области промышленности и другие — подвергся фундаментальному монографическому исследованию.

Успешное преодоление элементов субъективизма и фактографизма позволило советским историкам повысить идейно-теоретический уровень исследовательских работ. Хорошим примером в этом отношении является книга Г. Н. Голикова [51]. В ней убедительно раскрываются основные проблемы истории революции, ярко и общедоступно излагаются незабываемые дни Великого Октября. Эти события освещены автором на основе последних достижений советской исторической науки, с учетом того нового, что внесли в марксистско-ленинскую теорию и историю социалистической революции XX и XXI съезды КПСС, а также последующие решения и документы партии. Именно поэтому книга Г. Н. Голикова носит актуальный характер и выгодно отличается от ранее вышедших научно-популярных очерков на эту тему.

Однако научная разработка истории Октябрьской революции пока что не отвечает полностью предъявляемым к ней требованиям.

Отдельные работы еще не стоят на уровне достижений советской исторической науки, не дают обобщения исследуемого материала, имеют существенные недостатки в идейно-теоретическом отношении. Не все

---

[49] См. «Вопросы истории КПСС». 1959, № 5.

[50] См. Г. Б. Гарибджанян. Коммунистические организации Армении в борьбе за победу Советской власти. Ереван. 1957.

[51] Г. Н. Голиков. Очерк истории Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1959.

актуальные проблемы разработаны достаточно всесторонне и глубоко. Например, такие вопросы, как социально-экономические предпосылки Октябрьской революции, руководящая роль пролетариата и его Коммунистической партии в революции, международное значение Октября и др., ждут монографического исследования.

Очень слабо изучен вопрос о Советах в период подготовки и проведения социалистической революции. До сих пор нет обобщающей работы по истории Советов в масштабе всей страны за период от Февраля к Октябрю. Нерешенность этой важной проблемы отрицательно сказывается на освещении других вопросов Октябрьской революции — о руководящей роли рабочего класса, о сломе старого государственного аппарата и замене его новым, советским и др.

Отсюда ясно, что нашим историкам, занимающимся разработкой научной истории Октябрьской революции, нельзя успокаиваться на достигнутых успехах. Необходимо продолжить исследования недостаточно изученных и нерешенных вопросов истории Октября. Надо неустанно поднимать идейно-теоретическое содержание работ до уровня новых исторических задач и теоретических обобщений, данных в докладе Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС; двигать вперед разработку всех проблем Октября, опираясь на труды классиков марксизма-ленинизма, на документы КПСС, на решения братских коммунистических и рабочих партий; вести непримиримую борьбу с идейными противниками, против буржуазного объективизма и ревизионизма, руководствуясь ленинскими принципами историзма и партийности.

Решение этих задач поможет нашим историкам выполнить свой главный долг перед партией, перед советским народом и прогрессивными людьми всего мира — создать обобщающий марксистско-ленинский труд по истории Великой Октябрьской социалистической революции, в котором получила бы всестороннее правдивое освещение история возникновения и становления первого в мире пролетарского государства.

Дальнейшему развитию научной разработки вопросов Октября способствует выход в свет учебника по истории КПСС. Известную помощь историкам окажет в этом деле опубликованный в прошлом году сводный указатель литературы, изданной по данной проблеме в 1957—1958 годах [52].

Поистине программным документом для ученых, занимающихся разработкой истории Октября, как и для всех советских историков, является постановление Центрального Комитета КПСС от 9 января 1960 г. «О задачах партийной пропаганды в современных условиях».

Большой коллектив советских историков, занятый изучением истории Октябрьской революции, благодаря заботам партии значительно вырос, окреп и имеет все возможности для того, чтобы успешно справиться со стоящими перед ним задачами Нет сомнения в том, что 50-летие Октябрьской революции будет отмечено новыми достижениями на таком важном участке исторического фронта, каким является история Октября.

---

[52] «Великая Октябрьская социалистическая революция. Борьба за власть Советов в период иностранной военной интервенции и гражданской войны». Указатель литературы. Чч. 1—4. М. 1959.

РАБОЧИЙ ВОПРОС В РУССКОЙ ДВОРЯНСКОЙ И БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Б. В. Лукьянов

Идеологи современной империалистической буржуазии пытаются прикрыть эксплуататорскую сущность капиталистического строя разговорами об «исчезновении классов», переходе капитализма к «бесклассовому» обществу через рост «среднего класса», рассуждениями о «народном капитализме» и т. п. Однако эти псевдонаучные «теории» не представляют собой ничего оригинального. Они являются приспособлением применительно к новым историческим условиям старых, враждебных рабочему классу идей, давно уже потерпевших в борьбе с марксизмом полное банкротство. Такие «теории» направлены, в конечном счете, к тому, чтобы парализовать революционную энергию пролетариата, внести в его ряды идейный разброд и неверие в возможность совершить социалистическую революцию. В этой связи представляется весьма актуальным изучение русской политико-экономической литературы последней четверти прошлого века, на страницах которой запечатлены различные суждения по рабочему вопросу. Советскими учеными в данном направлении уже проделана значительная работа. Показателем этого могут служить, например, вступительные статьи акад. А. М. Панкратовой к сборникам документов «Рабочее движение в России в XIX веке» [1].

Определенным вкладом в изучение содержания названной темы является также ряд научных работ, напечатанных в сборнике, посвященном памяти А. М. Панкратовой [2]. Отметим также, что в последний период наша историческая наука пополнилась книгами, посвященными истории рабочего класса нашей Родины. Об активизации творческой деятельности советских ученых по изучению рабочего вопроса в России свидетельствует научная сессия, проведенная 21—23 декабря 1959 г. в Институте истории АН СССР, по вопросам формирования русского пролетариата.

Рабочий вопрос по своему конкретному содержанию охватывал ряд проблем (возникновение класса наемных рабочих, его положение и роль в капиталистическом производстве, отношение различных классов и государства к пролетариату и вместе с тем отношение последнего к другим классам и государству, место и значение рабочего класса в буржуазном обществе, борьба его за осуществление своей исторической миссии). Все эти стороны рабочего вопроса оказались в центре внимания общественной мысли в связи с исторической обстановкой, сложившейся в России после реформы 1861 года. Как отмечал В. И. Ленин, «развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых

---

[1] А. М. Панкратова. Особенности формирования и борьбы пролетариата России в 60—80-х годах XIX века. Сборник документов и материалов «Рабочее движение в России в XIX веке». Т. II, ч. 1. М. 1950; ее же. Рабочий класс и рабочее движение в России в 1885—1894 гг. «Рабочее движение в России в XIX веке». Т. III, ч. 1. М. 1952.

[2] «Из истории рабочего класса и революционного движения». Сборник статей, памяти акад. А. М. Панкратовой. М. 1958.

старых странах Европы целые века»[3]. Подъем в промышленности сопровождался быстрым ростом численности рабочих, в особенности на крупных капиталистических предприятиях. Одновременно происходило качественное изменение состава пролетариата, поскольку крупная машинная индустрия производила решительный переворот в условиях его жизни, отделяя окончательно рабочих от земледелия и вековых традиций патриархальной деревенской жизни. К концу XIX в. около половины рабочих в России были уже потомственными пролетариями, потерявшими экономическую связь с деревней[4].

Тяжелые условия труда, политическое бесправие и пережитки феодального гнета толкали рабочих на борьбу против своих эксплуататоров. Эти выступления, носившие вначале стихийный характер, с течением времени становились все более организованными. Пролетариат пробуждался, начиная осознавать свои классовые задачи. У пролетариата появились свои классовые организации — «Южнороссийский союз рабочих», «Северный союз русских рабочих». Правда, они не были еще марксистскими и не освободились от некоторых народнических ошибок. Однако в отличие от народников эти организации ориентировались на пролетариат, пытались определить самостоятельные задачи русского рабочего движения. Последнее, вливаясь в общий поток освободительной борьбы в стране, придавало ей необычайную силу. Развитие рабочего движения в России подготовило почву для возникновения первых марксистских групп и перехода в дальнейшем к новому, пролетарскому этапу в русском освободительном движении.

Группа «Освобождение труда», созданная Г. В. Плехановым в 1883 г., «теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению» в России[5]. Задача соединения социализма с рабочим движением была поставлена только В. И. Лениным в условиях подъема массового рабочего движения в середине 90-х годов XIX века. Им был основан в Петербурге «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», значение которого в русском рабочем движении поистине неоценимо. Он послужил могучим толчком к объединению марксистских и рабочих организаций России в единую революционную пролетарскую партию. Начался новый, пролетарский этап революционного движения в нашей стране. Русский пролетариат превращался в авангард международного рабочего движения, а Россия конца XIX — начала XX в. стала центром мирового революционного движения. В связи с этим в последней четверти XIX в. русская печать различных направлений была буквально заполнена спорами вокруг рабочего вопроса.

Реакционные публицисты того периода, М. Н. Катков, В. П. Мещерский, С. Ф. Шарапов и др., выражая интересы помещиков, рассматривали возникновение наемных рабочих как преходящее явление, результат неумелого хозяйствования буржуазии. Они упрекали последнюю в том, что она породила пролетариев, и вместе с тем делали вид, что сочувствуют тяжелому положению рабочих и пекутся об их нуждах. Когда же рабочие выступали против эксплуататорских классов, идеологи дворянства сбрасывали маску гуманности и решительно становились на сторону буржуазии. В таком их поведении рельефно проявилось присущее помещичьему классу двуличие, подмеченное еще К. Марксом и Ф. Энгельсом[6].

Вопреки действительности дворянские идеологи считали наемных рабочих частью крестьянства. Редактор реакционного журнала «Гра-

---

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 95—96.

[4] Е. М. Дементьев. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М. 1893, стр. 1—57; П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. II. М. 1956, стр. 163—167.

[5] В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 255.

[6] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 448—449.

жданин» князь В. П. Мещерский называл наемных рабочих «фабричными крестьянами». Страшась возникновения в России пролетариата, подобного западноевропейскому, который потрясал в то время (1848, 1871 гг.) устои старого мира, дворянские идеологи утверждали, что в России не может быть рабочего вопроса. Уже в пору относительно развитого промышленного капитализма Катков утверждал: «У нас нет пролетариата в специальном значении этого слова, нет, следовательно, и рабочего вопроса»[7].

Аналогичные суждения высказывали и другие защитники помещичьих интересов. Они не понимали природы рабочего вопроса, не видели, что последний порожден капиталистическим способом производства, который развивался в стране. По их мнению, рабочий вопрос в России принципиально отличался от рабочего вопроса на Западе. Там, утверждали они, имеется пролетариат, в России же рабочие не отделены от крестьян. В этом сказывалась одна из существенных черт мировоззрения класса помещиков — видеть только две основные силы: помещиков и крестьян, хотя в стране уже формировались новые классы — буржуазия и пролетариат. Рабочий вопрос дворянские идеологи сводили поэтому лишь к «правильным» взаимоотношениям между «хозяином» и «работниками». «Если у нас есть нечто похожее на рабочий вопрос,— писал Катков,— то он находится в фазе чисто юридической и административной»[8].

Не понимая сущности взаимоотношений предпринимателей и рабочих, дворянские идеологи рассматривали их лишь как договорные отношения в рамках существовавшего государства. Они рассуждали так: будут законодательно оформлены в договоре обязанности хозяев и рабочих — не будет конфликтов, не будет и рабочего вопроса. Они писали о возможности идиллических отношений между «хорошим хозяином» и «честным, высоконравственным и трудолюбивым» работником — «христианином», освященных законами помещичьего государства[9]. Характерны высказывания С. Ф. Шарапова, консервативного публициста, ярого защитника дворянских интересов. В своей книге «Русский сельский хозяин», подвергнутой В. И. Лениным в 1897 г. беспощадной критике[10], Шарапов проповедовал «союз барина и мужика», основанный на крепостнических порядках: «...русское хозяйство, чтобы найти верную нравственную почву, должно быть построено на тесной солидарности барина и мужика»[11].

Дворянская печать того времени пестрела рассуждениями о том, какими должны быть договорные отношения между хозяином и работниками. Найти их форму стремилось и царское правительство, создавая специальные комиссии для «составления проектов законоположений об отношениях хозяев, работников и домашней прислуги». Уже в 70-е годы были сформированы три комиссии по рабочему вопросу: одна под председательством члена Государственного совета А. Игнатьева, другая под руководством министра внутренних дел А. Е. Тимашева и третья, возглавляемая министром государственных имуществ П. А. Валуевым. Составленные комиссиями проекты были представлены на рассмотрение Государственного совета. В «Правительственном вестнике» были напечатаны проекты комиссии П. А. Валуева, послужившие объектом оживленной полемики[12]. Реформа 1861 г. явилась, как известно, историче-

---

[7] М. Н. Катков. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» 1884 года. М. 1898, стр. 297.

[8] «Московские ведомости», 14 февраля 1871 года.

[9] Журнал «Гражданин», 27 марта 1872 г., № 13, стр. 443.

[10] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 450—453.

[11] С. Ф. Шарапов. Русский сельский хозяин. СПБ. 1894, стр. 25.

[12] См. «Проект положения о найме рабочих». «Правительственный вестник», 4, 5, 6, 8 апреля 1875 г.; «Проект правил о найме прислуги». «Правительственный вестник»,

ской вехой последовавшего затем изменения всего уклада российского государства, шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную[13]. Этот факт нашел свое отражение и в опубликованных проектах по рабочему вопросу — в своеобразном, эклектическом переплетении противоречивых помещичьих и буржуазных взглядов на договорные положения о найме рабочих. Об этом, например, свидетельствует противоречивая трактовка «Проектом» роли «рабочей книжки», одного из главных условий договора между «нанимателем» и рабочими: обязательность этого документа тут же, последующим параграфом, для ряда важных хозяйственных работ отменяется[14]. Не случайно именно по вопросу о значимости «рабочей книжки» разгорелась острая полемика между ревностным защитником интересов помещиков М. Н. Катковым и выражавшим в этом споре, по существу, интересы либеральной буржуазии А. А. Головачевым[15]. Будучи в противовес Головачеву яростным сторонником введения «рабочей книжки» в договорную систему, Катков возводил этот документ в степень важного государственного и хозяйственного мероприятия, несущего якобы укрепление разорявшимся дворянским поместьям, «повышение заработной платы» (что свидетельствовало об абсолютном непонимании Катковым категорий, порожденных капиталистическим способом производства) и «нравственную благонадежность» рабочих. «Быть или не быть обязательным рабочим книжкам — вот, можно сказать, главный спорный пункт вопроса, обсуждаемого теперь в соединенных департаментах Государственного совета»,— писал Катков. Указывая на расстройство помещичьих хозяйств, он заявлял: «Положить конец такой неурядице, по суждению сведущих людей, может только обязательность рабочих книжек»[16]. Знакомство с полемикой, развернувшейся вокруг договорных отношений, свидетельствует о том, что эти споры выявляют подоплеку истинных намерений помещиков — посредством кабальных договоров привязать рабочую силу к дворянским имениям и тем самым закрепить свое господство в стране, затормозить развитие капитализма.

Однако, когда под воздействием нараставшего рабочего движения стала развертываться борьба рабочего класса за свои права, идеологи дворянства вынуждены были выйти за рамки рассуждений о рабочем вопросе как явлении чисто юридического и договорного порядка и высказаться по его животрепещущим проблемам. Эти заявления отличались тем же сугубо классовым пониманием вопроса и лицемерием. Показательны в этом отношении высказывания о штрафах, получивших широкое распространение на фабриках и возбуждавших волнения и стачки рабочих. Например, Катков, не вникая в сущность штрафов, в одном случае, желая снискать себе популярность среди рабочих, лицемерно объявлял штрафы злом и попрекал за это буржуазию[17]. В другом же случае, когда штрафы превращались в причину острых классовых конфликтов, он высказывался за их необходимость[18].

Характерны для идеологов дворянства взгляды на рабочие организации; они представляли их лишь в виде рабочих касс, «рабочих артелей» и т. п. или в форме товариществ шульце-деличевского типа под

---

11 апреля 1875 г.; «Проект правил об отдаче и приеме в обучение ремеслам, мастерствам и техническим производствам». «Правительственный вестник», 20 апреля 1875 года.

[13] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 88.

[14] См. «Проект положения о найме рабочих». «Правительственный вестник», 4 апреля 1875 г., стр. 1.

[15] См., например, статьи М. Н. Каткова в «Московских ведомостях», 30 апреля 1875 г.; 11, 16, 25 января 1876 г. и работу А. А. Головачева «Проект положения о найме рабочих и прислуги». «Отечественные записки», июнь 1875 г., стр. 193—230.

[16] «Московские ведомости», 16 января 1876 года.

[17] «Московские ведомости», 19 января 1885 года.

[18] «Московские ведомости», 29 мая 1886 года.

строжайшим надзором полицейского государства. К революционным организациям пролетариата они относились с ненавистью. Со страниц журнала «Гражданин» и газеты «Московские ведомости» не сходили клеветнические статьи, направленные против I Интернационала.

Классовая политика дворянских идеологов проявилась особенно резко в их отношении к рабочему движению. Они объявили забастовки государственным преступлением и призывали к беспощадному их подавлению. Не понимая природы классовых конфликтов, они видели главную причину стачек в подстрекательстве революционеров. Показательны в этом отношении статьи Мещерского и Каткова по поводу оправдательного судебного приговора участникам знаменитой Морозовской стачки 1885 года[19]. Катков утверждал, что она была «подделкой под рабочие движения во Франции и Бельгии», что ее инспирировали «дрессированные подстрекатели и руководители». Идеологи дворянства ликовали по поводу жестоких приговоров царских судов тем, кто вел мужественную борьбу с абсолютизмом, за дело рабочего класса.

Значительное место занимал рабочий вопрос в народнической литературе. Ошибочно считая капитализм «случайным явлением» в России, народники отрицали передовую роль рабочего класса в развитии общества и рассматривали крестьянство как главную революционную силу в стране. В действительности же крестьянское движение, взятое само по себе, представляет, по существу, не социалистическое, как думали народники, а лишь демократическое движение[20]. Крестьянские восстания приводят к победе только тогда, когда они сочетаются с рабочим движением и рабочий класс руководит ими. Пролетариат как самый революционный, передовой и организованный класс буржуазного общества самой историей призван объединить вокруг себя все эксплуатируемые слои города и деревни и повести их на решительную борьбу за революционное преобразование капиталистического общества в коммунистическое.

Нельзя, однако, не отметить, что некоторые из народников первыми в истории освободительного движения в России начали вести пропаганду среди фабрично-заводских рабочих, которая особенно усилилась в 70-х годах в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе и др.[21]. Революционные народники, обращаясь к рабочим, видели в них прежде всего крестьян, временно оторванных от обычных занятий. Народничество со временем, как известно, из революционного течения превратилось в либеральное, что было связано с глубокими социально-экономическими процессами, которые произошли в русской деревне в результате развития капитализма. Либеральные народники, выступавшие в условиях усилившегося расслоения крестьянства, являлись выразителями интересов кулачества. Народничество, подчеркивал В. И. Ленин, стало «теорией реакционной и вредной, сбивающей с толку общественную мысль, играющей на-руку застою...»[22]. Сквозь призму своих реакционных теорий рассматривали либеральные народники и рабочий вопрос.

Являясь сторонниками антинаучного субъективного метода в социологии, отвергая взгляд на развитие общества как на естественноисторический процесс смены общественных формаций, либеральные народники отрицали «правильность распространения общего процесса на Россию»[23]. Они утверждали, что Россия не должна обязательно следовать за Западом, что капитализм в ней — случайное явление, которое не имеет перспектив, а следовательно, не будет расти и пролетариат. За-

---

[19] «Гражданин», 1 июля 1886 г., № 44; «Московские ведомости», 29 мая 1886 года.
[20] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 9, стр. 409.
[21] «Рабочее движение в России в XIX веке». Т. II, ч. 1, стр. 60—61.
[22] В. И. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 483.
[23] В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 405.

падноевропейский рабочий вопрос, по мнению либеральных народников, принципиально отличался от рабочего вопроса в России, где он якобы целиком был подчинен крестьянскому вопросу. Типичными в этом отношении были суждения Н. К. Михайловского. Поскольку на Западе, рассуждал он, новый экономический порядок складывался стихийно, когда экономическая наука еще не существовала и нравственные идеи были крайне «грубого свойства», то свыкшиеся со всем этим разум и чувства уже в значительной степени утратили способность возмущаться. «Поэтому вполне естественно,— заключал Михайловский,— что во всем опередившие нас государства не разрешили своего рабочего вопроса» [24]. Отсюда он делал вывод, что рабочий вопрос на Западе являлся революционным, так как решение его требовало передачи условий труда в руки работника. В России же рабочий вопрос был, по его мнению, консервативным, ибо здесь необходимо лишь сохранить условия труда работника и гарантировать их, в том числе путем законодательного закрепления крестьянской общины [25]. Под условиями труда Михайловский мыслил только землю, и, следовательно, вся революционность рабочего вопроса на Западе сводилась у него к возврату рабочих к земле; консервативность же рабочего вопроса в России мыслилась им как сохранение земли в руках работника в рамках общины. В этих суждениях о рабочем вопросе выступает особенно ярко лицо либерального народника, мечтавшего увековечить мелкого производителя и гнетущие его феодальные пережитки, привязать его навсегда к общине, в которой господствовал кулак.

Либеральные народники прибегали и к такому доводу: в отличие от Запада пролетариат в России является величиной, «тонущей в массе крестьянства», представляя при этом часть последнего, временно оторванную от земледелия. Пытаясь отрицать наличие пролетариата в России, Михайловский писал: «Маркс оперировал над готовым пролетариатом и готовым капитализмом, а нам надо еще создавать их» [26]. В. И. Ленин саркастически заметил по этому поводу: «...в России нет пролетариата!! Я думаю, что г. Михайловскому следовало бы живому поставить памятник за эти классические слова!» [27].

Одним из глубоко ошибочных взглядов либеральных народников по рабочему вопросу являлось превратное понимание ими состава и численности рабочего класса, вытекавшее из неправильного подхода к капитализму. В это понятие они включали одну только фабрично-заводскую промышленность. Начальные же формы капиталистического производства и в земледелии и в промышленности они искусственно отделяли от капитализма и относили к «народным формам» хозяйства. В соответствии с этой схемой сбрасывались со счета миллионы наемных рабочих, в том числе громадное число «кустарей», сельских пролетариев, строительных рабочих и т. д. Опираясь на порочные статистические данные (Воронцов, Карышев) и фальсифицированные положения (Даниельсон), либеральные народники пытались «доказать», что численность рабочих постепенно падает или же ее увеличение в сравнении с ростом населения идет гораздо медленнее. В. И. Ленин разоблачил всю фальшь этих «утверждений» и показал, что в действительности темпы роста числа рабочих крупной промышленности обгоняли темпы роста населения страны [28].

Либеральные народники утверждали, что при «правильных» действиях государства рабочему классу предстоит возврат в лоно крестьян-

---

[24] Н. К. Михайловский. Соч. Т. 1. СПБ. 1896, стр. 694.
[25] См. там же.
[26] Журнал «Русское богатство», январь 1894 г., № 1, стр. 122.
[27] В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 179.
[28] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 433—443.

ской общины и пресловутого «народного» производства[29]. Эти «пророчества», характеризующие реакционность либерально-народнических воззрений по рабочему вопросу, основывались на фактах, почерпнутых не из жизни наемных рабочих, а из жизни «мастерков» в «кустарной» промышленности, которые в период неблагоприятной промысловой конъюнктуры покупали участки земли и заводили на них хозяйства на капиталистической основе.

Все эти и подобные им суждения о пролетариате имели своей конечной целью доказать, что рабочий класс в России был якобы слишком ничтожен «для того, чтобы претендовать на руководящее значение в ближайшем будущем страны»[30]. Эти «теории» были полностью опровергнуты русскими марксистами, в особенности В. И. Лениным, подчеркивавшими быстрый рост численности русского пролетариата и его значимости в жизни страны[31]. Либеральные народники не могли понять природу относительного перенаселения и огромного его влияния на судьбы пролетариата. Они видели в резервной армии рабочих лишь дополнительный «аргумент» против капитализма и устрашали общество бедствиями относительного перенаселения.

Характерно также отношение либеральных народников к труду. Всячески принижая «фабрично-заводской» труд, они заявляли, что «городские рабочие развращены больше деревенских»[32], что наемный труд является «безнравственным» и порожден страстью рабочих к бродяжничеству[33] и т. п. При этом игнорировался тот факт, что рабочие, возвращавшиеся в деревню, были здесь носителями новых идей, будивших в крестьянах чувство человеческого достоинства, веру в свои силы. Либеральные народники идеализировали труд крестьянина в общине (в ней хозяйничал уже кулак), выдавая его за «чистую идею труда», «святую обязанность»[34]. Они порицали «отходничество», выражая симпатии «местным заработкам», а по существу, «отработкам» у помещиков и кулаков; они восхваляли труд «кустаря», а фактически капиталистическую систему работы на дому.

Следовательно, либеральные народники не подвергли труд сколько-нибудь серьезному анализу. Их интересовали только те его стороны, которые давали возможность оттенить преимущества труда крестьянина или «кустаря». Они не видели, что труд в машинной индустрии испытывает не только отрицательное, но и прогрессивное влияние капитализма, поднимая сознание вовлекаемых в крупное производство людей и сплачивая их перед лицом классового врага.

Исходя из глубоко ошибочного суждения о капитализме как случайном явлении в России, либеральные народники отрицали наличие классовой борьбы пролетариата. Если они и отмечали иногда те или иные конфликты, то видели их причину не в эксплуатации одного класса другим, а в субъективных факторах политического и культурного порядка. По их мнению, стоило только государству провести ряд политических и культурных мероприятий — и все конфликты исчезнут. Отрицанием классовой борьбы объясняется то пренебрежение (а порой и прямая вражда), с которым они относились к рабочему движению. Драматические моменты классовых конфликтов расценивались иногда либе-

---

[29] В. В. Разделение труда земледельческого и промышленного в России. «Вестник Европы», июль 1884 г., кн. 7, стр. 326, 337, 352—353, 355; его же. Очерки кустарной промышленности в России. СПБ. 1886, стр. 41.

[30] В. В. Наши направления. СПБ. 1893, стр. 113.

[31] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 433—443, 489—493, 497—499, 509—514, 526—528.

[32] «Отечественные записки», 1879, № 2, стр. 150.

[33] В. В. Судьбы капитализма в России. СПБ. 1882, стр. 168; его же. Разделение труда земледельческого и промышленного в России, стр. 327.

[34] С. Н. Южаков. Вопросы гегемонии в конце XIX века. Журнал «Русская мысль», апрель 1885 г., кн. IV, стр. 50—51.

рально-народнической печатью как «курьезные формы»[35]. В этой же литературе допускались и прямые насмешки по адресу рабочих организаций. Михайловский, например, высмеивал английские рабочие организации за их строгую товарищескую дисциплину[36]. Это и понятно: либеральному народнику, идеализировавшему раздробленное товарное хозяйство с его неограниченной конкуренцией, была чужда добровольная, сознательная, но строгая дисциплина рабочих ассоциаций. Враждебное отношение либерального народничества к рабочим организациям особенно проявилось в злопыхательской статье Михайловского, направленной против Международного товарищества рабочих — Интернационала[37].

В совокупности воззрений либеральных народников на рабочий вопрос резко выделяются их отрицательные суждения о творческих способностях пролетариата. Последний, говорили они, «может представлять интерес как сила разрушительная, но не как основа созидательной социальной работы»[38]. Воронцов даже ратовал за «переселение» рабочих из городов в деревни, чтобы предотвратить образование «излишнего и беспокойного промышленного населения»[39]. Эта злобная клевета на рабочих опровергалась их повседневным созидательным трудом, ее опровергал замалчиваемый либеральными народниками опыт Парижской коммуны, которая продемонстрировала на весь мир творческие способности пролетариата.

Реакционнейшей чертой либерального народничества является его отношение к подлинной идеологии пролетариата — марксизму. Начавшееся проникновение марксизма в рабочее движение России привело к тому, что либеральное народничество открыло яростный поход против русской социал-демократии. Пролетарские революционеры во главе с В. И. Лениным ответили на него решительным контрнаступлением. Они показали, что «хозяйственный мужик», о котором так много говорили либеральные народники, есть кулак, нещадно эксплуатировавший наемный труд в «общине» и в «народной промышленности». В историческом сражении с научным социализмом либеральное народничество было разбито и отброшено как реакционная доктрина, мешавшая развитию классовой борьбы в стране.

Наиболее широкое отражение рабочий вопрос получил в буржуазной литературе последней четверти XIX века. Идеологи буржуазии, рассматривавшие капитализм как абсолютную, конечную форму общественного производства, видели в пролетариате класс, присущий капиталистическому обществу, и вместе с тем признавали наличие в России и рабочего вопроса. В пестроте высказанных ими взглядов на рабочий вопрос можно установить два главных направления: открытую и замаскированную защиту интересов буржуазии.

Представители первого направления — Ю. Г. Жуковский, Н. Х. Бунге, Л. З. Слонимский и другие — прежде всего пытались отрицать решающее значение рабочих в капиталистическом производстве. Опираясь на псевдонаучные положения вульгарной политической экономии, они пытались опровергнуть марксистское положение о том, что рабочие являются основной силой в производстве материальных благ при капитализме и что именно они создают прибавочную стоимость. Буржуазные идеологи объявляли, что пролетариат не имеет права претендовать на улучшение своего положения в обществе. Зато капиталистам они приписывали роль «истин-

---

[35] В. В. Судьбы капитализма в России, стр. 23.

[36] Н. К. Михайловский. Соч. Т. 3. СПБ. 1909, стр. 193.

[37] Н. К. Михайловский. Литература и жизнь. «Русское богатство», январь 1894 г., № 1, стр. 110.

[38] В. В. Наши направления, стр. 139—140.

[39] В. В. Разделение труда земледельческого и промышленного в России, стр. 326—327.

ных деятелей» производства. В основу этих утверждений они клали превратную трактовку капитала как средства производства, вещи как внеисторической категории, присущей всем ступеням развития общества. При этом они отрицали наличие в капитале переменной его части, то есть наемной рабочей силы.

Один из идеологов буржуазии, «пошло-буржуазный» [40] Ю. Г. Жуковский, утверждал: «...ни одно из условий, перечисляемых Марксом, ни свобода распоряжения трудом, ни вынужденность продавать его в форме труда не составляют условий, которые бы были нужны для начала капитала вообще» [41], отбрасывая, таким образом, одно из главных условий образования капитала — наемного рабочего.

Аналогичное понятие капитала давал Н. Х. Бунге [42]. Такой же типичной для открытых идеологов буржуазии трактовкой капитала были суждения корреспондента буржуазно-либерального журнала «Вестник Европы» Л. Слонимского, который в течение десятилетий пытался опровергать учение К. Маркса. Понимая капитал как внеисторическую категорию, Л. З. Слонимский делал вывод: «Эксплуатация не составляет необходимой функции капитала в капиталистическом производстве» [43].

Трактовка капитала как вещи, за которой стоит ее собственник — «вечный капиталист», давала буржуазным идеологам возможность отрицать факт создания наемным рабочим прибавочной стоимости и таким образом внушать пролетариям мысль о незначительной их роли в производстве. К. Маркс, как известно, вскрыл всю несостоятельность буржуазного учения о капитале как вещи. Но идеологи буржуазии преднамеренно игнорировали научный анализ труда и определение Марксом капитала, учение о прибавочной стоимости. Опираясь на превратную трактовку капитала, они демагогически заявляли, что труд рабочего представляет из себя голый физический труд и что по своей природе рабочая сила человека ничем не отличается от силы животного и, следовательно, не может создавать прибавочную стоимость. Жуковский, например, писал по поводу марксова анализа процесса труда и процесса возрастания стоимости, что «те же совершенно рассуждения применимы не только к человеческому труду, но и ко всякой другой производительной силе: земле, дереву, лошади, волу и прочее» [44]. Отождествляя труд наемного рабочего с операциями рабочего скота, идеологи буржуазии пытались свести на нет основное положение Маркса о том, что только рабочий создает прибавочную стоимость — источник обогащения капиталистов. Апологеты буржуазии рассчитывали, что с помощью их словесных ухищрений «вся его (Маркса.— *Б. Л.*) защита рабочего вопроса будет лишена прочного основания» [45] и тогда-де, по их мнению, можно будет внедрять в сознание рабочих уважение к капиталистам, необходимость отказа от борьбы за улучшение своего положения, а следовательно, и от революционного преобразования общества.

Именно такой смысл имели слова Бунге, когда он писал, что «большинство предпринимателей-капиталистов» достигло якобы «общественного положения и богатства» «умом, трудолюбием и бережливостью» [46]. «Обратить приобретенное этими тружениками (!) имущество в общественное достояние,— продолжал Бунге,— не есть ли вопиющая несправедливость, ограбление лучших людей из трудящегося (!) клас-

---

[40] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 117.

[41] Ю. Жуковский. Карл Маркс и его книга о Капитале. «Вестник Европы», сентябрь 1877 г., № 9, стр. 77.

[42] Н. Х. Бунге. Очерки политико-экономической литературы СПБ. 1895, стр. 126—127.

[43] Л. Слонимский. Экономическое учение Карла Маркса. СПБ. 1898, стр. 126, 128.

[44] Ю. Жуковский. Указ. соч., стр. 77.

[45] Там же, стр. 97.

[46] Н. Х. Бунге. Указ. соч., стр. 137.

са?»[47]. Особую привилегию буржуазии — безвозмездно присваивать прибавочную стоимость — Жуковский обосновывал тем, что якобы «прибыль возникает» не в процессе труда, а «из направления или организации труда»[48], иными словами, в результате «психической деятельности» капиталиста. «Работник же, ничего не изобретавший и ничего не организовавший, а только постоянно организуемый, не имеет никакого основания заявлять на нее (прибыль.— *Б. Л.*) малейшие притязания»[49]. Жуковскому вторит в этом же духе Слонимский[50].

С превратным толкованием природы капитала связан был взгляд буржуазных идеологов и на промышленную резервную армию. Не вникая в действительные причины относительного перенаселения, они пытались с помощью избитых мальтузианских доводов опровергнуть открытый К. Марксом капиталистический закон народонаселения, согласно которому «рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах само производит средства, которые делают его относительно избыточным населением»[51]. В этой (тщетной!) попытке опровергнуть названный экономический закон особенно бесцеремонно проявил себя Л. З. Слонимский[52].

Вразрез с действительностью буржуазные идеологи фарисейски уверяли, что в капиталистическом обществе нет эксплуатации, поэтому якобы нет места и антагонизму между трудом и капиталом. Они проповедовали социальный мир между классами, восхваляли оппортунизм в рабочем движении и возвеличивали филантропию буржуазии. Возводя клевету на все революционное, они открыто призывали к применению насилия в отношении пролетариата. Слонимский, в частности, писал, что буржуазия могла бы принять охранительные меры против революции «при помощи средств и сил государства, не дожидаясь дальнейшей организации рабочего класса, она могла бы стеснить его развитие, затруднить ему доступ к образованию и заранее обеспечить себе победу, пока рабочие еще бессильны, и нелепо было бы ожидать, что она будет действовать в противоположном смысле с точки зрения предстоящей борьбы за существование»[53].

С особым старанием идеологи буржуазии извращали историческую миссию пролетариата. Они дошли до чудовищных измышлений, вроде того, что пролетариат хочет якобы совершить переворот лишь с целью увеличения своих доходов, что Маркс писал будто бы о коммунизме как эпохе «господства мускульного труда над умственным, исполнительной работы над устроительною, механической рутины рабочих масс — над предприимчивостью» и т. д. и т. п.[54]. Все эти утверждения представляли собою не что иное, как грязную клевету на рабочий класс, на марксизм.

Будучи идеологией единственного до конца последовательного революционного класса, каковым является пролетариат, марксизм обладает необыкновенной притягательной силой. Поэтому-то открытые идеологи буржуазии и развернули против него разнузданную кампанию. Одновременно был предпринят и замаскированный поход против пролетарской научной идеологии «легальными марксистами» (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский и др.) и «экономистами» (Е. Д. Кускова, С. Н. Прокопович и т. д.).

«Легальные марксисты» рассматривали рабочий вопрос с позиций ревизионизма. Они только на словах были солидарны с автором «Капита-

---

[47] Там же
[48] Ю. Жуковский. Указ. соч., стр. 85.
[49] Там же, стр. 101.
[50] Л. Слонимский. Указ. соч., стр. 159—160.
[51] К. Маркс. Капитал. Т. 1. Госполитиздат. 1955, стр. 637.
[52] Л. Слонимский. Указ. соч., стр. 131—133.
[53] Там же, стр. 114.
[54] Там же, стр. 170—171, 186.

а», а на деле извращенно толковали его учение о природе капитала. Ту-ан-Барановский, называя «экономическую и социологическую систему Маркса... самым замечательным продуктом человеческой мысли» [55], в то же время заявлял: «Рабочую силу нельзя называть переменным капита-ом, а средства производства постоянным, так как и рабочие и средства роизводства в равной мере создают прибавочную ценность, а следова-ельно, в равной мере составляют переменный капитал. Деление капитала а постоянный и переменный должно быть совершенно отброшено» [56].

Игнорирование действительно существующего деления капитала да-ало «легальным марксистам» возможность истолковывать все явления апиталистического общества, в частности: роль рабочих в производстве, х экономическое положение, судьбы рабочего класса и т. д.— с буржуаз-ых позиций. Под флагом «критического претворения и дальнейшего раз-ития» марксизма они объявили о необходимости отказа от «экономиче-кой теории прибавочной ценности» и предложили «вообще критически ересмотреть всю экономическую теорию Маркса, как таковую» [57]. Как у открытых идеологов буржуазии, из неправильных суждений о природе апитала, значении и роли рабочего в производстве вытекал и характер зглядов «легальных марксистов» на все остальные стороны рабочего опроса. Они отвергали всякую связь проблемы разделения обществен-ого продукта между классами с производством и образованием стоимо-ти продукта, бездоказательно объявив при этом, что распределение на-ционального дохода является лишь проблемой присвоения его. «Пробле-ма разделения общественного продукта между социальными классами,— аявил П. Струве,— не связана непосредственно ни с вопросом создания родукта, ни с вопросами об образовании и мерила ценности, а является о существу проблемой присвоения продукта (и ценностей) раз-ичными агентами производства или, общее, хозяйства» [58]. Своими севдонаучными рассуждениями «легальные марксисты», по существу, анкционировали право буржуазии и впредь безвозмездно присваивать рибавочную стоимость и обязанность пролетариата нести и дальше ярмо наемного рабства.

Говоря о заработной плате, «легальные марксисты» прошли мимо ее ущности. Они предпочли отделаться лишь эклектическим описанием форм заработной платы и поверхностным суждением о ней [59], сопровож-дая его даже утверждениями о необходимости низкого уровня ее. Струве, например, писал: «При низком культурном уровне рабочего населения повышение заработной платы не увеличивает интенсивность труда, а ско-рее, наоборот, понижает ее, располагая рабочих к лени...» [60]. Показа-тельно, что при этом Струве не сказал ни слова о нараставшем паразити-зме буржуазии. Тенденциозным и лживым было также утверждение «легальных марксистов» о происходившем якобы росте заработной платы. Струве без всяких доказательств декларировал, что в «современ-ном обществе несомненно растет относительная заработная плата по крайней мере занятых рабочих» и происходит «экономический подъем рабочего класса» [61]. В таком же духе выступал и Туган-Барановский. Эти высказывания находились в вопиющем противоречии с действитель-

[55] М. Туган-Барановский. Основная ошибка абстрактной теории капита-лизма Маркса. Журнал «Научное обозрение», 1899, № 5, стр. 973.

[56] М. Туган-Барановский. Трудовая ценность и теория прибыли. «Научное обо-зрение», 1900, № 3, стр. 632.

[57] П. Струве. Против ортодоксии. Журнал «Жизнь», октябрь 1899 г., стр. 178.

[58] Петр Струве. Основная антиномия теории трудовой ценности. «Жизнь», февраль 1900 г., стр. 304—305.

[59] П. Струве. Заработная плата. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. Кн. 23. СПБ. 1894, стр. 284—295; М. Туган-Барановский. Тру-довая ценность и теория прибыли, стр. 620.

[60] П. Струве. Заработная плата, стр. 288.

[61] Петр Струве. Основная антиномия теории трудовой ценности, стр. 303.

ностью. К. Маркс установил, что «общая тенденция капиталистического производства ведет не к повышению среднего уровня заработной платы, а к понижению его, т. е. в большей или меньшей степени низводит стоимость труда до ее минимального предела»[62]. Эту закономерность в движении заработной платы буржуазные экономисты и статистики всячески стараются скрыть. Однако она постоянно проявляется в странах капитала в падении реальной заработной платы рабочих и в систематическом уменьшении доли ее в национальном доходе.

Пытаясь замазать истинную причину относительного перенаселения, «легальные марксисты» утверждали, что в России оно не носит капиталистического характера, и с целью подтверждения своих мальтузианских утверждений подтасовывали статистические данные. Так, П. Струве, полемизируя с Даниельсоном, «доказывал», что аграрное перенаселение как в дореформенный, так и в пореформенный период не было капиталистическим, и при этом подчеркивал совпадение своих взглядов с мнением проповедника мальтузианства Ф.-А. Ланге[63]. В действительности же относительное перенаселение в России объяснялось развитием капитализма не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве, в результате чего накапливалась многочисленная армия безработных.

Прикрываясь марксистской фразеологией и пользуясь в этой части опытом западноевропейских оппортунистов и ревизионистов, «легальные марксисты» не признавали антагонистических противоречий между пролетариатом и буржуазией, пытались «доказать», что происходит якобы «притупление» общественных противоречий, отрицали неизбежность и необходимость социальной революции и диктатуры пролетариата. Поэтому они всячески умаляли значение рабочего движения. Проповедуя эволюционизм и вытекавший из него реформизм, замаскированные идеологи буржуазии лелеяли надежду направить рабочее движение по оппортунистическому пути. С этой целью они стремились извратить существо революционной теории К. Маркса и Ф. Энгельса. Струве, например, писал, что «первая попытка начертать историю развития современного общества» — «Манифест Коммунистической партии» — проникнута якобы глубоко эволюционным духом[64], хотя этому противоречит все содержание замечательного произведения марксизма.

Показательно отношение «легальных марксистов» к фабрично-заводскому законодательству. Они истолковывали его появление в России как результат гуманного и заботливого отношения буржуазии и государства к нуждам рабочих[65]. В действительности же законодательство было плодом решительной борьбы пролетариата за свои права. Взгляд «легальных марксистов» на законодательство по рабочему вопросу вытекал из их неверных представлений о природе государства. Они считали государство надклассовым органом. По мнению П. Струве, даже «родовой быт» «знал государство» и последнее будет существовать и в обществе, где «исчезнет господство одних социальных групп над другими»[66]. Весь смысл заявлений о надклассовости государства состоял в том, чтобы объявить буржуазное государство вечным, завуалировать его классовую сущность, его антипролетарскую направленность. Характерно, что в своих рассуждениях о будущем обществе «легальные марксисты» замалчивали роль пролетариата в преобразовании существующего буржуазного строя. Они

---

[62] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. Госполитиздат. 1955, стр. 406.

[63] П. Струве. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПБ. 1894, стр. 183—184.

[64] Петр Струве. Международный конгресс по вопросам законодательной охраны рабочих. Журнал «Новое слово», сентябрь 1897 г., стр. 178.

[65] М. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПБ. 1898, стр. 360—361, 385.

[66] П. Струве. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России, стр. 53, 279—281.

ыслили это преобразование не иначе, как только путем буржуазных еформ. При этом они бесцеремонно заявляли, что и «последователи» аркса якобы стоят за путь реформ и тем самым вносят существенный корректив» в учение К. Маркса. Именно такие «коррективы», исключавие из марксизма учение о пролетарской революции и диктатуре проле-ариата, в то время вносились ревизионистами.

Наряду с «легальным марксизмом» такой же замаскированной по-ыткой подчинить рабочий класс идеологическому влиянию буржуазии тем самым получить возможность решать рабочий вопрос только в инте-есах капиталистов являлся «экономизм». Он возник в конце XIX в. и редставлял собой оппортунистическое течение в русской социал-демокра-ии. Характеризуя «экономизм», В. И. Ленин писал: «Его главной теоре-ической опорой был т. наз. «легальный марксизм» или «струвизм», кото-ый «признавал» «марксизм», совершенно очищенный от всякой револю-ионности и приспособленный к потребностям либеральной буржуазии» [67].

Сущность «экономизма» предопределила и его отношение к рабоче-у вопросу. Одной из особенностей «экономистов» было замалчивание даже умаление боевых традиций пролетариата, что нашло свое отраже-ие на страницах их газеты «Рабочая мысль» [68], и особенно в «Кредо», аписанном Е. Д. Кусковой и С. Н. Прокоповичем. Русские революцион-ые социал-демократы во главе с В. И. Лениным, как известно, дали окрушительный отпор этим попыткам принизить революционное прошлое усского пролетариата [69]. Характерным для «экономистов» было восхва-ение ими старых форм организации рабочих и огульное охаивание связи с этим промышленного пролетариата.

В своих выступлениях «экономисты» искаженно представляли не олько историю, но и положение современного им пролетариата. «В на-тоящее время (конец 90-х годов.— *Б. Л.)* можно с уверенностью ска-ать,— писали Кускова и Прокопович,— что русское рабочее движение аходится еще в амебовидном состоянии и никакой формы не создало» [70]. тот тезис находился в вопиющем противоречии с развернувшимся в то ремя в стране стачечным движением. Типичным для «экономистов» было риукрашивание ими крайне низкого жизненного уровня пролетариата. след за Бернштейном они отрицали, что капитализм несет рабочим об-ищание. Особенно изощрялся в этом отношении С. Прокопович, считав-ший, что безработицу, бич рабочего класса, можно ликвидировать при ка-итализме [71].

Обращая свои взоры на отсталые слои пролетариата, «экономисты» реклонялись перед стихийностью рабочего движения и всячески третиро-али выработанную марксизмом социалистическую теорию, которую если рабочим революционные социал-демократы. Прокопович, например, ообще отрицал научность марксистской «концепции рабочего движе-ия» [72]. В. И. Ленин заметил по этому поводу следующее: «Г-н Прокопо-ич с таким усердием молится самоновейшему божку (ревизионисту ернштейну.— *Б. Л.)*..., что не жалеет своего лба» [73].

«Экономисты» понимали под классовой борьбой преимущественно кономическую борьбу «с капиталом на поле ежедневных насущных ин-ересов». Правда, «экономисты» признавали и политическую борьбу, но безмерно узком понимании. Вследствие якобы незрелости русского ролетариата для политической борьбы они ограничивали ее требованиями

---

[67] В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 301.

[68] Газета «Рабочая мысль», № 1, октябрь 1897 г.; отдельное приложение к этой азете за сентябрь 1899 года.

[69] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 4, стр. 156—163.

[70] Цит. по: В. И. Ленин. Соч. Т. 4, стр. 155.

[71] С. Н. Прокопович. Рабочее движение на Западе. СПБ. 1899, тр. 150—151.

[72] Там же, стр. 156—157.

[73] В. И. Ленин. Соч. Т. 4, стр. 172.

тред-юнионистского характера, а также участием рабочих под руководством либеральной буржуазии в «борьбе за земское и городское общественное самоуправление» [74], то есть, по сути дела, сводили политическую борьбу на нет. В отстаивании «экономистами» экономической борьбы как главной формы классовых боев отражалось стремление буржуазии затормозить рабочее движение, оставив его в стихийном, разрозненном состоянии. Об этом свидетельствовало прежде всего отрицание «экономистами» необходимости самостоятельной политической партии пролетариата. «Разговоры о самостоятельной рабочей политической партии,— говорилось в пресловутом «Кредо»,— суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву... Для русского марксиста исходит один: участие, т. е. помощь экономической борьбе пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности» [75]. Эту декларацию В. И. Ленин назвал квинтэссенцией социал-демократического оппортунизма [76].

В соответствии со своими воззрениями на экономическую и политическую борьбу «экономисты» признавали в забастовках только их экономическую сторону. Пропагандой такого понимания стачек они неизбежно тормозили процесс перерастания экономических стачек в политические и, таким образом, задерживали развитие революционного рабочего движения. Такое отношение к стачкам усугублялось тем, что «экономисты» пропагандировали невмешательство социал-демократии в стачечную борьбу рабочих, проповедовали самотек и обрекали тем самым пролетариат на поражение.

Характерно отношение «экономистов» к профессиональным союзам. Особую симпатию оппортунисты проявляли к профессиональным организациям раннего периода с их средневековыми пережитками, «миролюбивым духом» и одновременно поносили союзы промышленного пролетариата. Они выступали против участия профессиональных организаций в политической борьбе и отвергали необходимость руководства ими со стороны пролетарской партии [77]. Примечательно, что «экономисты» восхищались гирш-дункеровскими немецкими профсоюзами, стоявшими за отказ от политической борьбы, за классовое сотрудничество и срывавшими неоднократно забастовки. Консервативные взгляды «экономистов» на профессиональные союзы были подвергнуты В. И. Лениным уничтожающей критике [78].

Нельзя не отметить также переоценку «экономистами» значения рабочих касс. Они всячески поддерживали распространенное среди части рабочих ошибочное мнение о том, что достаточно якобы накопить в рабочих кассах нужные средства, и успех пролетариата в экономической борьбе обеспечен. Они даже торжественно объявляли, что каждая из касс дороже для рабочего движения, «чем сотня других организаций» [79]. Несостоятельность этих заявлений была вскрыта В. И. Лениным. Он со всей силой подчеркивал, что стачечная борьба будет успешной только тогда, когда она возглавляется самостоятельной политической партией пролетариата. Партия должна использовать в своей работе и такие организации, как рабочие кассы и т. п., для дальнейшего развертывания пролетарской борьбы [80].

Среди вредных иллюзий, распространявшихся «экономистами», следует отметить и их взгляды на производительные и потребительские товарищества рабочих. Наиболее рьяным пропагандистом этих иллюзий являлся Прокопович, прибегавший с этой целью к фальсификации фактов

---

[74] Отдельное приложение к «Рабочей мысли» за сентябрь 1899 года.
[75] Цит. по: В. И. Ленин. Соч. Т. 4, стр. 156.
[76] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 11, стр. 383.
[77] С. Н. Прокопович. Указ. соч., стр. 129.
[78] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 4, стр. 267.
[79] «Рабочая мысль», № 1, октябрь 1897 года.
[80] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 4, стр. 263—273, 286—295.

уличенный в этом В. И. Лениным [81]. «Экономисты» старались всеми способами отвлечь пролетариат от его истинных классовых интересов, создать видимость коренного улучшения его материального положения при капитализме и обосновать таким путем возможность решения рабочего вопроса в рамках буржуазного общества.

О том, что «экономисты» вовсе не думали об улучшении жизни рабочих, свидетельствуют их высказывания о будущем обществе. Последнее представлялось им не как социализм, устанавливаемый в результате победы пролетарской революции, а как реформированный буржуазный строй. В этом отношении «экономисты» слепо следовали за Бернштейном, считая, что «социализм есть лишь дальнейшее высшее развитие современной (то есть буржуазной.— *Б. Л.*) общественности» [82]. Поэтому и переход к этому «новому» строю они мыслили не иначе, как только через буржуазные реформы. Прокопович, например, объявил единственно закономерным не революционное, а эволюционное общественное развитие и в связи с этим писал, что «социальный переворот» может осуществляться «лишь путем целой серии органических реформ, которые нуждаются для своего проведения во времени и в общественном порядке» [83]. Здесь ясно виден отказ от пролетарской революции и диктатуры пролетариата в пользу реформизма, отрицание исторической миссии пролетариата в революционном преобразовании буржуазного общества.

Русская революционная социал-демократия во главе с В. И. Лениным объявила решительную и непримиримую войну «экономизму», в ходе которой он был полностью разоблачен и разгромлен. Эта борьба имела громадное положительное значение не только для русского, но и для всего международного пролетариата, поскольку «экономизм» был лишь русской разновидностью бернштейнианства и ревизионизма.

Подведем некоторые итоги. Идеологи каждого класса освещали рабочий вопрос в России в последней четверти XIX в. только со своих классовых позиций. По-разному смотрели на рабочий вопрос идеологи крупной и мелкой буржуазии и представители помещиков. С принципиально противоположных позиций подходили к решению рабочего вопроса в России идеологи рабочего класса — марксисты. Следовательно, рабочий вопрос по самой своей природе является классовым вопросом. Он исторически ограничен и, как указывал В. И. Ленин, существует лишь в капиталистическом обществе [84].

Историческая ограниченность рабочего вопроса нашла свое подтверждение в последующем ходе событий в России. В октябре 1917 г. рабочий класс, возглавляемый Коммунистической партией, при поддержке беднейшего крестьянства, сверг в стране власть капиталистов и помещиков, установил диктатуру пролетариата и из угнетенного класса превратился в господствующий. Таким образом, рабочий вопрос был решен. То же самое произошло после второй мировой войны и в странах народной демократии.

Исторический опыт СССР и других социалистических стран является самым ярким доказательством того, что рабочий вопрос как таковой может быть решен только путем ликвидации буржуазного общества, в результате социалистической революции. И современные буржуазные реформаторы самых различных «школ» и «направлений», проповедующие возможность коренного улучшения положения рабочего класса и трудящихся масс при капитализме, так же далеки от истины, как и их духовные собратья — русские дворянские и буржуазные публицисты, либеральные народники, «легальные марксисты» и «экономисты», выступавшие более полувека тому назад.

---

[81] См. там же, стр. 171.
[82] Отдельное приложение к «Рабочей мысли» за сентябрь 1899 года.
[83] С. Н. Прокопович. Указ. соч., стр. 189.
[84] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 433

О ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ИДЕОЛОГАМИ ЕВРОПЕЙСКОЙ «ИНТЕГРАЦИИ»

В. Б. Княжинский

В работах буржуазных ученых по новейшей истории Западной Европы в последнее время все чаще и чаще ставится вопрос о перспективах развития капитализма в этой части европейского материка. Обостренный интерес буржуазных ученых к данной проблеме вполне понятен. В экономическом соревновании и идеологической борьбе двух систем каждый год приносит все новые доказательства незыблемости марксистско-ленинского учения о неизбежности торжества социализма и коммунизма и об исторической обреченности капитализма. В высокоразвитых странах Западной Европы производительные силы давно уже переросли рамки капиталистических производственных отношений, порождая глубокие и все более усиливающиеся экономические, социальные и политические противоречия. В социалистических странах Восточной Европы происходит бурное развитие народного хозяйства и культуры, неуклонный подъем жизненного уровня населения. Изо дня в день крепнет международный авторитет Советского Союза и народно-демократических государств, возрастает влияние коммунистической идеологии на трудящиеся массы в капиталистических странах. Это вызывает тревогу империалистической буржуазии. Ученые апологеты капитализма стараются «изыскать» и «обосновать» возможности экономического и социального прогресса в условиях капитализма. Этой задаче подчинены и их исследования в области истории.

Буржуазные и правосоциалистические «теоретики» в качестве перспективы желаемого ими прогресса в условиях капитализма и альтернативы социализму в Европе изображают, в частности, европейскую «интеграцию» — тесное экономическое, политическое и военное объединение ряда западноевропейских стран в рамках наднационального «европейского сообщества». Обоснованию «прогрессивности» европейской «интеграции» посвящены, например, выпущенные за последние годы книги французского историка и политического деятеля Эдуарда Бонфуса[1], профессора Оксфордского университета Макса Белова[2], профессора Нью-йоркского университета Арнольда Зерчера[3], профессора Стэнфордского университета Эрнста Хааса, выступления и доклады французских, итальянских, западногерманских, бельгийских, голландских, американских и других буржуазных ученых и политических деятелей на различных совещаниях поборников европейской «интеграции», в частности, изданный в Балтиморе сборник выступлений на конференции в Болонье (Италия) в 1956 г.[5] и сборник докладов на конференции «федералистов» в Эксе (Франция) в 1955 году[6].

---

[1] E. Bonnefous. L'Europe en face de son destin. Paris. 1953.

[2] M. Beloff. Europe and the Europeans. An International Discussion. London. 1957; его же. The Great Powers. Essays in Twentieth Century Politics. London. 1959.

[3] J. Zurcher. The Struggle to Unite Europe. 1940—1958. New York. 1958.

[4] E. Haas. The Uniting of Europe. Political, Social and Economical Forces. 1950—1957. London. 1958.

[5] «European Integration». Baltimore. 1957.

[6] G. Berger etc. Le Fédéralisme. Vol. I. Paris. 1956.

Исторические изыскания ученых-«европеистов» тесно связаны с еоретическими выступлениями буржуазных и реформистских идеологов политических организаторов европейской «интеграции», таких, как ыразитель интересов французского и американского финансового ка-итала Жан Моннэ, бельгийский правый социалист Поль Спаак, рупор ападногерманских монополий Вальтер Хальштейн, покойный лидер гальянских клерикалов де Гаспери и др.

Усилия буржуазных фальсификаторов истории всячески стимули-уются правящими кругами Соединенных Штатов Америки и ряда за-адноевропейских государств, а также некоторыми международными рганизациями, прежде всего Европейским советом. В рамках Европей-кого совета еще 19 декабря 1954 г. была подписана конвенция об от-ошении к «культурному наследию Европы», согласно которой лекцион-ые курсы и учебники истории в странах — участницах соглашения олжны были пересматриваться в духе пропаганды «европейской идеи»[7]. ля подготовки кадров пропагандистов европейской «интеграции», в ом числе историков, были созданы специальные учебные заведения. аучно-исследовательские и просветительные учреждения и универси-еты в Западной Европе и США предоставляют ученым субсидии в це-ях создания исторических трудов и учебных пособий, в которых пропо-едуются идеи европейской «интеграции».

Реакционные ученые-«европеисты» стремятся подменить нацио-альную историю европейских стран космополитической «общеевропей-кой» историей. Так, участники «франко-германской встречи историков» о Фрейбурге (ФРГ) в августе 1950 г. заявили, что надо-де «выйти за еделы слишком узких рамок национальной истории» и «начать изучение стории с европейской точки зрения»[8]. Под тем же лозунгом проходило овещание историков 16 европейских капиталистических государств в арте 1955 г., созванное в Майнце (ФРГ) под эгидой «Института евро-ейской истории»[9]. В 1956 г. проблемы создания «общеевропейской» стории были предметом дискуссии в Европейском совете, в которой аствовали виднейшие идеологи европейской «интеграции», в том чис-е английский буржуазный историк А. Тойнби. В результате дискуссии ыло принято решение подготовить силами ученых из всех европейских апиталистических государств и США историю Европы XIX и XX ве-ов[10]. Таковы некоторые примеры, свидетельствующие о размахе дея-ельности «европеистских» фальсификаторов истории.

В эпоху общего кризиса капиталистической системы буржуазной сторической науке особенно свойственно стремление игнорировать бъективные закономерности, искажать вопрос о взаимодействии наро-ов и культур в их историческом прошлом и подменять национальную сторию народов и стран космополитической историей отдельных, яко-ы наднациональных «цивилизаций», замкнутых «культурных кругов», меющих свои особые и неизменные законы[11]. «Европеистские» фальси-икаторы истории пытаются выдать проявления углубляющегося общего ризиса капитализма в Европе за временный, преходящий «кризис Ев-опы». Военные, политические и экономические блоки, порожденные ремлением империалистической реакции объединить свои силы для

[7] См. M. Beloff. Europe and the Europeans, p. 265.

[8] См. Е. Терсен, Ж. Дотри, К. Виллар, Ж. Шамбаз. Европа (от Напо-она до наших дней) Мифы и действительность. М. 1955, стр. 11.

[9] См. «Europa—Erbe und Aufgabe». Wiesbaden. 1956.

[10] См. M. Beloff. Europe and the Europeans, p. 267. «Европеистские» фальсифи-торы истории, отрицая общность исторического развития и культуры народов всего ропейского континента, обозначают в своих писаниях понятием «Европа» только его падную часть.

[11] См. «Всемирная история». Т. I. М. 1955, стр. VII.

борьбы против социализма, рабочего и демократического движения фальсификаторы истории изображают как процесс «оздоровления» европейского капитализма и выражение воли народных масс. Империалистическую политику раскола Европы, противопоставления западной части континента восточной «европеисты» стремятся обосновать с помощью рассуждений об извечной противоположности «западной» и «византийской» «цивилизаций», каждая из которых имеет-де свои особые имманентные законы. Это прислужничество «европеистских» фальсификаторов истории интересам организаторов «холодной войны» не раз разоблачали прогрессивные ученые западноевропейских стран, борющиеся вместе со всей демократической общественностью против реакционной политики империалистической «интеграции» Западной Европы [12].

Исторические изыскания идеологов европейской «интеграции» точно так же, как и все их теоретические построения, не являются отражением единой точки зрения. Однако при всей запутанности и противоречивости положений, встречающихся в работах поборников европейской «интеграции», можно выделить некоторые общие черты, характерные для современных фальсификаторов истории, выступающих под космополитическим знаменем империалистического «объединения Европы».

В основе всех исторических исследований апологетов европейской «интеграции» лежит общее положение о том, что причина экономических, социальных и политических противоречий и конфликтов в капиталистической Европе заключается якобы в ее разделении на ряд национальных государств. «Идет ли теперь речь об экономике или о политике, об уровне жизни или социальном страховании, о бюджетном дефиците или об освоении слаборазвитых территорий,— большинство встающих перед нами важных проблем непрестанно обнаруживает одновременно узость и склеротическую недостаточность рамок национального государства»,— пишет французский реакционный историк и социолог Александр Марк [13]. Эта «узость», указывает в своей книге по истории Европы Э. Бонфус, ощущалась уже в начале XX в., особенно после первой мировой войны, когда на европейском континенте образовался целый ряд новых государств [14]. Но после второй мировой войны, единодушно отмечают в своих работах историки-«европеисты», «стало обнаруживаться совершенно очевидно, что национальное государство оказалось со многих точек зрения устаревшей формой, не способной обеспечить своим гражданам ни военную защиту, ни перспективу повышения уровня их материального благосостояния» [15].

Аргументируя это ложное положение, призванное обосновать империалистические посягательства на национальный суверенитет, «необходимость» создания космополитических, наднациональных блоков, фальсификаторы истории обычно приводят те факты, которые свидетельствуют о неуклонном ослаблении со времени начала общего кризиса капитализма позиций империалистической буржуазии как в отдельных государствах Европы, так и на всем континенте в целом. Резкое усиление классовой борьбы в Европе после первой мировой войны, экономическая разруха, обнищание громадного большинства населения, хаос в международных экономических отношениях, обострение противоречий между капиталистическими государствами — все эти явления, связанные с возникновением и развитием общего кризиса капиталистической

---

[12] См. Ж. Коньо. Космополитизм — враг народов. Сборник «Французские коммунисты в борьбе за прогрессивную идеологию». М. 1953; Э. Терсен, Ж. Дотри, К. Виллар, Ж. Шамбаз. Указ. соч.; см. также сборник «Проблемы «общего рынка». М. 1960.

[13] A. Marc. Europe. Terre décisive. Paris. 1959, p. 18.

[14] См. E. Bonnefous. Указ соч., стр. 55, 69.

[15] M. Beloff. Europe and the Europeans, p. 154.

истемы, апологеты европейской «интеграции» объявляют пагубными оследствиями «национализма»[16].

Говоря о «кризисе национального государства» после второй миро-ой войны, они прежде всего отмечают изменения в Европе по сравне-ию с довоенным периодом. Действительно, довоенное «статус-кво» в апиталистической Европе было полностью подорвано. В результате азгрома гитлеровской Германии, прихода к власти трудящихся в ряде гран Центральной и Восточной Европы и ликвидации там капитали-гических порядков граница между миром капитализма и миром социа-изма стала проходить через самый центр европейского континента. о многих капиталистических странах Европы широчайшие слои насе-ения все более убеждались в антинародном характере капиталистиче-кого строя, порождающего войны и нищету. Многие буржуазные пра-ительства и старые правящие партии, скомпрометировавшие себя со-рудничеством с гитлеровцами, политически обанкротились. Все боль-ую популярность завоевывали коммунисты, показавшие себя во время ойны самыми последовательными борцами за национальные интересы воих стран и народов.

Извращая смысл этих явлений, клевеща на Советский Союз и ком-унистические партии западноевропейских стран, ученые-«европеи-ты» всех мастей разглагольствуют о «неспособности» национальных осударств «спасать цивилизацию и ценности старой Европы» и обеспе-ить безопасность своих граждан от угрозы извне[17]. Подобные рассу-дения отражают страх империалистической буржуазии перед лицом еуклонно углубляющегося общего кризиса капитализма, кризиса бур-уазного государства в ряде западноевропейских стран, в частности. Империалистические круги надеются посредством ликвидации нацио-альных демократических институтов и объединения всех сил реакции в амках космополитического «европейского сообщества» упрочить свои озиции в Западной Европе. Призывы «спасать цивилизацию» и «цен-ости старой Европы» предназначены для того, чтобы ввести в заблу-дение недальновидных людей в западноевропейских странах, в осо-енности разоряющиеся мелкобуржуазные слои, мечущиеся в поисках ыхода из создавшегося положения, и направить их усилия в русло олитики европейской «интеграции». Таким образом, реакционная идео-огия космополитизма используется в целях борьбы против демократии социализма.

Идеологи европейской «интеграции» усматривают «кризис нацио-ального государства» в Западной Европе также в том, что его рамки али якобы важнейшим препятствием для экономического и социаль-ого прогресса. Так, в книге Жана Моннэ «На пути к Соединенным Штатам Европы», ставшей программным документом сторонников евро-ейской «интеграции», подчеркивается, что по темпам своего экономи-еского развития Европа значительно отстает от других районов зем-ого шара. Превратно истолковывая явления неравномерности эконо-ического и политического развития капитализма, Моннэ не нашел ино-объяснения этому отставанию, как то, что в «Европе, разделенной на алые нации, энергия европейцев не нашла необходимых рынков»[18]. о мнению теоретиков европейской «интеграции», национальные рамки не капиталистические производственные отношения!) якобы задер-ивают развитие производства, противодействуя «технологической ре-

---

[16] J. Bowle. The Unity of European History. London. 1948, p. 307; E. Bonne-us. Указ. соч., стр. 67.

[17] G. de Carmoy. Fortune de l'Europe. Paris. 1953, pp. 374—375; «European tegration», pp. 43—46, и др.

[18] J. Monnet. Les Etats-Unis d'Europe ont commencé. Paris. 1955, pp. 35—36; . Beloff. The Great Powers, pp. 20, 21.

волюции XX в.», которая-де требует более широких рынков [19]. Отсюда, заявляют «европеисты», проистекают в Западной Европе экономические, социальные и политические противоречия.

В работах «европеистов» самый факт существования национальных государств, «национализм» выдаются за главную причину мировых войн, опустошавших европейский континент [20]. Однако, защищая идею «объединения Европы» и ссылаясь при этом на историю войн между суверенными государствами, «европеисты» игнорируют классы и классовую борьбу, не вскрывают социальной сущности и причин каждой войны. Они не хотят признавать, что войны порождаются экономическим строем общества, основанным на частной собственности на средства производства. Сваливание ответственности за войны на «национализм» означает не что иное, как попытку скрыть подлинную подоплеку войн.

«Открыв» причины всех недугов европейского капитализма, «европеисты» подчеркивают преходящий характер зла «национализма». В тщетных попытках обосновать положение о временном характере существования национальных государств они ищут причины возникновения наций, создавших эти государства, не в конкретных исторических социально-экономических условиях, а в субъективных свойствах «национализма». «Идея нации сама по себе в основном субъективна и исторически преходяща. Нация является таковой не потому, что она отвечает специфическому критерию, а потому, что она считает достаточным то общее, что существует между ее членами, для того, чтобы требовать национального статуса» [21],— утверждает М. Белов. Трактуя нации как явления субъективного порядка, «европеисты» тем самым отрицают объективные закономерности развития нации, складывающейся в определенную историческую эпоху в процессе ликвидации феодализма и развития капитализма.

«Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями,— учит В. И. Ленин.— Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе» [22]. В таких условиях возникли нации и национальные государства и в Западной Европе. То, что «европеисты» называют «национализмом», было результатом не воздействия внешних факторов, якобы толкнувших народы Европы на «решение образовать нации», а складывания в процессе развития общества устойчивой общности людей, возникшей на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры [23].

Однако все эти факторы игнорируются «европеистами», стремящимися доказать, что национальные государства будто бы могут прекратить свое существование в связи с отказом населения европейских стран от «национального статуса» и что объединение национальных государств капиталистической Европы (а вместе с этим, как утверждают «европеисты», и избавление европейского капитализма от его недугов) якобы неизбежно в ближайшем будущем.

---

[19] E. Bonnefous. Указ. соч., стр. 54, 67; «European Integration», pp. 65—66.

[20] R. d'Arcourt etc. Dix ans d'efforts pour unir l'Europe. 1945—1955. Paris. 1955, p. 109.

[21] M. Beloff. Europe and the Europeans, p. 73. Еще ранее подобное определение нации было сформулировано идеологом американского империализма Гансом Коном. См. H. Kohn. The Idea of Nationalism. New York. 1945, p. 15.

[22] В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 368.

[23] См. И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 333.

★

Характерной чертой исторических работ «европеистов» являются опытки обусловить слияние капиталистических государств Европы в спасительное» для европейского капитализма объединение силой дей-твия некой исторической «закономерности», которая начала якобы роявляться со времени первой мировой войны и действие которой буд-о бы усилилось после второй мировой войны. Развитию этой «законо-ерности» в капиталистической Европе способствовало-де образование а протяжении веков у западноевропейских народов особых свойств, бусловивших их взаимное тяготение друг к другу и обособивших их от ародов восточной части европейского континента[24]. «Великая Европа еографов — Европа, простирающаяся от западного побережья Ирлан-ии до Урала и от мыса Нордкап до южных берегов Сицилии, всегда редставляла скорее территориальное, чем духовное и историческое инство»,— читаем мы в трехтомном труде английских и французских сториков-«европеистов», выпущенном Оксфордским университетом под азванием «Европейское наследие»[25]. Фальсифицируя историю про-лого, «европеисты» пытаются доказать наличие якобы извечной непри-иримости интересов и враждебности народов Восточной и Западной вропы, наличие «раскола» между обеими частями Европы, их противопо-ожности.

Поскольку эта противоположность вытекает, по утверждению фаль-ификаторов истории, из внутренне присущих народам обеих частей онтинента неизменных свойств, она не может быть преодолена. «В про-лом всегда существовали две Европы,— указывают авторы «Евро-ейского наследия».—...Наше теперешнее социальное и политическое азделение, новое по форме, происходит от старого и еще более непри-иримого раскола»[26]. Ссылаясь на имманентные свойства, якобы при-ущие народам обеих частей Европы, фальсификаторы истории заявля-т, будто вообще общественные отношения в Восточной Европе разви-ались по принципиально отличному от Запада пути. Таким же образом европеисты» обосновывают и принадлежность государств восточной и ападной частей европейского континента к различным социально-эко-омическим системам[27].

Подобные разглагольствования о пресловутом «европейском духе», ридающем якобы особые качества его носителям, отрицание выкован-ой историей тесной взаимосвязи между всеми европейскими народами, бщности их культуры представляют собой грубое искажение действи-ельности. Исключение из европейской культуры Толстого и Мицкевича, айковского и Шопена, противопоставление Галилея Копернику проти-оречат здравому смыслу. Отрицание всякой общности исторического азвития западной и восточной частей Европы нужно фальсификаторам стории для доказательства того, что западноевропейские страны будто ы не могут пойти по социалистическому пути, для обоснования импе-иалистической политики раскола Европы[28].

«Европейский дух», принадлежность к «западной христианской ци-ілизации» и т. п. иррациональные свойства западноевропейских наро-ов, по словам «европеистов», создали необходимые предпосылки для бразования «европейской нации»[29], а ожесточенность национальных

[24] См. R. Schuman. L'Europe est une communauté spirituelle et culturelle. nnuaire européen». La Haye. 1955, p. 19.

[25] «The European Inheritance». Vol. III. Oxford. 1954, p. 346; см. также «Euro-an Integration», p. 21, и др.

[26] «The European Inheritance», pp. 345, 349.

[27] Там же, стр. 343.

[28] Подробно критику попыток обосновать раскол Европы см. сборник «Против льсификации истории». М. 1959, стр. 19—20, 29—30, 53 382, 384 и др.

[29] R. H. Coudenhove-Kalergi. Die Europäische Nation. Stuttgart. 1953, S. 9.

войн породила усилившуюся потребность в «наднациональном порядке» [30]. «Понятие европейского единства,— пишет Э. Бонфус,— в действительности возникло в средние века. Оно было воплощено материально в рамках империи Карла Великого и духовно — на более долгие времена — в христианской вере» [31]. Но до первой мировой войны, продолжает он, происходило быстрое развитие экономики западноевропейских стран, потребности населения обеспечивались и в национальных рамках государств, поэтому «национализм» всецело преобладал в умах народов. Лишь первая мировая война, по мнению Бонфуса, и ее последствия дали толчок более широкому распространению идеи «объединения Европы» [32].

Как «проявление» в тот период «исторической тенденции» к ликвидации национальных государств поборники европейской «интеграции» обычно изображают возникшее после первой мировой войны так называемое «пан-европейское движение» [33].

С начала 20-х годов против «раздробленности Европы» и с призывами к ее «объединению» якобы во имя «мира и экономического процветания» стали выступать некоторые публицисты, находившие поддержку в промышленных и банковских, а также политических кругах ряда европейских стран. Образовались пропагандистские организации, крупнейшей из которых был «Пан-европейский союз». Со страниц книг публицистов идея политического и экономического «объединения Европы» проникала постепенно в правительственные декларации государственных деятелей и официальные заявления представителей крупнейших монополистических объединений. В их выступлениях речь шла уже о конкретных шагах по осуществлению планов «Соединенных Штатов Европы».

Все эти явления «европеистские» фальсификаторы истории преподносят как «начало осознания» населением Европы пагубности «национализма», будто бы породившего войну и экономическую разруху. Однако на самом деле эти явления были вызваны совершенно иными причинами. Исторические факты свидетельствуют о том, что организаторами и вдохновителями «пан-европейского движения» в 20-х годах были монополистические круги Германии, США, а также Франции, Бельгии, Люксембурга и некоторых других стран. Финансируя «пан-европейскую» пропаганду, они меньше всего руководствовались интересами обеспечения мира в Европе и ее экономического процветания. Каждая из империалистических группировок преследовала собственные цели и вкладывала в лозунг «объединения Европы» выгодное ей конкретное содержание. Так, германские монополисты под знаменем экономического «объединения Европы» на началах «равноправия» стремились к пересмотру Версальского договора [34]. «Пан-европейские» лозунги уничтожения таможенных границ еще в то время использовались германскими монополистами в целях проникновения на рынки и в сферы влияния французских и прочих конкурентов [35]. Поддержка, которую оказывали «Пан-европейскому союзу» монополии США, была связана с их планами закабаления Европы и создания там агрессивного антисоветского блока [36].

Важной причиной активности «пан-европейской» пропаганды в то время было также использование ее рядом западноевропейских государственных деятелей в интересах проведения политики, наиболее ярким выражением которой были Локарнские соглашения 1925 года. Для инициа-

---

[30] J. Bowle. Указ соч., стр. 330.

[31] E. Bonnefous. Указ. соч., стр. 36.

[32] Там же, стр. 52—55

[33] O. Philip. Le problème de l'Union Européenne. Paris. 1950, p. 143.

[34] См. Историко-дипломатический архив, ф. 581, оп. 1, д. 158, лл. 294—295; G. Stresemann. Vermächtnis. Zweiter Band. Berlin. 1929, S. 553.

[35] См. G. Wirsing. Zwischen Europa und die deutsche Zukunft. Jena. 1932, S. 302.

[36] См. W. A. Edge. A Jerseyman's Journal. Princeton. 1948, pp. 158—178; Историко-дипломатический архив, ф 581, оп. 1, д. 3, л. 291.

торов этой политики — империалистических кругов западных держав — было характерно стремление разрешить обострявшиеся противоречия европейского капитализма путем развязывания войны против Советского Союза. Они рассчитывали сколотить единый блок европейских капиталистических государств и направить реваншистские поползновения усилившегося с помощью американских и английских монополий германского империализма на Восток. Дымовой завесой подготовки новой войны служила пацифистская демагогия об укреплении «мира» в Европе и о «примирении» между Германией и державами-победительницами. В этой связи идея «объединения Европы» во имя «мира» быстро завоевала успех среди определенной части апологетов «локарнской» политики, особенно во французских и в германских реакционных кругах. Более того, была предпринята попытка ее воплощения в жизнь, что нашло наиболее яркое выражение в выдвижении французским министром иностранных дел Брианом в 1930 г. проекта «пан-Европы» [37].

Однако план «пан-Европы», который современные поборники европейской «интеграции» стремятся изобразить как проявление усиливавшейся прогрессивной исторической тенденции к «объединению Европы», потерпел провал. Бесплодность усилий по «объединению Европы» между первой и второй мировыми войнами фальсификаторы истории объясняют главным образом невозможностью преодолеть действие «принципа национальной независимости» [38]. Яростно нападая на «национальный миф», они бичуют европейские государства за их «национализм».

Обличая «национализм», буржуазные и реформистские исследователи-«европеисты» в действительности маскируют реакционную сущность планов «объединения Европы». Попытки «объединения Европы» в период между первой и второй мировыми войнами не были проявлением какой-то прогрессивной тенденции, не служили и не могли служить обеспечению мира и экономического процветания в Европе. Изображение их в качестве прогрессивной тенденции — явная фальсификация истории. Всестороннее изучение архивных и опубликованных материалов по этому периоду показывает, что призывами к «объединению Европы» империалистические агрессоры маскировали политику подготовки войны против СССР. План «пан-Европы» был выдвинут в момент вступления капиталистического мира в полосу небывалого по силе экономического кризиса 1929—1933 годов. С развитием кризиса, развертывавшегося в условиях общего кризиса капитализма, резко обострились все противоречия капиталистической системы и активизировались попытки империалистических кругов разрешить эти противоречия за счет Советского государства, успешно строившего социализм. В ряде капиталистических стран усилилась тенденция к агрессии против СССР. Выразителями такой тенденции были и монополистические круги Франции — инициаторы плана «пан-Европы». Не случайно этот план предусматривал участие в «объединенной Европе», ядром которой должен был стать союз Франции и Германии, только капиталистических государств Европы. Исключение Советского Союза из «Европы» в то время также аргументировалось ссылками на его «чуждость» «европейской цивилизации» [39].

Однако планы разрешения империалистических противоречий за счет социалистического государства были сорваны в результате неустанной борьбы Советского Союза за мирное сосуществование и сотрудничество между всеми странами, поддержанной миролюбивыми силами во всем

---

[37] Подробный анализ происхождения попыток «объединения Европы» в тот период см. В. Б. Княжинский. Провал планов «объединения Европы». Очерк истории империалистических попыток антисоветского «объединения Европы» между первой и второй мировыми войнами. М. 1958.

[38] O. Philip. Указ. соч., стр. 166; H. F. Sennholz. How Can Europe Survive? New York. 1955, p. 137, и др.

[39] Историко-дипломатический архив, ф. 581, оп. 1, д. 2, лл. 255—258.

мире. Что же касается расчетов французских монополистов на возможность сговора с более мощными германскими монополиями на основе главенства французского финансового капитала ввиду положения Франции как державы-победительницы в первой мировой войне, то они оказались беспочвенными. Во всяком союзе монополистов роль его участников определяется их мощью. А мощь германских монополий в сравнении с их французскими партнерами непрерывно возрастала. Этому в немалой степени способствовала поддержка, которую оказывали германскому империализму монополисты США, делавшие на него ставку как на главную ударную силу в борьбе против социализма в Европе.

Политика «объединения Европы» способствовала росту военного потенциала Германии, освобождавшейся от ограничений в вооружениях под предлогом установления «равноправного сотрудничества» с другими странами в рамках «пан-Европы». Политика «пан-европеистов», пропагандировавших терпимость в отношении возрождения милитаризма и реваншизма в Германии, нанесла тяжелый ущерб народам европейских стран. Усилившийся германский империализм развязал мировую войну; гитлеровцы устанавливали «новый порядок» в Европе. «Европейский» космополитизм был использован в конечном итоге в интересах воинствующего германского империализма. Таково было логическое завершение развития между первой и второй мировыми войнами тех явлений, которые буржуазные фальсификаторы истории выдают за прогрессивный процесс «объединения Европы».

★

На основании «исследования» (о методах которого уже говорилось выше) роли «национализма» и тенденции к «объединению Европы» до второй мировой войны фальсификаторы истории делают вывод о постепенном складывании условий для этого «объединения». После второй мировой войны, утверждают они, «европейская идея стала играть новую роль» [40], возник «процесс ограничения государственного суверенитета» и «замены существующих национальных государств новым федеральным образованием» [41]. Этот «процесс», пишет, например, А. Зерчер, означает «полную перестройку политико-экономической структуры Европы» и открывает новые возможности социально-экономического прогресса в Западной Европе [42].

Фальсификаторы истории говорят о развитии европейской «интеграции», основываясь преимущественно на фактах расширения международных экономических связей, концентрации и централизации производства.

Развитие производительных сил действительно порождает тенденцию к интернационализации производства, к экономическому и культурному сближению и сотрудничеству народов, усилившуюся в последнее время в связи с ускорением технического прогресса. Однако такая тенденция отнюдь не порождает вымышленного «европеистами» «процесса ограничения государственного суверенитета». Наоборот, необходимым условием подлинного экономического и культурного сближения между странами может быть только сотрудничество на основе укрепления экономической самостоятельности и национальной независимости каждой страны.

Что же касается имевших место попыток империалистических кругов ограничить национальный суверенитет западноевропейских государств, то эти попытки не могут устранить коренных пороков капитализма в Запад-

[40] E. Bonnefous. Указ. соч., стр. 89; M. Beloff. Europe and the Europeans, pp. 153—154.

[41] E. Haas. Указ. соч., стр. 3.

[42] A. Zurcher. Указ. соч., стр. 164.

ной Европе, привести к «полной перестройке политико-экономической структуры». Вопреки утверждениям фальсификаторов истории, усматривающих источник всех зол европейского капитализма в «противоречии» между интернациональным характером производства и национальными рамками государств, основным противоречием капитализма является, как известно, противоречие между современными производительными силами и капиталистическими производственными отношениями. Оно проявляется и будет проявляться независимо от передвижений экономических границ между западноевропейскими государствами, их наднациональной «интеграции». Более того, опыт истории послевоенных лет свидетельствует о том, что империалистические формы «интеграции» западноевропейских государств неизбежно приводят к таким ее результатам, которые совершенно не оправдывают оптимистические прогнозы «европеистских» фальсификаторов истории [43].

Говоря о происхождении европейской «интеграции», фальсификаторы истории замалчивают то обстоятельство, что имевшее место ограничение суверенитета некоторых западноевропейских стран после второй мировой войны связано с ослаблением политических позиций империалистической буржуазии в этих странах в результате углубления общего кризиса капитализма и ее стремлением заручиться поддержкой более сильного империализма в рамках наднациональных образований. Именно этими соображениями прежде всего руководствовались правящие круги таких государств, как Франция и Италия, выступая в первые послевоенные годы за создание космополитических блоков под эгидой США.

Шагом на пути к «объединению» Европы «европеисты» объявляют возникновение таких международных государственно-монополистических организаций, как Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), Европейское экономическое сообщество (или «общий рынок») и Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом). С развитием европейской «интеграции» связывается также образование Европейского совета, Организации европейского экономического сотрудничества, Западноевропейского союза и некоторых других экономических и военно-политических группировок западноевропейских государств. Теоретики европейской «интеграции» не жалеют красок, расписывая значение создания этих организаций. 9 мая 1950 г., когда Р. Шуман выступил с планом создания ЕОУС, рекламируется как начало «революции» в сознании европейских народов. 25 марта 1957 г., день подписания римских соглашений об «общем рынке» и Евратоме, провозглашен П. Спааком датой событий «всемирного значения», столь же важной, как и 14 июля 1789 года [44]. Возникновение этих объединений рассматривается идеологами европейской «интеграции» как проявление процесса «омоложения» капитализма. Дальнейшее развитие европейской «интеграции», как тщетно пытаются доказать реакционные буржуазные социологи, должно будто бы постепенно привести к устранению всех противоречий европейского капитализма: исчезнут, мол, экономические кризисы и безработица, классовая борьба и войны [45].

Однако хорошо известно, что организации типа ЕОУС или «общего рынка» являются результатом сговора наиболее могущественных банковских и промышленных картелей, концернов и трестов шести стран. И сговор этот не может изменить закономерностей развития капитализма. «Империализм есть, экономически, монополистический капитализм,— писал В. И. Ленин, подчеркивая утопичность предположений о мирном соглашении монополий.— Чтобы монополия была полной, надо устранить

---

[43] Подробнее см. А. Арзуманян. Социально-экономические и политические причины «интеграции» Западной Европы. «Проблемы мира и социализма», 1959. № 10.

[44] «The Atlantic», 1958, september, p. 40.

[45] E. Haas. Указ. соч., стр. 455; R. Aron etc. L'ère des fédérations. Paris. 1958, p. 31.

конкурентов не только с внутреннего рынка (с рынка данного государства), но и с внешнего, со всего мира»[46]. Поэтому образование международных организаций государственно-монополистического характера не может отменить борьбу капиталистов за наивысшие прибыли, ликвидировать конкуренцию, анархию производства, кризисы, безработицу, классовую борьбу. Государственно-монополистический капитализм не только не сглаживает противоречия, но, наоборот, обостряет их.

Отношения между участниками «европейских объединений» определяются временно сложившимся соотношением сил между ними и основаны на подчинении и закабалении слабых участников союза более сильными. Ныне в результате изменения соотношения сил внутри «малой Европы» устанавливается преобладающее влияние монополистических кругов милитаристской и реваншистской Западной Германии. Участие Западной Германии в экономической «интеграции», в особенности в ЕОУС, во многом способствовало быстрому росту ее экономической мощи и военно-промышленного потенциала, возрождению германского милитаризма. Свои преимущества самой сильной в экономическом и финансовом отношениях страны «малой Европы» ФРГ активно использует для такой перестройки «европейских объединений», которая позволила бы западногерманским монополиям максимально использовать их в своих интересах, в частности, внешнеполитических. Не случайно рост милитаризма и реваншизма в Западной Германии сопровождается активизацией усилий правительства Аденауэра, направленных на ускорение политической «интеграции» «малой Европы». Как и всегда, оборотной стороной космополитизма оказывается национализм наиболее сильной империалистической державы, посягающей на национальный суверенитет более слабых партнеров по блокам. За «мирными» «европейскими» одеждами западногерманских поборников «интеграции» скрывается оружие, которым сновсбряцает германский милитаризм.

Изменения в соотношении сил внутри «малой Европы» в пользу западногерманского империализма вызывают все более возрастающую тревогу среди других участников «европейских объединений», особенно во Франции. Ширится движение передовой французской общественности против участия в наднациональных «европейских сообществах», чреватого для Франции экономическим подчинением западногерманскому империализму, вовлечением во внешнеполитические авантюры боннских милитаристов. Франко-западногерманские противоречия являются ярким доказательством несостоятельности утверждений «европеистов» об устранении противоречий между западноевропейскими странами путем их «интеграции».

Империалистическая политика европейской «интеграции», ведущая к сколачиванию замкнутых блоков, противопоставляющая одни европейские страны и нации другим, не только не способствует, но, наоборот, противодействует развитию тенденции к сближению наций и интернационализации производства. Так, результатом образования Европейского экономического сообщества явилось создание под эгидой Англии другого, враждебного ему экономического блока семи стран — «Европейской ассоциации свободной торговли» с участием Австрии, Дании, Норвегии, Швеции, Швейцарии и Португалии.

Развитие европейской «интеграции» полностью подтверждает указание В. И. Ленина о том, что в условиях капитализма Соединенные Штаты Европы возможны лишь как временное соглашение европейских капиталистов о совместных действиях против революционного движения, против социализма в Европе, о дележе и охране колониальных владений[47].

---

[46] В. И. Ленин. Соч. Т 23, стр. 31.
[47] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 309—311.

Развивающийся после второй мировой войны процесс образования международных государственно-монополистических объединений в Западной Европе, выдаваемый «европеистами» за процесс «омоложения» капитализма, ведет в действительности не к укреплению капитализма, а к его расшатыванию, к обострению присущих ему противоречий. Связанный с концентрацией средств производства, этот процесс создает материальные предпосылки для социализма. Государственно-монополистический капитализм — это последняя конвульсия умирающего, последний этап капитализма накануне торжества социализма [48].

Обострение конкурентной борьбы между участниками «наднациональных объединений» сопровождается усилением гнета капитала и ухудшением материального положения широких масс населения. Основными экономическими последствиями создания ЕОУС и «общего рынка» для участвующих в них европейских стран являются ускорение концентрации капитала, присвоение крупнейшими монополиями растущих прибылей, закрытие многих мелких предприятий, разорение ряда предприятий в менее развитых и стоящих на более низком уровне концентрации секторах промышленности, углубление неравномерности развития отдельных районов внутри этих стран, особенно во Франции и в Италии. Основные социальные последствия образования этих объединений — громадный рост интенсификации труда и падение реальной заработной платы, массовые увольнения рабочих и вынужденные перемещения их семей из обжитых мест, разорение и обнищание широких слоев мелких и средних предпринимателей и земледельцев. Вопреки заверениям идеологов европейской «интеграции» о благотворном для народов характере деятельности «наднациональных органов» в «интегрируемых» странах происходит не всеобщее процветание, а разорение многих слоев населения, не смягчение, а резкое обострение социальных противоречий.

1959 год, первый год действия «общего рынка», ознаменовался новым подъемом борьбы рабочего класса Франции, Бельгии, Италии, Западной Германии за свои права, против наступления финансового капитала шести стран [49].

★

Характерной чертой работ современных идеологов европейской «интеграции» является стремление скрыть империалистическую сущность мероприятий по «объединению» Европы, выдавая их за акты высокого гуманизма и выражение чаяний народных. Любопытно, что в качестве своих прямых предшественников современные поборники «интеграции» часто изображают таких прогрессивных мыслителей прошлого, как Ж.-Ж. Руссо, Вольтер, Вильям Пенн, Мадзини, Виктор Гюго и др. На конференции ученых-«европеистов» в Эксе в 1955 г. профессор Парижского университета Жорж Ведель проводил прямую связь между созывом в Париже в 1849 г. «конгресса друзей мира» под председательством В. Гюго и основанием в 1949 г. в Страсбурге Европейского совета. Он взял на себя смелость утверждать, что мечта Гюго о «Соединенных Штатах Европы» ныне воплощена [50]. Однако Ведель не сказал о том, что понимал Гюго под «Соединенными Штатами Европы». Страстный патриот Франции, Гюго мечтал о мире и свободном союзе между народами всей Европы. Он мечтал об освобождении всех наций от тирании, признании для всех равных прав и сплочении народов во всемирной республике [51]. Попытки «европеистов» низвести Виктора Гюго до уровня проповедника

[48] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 332—333.
[49] См. «Проблемы «общего рынка», стр. 24—25 и др.
[50] «Le Fédéralisme», p. 59.
[51] См. Жорж Коньо. Великий поэт и трибун. «Французские коммунисты в борьбе за прогрессивную идеологию». М. 1953, стр. 463—465.

космополитизма Жоржа Бидо являются надругательством над именем выдающегося гражданина и писателя Франции, над исторической правдой. Столь же грубую фальсификацию истории представляет собой спекуляция на именах других прогрессивных мыслителей. Между тем известно, что многие гуманисты прошлого стремились к обеспечению мира путем объединения всех народов Европы и мира, но их благородные идеалы всегда были бесконечно далеки от образа мыслей современных «интеграторов» Европы.

«Европеисты» утверждают, что все мероприятия по «интеграции» являются якобы результатом волеизъявления европейских народов. В качестве аргумента при этом используется так называемое «европейское движение». Его возникновение буржуазные фальсификаторы истории объясняют реакцией населения западноевропейских стран на «эксцессы национализма», породившего-де вторую мировую войну и «кризис национального государства», стремлением миллионов людей, «только что избавившихся от гитлеровской тирании», к «созданию какого-либо союза, который мог бы обеспечить лучшее будущее, бо́льшую безопасность от экономической нужды, деспотизма и бедствий войны» [52]. Они подчеркивают, что отличительной особенностью этого движения по сравнению со всеми выступлениями такого рода в прошлом является будто бы его массовость. Если «пан-европейское движение» межвоенного периода было распространено лишь среди «общественных и политических лидеров», заявляет Зерчер, то теперь оно представляет «пример сознательных, целенаправленных усилий народов» [53]. Некоторые историки европейской «интеграции», делающие упор на «демократическое» происхождение «европейского движения», пытаются изобразить его как прямое продолжение движения Сопротивления периода второй мировой войны [54]. В этом духе, например, проходили работы конгресса по изучению истории Сопротивления, созванного осенью 1958 г. в Льеже и в Брюсселе бельгийским обществом преподавателей истории [55].

Подобные попытки фальсификаторов истории явно не вяжутся с их же утверждениями о том, что толчком к развитию «европейского движения» послужили выступления отдельных личностей, первыми осознавших значение «объединения» Европы. К числу таких выступлений исследователи истории европейской «интеграции» относят, например, речи У. Черчилля в Фултоне в марте и в Цюрихе в сентябре 1946 г. и работы совершенно чуждого Сопротивлению банкира Жана Моннэ [56]. Однако хорошо известно, что борцы движения Сопротивления сражались за избавление Европы от фашистского рабства, в которое она попала с помощью «пан-европейских» поборников антисоветского сговора с германским империализмом, а не за провозглашенное Черчиллем в Цюрихе «примирение» с германским империализмом и создание Европейского совета, враждебного Советскому Союзу. Борьба движения Сопротивления, в авангарде которого находились коммунисты, за свободу и демократию ничего не имеет общего с организацией «холодной войны» против социализма и демократии.

«Европеисты» придумывают небылицы о «восторженном отклике народов континента» на выступления пророков европейской «интеграции» [57], по призывам которых были образованы различные организации

---

[52] A. Zurcher. Указ. соч., стр. 20; M. Kraus. The North Atlantic Civilization. New York. 1957, p. 188.

[53] A. Zurcher. Указ. соч., стр. XIX, 5.

[54] См. M. Beloff. Europe and the Europeans, pp. 154, 155; H. Michel et B. Mirkine-Gertzevitch. Les Idées politiques de la Résistance. Paris. 1954, pp. 197, 235 и др

[55] См. «La Revue socialiste», 1958, novembre, № 121, pp. 319—320.

[56] E. Haas. Указ. соч., стр. 298; A. Zurcher. Указ. соч., стр. 174; E. Bonnefous. Указ. соч., стр. 93—94.

[57] B. T. Moore. NATO and the Future of Europe. New York. 1958, p. 14.

«европейского движения». Эти организации будто бы насчитывали сотни тысяч членов и ознаменовали «поворот в истории» [58]. Деятельность поборников европейской «интеграции» находила, мол, поддержку среди широких слоев общественности стран Западной Европы, со стороны массовых политических партий, профсоюзов, объединений промышленников и, наконец, большинства в парламентах и правительствах ряда западноевропейских государств. Под давлением «общественности» возникали «европейские» учреждения и органы, ставящие, оказывается, своей задачей способствовать «интеграции» Европы во имя мира и прогресса. Такова схема развития «европейского движения» в работах его апологетов. Однако даже краткое ознакомление с историческими фактами показывает ложность этой схемы.

Создание «европейского движения» определялось прежде всего стремлением империалистической буржуазии Западной Европы и Соединенных Штатов Америки воспрепятствовать росту сил социализма и демократии в Европе и изменить положение, в котором оказался после второй мировой войны западноевропейский капитализм. Именно этим и объясняются упомянутые выступления апостолов европейской «интеграции». Пацифистская шумиха, поднятая пропагандистскими организациями «европейского движения», служила средством маскировки и идеологического обоснования агрессивного военно-политического блока, направленного против Советского Союза [59].

Характерно, что инициатива в руководстве «европейским движением» уже с 1947 г. постепенно переходила от английских правящих кругов, пытавшихся возглавить «объединение Европы», к монополистическим кругам США, планировавшим еще во время войны «объединить» под своим главенством западноевропейский континент [60]. Под эгидой Соединенных Штатов разрабатывались космополитические проекты создания наднациональной «европейской федерации». Вполне понятно, что составители этих проектов, одним из которых, кстати, был Джон Фостер Даллес [61], уж никак не могли выражать чаяний «миллионов, только что освободившихся от гитлеровской тирании». В 1949 г. с целью оказания финансовой поддержки космополитической пропаганде «европейского движения» в США был создан «Американский комитет по объединению Европы» во главе с бывшим главой американской разведки генералом Доновэном. На роль империалистических кругов США прямо указывал на конференции «европеистов» в Болонье в 1956 г. один из организаторов «европейского движения», Альтиеро Спинелли. После второй мировой войны, говорил он, «западноевропейские государства были в состоянии такого политического и экономического разброда», что в них довольно легко могли прийти к власти коммунисты. «В целях исправления этого болезненного и опасного положения» «применялось последовательно и в возраставшей степени американское воздействие в пользу объединения Европы. ...Можно сказать, что на деле американское отношение к объединению Европы играло решающую роль при проявлении любой инициативы европейских государственных деятелей в этом направлении» [62]. Вряд ли можно заподозрить в стремлении оклеветать «европейское движение» одного из его лидеров.

«Европейское движение», вопреки уверениям фальсификаторов истории, не было и не могло быть движением масс. Об отношении народов

---

[58] A. Zurcher. Указ. соч., стр. 22; M. Beloff. Europe and the Europeans, p. 159; «European Integration», p. 50.

[59] Красноречивым свидетельством этого являются документы первого конгресса «европейского движения», состоявшегося в Гааге в мае 1948 года. Резолюции, принятые на нем, были направлены на раздувание «холодной войны». Почетными председателями «движения» были провозглашены У. Черчилль, П. Спаак, Л. Блюм, де Гаспери, а позднее К. Аденауэр (см. «Europe Unites». London. 1949).

[60] См. «The Memoirs of Cordell Hull». Vol. II. New York. 1948, p. 1640.

[61] См. «The Economist», January, 25, 1947, p. 131.

[62] «European Integration», pp. 48, 52.

к европейской «интеграции» можно судить, например, по провалу проектов «Европейского оборонительного сообщества» и «Европейского политического сообщества» в 1954 году. М. Белов в докладе на конференции «круглого стола» в Страсбурге в 1956 г. вынужден был констатировать, что «европейское движение» «не было массовым движением»[63]. Косвенное признание этого проскальзывало в выступлениях и других «европеистов». «Необходимо, чтобы федерализм пересмотрел свою доктрину, свои стратегию и тактику, иначе его может ожидать участь панеевропейского движения после провала попытки Бриана»,— указывал на конференции в Эксе в 1955 г. А. Марк, призывая совершенствовать методы «мобилизации» масс[64].

Все эти факты говорят о том, что «европейское движение» выражало не стремление народов покончить с «эксцессами национализма», а агрессивные замыслы империалистических кругов США и западноевропейских стран. Выступая под знаменем космополитизма, идеологи европейской «интеграции» фактически призывали и призывают народы западноевропейских стран жертвовать национальной независимостью в интересах империалистической реакции. «Абсолютный национальный суверенитет — враг дела Запада»,— провозглашал на конференции в Болонье в 1956 г. ректор «европейского колледжа» в Брюгге правый социалист Г. Бругманс[65]. Ослабление позиций империалистической буржуазии в Западной Европе, ее страх перед социализмом и предательство ею национальных интересов своих стран — вот что скрывается за такого рода лозунгами. «...Когда дело касается до классовых прибылей,— говорил В. И. Ленин,— буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими угодно чужеземцами...»[66].

Даже краткое рассмотрение аргументации идеологов европейской «интеграции» показывает, что они взяли на себя явно невыполнимую задачу. Тщетно пытаются они изыскать перспективы экономического, социального и политического прогресса в условиях капитализма путем «объединения» Европы, объявив причиной всех трудностей и бедствий, испытываемых населением капиталистической Европы, национальный суверенитет. Явления и факты, которыми оперируют «европеисты», свидетельствуют не о развитии некой спасительной для капитализма исторической закономерности, а, наоборот, об углублении присущих ему противоречий, о попытках империалистических кругов использовать лозунг «объединения Европы» для обмана масс, для идеологического обоснования и маскировки подлинного содержания агрессивной политики создания военно-политических и экономических блоков, направленной своим острием против сил социализма и демократии.

Методы, применяемые идеологами европейской «интеграции» при освещении истории Европы, демонстрируют банкротство буржуазной науки. Причины возникновения и значение европейской «интеграции» можно определить только при анализе важнейших черт современной эпохи и прежде всего общего кризиса капитализма и превращения социализма в мировую систему. Между тем стремление идеологов европейской «интеграции» искусственно обособить развитие стран Западной Европы от развития остальной части континента говорит об их неверии в возможность успешного для капитализма соревнования с социализмом. Свой страх за судьбы европейского капитализма, не выдерживающего мирного соревнования с социализмом, они скрывают за хвастливыми фразами о пер-

[63] M. Beloff. Europe and the Europeans, p. 169.
[64] «Le Fédéralisme», p. 148.
[65] «European Integration», p. 169.
[66] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 9.

спективах экономического прогресса и укрепления мира в «объединенной» Европе. О том, что «оптимизм» идеологов европейской «интеграции» проявляется только на словах, говорят средства, с помощью которых они пытаются его обосновать.

Будучи не в состоянии определить действительные перспективы развития сложившейся в Европе и во всем мире обстановки, фальсификаторы истории заимствуют свою аргументацию либо из давно опровергнутых марксистами и самой жизнью спекулятивных построений, либо обращаются в область иррационального. В самом деле, если рассмотреть в историческом аспекте предлагаемые ими рецепты разрешения противоречий капитализма в Западной Европе путем пресловутого «объединения», то оказывается, что в основе их лежит несколько перелицованная, давно опровергнутая каутскианская теория «ультраимпериализма». Первооткрыватель этой «теории», ссылаясь на тенденцию усиливающегося международного переплетения финансового капитала и игнорируя, подобно «европеистам», характерные черты империализма, также пытался доказать возможность «мирного соглашения» монополий, вступления империализма в «эру новых надежд» и образования Соединенных Штатов Европы. Несостоятельность этой «теории» свыше 40 лет назад была разоблачена В. И. Лениным, подчеркивавшим, что она является всего лишь «буржуазным обманом и лицемерием» [67]. И разве не похожа аргументация «европеистов» о «кризисе национального государства» на давно опровергнутые В. И. Лениным рассуждения сторонников «империалистического экономизма» об устарелости национальных границ малых государств? [68].

Что касается манипулирования мистическим понятием «европейского духа» и т. п., то и здесь «европеисты» недалеко ушли от «доводов» гитлеровских «теоретиков» «арийской расы».

Реальная действительность на каждом шагу опровергает мифы о грядущем излечении всех недугов капитализма в Западной Европе в процессе ее «интеграции». Обострение межимпериалистических противоречий в ЕОУС и внутри «общего рынка», ухудшение материального положения широких масс трудящихся в странах — участницах «общего рынка», образование в Западной Европе двух противостоящих империалистических блоков — одни из первых последствий «интеграции Европы» в области экономики. Опасный для дела мира разгул реваншизма и милитаризма в Западной Германии — один из первых ее результатов в области политики. Таковы факты, и никогда идеологи европейской «интеграции» не смогут убедить народы стран Западной Европы в том, что эти факты знаменуют собой начало «новой эры благоденствия и мира».

Реакционная политика европейской «интеграции» встречает все возрастающий отпор со стороны рабочего класса и всех демократических сил в Западной Европе. Вымыслы буржуазной пропаганды о якобы прогрессивном характере «интеграции» разоблачаются коммунистическими партиями, представителями прогрессивной общественности [69]. Коммунисты показывают, что «европейские объединения» не только являются орудием монополий для ограбления национальной экономики каждой страны, но и препятствуют развитию международных экономических связей, ведут к развязыванию торговой и экономической войны, таят в себе опасность для дела мира [70].

Огромное значение для укрепления мира в Европе и во всем мире и разрешения международных проблем, в том числе и европейских, имеет активная и последовательная политика Советского Союза и других социалистических государств, политика мира и сотрудничества между народа-

---

[67] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 194, 200; т. 22, стр. 161, 198 и др.
[68] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 37—38.
[69] См. «Проблемы мира и социализма», 1959, № 5, стр. 78.
[70] «Проблемы мира и социализма», 1960, № 1, стр. 52.

ми. В то же время Советский Союз постоянно вскрывает реакционную сущность мероприятий империалистической политики, проводимых под вывеской «европейской интеграции». Так, в ответах на вопросы корреспондента итальянской газеты «Tempo» 24 марта 1958 г. Н. С. Хрущев разоблачил несостоятельность утверждений о мирном экономическом характере Евратома и «общего рынка». Жизненно важные проблемы экономического развития европейских стран, подчеркнул Н. С. Хрущев, надо решать не в узких организациях, а на общеевропейской основе. «Поэтому мы рассматриваем создание Евратома и «общего рынка» шести стран как искусственное ограничение экономического сотрудничества, тем более что, как показывают факты, «общий рынок» и Евратом с самого же начала используются не столько для экономических целей, сколько для гонки вооружений и для осуществления других целей, не имеющих мирного характера» [71].

Мысль о том, что путь к миру в Европе и развитию экономических связей между европейскими странами лежит через сотрудничество всех европейских государств, неоднократно подчеркивалась Н. С. Хрущевым во время его исторического визита во Францию. Глава Советского правительства указывал на необходимость извлечь уроки из исторического опыта и не позволить агрессивным силам, в первую очередь германскому милитаризму, развязать новую войну. С этой целью следует прежде всего предпринять шаги для ликвидации существующих военных группировок. Н. С. Хрущев отмечал также опасность создания замкнутых экономических группировок, которые нередко ведут к политическому обособлению и к различного рода осложнениям в отношениях между государствами. «Именно поэтому,— говорил он в одном из выступлений,— Советский Союз был и остается сторонником экономического сотрудничества на общеевропейской, общемировой основе» [72].

Империалистической политике европейской «интеграции», ведущей к углублению раскола Европы и порабощению западноевропейских народов, противостоит социалистическая политика равноправного сотрудничества на основе взаимного уважения суверенитета и полного равноправия государств, а также их национальных интересов, ведущая к сближению европейских народов. Ярким примером подлинного объединения народов в интересах мира и процветания является братское содружество социалистических стран. Неуклонно проводимый Советским Союзом и другими социалистическими государствами курс на мирное сосуществование и развитие взаимовыгодного сотрудничества между всеми странами встречает все большее понимание и одобрение широкой общественности на Западе.

---

[71] Н. С. Хрущев. К победе в мирном соревновании с капитализмом. Госполитиздат. 1959. стр. 177.

[72] «Правда», 25 марта 1960 года.

СООБЩЕНИЯ

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ПРАВЯЩИХ КРУГОВ США в 1929 — 1933 гг.

В. Л. Мальков, Е. Ф. Язьков

Буржуазные историки, социологи и экономисты США давно уже стремятся доказать, будто бы Соединенные Штаты вступили в XX в. в новую фазу своего развития, когда капитализм якобы изменяет свой характер и становится «демократическим», или «народным», капитализмом, когда исчезают классы и классовая борьба, а правительство превращается в защитника общенародных интересов. В наши дни эти теории получили в США особенно широкое распространение.

Лучшим опровержением подобных утверждений апологетов американского империализма является реальная действительность. Изучение истории Соединенных Штатов в новейшее время наглядно показывает, что все перемены, происшедшие за последние десятилетия в структуре капиталистического общества, не изменили его социальной сущности. Классовая борьба по-прежнему является важнейшим фактором развития этого общества. Особый интерес в связи с этим представляет изучение такого важного этапа в новейшей истории США, как период экономического кризиса 1929—1933 гг., когда сама жизнь нанесла сокрушительный удар по распространенным в то время апологетическим теориям о наступлении эры «нового» капитализма, адекватным сегодняшним теориям «народного» капитализма. Именно в эти годы американское буржуазное государство особенно отчетливо показало свой реакционный, антинародный характер.

Анализ внутренней политики правительства США в период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. занимает весьма значительное место в работах американских буржуазных историков. Однако было бы тщетно искать в этих трудах правильную, научную оценку существа тогдашней правительственной политики. Правда, в США издано немало работ буржуазных авторов, где внутренняя политика правительства Г. Гувера подвергнута критике. Но обычно эта критика ведется по линии доказательства непригодности гуверовской концепции государственного управления [1], основанной, по мнению буржуазных ученых, на посылках теории «американского индивидуализма» и невмешательства государства в дела бизнеса. Подобная «критика» на деле маскирует классовую сущность и действительные цели гуверовской внутренней политики.

Откровенно апологетическое направление в оценке внутренней политики правящих кругов США в период кризиса 1929—1933 гг. восходит к работам официальных историков У. Майерса и У. Ньютона, а также к появившейся в 1939 г. книге Л. Хэккера «Сегодняшние проблемы Америки» [2]. Представители этого направления расценивают мероприятия правительства Гувера как «радикальные» и якобы направленные на пользу трудящимся. В последующие годы эта далекая от истины версия нашла многих приверженцев среди американских буржуазных истори-

---

[1] См. D. Wecter. The Age of Great Depression. 1929—1941. New York. 1948.

[2] W. S. Myers and W. H. Newton. The Hoover Administration. A Documented Narrative. New York. 1936; L. M. Hacker. American Problems of Today. New York. 1939.

ков. Так, Д. Хикс пытается уверить своих читателей, что будто бы правительство Гувера проявило повышенный интерес к проблеме ликвидации безработицы и жестоких последствий кризиса[3]. По мнению Ф. Р. Даллеса, именно правительство Гувера якобы снабдило «новый курс» программой восстановления[4]. Стремление обелить внутреннюю политику гуверовского правительства проглядывает со страниц работ Д. Никольс, Л. Хэккера, Г. Захлера, Э. Робинсона, Р. Феррела и др.[5]. Непопулярность Гувера в американском народе и его поражение на выборах 1932 г. буржуазные историки О. Барк и Н. Блейк приписывают фатальному стечению обстоятельств, жертвой которых якобы стал Гувер[6].

Примером одной из последних попыток оправдать гуверовскую политику может служить работа Г. Уоррена[7]. Выражая сожаление по поводу отсутствия в исторической литературе США справедливой оценки деятельности правительства Гувера, автор этой книги утверждает, будто страна должна быть благодарна тому, что в 1929—1932 гг., в годы кризиса, у кормила власти в США находился Г. Гувер. Откровенный консерватизм концепций Уоррена и отсутствие сколько-нибудь серьезных аргументов, которые доказали бы их правомерность, вызвали резкие возражения даже в кругах буржуазных ученых[8].

Наибольший «вклад» в дело оправдания внутренней политики американского буржуазного государства в годы кризиса 1929—1933 гг. принадлежит самому бывшему президенту США Г. Гуверу, опубликовавшему три объемистых тома своих мемуаров[9], которые существенным образом пополнили арсенал фальшивых аргументов, используемых буржуазными историками в их «изысканиях».

★

Приход к власти правительства Гувера в 1929 г. сопровождался претенциозным шумом о скором воцарении в Соединенных Штатах «всеобщего рая». Новый президент заверил американских избирателей в «фундаментальной правильности» господствующей в США экономической системы и в «нескончаемости американского просперити»[10]. Оптимизм лидеров правящей республиканской партии в отношении перспектив развития экономики США разделяли их номинальные политические противники — демократы[11].

Однако реальная действительность очень скоро показала полнейшую несостоятельность официальных правительственных прогнозов. Летом 1929 г. в стране начался экономический кризис.

Гигантская экономическая катастрофа, обрушившаяся на США, не только остановила станки, выбросила за ворота предприятий миллионы рабочих и захлопнула двери тысяч банков; она привела к глубокому

---

[3] D. D. Hicks. The American Nation. A History of the United States from 1865 to the Present. Boston — New York. 1941, pp. 647—648.

[4] F. R. Dulles. Twentieth Century America. Boston — New York. 1945, p. 338.

[5] J. P. Nichols. The Republic of the United States. A History. New York — London. 1942; L. M. Hacker and H. S. Zahler. The United States in the 20-th Century. New York. 1952; E. E. Robinson. The Roosevelt Leadership, 1933—1945. New York. 1955; R. H. Ferrel. American Diplomacy in the Great Depression. New Haven. 1957, и др.

[6] O. Barck and N. Blake. Since 1900. A History of the United States in Our Times. New York. 1947.

[7] H. G. Warren. Herbert Hoover and the Great Depression. New York. 1959.

[8] См. «American Historical Review», июль 1959 г., стр. 976, 977.

[9] «The Memoirs of H. Hoover». Vol. I—III. New York. 1952.

[10] «The State Papers and Other Public Writings of Herbert Hoover». Vol. I. New York. 1934, pp. 3—12.

[11] См. F. Freidel. Franklin D. Roosevelt. The Triumph. Boston. 1956, pp. 84—86.

идейному кризису в стране, когда на смену почти всеобщей убежденности в совершенстве производственной машины американского капитализма и превосходстве так называемого «американского образа жизни» пришло нескрываемое разочарование в «конструктивном» начале «большого бизнеса», сомнение в возможности преодолеть кризис, опираясь на принципы капиталистического способа производства. «Безработица, спад деловой активности, общая депрессия заставили нас поверить, что кое-что в капиталистической системе разладилось и нуждается в капитальном ремонте...»,— писала 16 июня 1931 г. консервативная газета «New York Evening Post».

В то время как в США росла безработица и быстро ухудшались условия жизни трудящихся, в Советском Союзе одерживал победы новый тип экономики — плановой экономики социализма. К Советской России обращались взоры задавленных нищетой миллионов людей. «Не нужно быть коммунистом, чтобы почувствовать глубокий смысл в сегодняшнем остром и широко распространенном интересе к России во всех уголках нашей страны. Огромное число американцев интересуется возможностью планировать и организовать нашу экономическую жизнь так, чтобы удовлетворить насущные нужды всего народа, а не только предоставить прибыли меньшинству»,— признавал журнал «Nation» [12]. Об этом же красноречиво свидетельствовали страницы рабочей печати США [13].

Экономический кризис 1929—1933 гг. начался в обстановке раскола мира на две системы, одна из которых, социалистическая, набирая темпы, с каждым годом зримо утверждала свое превосходство над загнивающей системой капитализма. В силу этого правящий класс главной страны капитализма был поставлен перед необходимостью по-иному подходить к оценке причин охватившего страну экономического бедствия. В сложившихся условиях даже сама констатация закономерности очередного краха мифа о «процветании» капитализма становилась равносильной признанию поражения в только что развернувшемся соревновании двух различных общественных систем. Не случайно Гувер и другие официальные представители правительства, буржуазная печать, связанная с крупнейшими монополиями, вплоть до 1931 г., по существу, отрицали само наличие кризиса в экономике США. Объясняя причины «депрессии» в производстве явлением чисто случайного и по преимуществу «психологического» характера, Г. Гувер в каждом своем заявлении обещал скорое восстановление деловой активности[14]. Эти оптимистические прогнозы правящие круги США расценивали как едва ли не главное средство, способное рассеять любые сомнения в устойчивости капиталистического корабля. Когда же прошли все сроки окончания спада в промышленном производстве, обещанного президентом Гувером, официальная пропаганда поспешила объяснить затяжку кризиса тем, что его эпицентр лежит якобы вне пределов США, а также трудностями восстановления, вызываемыми... «советским демпингом».

Легенда об угрозе благосостоянию Америки и ее социальным институтам, исходившей будто бы со стороны «агрессивного большевизма», стала лейтмотивом многих официальных выступлений Г. Гувера. Основа антисоветской кампании, раздуваемой реакцией в США под флагом борьбы «американизма» против «большевизма», заключалась в попытке нейтрализовать растущий интерес американских трудящихся к социалистическому строительству в СССР, укрепить сильно пошатнувшуюся веру в жизнеспособность частнокапиталистических институтов в США, идео-

---

[12] «Nation», 1 апреля 1931 г., стр. 342.

[13] См., например, «Federation News» (Chicago), 17 января 1931 г.; «Marine Workers Voice», декабрь 1931 г., стр. 1; «Machinists' Monthly Journal», август 1931 г., стр. 475.

[14] См. «The State Papers...». Vol. I, pp. 133, 146 и др.

логически обосновать претензии американского империализма на роль мессии для заблудших во «внутренних распрях» народов мира.

Вместе с тем торжественные правительственные заявления о скором окончании кризиса и поднятая в печати антисоветская кампания имели еще одно важное назначение. Их цель состояла в том, чтобы замаскировать ту помощь, которую буржуазное государство с первых же дней кризиса стало оказывать крупному капиталу. Уже в конце 1929 г. последовало значительное снижение налогов на доходы корпораций. Выигрыш последних составил 160 млн. долл. в год [15]. В ноябре — декабре 1929 г. на совещаниях у Гувера представителям монополий было обещано содействие федерального правительства в стимулировании деловой активности. Вместе с тем взамен сделанного предпринимателями заверения (которое никогда никем из них не принималось всерьез) не снижать заработную плату магнаты промышленности потребовали от правительства принудить профсоюзы к отказу от борьбы за повышение заработной платы. На совещании у Гувера 27 ноября 1929 г. лидеры АФТ (В. Грин, М. Уолл, Д. Льюис и др.) заявили о своем намерении не вступать в трудовые конфликты с капиталом на весь период кризиса [16]. «Соглашение Грина — Гувера» должно было, по замыслу его авторов, способствовать сохранению «социального мира» и «политической стабильности» в стране. Комментарии проправительственной прессы не оставляли в этом сомнения [17].

Действуя в интересах крупного финансово-промышленного капитала, правительство и конгресс США предприняли вскоре целую серию экономических мероприятий. Одним из первых явилось принятие в июне 1930 г. нового чрезвычайно высокого внешнеторгового тарифа Хаули — Смута. Новый тариф был выгоден главным образом монополистам промышленных штатов. Характерно, однако, что сторонники протекционистского тарифа предпочитали выступать под демагогическим лозунгом защиты материальных интересов рабочего класса и фермерства [18]. На самом же деле тарифная политика правительства Гувера позволила промышленным корпорациям поддерживать монопольные цены внутри страны и тем самым противоречила интересам широких слоев трудящихся. В то же время установление высокого тарифа способствовало нарушению внешнеторговых связей США [19]. Все это вызывало резкое недовольство в различных кругах американской общественности [20].

Новое значительное ухудшение промышленной конъюнктуры и углубление кредитного кризиса осенью 1931 г. заставили правительство прибегнуть к чрезвычайным мерам помощи финансовой олигархии. По инициативе правительства была создана Национальная кредитная корпорация (НКК) с капиталом в 500 млн. долл., слагавшимся из взносов финансовых групп. Общая сумма займов, предоставленных корпорацией частным банкам за весь период ее деятельности (октябрь 1931 — январь 1932 г.), составила 400 млн. долларов [21]. Однако надежды на то, что НКК сумеет приостановить развитие финансового кризиса, не оправдались. Крах быстро приближался. В этих условиях финансовая олигархия потребовала привлечения крупных государственных средств для поддержания жизнедеятельности капиталистических объединений. В январе 1932 г. кон-

---

[15] «The State Papers...». Vol. I, p. 143; «New York Times», 4 марта 1930 года.

[16] «The State Papers...». Vol. I, pp. 136, 137.

[17] См. «Washington Post», 25 октября 1930 года.

[18] См. «Times» (London), 7 января 1930 г.; «New York Herald Tribune», 5 марта 1930 г.; «Washington Post», 5 марта 1930 года.

[19] С 1929 по 1932 г. в четыре раза сократился импорт в США и почти в пять раз снизился экспорт американских товаров («Congressional Record». Senate. February 3, 1932, p. 3251).

[20] «Congressional Record». Appendix. January 11, 1930. p. 1552.

[21] P. Studenski and H. E. Krooss. Financial History of the United States. New York. 1952, p. 371.

гресс США принял закон об организации Реконструктивной финансовой корпорации (РФК). С начала своей деятельности (февраль 1932 г.) по сентябрь 1933 г. РФК получила от казны свыше 3 млрд. долларов [22]. Эти средства предоставлялись в виде займов лишь строго определенным финансовым учреждениям и железнодорожным компаниям. К концу февраля 1933 г. РФК распределила займов на сумму в 2,5 млрд. долларов. Из этой суммы более половины было выдано банкам, страховым обществам и компаниям по финансированию ипотечной задолженности, одна шестая часть попала в руки железнодорожных магнатов и лишь 300 млн. долл. было выделено в качестве займов штатам для «помощи» безработным [23].

Ни деятельность РФК, ни принятие в начале 1932 г. инфляционного закона Гласса — Стигаля [24] не улучшили экономического положения США. Напротив, летом 1932 г. экономический кризис достиг своей высшей точки. Индекс промышленного производства в июле 1932 г. составил только 47% докризисного уровня [25]. Число безработных в стране достигло 17 млн. человек. Кредитный кризис продолжал развиваться с возрастающей силой. Весной 1933 г. ввиду неустойчивости банковской системы правительство США вынуждено было объявить о принудительном закрытии всех банков [26].

Попытки вмешательства государства в ход экономического развития в годы кризиса 1929—1933 гг. оказались совершенно безуспешными. Это еще раз убедительно доказало, что никакие попытки «регулирования» не могут приостановить стихийного действия экономических законов капитализма, порождающих анархию производства, и обречены на провал. «Государственное регулирование» свелось на деле к перекачиванию народных средств в карманы крупнейших монополистов.

★

Совсем по-иному отнеслось правительство Гувера к нуждам бедствующих американских рабочих. Проблема безработицы в условиях кризиса 1929—1933 гг. стала главной внутриполитической проблемой в США. Десятки миллионов простых американцев испытали на себе тяжесть голода и нищеты.

К началу кризиса США принадлежали к числу государств с самым отсталым социальным законодательством. В стране вообще не существовало какой-либо системы страхования по безработице, старости, болезни и пр. [27]. Немедленное введение федеральной системы социального страхования стало в то время основным требованием американского пролетариата. Однако правительство Гувера категорически отвергло это справедливое требование. Любой вид помощи безработным со стороны федеральных властей, заявляло правительство, противоречит американским традициям и установившимся принципам «самоуправления» [28], так

---

[22] «Anti-Depression Legislation». New York. 1933, p. 16.

[23] «Labor Fact Book». Vol. 2. New York. 1934, p. 33.

[24] Согласно этому закону, финансовые учреждения федеральной резервной системы получили право оказывать ссуды банкам-членам под их обязательства даже при отсутствии у них необходимых активов, пригодных для учета. Помимо того, по новому закону все обеспечение эмитируемых банкнот было сведено к покрытию их на 60% государственными облигациями.

[25] См. «Мировые экономические кризисы 1848—1935 гг.». Т. I. М. 1937, стр. 692.

[26] G. N. Halm. Economics of Money and Banking. Homewood (Ill). 1956, pp. 222—224.

[27] J. R. Commons and J. B. Andrews. Principles of Labor Legislation. New York. 1936; C. S. High. Roosevelt — And Then? New York — London. 1937, p. 130; C. W. Ruskowski. Is Roosevelt an Andrew Jackson? Boston. 1939, p. 49; A. M. Schlesinger. The New Deal in Action. New York. 1940. p. 30.

[28] «The State Papers...». Vol. I, pp. 400, 502, 504, 579; «Congressional Record». Senate. June 22, 1932, pp. 13679, 13682.

как входит исключительно в компетенцию местных властей и благотв рительных организаций. В основе этой позиции правящих кругов СШ лежало стремление защитить интересы крупной буржуазии, видевше в системе государственного страхования по безработице угрозу для св их прибылей и заинтересованной в перераспределении государственны средств в пользу монополистического капитала. Национальная ассоци ция промышленников, промышленные магнаты Иллинойса, бостонск банкиры и другие наиболее реакционные круги финансово-промышле ного капитала требовали от правительства и конгресса отказа от каки бы то ни было уступок трудящимся в вопросе помощи безработным [29].

Правительство Гувера стремилось выполнить этот наказ монопо лий [30]. Отклонив требование ряда общественных деятелей о созыве сп циальной сессии конгресса по вопросу безработицы [31], правительств ограничилось лишь координацией деятельности местных властей и час ных благотворительных организаций. Для этого в октябре 1930 г., условиях расширения начавшегося в годы кризиса движения безрабо ных, правительство учредило «Чрезвычайный комитет при президен по вопросам занятости». За время существования комитета (октябр 1930 — август 1932 г.) в нем неоднократно сменялись руководство и сам вывеска, но одно оставалось неизменным — полнейшая безрезульта ность его деятельности [32].

В демагогических целях Чрезвычайный комитет объявил о начал осуществления так называемой антикризисной «программы восстано ления». Составными элементами ее являлись ассигнования на обще ственные работы (дорожное строительство, постройка зданий и пр.) план «разделения работ» (stagger plan), то есть распространение си стемы частичной занятости на всех рабочих. Шумная реклама, сопу ствовавшая «программе» Гувера, должна была доказать трудящимс универсальность и радикальный характер планируемых мероприяти способных якобы стать «средством восстановления». Но гора родил мышь.

В государственном бюджете США на финансирование обществе ных работ, даже по официальным данным, выделялись крайне незна чительные средства: в 1930 г.— 412,5 млн. долл., 1931-м — 574,9 мл долл., 1932-м — 670,3 млн. долл., 1933-м — 727,8 млн. долларов [33]. Но эти средства были реализованы далеко не полностью. В итоге «обществе ные работы» в годы кризиса не возымели никакого практического знач ния для увеличения занятости рабочих [34].

Что же касается плана «разделения работ», то он на практике явил

---

[29] «U.S. Congress. House of Representatives. Unemployment in the United St tes. Hearings before a Subcommittee of the Committee on Labor (February 1932) Washington. 1932, pp. 139, 149, 171; «Federation News», январь 1931 г., стр. 10; «M chinists' Monthly Journal», октябрь 1931 г., стр. 585 и др.

[30] Откровенно реакционная политика правительства Гувера в вопросе помо безработным проявилась столь недвусмысленно, что уже в 1930 г. вызвала критику стороны ряда буржуазных политических деятелей. Сенатор-демократ Уолш следу щим образом характеризовал правительственный курс в отношении борьбы с безр ботицей: «Власти всецело заняты пустяками и не предпринимают никаких констру тивных действий. Мне кажется, что самый осторожный обозреватель в Вашингто должен быть убежден в том, что первой мыслью многих из тех, кто находится на ве шине социальной пирамиды, является трогательная забота о крупных налогоплател щиках. Это несмотря на голод, нищету, безработицу и страдания. И это было одн из причин, почему в ноябре 1930 г. (Уолш имел в виду выборы в конгресс США. *Авт.*) миллионы людей пришли к избирательным урнам не для того, чтобы избра демократов, а с тем, чтобы обвинить и осудить правительство, которое индифферент к величайшей проблеме» («New York Times», 9 декабря 1930 г.).

[31] «The State Papers...». Vol. I, p. 405.

[32] «Current History», сентябрь 1931 г., стр. 852; Br. Mitchell. Depression D cade. New York. 1949, p. 101.

[33] W. S. Myers and W. H. Newton Указ соч., стр. 156, 157.

[34] См. «Nation», 17 июня 1931 г., стр. 656, 657 и др.

ся одним из методов наступления монополий на жизненный уровень рабочих. По плану Гувера, вся работа, имевшаяся в данной отрасли, должна была разделяться поровну между рабочими. Таким образом, каждый рабочий оказался бы занятым лишь часть рабочего времени, но соответственно снижалась заработная плата. В действительности план «разделения работ» стал планом «разделения нищеты». В тех отраслях промышленности, где были предприняты попытки внедрить принцип «разделения работ», немедленно последовало увеличение частичной безработицы, резкое снижение заработной платы и повышение интенсификации труда [35].

Практическая деятельность обеих палат конгресса в отношении помощи безработным, по существу, не противоречила принятому правительством Гувера курсу. Специальная сенатская комиссия, изучавшая в первой половине 1931 г. вопрос о системе социального страхования по безработице, вынесла решение о нецелесообразности принятия такого законодательства [36]. Законопроекты о помощи безработным, внесенные конгрессменами Брукхартом, Хадльстоном, Костиганом, Лафоллетом, предусматривали ассигнование чисто символических сумм и также ни в коей мере не отвечали требованиям момента. Но даже и эти куцые законопроекты были неодобрительно встречены большинством членов конгресса [37]. Совершенно недостаточен был и принятый конгрессом 27 июля 1932 г. «Закон о чрезвычайной помощи и строительстве», по которому в течение последующего года через РФК правительство США предоставило штатам и местным органам власти займы на общую сумму 300 млн. долл. для оказания помощи населению [38]. «Эта сумма скандально недостаточна» [39],— заявил в декабре 1932 г. один из видных американских общественных деятелей, работавший в области помощи безработным. И действительно, необходимый минимум, по подсчетам благотворительных организаций, составлял в то время 2 млрд. долларов [40].

★

Столь же реакционный характер носила и аграрная политика правящих кругов США. С началом мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., вызвавшего крайнее обострение кризиса перепроизводства в американском сельском хозяйстве, недовольство широких фермерских масс чрезвычайно усилилось. Это встревожило лидеров американской сельскохозяйственной буржуазии, которые стремились удержать фермерские массы под своим влиянием и не допустить самостоятельных выступлений трудящегося фермерства. Кроме того, обострившийся аграрный кризис, вызвав резкое падение цен на сельскохозяйственные продукты, в известной мере затронул и позиции фермерской буржуазии, значительно сократив прибыльность ее капиталовложений Все это, вместе взятое, заметно активизировало деятельность крупнейших организаций капиталистического фермерства США — Американской федерации фермерских бюро, Нэйшнл грендж и Национального фермерского союза.

Планы аграрного законодательства, выдвинутые идеологами сельскохозяйственной буржуазии перед правительством Гувера, не были новыми. Они разрабатывались еще в начале 20-х годов. Наиболее полное вы-

---

[35] H. Millis and R. Montgomery. Labor's Risks and Social Insurance. New York. 1938, p. 119; «Congressional Record». Senate. December 30, 1932, p. 1114; H. B. Davis. Labor and Steel. New York. 1933, pp. 101—104.

[36] «Handbook of Labor Statistics, 1936». Washington, pp. 821, 822.

[37] «New York Times», 31 января 1931 года.

[38] «Quarterly Report of Reconstruction Finance Corporation to the Congress covering the Corporation's Operations for the Periods April 1 to June 30 Inclusive». Washington, 1933, p. 2.

[39] «Congressional Record». Senate. December 8, 1932, p. 169.

[40] Там же.

ражение эти планы нашли в известном проекте закона Мак — Нэри — Хоугена, который в течение 1924—1928 гг. несколько раз вносился в рассмотрение конгресса. В законопроекте предусматривалось создание центральной правительственной организации, которая систематически скупала бы по повышенным ценам «излишки» сельскохозяйственной продукции на внутреннем рынке, огражденном от иностранной конкуренции высокими таможенными пошлинами. Эти «излишки», по мнению сторонников билля, необходимо было удалить с внутреннего рынка, ибо они снижали уровень цен. Предполагалось экспортировать их за границу, так как они могли быть проданы там лишь по более низким ценам мирового рынка, то правительственная организация неизбежно должна была нести в результате этой операции определенные убытки. Чтобы возместить потери, предусматривалось введение так называемого «уравнительного налога» (equalization fee) на каждую единицу продукции, взимаемого при поступлении любого сельскохозяйственного товара на рынок. Защитники билля считали, что в результате всех этих операций произойдет общее повышение цен внутри страны [41].

Большой популярностью среди аграрной буржуазии США пользовался и так называемый «план экспортного премирования» (export debenture plan), который предусматривал выдачу правительством премий экспортерам продукции сельского хозяйства. Предполагалось, что это даст крупнейшим фирмам, обслуживавшим американский сельскохозяйственный экспорт, возможность скупать продукцию на внутреннем рынке по более высоким ценам и тем самым влиять на общий уровень цен [42].

В апреле 1929 г. правительство Гувера созвало чрезвычайную сессию конгресса, которая должна была, в частности, обсудить вопрос об аграрном законодательстве. Однако обсуждение этого вопроса затянулось на два месяца. На заседаниях обеих палат развернулась острая борьба между представителями сельскохозяйственной буржуазии и монополистического капитала. Идеологи крупного фермерства настаивали на принятии своих прежних предложений. Представители промышленно-финансовых кругов решительно выступили против, категорически отвергая идею фиксации цен [43]. В конце концов правительству Гувера удалось добиться принятия конгрессом выработанного им варианта билля. Но для этого правительству пришлось пойти на некоторые уступки аграриям.

На основании нового закона, подписанного Гувером 15 июня 1929 г. и получившего название «Акт о сбыте сельскохозяйственных продуктов», была создана специальная правительственная организация — Федеральное фермерское бюро. Перед бюро ставилась задача: добиться стабилизации цен внутри страны путем систематической скупки и удаления с рынка излишков пшеницы, хлопка и других продуктов. Для этой цели Фермерскому бюро были ассигнованы из государственного казначейства 500 млн. долларов [44]. Принятие «Акта» сопровождалось широкой демагогической кампанией, призванной замаскировать истинный характер нового закона и представить его как меру, проведенную якобы в интересах всех фермеров [45].

Результаты начатых Фермерским бюро «стабилизационных опера-

---

[41] См «U. S. Congress. House of Representatives. Hearings before the Committee on Agriculture and Forestry». Washington. 1924, p. 13 etc; «Farm Relief». New York. 1927, pp. 136—140.

[42] Подробнее см. J. Black. Agricultural Reform in the United States. New York — London. 1929; J. Davis. The Farm Export-Debenture Plan. Stanford. 1929; P. Campbell. American Agricultural Policy. London. 1933; E. Nourse. Government Relation to Agriculture. Washington. 1940; M. Benedict. Farm Policies of the United States, 1790—1950. New York. 1953.

[43] «Congressional Rekord». House of Representatives. April 18, 1929, p. 125.

[44] См. «Farm Relief and Agricultural Adjustment Acts». Washington. 1938, pp. 1—10.

[45] «New York Times», 14 августа 1931 года.

ций» скоро показали истинную цену этим заявлениям. Операции были проведены в два этапа. В первые месяцы своей деятельности бюро ограничивалось выдачей займов тем фермерским кооперативам, которые соглашались временно удерживать имеющиеся у них запасы продукции от поступления на рынок [46]. Таким путем бюро надеялось поддержать падающие цены. Однако новое углубление аграрного кризиса в связи с началом спада в промышленном производстве полностью опрокинуло эти расчеты. Дальнейшее падение цен заставило Фермерское бюро перейти к более решительным действиям и начать непосредственную скупку «излишков» пшеницы и хлопка. Для этого в феврале 1930 г. была создана так называемая «Зерновая стабилизационная корпорация», а в июне того же года — «Хлопковая стабилизационная корпорация» [47]. Деятельность бюро и созданных при нем «стабилизационных корпораций» продолжалась с перерывами около полутора лет и была окончательно прекращена в июне 1931 года. К этому времени на складах бюро скопились огромные запасы: 257 млн. бушелей пшеницы и 1,3 млн. кип хлопка [48]. Израсходовав в короткий срок почти все отпущенные ему средства, Фермерское бюро добилось лишь временного удержания сельскохозяйственных цен внутри страны на уровне, несколько более высоком по сравнению с уровнем цен мирового рынка. Но выполнить основную задачу, провозглашенную в законе 1929 г.,— добиться повышения цен,— конечно, не удалось.

Более того, сосредоточение в руках правительства огромных запасов продукции без всякой надежды на сколько-нибудь выгодный ее сбыт уже в 1930—1931 гг. оказывало крайне деморализующее влияние на рынок, вызвав дальнейшее понижение цен. Когда же со второй половины 1931 г. Фермерское бюро прекратило всякие закупки и, терпя колоссальные убытки [49], начало массовую распродажу накопленных им запасов по существовавшим низким товарным ценам, это привело к полной дезорганизации американского рынка и явилось одним из важных факторов, способствовавших крайнему углублению аграрного кризиса в США в 1932 году. Провал «стабилизационных операций» Федерального фермерского бюро был настолько очевидным для всех, что даже Гувер в одной из своих речей во время избирательной кампании 1932 г. не мог избежать весьма неприятных для него признаний. «Я хочу откровенно признать затруднения, встретившиеся Фермерскому бюро при проведении стабилизационных операций,— заявил он.— Практика доказала вред стабилизационной деятельности» [50].

Вслед за правительственными деятелями многие буржуазные историки, исследовавшие политику Фермерского бюро, вынуждены констатировать, что все попытки правительства Гувера помешать падению цен на сельскохозяйственные продукты окончились полным крахом [51]. Однако характеристика деятельности гуверовского Фермерского бюро в буржуазной исторической литературе этим обычно и ограничивается. Основной же вопрос — интересам какого класса служила аграрная политика правительства Гувера — остается совершенно невыясненным.

---

[46] См. «The First Annual Report of the Federal Farm Board». Washington. 1930, p. 27.

[47] См. там же, стр. 28.

[48] E. S. Haskell. Stabilization Operation of the Federal Farm Board. New York. 1933, pp. 15, 25.

[49] Общие убытки Фермерского бюро по «стабилизационным операциям» составили в течение 1929—1933 гг. 338 млн. долларов (E. S. Haskell. Указ. соч., стр. 20, 29—30).

[50] «New York Times», 5 октября 1932 года.

[51] L. Graves. The Great Depression and Beyond. New York. 1932, pp. 93—94; W. Gee. American Farm Policy. New York. 1934, p. 39; J. Schafer. The Social History of American Agriculture. New York. 1936, p. 285; E. Nourse. Указ. соч., стр. 900—901, и др.

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо более внимательно присмотреться, когда и каким образом Фермерское бюро производило скупку «излишков» продукции. Деятельность «стабилизационных корпораций» началась в феврале 1930 года. Но уже через четыре месяца бюро официально объявило о том, что оно временно приостанавливает всякие закупки. Операции бюро были возобновлены лишь в конце ноября 1930 г. и продолжались до июня 1931 года. Следовательно, в летние и осенние месяцы, то есть как раз тогда, когда основная масса фермеров выбрасывает на рынок производимые ими продукты, Фермерское бюро вообще не осуществляло закупок. Миллионы мелких и средних фермеров, отчаянно нуждавшихся в деньгах и не имевших возможности придерживать какие-либо запасы продукции до более благоприятной рыночной конъюнктуры, вынуждены были сбывать продукты по существовавшим низким ценам, так и не дождавшись обещанной правительством Гувера помощи. «Я разговаривал со многими рядовыми фермерами в Северной и Южной Дакоте,— заявил в ноябре 1931 г. сенатор Уиллер.— Стабилизационные операции по пшенице проводились тогда, когда у фермеров ее не было, когда же начинало поступать зерно нового урожая, бюро прекращало свои операции. Таким образом, рядовые фермеры никогда не получали от них выгоды» [52].

Совершенно в другом положении находились крупные фермеры. Обладая значительными запасами продукции, они не выбрасывали их на рынок сразу же после уборки урожая, как это приходилось делать мелким и средним фермерам, а выжидали зимы и продавали свои продукты Фермерскому бюро по значительно более высоким ценам. Еще большую выгоду приносили операции Фермерского бюро монополистическим посредническим корпорациям. Используя крайнюю нужду основной массы фермерских хозяйств в деньгах, эти корпорации скупали продукты по чрезвычайно низким ценам, а затем перепродавали их Фермерскому бюро, получая посредством этой спекуляции огромные прибыли [53].

Таким образом, оценивая деятельность Федерального фермерского бюро, совершенно недостаточно констатировать только тот верный сам по себе факт, что правительство Гувера не смогло предотвратить дальнейшего обострения аграрного кризиса и не добилось повышения сельскохозяйственных цен. Надо добавить к этому, что операции бюро по скупке «излишков» сельскохозяйственной продукции, никоим образом не улучшив положения мелких и средних фермеров, принесли существенные выгоды капиталистической верхушке фермерства и в особенности посредническим корпорациям.

Вторая важная сторона деятельности Федерального фермерского бюро — политика финансирования и консолидации сельскохозяйственной кооперации — была направлена на облегчение дальнейшего проникновения финансового капитала в сельское хозяйство. Сбытовая сельскохозяйственная кооперация в США [54] возникла как своеобразная реакция фермерства на деятельность посреднических фирм, которые, монополизируя сбыт, извлекали огромные прибыли за счет скупки товаров у фермеров по крайне низким ценам и перепродажи их городским потребителям по гораздо более высоким розничным ценам. Пытаясь вырваться из-под гнета посреднических монополий и обеспечить выгодную продажу своей продукции, фермеры нередко объединяли свои усилия в целях самостоя-

---

[52] См. «U. S. Congress. Senate. Agricultural Conference and Farm Board Inquiry. Hearings before the Committee on Agriculture and Forestry». Washington. 1932, p. 44; см. также «New York Times», 4 июня 1931 года.

[53] См. «Daily Worker», 27 ноября 1930 г.; 5 марта, 23 апреля, 12 июня 1931 года.

[54] К концу 20-х годов в США насчитывалось около 12 тыс. кооперативных фермерских организаций по сбыту сельскохозяйственной продукции, а число членов этих обществ составило 2 млн. человек. См. «U. S. Department of Agriculture. Cooperative Marketing and Purchasing, 1920—1930». Washington. 1930, p. 23.

тельного организованного сбыта своих продуктов. Как правило, эти кооперативы находились под руководством крупной фермерской буржуазии [55].

С самого начала своей деятельности Федеральное фермерское бюро стремилось поставить фермерские кооперативы под контроль финансового капитала. Уже в июле 1929 г. бюро заявило, что его основной целью является создание во всех отраслях сельского хозяйства мощных кооперативных корпораций, которые могли бы объединить деятельность мелких фермерских кооперативов [56]. Эти отраслевые кооперативные центры, тесно связанные с крупными банками и посредническими монополиями, должны были, по замыслам бюро, охватить всю кооперативную сеть и монополизировать в своих руках сбыт сельскохозяйственной продукции.

Руководство бюро весьма рьяно взялось за создание кооперативных центров в важнейших отраслях американского сельского хозяйства. В октябре 1929 г. при бюро была основана так называемая Фермерская национальная зерновая корпорация, приступившая к объединению деятельности многочисленных зерновых кооперативов. В ноябре того же года последовало создание национальной корпорации по сбыту шерсти, а в 1930 г.— корпораций по сбыту хлопка и продуктов животноводства [57].

На финансирование операций, связанных с деятельностью отраслевых кооперативных центров, правительство Гувера затратило крупные средства. По официальным данным, общая сумма займов, предоставленных Фермерским бюро кооперативным сельскохозяйственным организациям, составила за 1929—1932 гг. 438 млн. долларов [58]. С помощью такого рода займов, условия расходования которых были каждый раз точно определены, Фермерское бюро и созданные при нем отраслевые кооперативные центры имели возможность осуществлять строгий финансовый контроль над деятельностью многих кооперативов [59], ставя кооперативную сеть, а через нее сотни тысяч фермерских хозяйств в прямую зависимость от финансового капитала.

Следовательно, аграрная политика правительства Гувера, так же как и другие аспекты его внутренней политики, отвечала лишь интересам крупного капитала. Массы мелких и средних фермеров, больше всего пострадавших от сильнейшего падения цен, были предоставлены самим себе. Они не дождались помощи даже тогда, когда летом 1930 г. основные сельскохозяйственные районы США были тяжело поражены засухой. Несмотря на то, что на правительственных и частных складах мертвым грузом лежали огромные запасы не находивших сбыта продуктов питания, правительственные организации и частные торговые фирмы предпочитали гноить и даже уничтожать продовольствие, но не предоставлять его голодающим. Фермерское бюро, не жалевшее средств на поддержку банков и сельскохозяйственных монополий, выделило на помощь пострадавшим от засухи всего лишь 790 тыс. долларов [60]. В результате всего этого процесс экспроприации мелких сельскохозяйственных производителей в США приобрел в начале 30-х годов особенно широкие размеры [61].

---

[55] См. «Yearbook of Agriculture». Washington. 1931, p. 155; P. Campbell. Указ. соч., стр. 200, и др.

[56] См. «Commercial and Financial Chronicle», July 20, 1929, p. 147.

[57] См. «The First Annual Report of the FFB», pp. 8—11.

[58] См. там же, стр. 46; «The Second Annual Report of the FFB». Washington. 1931, p. 6; «The Third Annual Report of the FFB». Washington. 1932, p. 5.

[59] Уже к концу 1930 г. в орбите влияния Фермерского бюро находилось, например, около половины местных фермерских элеваторов, а национальная корпорация по сбыту шерсти в 1931—1932 гг. сосредоточила в своих руках 30—35% всего сбыта шерсти. См. «Commercial and Financial Chronicle», November 15, 1930, p. 3134; P. Campbell. Указ. соч., стр. 203.

[60] См. «The Second Annual Report of the FFB», p. 38.

[61] По данным департамента сельского хозяйства США, в течение 1929—1932 гг. разорились и были подвергнуты принудительной распродаже за неуплату долгов и налогов 900 тыс. фермерских хозяйств. За те же годы число так называемых «добро-

В совокупности экономическая политика правящих кругов США в годы кризиса вела к дальнейшему обнищанию трудящихся в условиях сохранения экономического и политического могущества капиталистических монополий. Вместе с тем ассигнование громадных средств на помощь институтам «большого бизнеса» являлось еще одним крупным шагом на пути превращения монополистического капитализма в США в государственно-монополистический капитализм. Для трудящихся же это означало еще большее усиление гнета со стороны буржуазного государства и монополий. В этом проявился реакционный, антинародный характер современного буржуазного государства.

★

Кризис 1929—1933 гг. и сильнейшее обнищание широких слоев трудящихся вызвали резкое обострение классовой борьбы в США. Волна народного недовольства, прокатившаяся по стране, была ответом на реакционную политику монополий.

Подъем борьбы промышленного пролетариата в эти годы выразился главным образом в развитии массового движения безработных, охватившего подавляющую часть американского рабочего класса [62]. «В период кризиса борьба за социальное страхование по безработице являлась главным моментом в общей борьбе против монополий»,— писал впоследствии орган ЦК Компартии США журнал «Political Affairs» [63]. Основной организующей силой движения безработных в США выступила немногочисленная, но мужественная партия американских коммунистов.

Уже осенью 1929 г. во многих промышленных центрах США состоялись митинги безработных. С начала 1930 г. преобладающей формой движения становятся демонстрации. В общенациональной демонстрации безработных 6 марта 1930 г. участвовало в общей сложности 1 250 тыс. человек. Большое значение приобрели многотысячные походы безработных к муниципалитетам, предъявлявших конкретные требования властям (Нью-Йорк, Детройт, Сан-Луи, Индианаполис и др.) [64].

С углублением кризиса в 1931—1932 гг. классовая борьба в стране еще более обострилась. Требования введения системы социального страхования стали всеобщими. По стране прокатилась волна голодных походов безработных к столицам штатов. Только в 1931 г. Компартия США организовала 11 таких походов (штаты Нью-Йорк, Нью-Джерси, Огайо и др.). В декабре 1931 и в декабре 1932 г. были проведены два национальных голодных похода безработных в Вашингтон. Летом 1932 г. около 20 тыс. ветеранов первой мировой войны пришли в столицу США, чтобы потребовать от правительства помощи безработным [65]. Начиная с 1931 г. растет и стачечное движение. Бастуют текстильщики, швейники, рабочие пищевых предприятий, постепенно втягиваются в забасто-

---

вольных» продаж составило 475 тысяч. Следовательно, 1 375 тыс. фермерских хозяйств, то есть 21,8% общего числа ферм в стране, были экспроприированы всего лишь за четыре года экономического кризиса. См. «The Farm Real Estate Situation, 1930—1931». Washington. 1931, p. 45; «The Farm..., 1931—1932». Washington. 1933, p. 37; «The Farm..., 1932—1933». Washington. 1933, p. 42.

[62] См. В. Л. Мальков. Движение безработных и борьба за социальное страхование в США в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. «Доклады и сообщения Института истории АН СССР». Вып. 12. М. 1957.

[63] «Political Affairs», 1949, № 9, p. 85.

[64] См. «Daily Worker», 17 октября 1930 года.

[65] «Красный Интернационал профсоюзов», 1932, № 1—2, стр. 62; «Labor Unity», январь 1932 г., стр. 3; J. Amter. The March Against Hunger. New York. 1933; «Common Sense», 29 декабря 1932 г.; F. Morrow. The Bonus March. New York. 1932; A. M. Schlesinger. The Crisis of the Old Order, 1919—1933. London. 1957, pp. 265—273, 276.

вочное движение рабочие автомобильной промышленности. Особого напряжения достигла стачечная борьба шахтеров в угледобывающих районах Пенсильвании, Огайо, Иллинойса и Кентукки. Выступления рабочего класса благодаря своей массовости, размаху и остроте становились одним из главнейших факторов в развитии политических событий в США в период кризиса.

Вслед за подъемом рабочего движения в Соединенных Штатах в период экономического кризиса 1929—1933 гг. началось и развитие массового фермерского движения. Еще в 1930—1931 гг. вследствие недовольства фермеров правительственной аграрной политикой в ряде районов США произошли первые стихийные выступления мелких и средних фермеров[66].

Очень важную роль в мобилизации трудящегося фермерства на борьбу за удовлетворение его насущных нужд сыграла энергичная деятельность Коммунистической партии США, которая с начала 30-х годов значительно активизировала свою работу в сельскохозяйственных районах страны. В 1931 г. американские коммунисты разработали конкретную программу борьбы мелких и средних фермеров против монополистической эксплуатации[67]. Активная пропаганда этой программы, которую проводили Компартия и руководимые ею фермерские организации, несомненно, способствовала значительному усилению фермерского движения в США.

Наиболее широкие размеры фермерское движение в США приобрело с лета 1932 г., когда в различных районах страны начались массовые забастовки, сопровождавшиеся бойкотом монополистических посреднических предприятий, а также многочисленные выступления против принудительной распродажи ферм за неуплату долгов и налогов[68].

Развитие массового движения трудящихся в США в период экономического кризиса 1929—1933 гг. представляло собой серьезную опасность для американской монополистической буржуазии и вызывало сильную тревогу правящих классов США. Гувер с нескрываемым беспокойством говорил о перспективе усиления социальных волнений в стране в случае дальнейшего углубления кризиса[69].

Развитию борьбы рабочего класса, подъему фермерского движения и росту прогрессивных организаций правительство США противопоставило реакцию, политику репрессий и прямого террора. В своих выступлениях Гувер неоднократно заявлял, что важнейшей задачей возглавляемого им правительства является «поддержание порядка и промышленного мира»[70], что служило, по его словам, основанием для «быстрой и твердой» расправы со всеми мятежными выступлениями[71]. Для разгрома стачечных пикетов, митингов, демонстраций и голодных походов безработных были мобилизованы армия, полиция и части Национальной гвардии. Последние получили специальные инструкции, в которых предлагалось при разгоне уличных демонстраций стрелять по толпе только

---

[66] Наиболее крупными из этих выступлений были голодный бунт фермеров в г. Ингленде (штат Арканзас) в январе 1931 г., волнения мелких фермеров в Айове осенью того же года и забастовка фермеров-табачников в Кентукки в декабре 1931 года. Об этих, а также о других выступлениях трудящихся фермеров в США в 1930—1931 гг. см. «Daily Worker», 7 и 25 августа 1930 г., 5, 9 января, 5 марта, 15 августа, 23 сентября, 2, 14, 15 октября, 17, 20, 25 ноября, 8, 9, 11, 12 декабря 1931 г., 30 января 1932 года.

[67] См. «Communist Call to the Toiling Farmers». New York. 1931.

[68] О возникновении и развитии массового фермерского движения в США в 1932—1933 гг. см. Е. Ф. Язьков. Фермерское движение в США в 1932—1933. «Вопросы истории», 1956, № 9.

[69] R. H. Ferrel. American Diplomacy in the Great Depression. New Haven. 1957, p. 15.

[70] «The Memoirs of H. Hoover». Vol. 3, p. 43.

[71] «The State Papers...». Vol. II. Washington. 1934, p. 245.

боевыми патронами[72]. По стране прокатилась волна арестов. Только в 1930 г. 6 500 рабочих были арестованы за участие в митингах и демонстрациях[73].

Преследованию подвергались прогрессивные организации и в первую очередь Компартия США. В ряде штатов их деятельность была, по существу, запрещена. В то время в 35 штатах действовали законы о так называемом «преступном синдикализме» и о «подрывной деятельности», опираясь на которые полиция и суд обрушивали репрессии на прогрессивных деятелей[74]. В годы кризиса на ряд местных организаций Компартии были совершены полицейские налеты, десятки коммунистов осуждены на длительные сроки заключения, многие прогрессивные деятели были высланы за пределы США, частым явлением стало убийство активных деятелей Компартии.

Американская реакция начала новый тур пресловутой охоты за «красными», активизируемой каждый раз, когда поднимается новая волна рабочего и демократического движения. Жупел «большевизма» был вновь пущен в ход с целью скрыть истинные причины социальных волнений и тем самым дискредитировать поднимавшееся движение народных масс. Именно на это указал сенатор Лафоллет, заявивший в марте 1930 г.: «Я хотел бы обратить внимание на попытки, которые были предприняты в последние несколько дней с целью отвлечь внимание от проблемы безработицы в США путем разжигания «красного страха»»[75].

Стремясь изолировать Компартию от масс, ряд членов конгресса США выступил с предложением лишить ее права выдвижения кандидатур на выборах. Конгрессмены Дайс, Бахман, Эслик, Дикштейн и другие требовали высылки из США всех коммунистов[76]. Многие реакционные организации, связанные с монополиями («Объединенные патриотические общества», «Дочери Америки», «Союз ветеранов гражданской войны» и др.), настаивали на запрещении Компартии. Весной 1930 г. палата представителей конгресса США с одобрения правительства приняла резолюцию, предложенную членом палаты от штата Нью-Йорк Гамильтоном Фишем, об ассигновании 100 тыс. долл. на «производство расследования коммунистической деятельности коммунистов, организацию пропаганды и публицистической деятельности»[77]. Организованная под руководством Г. Фиша комиссия олицетворяла собой силы крайней реакции в стране, разжигала антикоммунистическую и антисоветскую пропаганду, требуя запрещения Компартии, высылки коммунистов, эмбарго на торговлю с СССР и т. д.[78].

Атмосфера политической реакции и полицейского произвола создавала благоприятную обстановку для роста в стране различных реакционных, а часто и просто фашистских организаций. На Юге усилил свою черную деятельность Ку-клукс-клан, открыто выступивший против организованного рабочего движения. В штатах Мичиган, Огайо и Индиана орудовал «Черный легион», организованный в 1931 г. по образцу европейских фашистских отрядов, в Оклахоме и Калифорнии — «Серебряные рубашки», в Теннесси, Айдахо, Орегоне и Вашингтоне — «Белые рубаш-

---

[72] «U.S. Congress. House of Representatives. Hearings before a Subcommittee of the Committee on Labor (February 1932)», p. 36.

[73] «Labor Fact Book». Vol. 1. New York. 1931, p. 160.

[74] См. «Daily Worker», 27 ноября 1929 г.; E. Dowell. A History of Criminal Syndicalism Legislation in the United States. Baltimore. 1939, p. 14.

[75] «New York Times», 4 марта 1930 года.

[76] «Congressional Record». Senate, June 6, 1932, pp. 12105, 12098; «New York Times», 12 февраля 1931 года.

[77] «Правда», 20 апреля 1930 года.

[78] См. «Daily Mail», 19 января 1931 г.; «New York Herald», 29 апреля 1931 г.; «New York Times», 14 мая 1931 г. «Washington Post», 25 апреля 1931 года.

ки», в Джорджии — «Американская фашистская ассоциация» и «Орден черных рубашек» и т. д. Многие из перечисленных организаций установили прямые связи с эмиссарами германского фашизма в США [79].

Не меньшую опасность представляли выступления разного рода реакционных демагогов типа Д. Смита, Уотерса, священников Кокса и Кофлина, Хью Лонга, губернатора Луизианы, а с 1932 г. сенатора США, сочетавших в своих выступлениях «изобличения» монополий и «требования» ликвидации нищеты с призывами к уничтожению прогрессивных организаций и установлению в США режима реакционной диктатуры. За спиной всех этих претендентов на диктаторскую власть явно угадывались определенные наиболее реакционные круги монополистов, основательно напуганные кризисом и его социальными и экономическими последствиями. Влиятельные представители монополий открыто высказались за создание в стране целой сети специальных организаций для борьбы с рабочим и демократическим движением [80].

Вместе с тем по мере обострения внутриполитической обстановки в стране среди американской буржуазии все более усиливалось новое политическое течение сторонников либерального курса во внутренней политике. В демократической партии его лидер определился к концу 1931 года. Это был губернатор штата Нью-Йорк Ф. Д. Рузвельт. Характерно, что в поддержку политических взглядов Рузвельта высказывались в 1932 г. даже некоторые представители деловых кругов, ранее всецело поддерживавшие республиканцев. Причина такого изменения в партийной ориентации заключалась, по словам одного из этих новых сторонников Рузвельта, в «сильнейшем распространении политических волнений и общего недовольства в стране» [81]. В самом конгрессе США все чаще слышались призывы прибегнуть к буржуазному реформизму, чтобы отвести угрозу дальнейшего обострения классовой борьбы и тем самым упрочить господство монополистического капитала. Продолжение реакционного курса правительства Гувера не сулило радужных перспектив правящему классу США — к такому выводу приходило все большее число буржуазных политиков. За изменение методов в политике высказался даже специально назначенный Гувером исследовательский комитет по социальным проблемам [82]. Многие члены конгресса в своих выступлениях указывали на опасность ориентации в будущем на те методы государственного управления, которые практиковало правительство Гувера [83].

Таким образом, к 1932 г. отчетливо обнаружился полный провал открыто реакционного курса внутренней политики правительства Гувера. Под давлением трудящихся против этого курса были вынуждены выступить и влиятельные круги монополистов. Все эти факторы и обусловили поражение республиканской партии и ее кандидата на президентский пост Гувера на выборах 1932 года. Приход в Белый дом нового президента, Ф. Д. Рузвельта, совпал по времени с улучшением экономической конъюнктуры в стране. Фаза кризиса оказалась пройденной, наступил новый этап в экономическом и политическом развитии США.

---

[79] У. Фостер. Очерк политической истории Америки. М. 1953, стр. 576; A. B. Magil and H. Stevens. The Paril of Fashism. New York. 1938, p. 207; «America in Crizis». Ed. by D. Aaron. New York. 1952, p. 306; «Industrial Worker», 13 апреля 1933 г., стр. 3; «Advance», April 1934, p. 3; «Common Sense», December 1933, pp. 14, 15.

[80] «Congressional Record». Senate, June 25, 1932, p. 13941; «Current History», сентябрь 1932 г., стр. 633; «New York Times», 5 февраля 1933 г., стр. 4E.

[81] «Daily Telegraph», 2 ноября 1931 г.; «New York Times», 1 ноября 1931 года.

[82] «Congressional Rekord». Senate, February 23, 1933, p. 4784.

[83] «Congressional Rekord». House of Representatives. July 14, 1932, p. 15385; December 7, 1932, pp. 135—136; January 31, 1933, p. 2953; March 3, 1933, p. 5532; Senate. February 23, 1933, pp. 4785, 4786.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

История СССР

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЖУРНАЛА «LIFE»

В капиталистических странах Запада еще мало научных трудов, объективно освещающих историю пролетарской революции и социалистического строительства в СССР, роль Коммунистической партии Советского Союза. Зато широким потоком издаются книги, проникнутые духом «холодной войны», ненавистью к советскому народу, фальсифицирующие его историю. К числу последних относится и книга английского журналиста Мурхеда [1], написанная по инициативе редакторов американского журнала «Life».

В предисловии Мурхед сообщает, что ранее редакция «Life» финансировала работу доктора Стефана Т. Поссони, профессора международных отношений иезуитского Джорджтаунского университета, задачей которого являлось «изучение техники большевистского заговора» (стр. 11). С этой целью Поссони и его сотрудники просмотрели свыше 6 тыс. метров микрофильмов с документами архива немецкого министерства иностранных дел, перерыли два десятка библиотек, беседовали со многими людьми, которые «были связаны с большевистскими лидерами», и даже прочитали 800 книг. В результате этих «исчерпывающих исследований», пишет Мурхед, они установили, что якобы «немцы играли важную роль в деле установления власти Ленина и большевиков» (стр. 14).

Примечательно, однако, что, сделав такое «удивительное открытие», д-р Поссони намеревался ограничиться публикацией только статьи. О причинах такой сдержанности д-ра Поссони в предисловии Мурхеда говорится очень неясно. Некоторый свет на это обстоятельство проливает другая работа, вышедшая в Англии за несколько месяцев до опубликования книги Мурхеда [2]. Ее составитель собрал наиболее важные документы, которые зафиксированы в вышеупомянутых микрофильмах и которые имели хоть какое-нибудь отношение к пресловутому «открытию» Поссони (между тем Мурхед о ней даже не упоминает). Эта книга совершенно не подтверждает «открытия» Поссони.

Очевидно, редакторы журнала «Life» сочли необходимым значительно пополнить материал Поссони с тем, чтобы он выглядел убедительным хотя бы для людей, незнакомых с предметом. Во всяком случае, они, несомненно, были согласны с Поссони в том, что настало время оспорить «ортодоксальное коммунистическое отношение к Ленину и к революции» (стр. 12). С этой целью они и предложили г-ну Мурхеду дать «развернутое изложение» исследований Поссони.

Мурхед откровенно признает (стр. 14), что он принялся за дело, «не обладая какими-либо специальными знаниями о России и революции». Он был вынужден прибегнуть к источникам, «которые имеются в любой хорошей библиотеке». Перечисляя их в своей библиографии, он делает упор главным образом на сочинения Суханова, Троцкого, Милюкова и антисоветских писателей типа Пэрса (Англия), Чемберлина и Кеннана (США) и Палеолога (Франция). Единственное произведение В. И. Ленина, которое он упоминает (заметим, кстати, что многие труды В. И. Ленина легко достать в любой хорошей английской публичной библиотеке),— это переписка Владимира Ильича с семьей, переведенная на английский язык в 1937 году. Мурхед называет еще одну работу, принадлежащую перу коммуниста,— книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Поистине, оснащение чересчур легкое для того, чтобы разобраться в истории русской революции! Г-н Мурхед, по существу, и сам признает это в предисловии. Однако, заявляет он, его рукопись улучшилась в результате исправлений и советов американского троцкиста

---

[1] Alan Moorehead. The Russian Revolution. London. 1958.

[2] Z. A. B. Zeman. Germany and the Revolution in Russia 1915—1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. London. 1958.

Бертрама Д. Вульфа и «многих других, кто посвятил годы и даже всю свою жизнь изучению этого предмета» (никаких дополнительных указаний касательно личности «многих других» не дается).

Итак, вооружившись «исследованиями», писаниями и советами самых заядлых антисоветских «авторитетов», заручившись материальной помощью редакции журнала «Life» и духовной поддержкой римско-католических мудрецов из Джорджтаунского университета в Вашингтоне, г-н Мурхед смело пустился в плавание. Но увы, его хрупкая ладья сразу потерпела крушение.

Не зная русского языка и полностью положившись на информацию врагов русской пролетарской революции, г-н Мурхед, естественно, собрал в своем «исследовании» такую крупную коллекцию, мягко говоря, мальчишеских ляпсусов о русской истории, которой не было со времен пресловутого комитета Овермена, созданного сенатом Соединенных Штатов Америки в 1919 г. (выдержки из доклада этого комитета вышли в СССР в 1927 году) [3].

Все ошибки и нелепости, которыми пестрит книга Мурхеда, перечислить невозможно. Но о некоторых из них сказать следует. Пусть народы социалистических стран знают о том, как капиталисты стараются отравить сознание огромного количества людей, чтобы восстановить их против СССР (книга г-на Мурхеда в течение семи недель до ее издания печаталась в лондонской газете «Sunday Times». Впоследствии во многих газетах были опубликованы положительные рецензии).

★

В главе второй, делая экскурс в более далекое прошлое, автор воскрешает старую легенду, выдуманную английскими сторонниками царизма, что будто бы земства, созданные при Александре II, являлись «сельскими советами», «своего рода местным самоуправлением» (стр. 26). Так Мурхед подкрепляет свое заявление о том, что в России задолго до революции наблюдалось «серьезное продвижение к свободе» (там же). Между тем еще в 1913 г. справочник «Русский ежегодник», изданный в Лондоне с участием царского правительства для английских бизнесменов, указывал: губернские земства «состоят главным образом из дворян или представителей аристократии» [4]; уездные земства избираются в соответствии с имущественным цензом; губернатор, являвшийся непосредственным выразителем интересов самодержавия на местах, мог снимать с должности чиновников, которых назначали земства, и отменять постановления, которые они принимали [5]. Следовательно, г-н Мурхед при желании мог бы легко обнаружить, что земства (которым разрешалось заниматься некоторыми вопросами школьного дела и медицинского обслуживания) в действительности являли собою всего лишь одно из средств, с помощью которых класс помещиков держал в узде крестьянство, и они ни в коем случае не могли служить свидетельством «серьезного продвижения к свободе».

Говоря о Г. В. Плеханове, Мурхед вдруг становится в позу его защитника. «Большевики при Сталине искажали его облик и замалчивали его заслуги»,— пишет он (стр. 48). В действительности же в «Кратком курсе истории ВКП(б)» говорится о Г. В. Плеханове как о «выдающемся пропагандисте марксизма», труды которого «расчистили почву для победы марксизма в России». На этих трудах «учились и воспитывались марксисты в России». Мурхед утверждает, что Г. В. Плеханову «в энциклопедиях отводится всего лишь несколько строк» (стр. 49). Однако в 33-м томе Большой советской энциклопедии Г. В. Плеханову посвящено не несколько строк, а двенадцать с половиной столбцов убористого текста. Его труды неоднократно переиздавались в СССР, в том числе в последние годы.

Мурхед далее утверждает, что подпольная организация РСДРП «неуклонно расширялась» после Минского съезда в 1898 г. (стр. 50); что «Плеханов и его друзья» издавали «Искру» (стр. 51); что созыв II съезда «явился кульминационной точкой двадцатилетних усилий Плеханова» (стр. 52). Г-ну Мурхеду, очевидно, невдомек, что избранный в Минске Центральный комитет был вскоре арестован; что это обстоятельство, а также пропаганда, которую вели экономисты, не позволяли создать партийную организацию до того, как «Искра» начала бороться за создание такой организации, и что боевая направленность, харак-

[3] «Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. Официальный отчет «Оверменской комиссии» сената». М.-Л. 1927.

[4] «The Russian Year Book». London. 1913, p. 11.

[5] Там же, стр. 11—13.

тер «Искры» определялись В. И. Лениным вопреки Г. В. Плеханову, который хотел издавать чисто пропагандистскую газету. Все это Мурхед мог бы узнать из произведений Ленина, изданных на английском языке уже много лет назад.

Касаясь революции 1905 г., г-н Мурхед заявляет, что будто бы «большевики в Петрограде вначале пытались бойкотировать Совет» (стр. 74). По-видимому, автор где-то слышал, что в этом году большевики призывали к бойкоту какой-то организации, и спутал Совет, созданный заводскими рабочими, с «булыгинской думой», предложенной царем. Большевики в Совете рабочих депутатов играли выдающуюся роль, в чем Мурхед мог бы убедиться, прочитав хотя бы известную книгу Мейвора [6].

Поистине фантастическими являются замечания г-на Мурхеда в главе 5-й о столыпинской реформе. Он информирует читателя о том, что якобы к 1916 г. 6,2 млн. крестьян уже «поселились на своей собственной земле» и что, когда большевики провозгласили лозунг «Вся земля крестьянам!», последние «уже владели 75% земли» (стр. 83). Если хоть на минуту поверить автору, то приходится только удивляться, почему же в 1917 г. крестьяне во всех уголках страны не знали, что земля, которую они брали в свои руки, уже «принадлежала» им, почему Временное правительство посылало карательные экспедиции против крестьян, захватывавших помещичьи земли (Мурхед ничего не пишет об этом в своей книге) и почему Декрет о земле, принятый II съездом Советов, имел такое огромное политическое значение и был с таким энтузиазмом встречен крестьянством.

Г-ну Мурхеду, видимо, неизвестно, что лишь небольшая часть крестьянства в результате столыпинских мероприятий покинула деревенские общины. При этом кулачество, переселявшееся на хутора, шло по пути дальнейшего обогащения, а беднота, не имевшая земли или потерявшая ее, пополняла армию городского пролетариата и сельских батраков. Не знает Мурхед и того, что около 40% лучшей земли находилось в руках крупных помещиков, а в деревенских общинах даже к 1905 г. кулакам принадлежала треть земли. Мурхед мог ознакомиться со всеми этими фактами и подтверждающими их данными хотя бы по (отнюдь не марксистской) работе Оуэна «Русское крестьянское движение» [7], вышедшей на английском языке; тогда бы он не попал впросак.

Касаясь кризиса царского режима в декабре 1916 г., Мурхед пишет, что будто бы «повсюду наблюдалась странная апатия», ибо «большинство русских все еще почитало царя» (стр. 21—22). Если принять во внимание, что против забастовщиков в царской России применялись жестокие репрессии (нападения казаков, расстрелы, избиения и аресты),— воистину «странную апатию» отражают официальные статистические данные, свидетельствующие о том, что если в последние месяцы 1914 г. количество забастовок было 68, то в 1916 г. их насчитывалось 1 300. За тот же период число политических забастовок возросло с 7 до 245.

Уже давно в СССР опубликованы полицейские рапорты из архива Министерства внутренних дел, показывающие рост политической агитации как среди рабочих, так и среди крестьян.

Я не могу не сделать здесь критического замечания по поводу того, что ни на одном иностранном языке не были опубликованы обширные полицейские рапорты, которые были напечатаны, например, в книге Б. Граве «К истории классовой борьбы в России...» [8] и в первом томе «Очерков по истории Октябрьской революции» [9]. На иностранные языки переведены только отдельные выдержки из полицейских рапортов, напечатанные в «Истории гражданской войны в СССР». Это в течение уже многих лет дает возможность мошенникам и шарлатанам, выдающим себя за историков русской революции, распространять легенды, жертвой которых теперь пал г-н Мурхед.

Равным образом возникает вопрос: как согласовывается с заявлением Мурхеда об «апатии» народов России и о «почитании царя» ими восстание народов Средней Азии против царской военной службы, которое бушевало на огромной территории во второй половине 1916 года? Можно ответить: еще меньше, чем подобные же заявления

[6] J. Mavor. An Economic History of Russia. Vol. II. London. 1914, pp. 491—492.

[7] L. A. Owen. The Russian Peasant Movement. 1906—1907. London. 1937.

[8] Б. Граве. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 — февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия. М.-Л. 1926, стр. 210—218.

[9] «Очерки по истории Октябрьской революции». М.-Л. 1927.

апологетов империализма об «апатии» народа Ирландии согласовываются с фактом дублинского восстания, происшедшего за несколько месяцев до восстания в Средней Азии.

И в данном случае г-н Мурхед мог бы обнаружить в любой публичной библиотеке более надежные источники на английском языке, чем те, которыми он пользовался, например, работу Филипса Прайса «Война и революция в азиатской России» [10], не говоря уже о статьях этого же автора, которые печатались в газете «Manchester Guardian» в конце 1917 года.

Мурхед считает, что одна из главных причин русской революции заключалась якобы только в том, что Николай II «не был Петром Великим» (заметим, что не один Мурхед придерживается этого взгляда). Мурхед не жалеет похвальных эпитетов, описывая достоинства последнего царя, и критикует его только за «слабость». Ясно, что г-н Мурхед не ознакомился с обширными материалами, рисующими подлинное лицо Николая II. Такие материалы приводились в советских исторических журналах (см., например, «Красный архив» за 1922—1928 гг.), а также в других публикациях документов, в мемуарах. Советчикам Мурхеда, разумеется, не по душе достоверные сведения. Мурхед мог бы обратиться к тем работам на английском языке, которые очень полно суммируют имеющиеся свидетельства. Он мог бы ознакомиться с предисловием, написанным автором этих строк к переводу книги П. М. Быкова «Последние дни Романовых» (Лондон. 1934); эту книгу также можно найти в любой публичной библиотеке.

★

Мурхед рисует русский народ в самых черных красках. Он клеветнически заявляет, что в 60-х годах XIX в. это была «раса безымянных рабов», отличавшихся своей «леностью» (стр. 24). Когда в 1906 г. царь распустил первую думу, то протесты ни к чему не повели, ибо «массами овладела знаменитая русская летаргия» (стр. 81). Он утверждает, что когда в месяцы, предшествовавшие июлю 1914 г., состоялись массовые забастовки, то эти забастовки не имели-де никакого касательства к революционным партиям, а объяснялись «эмоциями и чувствами русских народных масс» (стр. 106).

Далее Мурхед пишет, что в январе 1917 г. русские будто бы чувствовали, что грядущая революция означает «голод, хаос, конец России» и что это будет «огромным искуплением» их собственной вины. Русский рабочий, несмотря на свое «послушание», приближался к «одному из своих периодических припадков полубезумия, в течение которых он мог думать только о том, чтобы громить, жечь и уничтожать» (стр. 148—149). Даже в первые дни марта 1917 г., вещает Мурхед, можно было видеть только «юношей, носящихся с бешеной скоростью на грузовиках и орущих во всю мочь» (стр. 154), в то время как «многие из участников демонстраций не знали, куда им нужно идти или что им нужно делать» (стр. 155). Согласно фантастическому сообщению Мурхеда, только когда организация, более могущественная, чем охранка, не говоря уже о большевиках, называвшаяся «межрайонкой» (!), объявила 9 марта трехдневную всеобщую забастовку,— только тогда к ней примкнули большевики, которые «вначале выступали против восстания» (стр. 159).

Здесь что ни слово, то, мягко выражаясь, неправда. Называть русских людей XIX в. «ленивыми рабами» может только человек, совершенно не знакомый ни с русской действительностью, ни с достоверными историческими источниками. Статистические данные о крестьянских волнениях до и после реформы 1861 г. и многочисленных последующих волнениях, даже работы царистски настроенных английских путешественников, таких, как Гарольд Уильямс («Россия русских») [11] или Стивен Грэм («Меняющаяся Россия») [12], начисто опровергают подобную клевету Мурхеда.

Характерно, что классовой борьбе пролетариата в книге уделено две строчки, в то время как описанию сватания Николая II и Александры отведено четыре с половиной страницы. При описании периода с 1905 по конец 1916 г. борьбе рабочего класса уделено менее двух страниц из 61, зато на десяти с половиной страницах рассказано о похождениях Распутина и убийстве его.

Массовые стачки рабочих 90-х годов, принудившие власти прибегнуть к фабричному

[10] M. Philips Price. War and Revolution in Asiatic Russia. London. 1918.

[11] H. W. Williams. Russia of the Russians. London. 1914.

[12] St. Graham. Changing Russia. London—New York. 1915.

законодательству и завоевавшие громадный авторитет «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса»; стачечное движение 1902—1904 гг.; руководство социал-демократов, главным образом большевиков, забастовками 1912—1914 гг.— все это оказалось не замеченным Мурхедом. Даже департамент полиции (1912—1913 гг.) признавал, что «из всех революционных организаций, существующих в России и за границей, единственная, которая не отстала от современного подъема в рабочем движении, которая успела достаточно сплотиться и зафиксировать свои лозунги и связи и теоретически и практически не отстать от всеобщего оживления,— это большевистская фракция Российской социал-демократической рабочей партии» [13].

В упомянутой выше литературе, оставшейся вне поля зрения Мурхеда, можно найти такие неоспоримые доказательства роста влияния большевиков среди русского рабочего класса, как увеличение поданных за них голосов и полученных ими мест в рабочей курии Государственной думы за период с 1906 по 1912 г., результаты голосования в Петербургском Союзе металлистов в 1913 г., результаты выборов в страховые кассы в 1914 г., знаменитые подписные листы «Правды», так разнящиеся от подписных листов меньшевистской газетенки «Луч».

Поистине чудовищным и непостижимым является утверждение Мурхеда о том, что революция означала «искупление вины» русских людей и знаменовала собою «конец России». На английском языке издано немало материалов, показывающих, как русские рабочие и крестьяне верили в революцию, понимая, что она принесет им свободу, а России — возрождение. Кстати, заявление Мурхеда о «послушании» рабочих, прозвучи оно полвека назад, вызвало бы изумление их эксплуататоров. В этом отношении весьма красноречивы рапорты полиции (составленные начиная с октября 1916 г.), признающие революционную активность рабочего класса. Да и работа такого, несомненно, антибольшевистски настроенного очевидца, как Майкл Фарбмэн («Россия и борьба за мир») [14], также могла бы открыть глаза Мурхеду на истинное положение дел в стране.

А какую поистине абсурдную картину свержения царизма (8—12 марта) рисует Мурхед! Пожалуй, наиболее гротескно выглядит сочиненная им история об «орущих юношах в грузовиках». О социалистической революции в России напечатаны воспоминания многих современников — их можно прочесть в английской прессе; опубликованы доклады агентов секретной полиции, и нигде не упоминаются эти «орущие юноши». Напротив, все свидетельствует о том, что начиная с 8 марта проходили все более и более мощные демонстрации трудящихся, которые шли из рабочих районов через Неву к Невскому проспекту. Они то и дело заполняли всю проезжую часть дороги и переулки. Иногда их разгоняли кавалерия и полицейские. Однако вряд ли кто видел грузовики — и по вполне понятным историческим причинам: в России они тогда насчитывались единицами.

Вся курьезность положения, в которое попал Мурхед, заключается в том, что он, очевидно, спутал Петроград 1917 г. с Будапештом 1956 г. и вообразил, что народная революция выглядит так же, как попытка совершить фашистский путч.

Что же касается «межрайонки», то ее руководитель Юренев, выступая на VI съезде РСДРП(б), ясно дал понять, насколько малы были как размеры этой организации, так и масштабы ее деятельности. Подлинными руководителями революционных масс выступали большевистские организации.

Так, Бюро большевистского Центрального Комитета уже 10 марта выпустило манифест с призывом к рабочим организовывать забастовки и демонстрации, идти на революционное свержение царизма и установление демократической республики. Широкую деятельность проводил Петербургский комитет большевистской партии за весь период войны вплоть до 1917 года. Комитет за эти годы организовал 19 нелегальных типографий и печатных установок, издал 87 листовок и газет. Петербургский комитет в декабре 1916 г. руководил 15-ю районными организациями; он одерживал победы при выборах в военно-промышленные комитеты и фабричные страховые кассы. Все эти факты приведены в книге М. Г. Флеера «Петербургский комитет большевиков в годы войны. 1914—1917» [15].

---

[13] «Очерки по истории Октябрьской революции». Т. 1, стр. 194.

[14] M. S. Farbman. Russia and the Struggle for Peace, London. 1918.

[15] М. Г. Флеер. Петербургский комитет большевиков в годы войны. 1914—1917. Л. Б. г., стр. 45—48, 69—70, 105—106, 146—148.

★

Читатель, конечно, не удивится, если узнает, что в описании г-на Мурхеда образ В. И. Ленина предстает совершенно неузнаваемым. Так, рассматривая события 1905 г., Мурхед прибегает к инсинуации, заявляя, что В. И. Ленин якобы использовал деньги врагов. Он рассказывает некую запутанную историю о японском полковнике и финском буржуазном националисте, которые созвали в Париже «совещание 30 революционных руководителей». На этом совещании, сообщает Мурхед, был будто бы выработан план подрывной работы в России; на проведение этого плана «японец нашел деньги». Затем Мурхед добавляет: «Роль Ленина в этом деле неясна». А дальше пишет: «Известно, однако, что в это время он (то есть Ленин.— *А. Р.*) достал деньги, ибо в декабре 1904 года он смог финансировать свою новую газету «Вперед»» (стр. 64—65). Таким образом, делается намек: возможно, мол, что, в конце концов, японец-то дал все-таки деньги Ленину. Факты опровергают это идиотское измышление. М. Н. Лядов в своих воспоминаниях описывает просто и понятно, как стала издаваться газета «Вперед»: «Денег у нас действительно не было совсем. Но вот Бончу удалось раздобыть кредит в одной французской издательской фирме на бумагу и печатание. Мне удалось убедить одну русскую студентку, получившую на поездку домой из России сто рублей, одолжить их нам вместо того, чтобы ехать домой. Вот с этими ресурсами мы поехали к Ильичу. Стали снова наседать на него, что с этими средствами начинать дело можно, что мы уверены, что часть газеты мы распродадим за границей, это даст нам средства для дальнейших номеров. Как только попадет наша газета в Россию, придут деньги и оттуда». На этом и согласились, хотя «всех наших ресурсов еле-еле хватало на оплату наборщикам за первый номер газеты» [16].

Наборщик газеты «Вперед» И. М. Владимиров вспоминал в 1923 г., как большевистские эмигранты в Швейцарии работали чистильщиками окон и носильщиками, но отдавали «свои последние сантимы для создания своей газеты» [17]. Нечего и говорить, что газета «Вперед» была совсем непохожа на журнал «Life». Она печаталась убористым шрифтом на четырех страничках папиросной бумаги, в ней не было ни доходных объявлений, ни крупных заголовков. В. И. Ленин в своих письмах в ноябре и декабре 1904 г. и в течение первых недель 1905 г. снова и снова подчеркивал отчаянную нужду в деньгах. Русский читатель может убедиться в этом, просмотрев 8-й, 34-й, 36-й тома Собрания сочинений В. И. Ленина (4-е издание). Естественно, что «источники» г-на Мурхеда ничего общего не имеют с документами и фактами. Г-н Мурхед и его советчики отдавали явное предпочтение сомнительного свойства историям о японских полковниках.

Если читатель обратится к опубликованным работам В. И. Ленина, он увидит, что эти работы камня на камне не оставляют от заявлений г-на Мурхеда, будто в 1905 г. большевики не знали, что революция назревает, ибо были якобы заняты «бесплодной интеллектуальной склокой» с меньшевиками, будто после поражения революции В. И. Ленин в период с 1906 по 1914 г. утратил все надежды и «неоднократно» говорил: «Я не ожидаю увидеть революцию» (стр. 79).

Полностью воспроизводя сплетни о «захвате партийных фондов», экспроприациях и тому подобные выдумки меньшевиков, распространявшиеся ими в 1911 г., Мурхед утверждает, что якобы «Ленин так никогда и не ответил на эти обвинения» (стр. 101). Но если бы он ознакомился с «Воспоминаниями о Ленине» Н. К. Крупской (которые уже давно переведены на английский язык), то узнал бы, что в том же году был опубликован чрезвычайно подробный ответ на эти «обвинения» с предисловием, написанным В. И. Лениным. Мурхед, конечно, не упоминает и о том, как отнеслись к клеветническим заявлениям меньшевиков германские социал-демократические держатели партийных фондов. Каутский назвал подобные домыслы «отвратительными», а Клара Цеткин—«грязными измышлениями».

Еще один пример того, как бесцеремонно обращается Мурхед с фактами. Он очень хочет показать читателю, что и в 1917 г. В. И. Ленин не был убежден в том, что революция произойдет. Ради этого Мурхед грубо искажает фактическое положение вещей. Хотя, по правде говоря, его уже много лет назад опередил троцкист Дойтчер, распространявший подобную же легенду в английской прессе. Мурхед дважды

[16] М. Н. Лядов. Из истории партии накануне и в годы первой революции. М. 1926, стр. 60, 63.

[17] «К годовщине смерти В. И. Ленина». Сборник статей, воспоминаний и документов. Л.-М. 1925.

рассказывает в книге о лекции В. И. Ленина, прочитанной им в Цюрихе 22 января 1917 года. Он приводит следующие слова Владимира Ильича из лекции: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции» (стр. 21, 192).

Мурхед мог бы прочесть полный текст лекции, так как она дважды издавалась в Лондоне — первый раз в виде брошюры в 1931 г. и второй — в 1936 г. в третьем томе двенадцатитомного Собрания избранных сочинений Ленина. Из текста лекции легко уяснить, что, говоря о «стариках», В. И. Ленин совсем не имел при этом в виду русскую революцию. В данном случае он говорил о «грядущей европейской революции», о «народных восстаниях под руководством пролетариата» в европейских странах.

Если принять хотя бы частично на веру разглагольствования Мурхеда, то невольно возникает вопрос: как же могло случиться, что после того, как трудящиеся массы в 1917 г. свергли царя, они, эти массы, по прошествии 6 месяцев, перестали поддерживать Временное правительство и оппортунистические партии и перешли на сторону большевиков? Г-н Мурхед находит только одно объяснение — немецкие деньги.

Следует отметить, что во всяком случае сам Мурхед испытывает чувство трепетного благоговения перед таинственной силой денег. Деньги могут, мол, делать все, даже революция зависит от денег: «Революции стоят денег», «где же Ленин и его друзья нашли деньги?» (стр. 13). «Финансируемые из революционных фондов и поощряемые Лениным (московские.— *А. Р.*) рабочие вели ожесточенную борьбу» в декабре 1905 г. (стр. 76). «Сами рабочие и солдаты (в 1917 г.) ни за что не смогли бы добиться успеха революции. Они нуждались в деньгах, руководителях и политической организации» (стр. 157). Г-н Мурхед, очевидно, считает, что вооруженные рабочие, восставшие в декабре 1905 г., и десятки тысяч красногвардейцев, балтийских моряков и революционных солдат Петрограда в ноябре 1917 г. получали оплату за свою «работу».

Все это настолько абсурдно, что удивляешься, как такое могло быть написано и напечатано!

Справедливости ради следует отметить, что «революции», хорошо известные тем, кто сделал возможным издание книги Мурхеда,— начиная с панамской «революции» (ноябрь 1903 г.), которая отдала зону канала в распоряжение Соединенных Штатов и кончая, например, «революцией» в Гватемале (июнь 1954 г.), которая восстановила в этой стране власть «United Fruit Corporation»,— это такие «революции», которые конечно, требуют денег (и особенно иностранных денег) для вербовки и вооружения наемников, подкупа доверенных офицеров и политиков, организации сети шпионов и саботажников. Ошибка г-на Мурхеда заключается в том, что он спутал два типа революций — революций в кавычках и без оных.

Мурхед пишет, что в 1915 г. В. И. Ленин встретился с немецким агентом, и «почти наверняка здесь были замешаны деньги» (стр. 139); Ленин «взял у него деньги» (стр. 143); «как мы видели, имеется веское доказательство того, что Ленин это сделал» (стр. 229). Таким образом, то, что первоначально выглядит всего лишь намеком или предположением, становится через несколько страниц клеветническим утверждением, причем читателю предварительно затуманивают голову каким-либо рассказом, не относящимся к данной теме. Подобный прием Мурхедом используется не только в этом случае.

Посмотрите, как действует Мурхед. Вначале он вытаскивает на свет божий Парвуса, небезызвестного бывшего меньшевика, который во время войны стал агентом кайзера. Мурхед заявляет (стр. 142—143), что якобы Парвус встретился с В. И. Лениным, который «выслушал планы Парвуса» и не выступал против него публично до 30 ноября 1915 года. Но даже и после этого В. И. Ленин относился к Парвусу будто бы «с удивительной снисходительностью». Несомненно, пишет Мурхед, он хотел «поддерживать контакт» с Парвусом.

В действительности же ни в письмах Ленина, ни в документах немецкого министерства иностранных дел нет ни малейшего указания на то, что Парвус вообще встречался с Владимиром Ильичем во время войны. Более того, впервые с критикой Парвуса выступил большевистский «Социал-демократ» в номере от 12 февраля 1915 г., то есть через несколько недель после того, как начал издаваться листок Парвуса «Die Glocke». Тогда же (11 февраля) В. И. Ленин писал А. Шляпникову, что как франкофилы, так и германофилы есть «буржуа или их лакеи, а не социалисты» [18].

---

[18] В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 142.

Что же касается «удивительной снисходительности» Ленина, то здесь стоит вспомнить беспощадно сокрушительную характеристику Парвуса и его «клоаки немецкого шовинизма» в статье, написанной В. И. Лениным в ноябре 1915 года [19]. Остается только спросить г-на Мурхеда: если это «удивительная снисходительность», то что же вы тогда называете нетерпимостью?

Затем на страницах рецензируемой книги появляется «Союз освобождения Украины», созданный бывшим украинским социал-демократом Меленевским-Басоком. Г-н Мурхед заявляет, что будто бы до весны 1915 г. большевики в Швейцарии получили от этой организации «около двух тысяч фунтов стерлингов» и что на эти деньги В. И. Ленин стал издавать «свою новую газету «Социал-демократ» (стр. 139).

Не могущему похвастаться богатой эрудицией Мурхеду, вероятно, неизвестно, что начиная с 1913 г. Владимир Ильич выступал против украинского буржуазного национализма и его социал-демократических рекрутов, что в июле 1913 г. он уже знал, что Басок «повернул к национализму и сепаратизму», а в январе 1915 г. категорически отказался от предложений Басока [20] Неизвестно, быть может, Мурхеду и то, что в 1915 г. «Коммунист» выступил как против Басока и его коллег, так и против Парвуса.

Далее мы сталкиваемся с эстонским буржуазным националистом Кескюла, который, подобно Меленевскому-Басоку, тоже называл себя социалистом. Мурхед утверждает, что якобы Кескюла встретился с В. И. Лениным в конце марта 1915 г. (стр. 136). К сожалению, заметки Кескюла об этой встрече, по словам Мурхеда, «написаны неразборчиво» (стр. 139). Как Мурхед и иже с ним смогли узнать из этих неразборчивых записей, что В. И. Ленин вел с Кескюла беседу на политические темы, остается тайной, покрытой мраком. Тем более, что о какой-либо подобной встрече нет никаких упоминаний ни в письмах и работах Владимира Ильича, ни в сборнике документов архива немецкого министерства иностранных дел.

Мурхед между тем клеветнически заявляет, что «почти наверняка здесь были замешаны деньги», так как у Ленина «снова появились средства». Достаточно прочитать письма В. И. Ленина, описывающие ужасающую бедность эмигрантов-большевиков в Швейцарии (письма от 23 августа, 19 сентября и конца сентября 1915 г., письмо к А. М. Коллонтай от 9 ноября и письма, датированные 11, 27, 29 января и 13 февраля 1916 г.) [21], и вспомнить о том, как В. И. Ленин с женой искали какую-либо эмигрантскую столовую, где они могли бы платить за обед не более 65 сантимов, чтобы прийти к безошибочному заключению: для Мурхеда давно прошли те времена, когда он имел столько «средств», сколько было у Ленина в Швейцарии!

Мурхед делает еще одно «великое открытие»: Ленин якобы передал Кескюла условия мира, которые «сразу же были пересланы канцлеру в Берлин» (стр. 140). Этот пример как нельзя более ясно говорит о том, в каком незавидном положении оказался г-н Мурхед, незнакомый с элементарными фактами русского революционного движения.

Первые три пункта «условий мира» — это, оказывается, «три кита» большевистской программы, принятой еще на II съезде РСДРП: установление демократической республики, конфискация крупных поместий, восьмичасовой рабочий день. Они были напечатаны сотни раз и, в частности, в «Социал-демократе» [22]. Непонятно, почему понадобился Кескюла для их открытия?

Вторая группа пунктов — национальная автономия и мир без аннексий и контрибуций — была принята центристским большинством на Циммервальдской конференции за три недели до того, как немецкий посланник в Берне направил в Берлин свое сообщение об «условиях мира».

Между тем мы знаем, что на конференции делегатам была роздана брошюра В. И. Ленина «Социализм и война», в которой он писал, что утверждение, будто эти цели могут быть достигнуты без революционного движения и гражданской войны против буржуазии, равносильно «обману народа» и «обывательской утопии». Тогда же Владимир Ильич написал письмо в Международную социалистическую комиссию, избранную в Циммервальде, в котором осуждал выработку «конкретных» программ мира без учета революционной классовой борьбы.

---

[19] В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 385.

[20] В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 136; т. 36, стр. 224.

[21] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 157—158, 164—165, 166; т. 36, стр. 314—315, 317, 331—332, 334.

[22] «Социал-демократ», № 40, 29 марта 1915 года.

Совершенно очевидно, что «документы» Кескюла были всего лишь бесстыдной мешаниной, которую этот агент кайзера составил из обрывков напечатанных материалов, чтобы произвести впечатление на своих хозяев. Он включил сюда для разнообразия и собственные измышления, вроде такого, например: «Русские войска должны будут вступить в Индию». Это старый прием, к которому прибегают все шпики и провокаторы. Несомненно, Кескюла хорошо заработал. Документы немецкого архива свидетельствуют, что впоследствии он стал ежемесячно получать 20 тыс. марок для «русской пропаганды». Все эти деньги, конечно, прилипали к рукам Кескюла и его пособников, как это было и с Парвусом.

Мурхед не удержался от того, чтобы не возродить знаменитые фальшивки Ермоленко, распространявшиеся в России после июльских событий и официально опубликованные в октябре 1919 г. в Соединенных Штатах Америки под названием «Документы Сиссона». Но при этом он обошел молчанием известные заявления В. И. Ленина в июле по поводу этих фальшивок и то, что Владимир Ильич категорически требовал при малейшем сомнении отказываться от денег, поступавших из-за границы, как это было с деньгами швейцарского социалиста К. Моора[23]. Впрочем, вполне возможно, что Мурхед даже и не подозревает о существовании этих работ и документов.

На стр. 229 Мурхед приводит заявление министра иностранных дел Германии, который утверждает в своем докладе кайзеру, что он якобы обеспечил большевикам «постоянный приток средств». Но в архиве нет ни одного документа, подтверждающего подобную выдачу денег. Есть доказательства того, что Парвус и Кескюла получали огромные суммы на «пропаганду», но нет ни строки о том, что они давали какие-нибудь деньги большевикам. Зато имеются обильные доказательства современников из рядов большевиков, свидетельствующие о том, что в 1917 г. партия испытывала острые финансовые затруднения, что она не получала никакой помощи извне и что как «Правда», так и сама партийная организация поддерживались рабочим классом: деньги поступали от сборов среди членов партии, членских взносов, продажи литературы и проведения общественных мероприятий. Эти финансовые источники хорошо известны социалистам и коммунистам, работающим в условиях «свободного предпринимательства», ибо они зачастую приносят им больше средств, чем собирают оппортунисты (это видно, например, при сравнении отчетов о поступлении средств от продажи литературы соответственно коммунистической и лейбористской партиями Англии).

Протоколы VI съезда партии (август 1917 г.) и заседаний Петербургского комитета РСДРП(б) в том же году[24], а также опубликованная в 1957 г. переписка Центрального Комитета большевистской партии с местными партийными организациями[25] свидетельствуют о том, что не было никакого «притока» средств из немецких или иных сомнительных источников и что в течение всего 1917 г. партия вынуждена была соблюдать строгий режим экономии и для удовлетворения своих минимальных потребностей вновь и вновь обращалась за помощью к членам партии и к рабочим. Помогало партии, конечно, и то, что количество ее членов беспрерывно росло: 45 тыс. в марте, 80 тыс. в апреле и к сентябрю уже 240 тысяч.

Таким образом, хвастливые утверждения немецкого министра иностранных дел так же не обоснованы, как и заявления Парвуса и Кескюла: они выкачивали деньги из министра, а тот старался поддержать свой престиж в глазах кайзера.

★

Теперь можно подвести итоги.

Мы рассмотрели лишь некоторые пороки книги Мурхеда, но общая картина ясна. Как источник фактических сведений для любого читателя, в частности в Англии и США, книга абсолютно ненадежна; как исследование причин русской революции она не заслуживает внимания, и ее претензии на объективность по меньшей мере смешны. Конечно, вина в этом в первую очередь ложится не на Мурхеда. В сравнении с «добропорядочностью» источников, которыми он пользовался, и лицами, которые советовали ему их использовать, лич-

[23] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 259; «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918». Госполитиздат. 1958, стр. 70.

[24] «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г.». Сборник материалов и протоколов заседаний. М.-Л. 1927.

[25] «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями». Ч. I—II. Госполитиздат. 1957.

ные предубеждения Мурхеда, по существу, играют ничтожную роль. Как опытный буржуазный журналист, легко владеющий пером, он выполнил свою работу, но чем добросовестнее он редактировал предоставленные ему «источники», тем безобразнее получался окончательный материал. Верный «Лайфу», как саркастически заметил рецензент буржуазного лондонского журнала «Экономист» (8 ноября 1958 г.), его рассказ совершенно не верен истории[26].

Значение книги, однако, выходит далеко за пределы способностей или намерений ее автора. «Исследования», проводившиеся в Джорджтаунском университете Поссони и иже с ним,— это далеко не первая попытка «оспорить ортодоксальное отношение коммунистов к Ленину и к революции». В 1918—1919 гг. в США этим занимались комитет общественной информации и комитет Овермена, а в Англии — комитет освобождения России и официальная организация во главе с лордом Эммотом. Через 15—20 лет в Соединенных Штатах на эту работу наняли троцкистов, а в Европе высокопоставленные персоны во многих странах оказывали поддержку «Союзу борьбы против III Интернационала», выпускавшему разного рода фальшивки. В том же направлении вело усиленную деятельность гитлеровское министерство пропаганды до начала второй мировой войны и во время войны. В эпоху «холодной войны» многие американские и некоторые английские «научные» организации получили значительные средства для проведения подобных же «работ». Таким образом, рецензируемая книга — всего лишь звено в этой длинной цепи. Ведь после ее опубликования появились признаки того, что «открытия», содержащиеся в ней, определенные круги хотят положить в основу широкой пропагандистской кампании.

В одном смысле сочинение Мурхеда было призвано сыграть особую роль. Не случайно редакция журнала «Life» предложила финансировать работу Поссони именно в 1956 году. В этом году на XX съезде КПСС был подвергнут критике культ личности. Среди неустойчивых элементов в ряде коммунистических партий имели место случаи предательства, новых попыток ревизии коренных положений марксизма. Капиталисты решили, что «красные попались». Одна попытка покончить с ними была предпринята в Венгрии. Почему бы теперь не перекинуться в область истории?!

Особенно характерно то, что богатые и влиятельные покровители рассматриваемого издания не смогли пойти в своих измышлениях дальше выдумок белогвардейских эмигрантов, обанкротившихся меньшевиков и эсеров и разъяренных иностранных дипломатов эпохи гражданской войны.

Книга Мурхеда не представляет ничего нового для тех из нас, кому еще в 1918—1919 гг. приходилось ежедневно пробираться сквозь потоки грязи и клеветы, изрыгаемые на революцию реакционными газетами и журналами. Никакой, даже самый секретный документ из архива немецкого министерства иностранных дел ни на йоту не подтвердил клеветнические обвинения, выдвигавшиеся против большевиков в июле 1917 года. А между тем «исчерпывающие исследования», финансируемые журналом «Life», должны были найти как раз подтверждение этой клевете и тем самым внести «огромный вклад» в науку. Поэтому-то редакция «Life» и постаралась разыскать умелого журналиста, который бы смог приукрасить ничтожнейшие результаты «исследований» старыми баснями о русской революции.

Все же следует иметь в виду, что поколение, выросшее за последние 20 лет, ничего не знает или знает очень мало о первых годах Советской власти. Это поколение реакционные буржуазные идеологи пытаются отравить ядом антисоветской пропаганды. Было бы ошибкой недооценивать возможностей обмана молодого поколения на Западе посредством таких произведений, как книга Алана Мурхеда.

Борьба за правдивое освещение истории социалистической революции в России — борьба непрекращающаяся, и почивать на лаврах в этом отношении так же опасно, как и в других областях идеологической борьбы.

А. Ротштейн

---

[26] Получается каламбур: английское слово «лайф» (life) означает — «жизнь».

«*К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)*». Сборник статей. Академия наук СССР. Институт истории. Изд-во АН СССР. М. 1958, стр. 540. Тираж 3 000. Цена 20 руб.

В связи с разработкой вопроса о генезисе капитализма в России внимание советских историков на протяжении последних трех десятилетий было приковано к проблеме первоначального накопления. Однако дискуссия по этому вопросу, проведенная Институтом истории АН СССР в 1955 г., выявила значительное расхождение во взглядах отдельных исследователей и недостаточность конкретных сведений. Было признано, что необходимо дальнейшее изучение вопроса об отделении непосредственных производителей материальных благ от средств производства.

Попытка Института истории восполнить этот пробел выпуском специального сборника по истории первоначального накопления заслуживает всяческого одобрения и вызывает законный интерес.

Сборник содержит краткое введение, историографический обзор и восемнадцать конкретных исследований. Авторы большинства статей на материалах различных местностей изучили процесс перерастания имущественного неравенства в социальное расслоение в пределах XVII и XVIII веков. С особым вниманием авторский коллектив отнесся к рассмотрению вопроса об отрыве непосредственных производителей материальных благ, преимущественно в деревне, от средств производства. В ряде статей исследуются различные стороны накопления капитала. Сборник вводит в научный оборот свежий фактический материал, что является одним из его несомненных достоинств.

Подчеркивая плодотворность конкретно-исторического изучения, нельзя не пожалеть об излишнем самоограничении редакции и авторского коллектива, которые поставили перед собою задачу дать лишь материалы для последующих обобщающих работ и отказались от попытки не только разрешить, но даже поставить проблему первоначального накопления в России в целом (стр. 8). Редакционная коллегия не подвела итогов своей работы и не опубликовала обобщающей статьи. Вместе с тем сборник характеризует единая направленность и согласованность общих позиций авторов. Каждая статья содержит выводы. Все это обязывало редколлегию сборника суммировать выводы авторов в заключительном обобщении. Отсутствие такого обобщения снижает ценность рецензируемого труда.

Статьи сборника можно разделить на два вида: одни рассматривают проблему первоначального накопления применительно к отдельным местностям, другие — некоторые общие вопросы данной проблемы. Авторы первого вида статей показывают, что в XVII и особенно в XVIII в. население интенсивно вовлекалось в товарно-денежные отношения. В связи с этим происходило превращение мелких ремесленных мастерских в укрупненные промышленные предприятия, с одной стороны, постепенная перестройка сельского хозяйства на производство товарного хлеба — с другой. Этим явлениям сопутствует расслоение населения: выделяется верхушка («богатеев») и беднота,— жизненный уровень середняцких слоев понижается. Этот факт приводит к частичному, а иногда к полному отрыву непосредственного производителя материальных благ от средств производства и вынуждает его прибегать к продаже своей рабочей силы. В сборнике приводятся также материалы, свидетельствующие о накоплении средств производства в руках деревенских и посадских богатеев, начинавших прибегать к найму рабочей силы. Процессу распространения найма не только в торговле, промышленности и на транспорте, но и в сельском хозяйстве в сборнике уделено много внимания. Авторы справедливо усматривают в данном явлении начало процесса формирования рынка труда, видят в этом один из основных элементов первоначального накопления. В сборнике рассмотрены также и пути формирования кадров рабочей силы в указанный период (отход крепостных на заработки, бегство, половничество).

Вместе с тем в книге подчеркивается своеобразие первоначального накопления в России, сложность и медлительность этого процесса, вызывавшихся сковывающим влиянием господствовавших в стране крепостнических отношений.

И хотя отмеченные авторами сборника наблюдения нельзя назвать новыми (в той или иной форме они уже высказывались в советской литературе), весь этот раздел характеризуют свежесть фактического материала, его обилие и широта географиче-

кого охвата. В рецензируемой книге сде-
лана попытка, правда, далеко не полная,
порайонного изучения данного вопроса.

Так, районы Севера исследуются в ста-
тьях Ю. А. Тихонова «Работа по найму и
отход на заработки посадских людей Устю-
га Великого и крестьян Устюжского уезда
в 50—70-х годах XVII в.», З. А. Огризко
«Изменения в экономическом положении
монастырских половников русского Севера
в XVII в.». Северо-запад и Запад рассмот-
рены в статьях Е. И. Индовой «Наемный
труд у крестьян царскосельских дворцовых
деревень в первой половине XVIII в.» (Ко-
порский уезд), И. В. Валкиной «Расслое-
ние крестьянства и работа по найму в вот-
чинах Свенского монастыря (20—60-е годы
XVIII в.) (Брянский уезд), Ю. Р. Клокмана
«Торгово-промышленная деятельность насе-
ления Осташковской слободы в середине
XVIII в.» (Новгородская губерния). Цент-
ральным районам и Поволжью посвящены
статьи К. Н. Щепетова «Торгово-промыш-
ленная деятельность и расслоение крестьян-
ства в вотчинах Черкасских в XVII в.»
(Суздальский и Нижегородский уезды),
Н. А. Баклановой «Судовые работники
в торгово-промышленном предприятии Кал-
мыковых» (Нижний Новгород), Э. С. Коган
«Расслоение крестьянства в архангельской
вотчине Куракиных в конце XVIII в.»
(Пензенское наместничество), И. А. Булы-
гина «Расслоение крепостного крестьянства
в владениях Полянских в последней трети
XVIII в.» (Пензенское наместничество),
К. К. Демиховского «Источники и пути
комплектования рабочей силы на заводах
Приокского горного округа в XVIII в.»
(стык Владимирской, Нижегородской, Там-
бовской и Рязанской губерний). А. А. Пре-
браженский в статье «О наемном труде
в крестьянском хозяйстве на Урале в конце
XVII — начале XVIII в.» и Д. Д. Балуева
в статье «Имущественное расслоение и раз-
витие отходничества в коми деревне в сере-
дине XVIII в.» рассматривают восточные
районы страны. И, наконец, статьи
И. В. Чекан «Формирование рабочей силы
для Астраханских и Красноярских казен-
ных садов в середине XVIII в.» и
Е. И. Дракохруст «Промысловые села вла-
дения Кочубеев в Новгород-Северском на-
местничестве во второй половине XVIII в.»
посвящены районам Юга.

Разнообразен анализируемый в сборнике
материал о типе поселений: здесь и черно-
сошные деревни, и дворцовые села, и вот-
чины светских землевладельцев, и вотчины
монастырей, старые и новые посады и т. д.
Подобный подбор материалов позволил
проследить изучаемый процесс в течение
двух столетий на огромной территории,
выявить его местные особенности. В то же
время в этом таится и некоторая опасность.
Каждый район рассматривается за сравни-
тельно короткий промежуток времени, по-
этому наблюдения по нему, естественно,
статичны. И там, где авторы в своих вы-
водах пытаются выявить динамику явле-
ния, их утверждения слабо подкрепляются
конкретными данными. Желательно было
хотя бы по двум-трем районам провести
изучение за весь рассматриваемый в сбор-
нике период, что позволило бы авторам
основательнее аргументировать вопрос
о процессе первоначального накопления.

Читатель сборника улавливает отличие в
развитии социально-экономических явлений
XVIII в., и особенно второй его половины,
от предшествующего периода. Явления сла-
боразвитые, часто неустойчивые, приобре-
тают с течением времени большую четкость
и выразительность (см., например, аргу-
ментированные статьи Э. С. Коган и И. А.
Булыгина о расслоении крестьянства во вто-
рой половине XVIII в. в вотчине Кураки-
ных и во владениях Полянских). С. Я. Бо-
ровой в своей статье наблюдает процесс
первоначального накопления лишь со вто-
рой половины XVIII столетия. В этой свя-
зи встает вопрос о периодизации изучае-
мого явления, по которому авторский кол-
лектив не определил свою точку зрения.

В сборнике вскрыта неравномерность
развития различных районов. В этом отно-
шении очень характерно сопоставление
материалов (в статье Е. И Индовой) о рас-
слоении крестьянства в царскосельских
деревнях, расположенных вблизи Петербур-
га и испытывавших влияние столицы, с
данными Д. Д. Балуевой, характеризую-
щими такую глухую провинцию, какой
была в XVIII в. коми деревня.

К сожалению, характер статей этой ча-
сти сборника не позволяет с уверенностью
сказать, с какого времени указанные явле-
ния можно считать устойчивыми и в каких
районах они сложились прежде всего. Про-
блема устойчивости новых явлений в сбор-
нике лишь намечена; в этом плане инте-
ресны наблюдения Ю. А. Тихонова над
положением посадских людей и крестьян
в Устюге Великом и его уезде в 50—70-х
годах XVII века. Он отмечает определен-
ную тенденцию мелкого товарного произ-
водства к укрупнению производства и к

росту применения наемного труда, но в то же время считает, что подобная тенденция в городской промышленности Устюга Великого еще не была резко выражена. «В основном предприятия действовали непродолжительное время, а значит и эксплуатация чужого труда не была систематической» (стр. 75). К этой мысли Ю. А. Тихонов возвращается несколько раз. «Для многих же ярыжных (бурлаки-грузчики) работа на судах была временным занятием, после чего они вновь возвращались к ремеслу или мелкой торговле» (стр. 79) и т. д.

О спорадичности новых явлений в общей форме говорит К. Н. Щепетов, приводя в конце своей статьи, где рассматривается процесс расслоения крестьянства в XVII в., высказывания К. Маркса о том, что класс неимущих поденщиков в период его возникновения появляется лишь спорадически (стр. 72). По существу, о том же говорит в своей содержательной статье А. А. Преображенский. Отметив наличие наемного труда в хозяйстве крестьян Кунгурского уезда в конце XVII — начале XVIII в., он пишет: «Наемный труд в крестьянском хозяйстве Кунгурского у. на рубеже XVII—XVIII вв. не был редким явлением. К наемному труду прибегают, как правило, зажиточные крестьяне, чьи хозяйства тесным образом связаны с товарным производством, с рынком. Часть малоимущих крестьян Кунгурского у. обращается к наемной работе у более состоятельной группы сельского населения» (стр. 52). К сожалению, автор не совсем ясно изложил причины продажи рабочей силы. Была ли эта продажа закономерным следствием расслаивания кунгурской деревни и потери частью ее населения имевшихся у нее средств производства? Быть может, действовали другие причины? Нужно помнить, что Кунгурский уезд был в XVII в. колонизуемой частью страны. Возможно, что к продаже рабочей силы обращались переселенцы, не успевшие еще обзавестись собственным хозяйством. То, что среди этих наемных людей были «гулящие» люди, делает такое предположение весьма правдоподобным.

Если учесть все возникающие сомнения, то случаи найма в кунгурской деревне едва ли можно безоговорочно отнести к явлениям, показывающим переход к новым общественным отношениям. Поэтому автор справедливо формулирует конечный вывод очень осторожно, заявляя, что наблюдаемые им факты только подготовляют почв для отрыва части непосредственных пр изводителей от земли и самостоятельно хозяйства (стр. 52). Таковы наблюден авторов рецензируемого сборника XVII веку. Не свидетельствуют ли о о том, что применительно к XVII в. мож говорить лишь о каких-то начальных я лениях, а не о происходившем процес отрыва непосредственных производител от средств производства, обеспечивающ создание рынка рабочей силы? Интерес сопоставить данные по XVII в. с данны более позднего времени. Так, Д. Д. Балу ва считает, что в середине XVIII в. я ственно прослеживается имущественн неравенство и лишь намечаются элемент социального расслоения у коми крестья (стр. 222). Она анализирует такие явлени как отходничество у коми крестьян, и з мечает, что «массовый характер отход (кстати сказать, автор обозначает число от ходников в 1742 и 1750 гг., но не приво дит количество населения Коми края в эт годы. Поэтому, в какой мере отход затро нул край, сказать трудно.— *В. Ш.*) — я ление примечательное для изучаемого вре мени. Но надо учитывать, что большинств крестьян-отходников могло еще огран читься временной работой по найму. А эт говорит за то, что непосредственный прои водитель не оторвался окончательно о средств производства. Крестьянин относи тельно редко превращался в постоянного наемного работника» (стр. 236).

И. В. Чекан в своей статье утверждает что подобное положение было характерны и для Астрахани середины XVIII века Здесь, отмечает автор, попытки Садово конторы обеспечить свое хозяйство вольно наемными рабочими наталкивались на недостаток наемных рабочих рук, на труд ность или просто невозможность их найти Аналогичная картина была и в Приокском горном округе в XVIII в. (стр. 473). От сутствие или, во всяком случае, крайний недостаток свободных рабочих рук свидетельствует о слабости процесса отделения непосредственных производителей от средств производства.

Таким образом, и для XVIII в. в сборнике приведены материалы о неустойчивости и слабости изучаемых в нем явлений, по крайней мере для ряда районов страны. Анализ конкретного материала статей еще более усиливает это впечатление, подсказанное выводами самих авторов. Так, статья К. Н. Щепетова, по существу, дает

материал лишь о вовлечении крестьянства в торгово-ремесленную деятельность и об имущественной дифференциации крестьянства. Из фактического материала статьи трудно извлечь данные, свидетельствующие о социальном расслоении деревни.

Наряду со статьями локального характера в сборнике имеется общая статья Е. И. Заозерской «Бегство и отход крестьян в первой половине XVIII в. (К вопросу о начальных формах экспроприации сельского и городского населения в России)». На большом материале автор поднимает вопрос о причинах бегства и отхода крестьян, пытается выяснить размеры этих явлений и их значение в экспроприации трудового населения. Причины подобных явлений, по мнению автора, заключаются в захвате крестьянских земель и в тяжести поборов, взимаемых с крестьян. На наш взгляд, автору следовало бы подробнее остановиться на вопросе перераспределения земель внутри вотчинных владений, приводившего к относительному крестьянскому малоземелью и выталкивавшего часть рабочей силы из крепостной деревни. Такой процесс был непосредственно связан с развитием дворянской торговли хлебом, и он заслуживает более пристального внимания. В статье много места отведено выяснению причин роста поборов с крестьян. При этом автор ссылается на мнение Посошкова, игнорируя общеизвестные высказывания по данному вопросу писателей XVI в., которые не менее категоричны и выразительны. Е. И. Заозерская дает также цифровой материал (кстати, Н. А. Рожков сообщает очень убедительные цифровые данные для XVI в.), из которого, если взять на веру приводимые автором показатели, вытекает, что с XVI по XVIII в. повинности крестьян увеличились в десятки раз. Нам думается, что внешние показатели роста еще не раскрывают полностью внутреннюю картину этого явления. Дело в том, что в этот период росли и хлебные цены абсолютно и относительно. И если абсолютный рост хлебных цен был учтен В. О. Ключевским, на расчетах которого базируется Е. И. Заозерская, то относительный рост им не был принят во внимание. Между тем рост цен на промышленные товары был меньше роста хлебных цен. Иногда на промышленные товары снижалась абсолютная цена. Примеры этого имеются и в настоящем сборнике (см. статью В. Н. Яковцевского). Абсолютное и относительное увеличение хлебных цен в какой-то мере компенсировало рост крестьянских повинностей, приводимых Е. И. Заозерской также в денежном выражении. Не отрицая чрезвычайной тяжести крестьянских повинностей (они были тяжкими и ранее) и некоторого усиления этой тяжести в XVIII в., мы не видим в изменении обложения в это время чего-то катастрофического. Поэтому не в нем или, во всяком случае, не только в нем нужно искать причины образования армии наемной рабочей силы в XVIII веке. Если бы дело было лишь в этом, то такая армия образовалась бы давно (напомню размеры бегства крестьян в XVI в.). Этот факт, существовавший и ранее, начал действовать в данном направлении в силу изменившегося социально-экономического положения страны. Только в этом смысле, по нашему мнению, можно использовать применительно к условиям России не раз цитируемое в сборнике положение К. Маркса о том, что для экспроприации крестьянства достаточно сверх меры отобрать у крестьян продукты их сельскохозяйственного труда, и крестьянин сам уйдет с земли. Поэтому действие налогового гнета необходимо рассматривать не абстрактно, а в неразрывной связи с рядом других явлений. В рецензируемой книге настойчиво ставится вопрос о причинах начала процесса первоначального накопления в России именно в этот период и дается некоторый материал для его решения. Однако проблема в целом еще ждет специального исследования.

Е. И. Заозерская приводит ценные сведения о побегах крестьян в первой половине XVIII века. Наибольший интерес для понимания новизны явления представляют данные об устройстве беглых в качестве наемных работников (иногда на длительное время) в промышленных предприятиях. Это действительно новое и важное явление, хотя и не очень распространенное. Автор прав, когда пишет, что, «несмотря на широкие размеры бегства в первой половине XVIII в., этот путь (переход в наемные рабочие.— *В. Ш.*) проходила только часть сходцев» (стр. 188). Причину этого Е. И. Заозерская видит в борьбе господствующего класса феодалов с бегством. На наш взгляд, необходимо учесть и другой момент. Бегство крестьян в XVIII в. проходило в условиях широкой колонизации огромных просторов Сибири и юга страны. Это позволяло беглецу устроиться на новом месте и заняться привычным сельскохозяйственным трудом, заведя в конце концов свое собственное хозяйство. Таким образом, беглец

менял место жительства, не изменяя своего социального положения.

В статье специально разобран уже не раз привлекавший внимание советских историков вопрос об отходничестве, которое вызывалось потребностью во временных работниках по найму, с одной стороны, и малоземельем и незначительной доходностью сельского хозяйства в крепостной деревне — с другой. Автор правильно указывает, что, несмотря на развитие отходничества, лишь наименьшая часть отходников окончательно порывала с деревней.

Итак, почти все статьи сборников, посвященные рассмотрению процесса первоначального накопления в России в XVII и XVIII вв., свидетельствуют о зачаточности этого явления для XVII в. и затрудненности его развития в последующем столетии. В связи с этим нельзя не пожалеть, что в сборнике отсутствуют статьи по первой половине XIX в., ввиду чего процесс первоначального накопления в России оказался не прослеженным в целом, а отличительные черты его в XVII и XVIII вв. не подчеркнутыми в достаточной мере. В данном отношении интересна, хотя и не лишена существенных недостатков, попытка П. И. Лященко, в отношении работы которого М. Д. Курмачева в своем историографическом обзоре сделала ряд существенных замечаний, и доклад Б. Б. Кафенгауза, прочитанный в Институте истории (доклад охватывает проблему первоначального накопления в целом с XVII по XIX в.).

Три статьи сборника рассматривают пути формирования капитала. Авторы этих статей (В. Н. Яковцевский — «Роль неэквивалентного обмена в процессе первоначального накопления в России», В. А. Александров — «Русско-китайская торговля и нерчинский торг в конце XVII в.» и С. Я. Боровой — «Ростовщичество, казенные ссуды и государственный долг в процессе первоначального накопления в России») убедительно показывают идентичность путей образования капитала в России и странах Европы. Отличие заключается в степени действенности этих явлений. Например, фактический материал статей говорит о том, что нормы прибыли неэквивалентной торговли в России не были фантастически высокими По данным 1778 г., русские купцы вывозили в Среднюю Азию товаров на 97 028 руб., на которые выменивали азиатских товаров на сумму 112 660 руб., получая прибыль в размере 16% (см. статью В. Н. Яковцевского). В. А. Александров, анализируя операции Избранта и Никитина в Китае, определяет величину их прибыли в 48,1% и 48,6% (стр. 461). Но так как торговый оборот Избранта занял три года, а Никитина — четыре, то их среднегодовая прибыль равнялась у первого 16%, у второго — 12%. Правда, В. Н. Яковцевский приводит более высокие нормы прибыли при торговле с Западом (стр. 416, 417). К сожалению, в его статье отсутствуют данные о масштабах внешней торговли, и поэтому нельзя судить о размерах капиталов, полученных от торговли. Очевидно, приток капитала в страну от неэквивалентной внешней торговли не был очень большим. Во всяком случае, он не может идти в сравнение с тем притоком капитала от внешнего грабежа и торговли, который имела Западная Европа. В этом кроется также одна из причин сравнительно невысоких темпов накопления капитала. В основном он создавался путем накоплений от внутренней неэквивалентной торговли, чему, по наблюдению В. Н. Яковцевского, способствовала временная и порайонная пестрота цен внутри страны на продукты русского производства, разница в ценах на иностранные и русские товары, монополии. По правильному утверждению автора, внутренний неэквивалентный обмен не только содействовал накоплению капитала, но и разорял массу крестьян и ремесленников, доводя их до состояния полупролетариев.

В статье С. Я. Борового показано, что ростовщичество в XVII—XVIII вв. являлось важным источником накопления богатств, но лишь в редких случаях этот источник использовался для улучшения хозяйства, найма рабочей силы. Известную роль в качестве рычага первоначального накопления сыграли казенные ссуды, выдававшиеся в XVIII в. промышленникам; с конца же столетия такую роль начал играть государственный долг.

Итак, в сборнике затронуты различные стороны процесса первоначального накопления в России и в первую очередь раскрыт его ранний этап, вскрыты характерные особенности этого явления.

Сборник ставит перед читателем ряд коренных вопросов рассматриваемой проблемы и намечает дальнейшие пути исследования. Очевидно, предстоит продолжить и углубить порайонное изучение названного процесса. При этом следует обратить особое внимание на изучение тех районов, где впоследствии завяжутся основные узлы капиталистических отношений, в первую очередь центра

страны, а также некоторых окраин, в частности Севера. За последние годы советские историки неоднократно указывали на раннее возникновение процесса первоначального накопления на Севере (см., например, работу . В. Устюгова «Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в.», а также некоторые статьи рецензируемого сборника). Необходимо обратить внимание на то, что в более позднее время развитие капиталистических отношений минует этот район. Это, видимо, будет связано или с изменением процесса экономического развития страны, или с некоторой переоценкой явлений, наблюдаемых советскими исследователями в жизни Севера в XVII веке. К сожалению, в сборнике не представлены статьи об экономике развития Сибири. Исключение составляет статья В. А. Александрова, в которой лишь косвенно и по частному вопросу затрагивается проблема первоначального накопления.

Необходимо продолжить изучение рассматриваемого явления хронологически, включив в исследование и XIX век. Это позволит представить процесс в целом. Сопоставление последствий реформы 1861 г. в процессе обезземеливания крестьянства с более ранними явлениями этого порядка даст возможность оценить размах обезземеливания в XVII и XVIII веках. Материалы сборника и другие опубликованные по этому вопросу работы пока позволяют говорить скорее о предпосылках процесса, нежели о самом процессе. Для XVII и первой половины XVIII в. речь может идти об отдельных, спорадических явлениях, которые приобретают устойчивость во второй половине XVIII века. Но приобретение данными явлениями устойчивости еще не свидетельствует об определяющем положении этих явлений в социально-экономической жизни страны. Материалы сборника, пожалуй, говорят об обратном. Создание достаточной армии «свободных» наемных рабочих и устойчивых частных капиталов, вкладываемых в развитие промышленного и сельскохозяйственного производства, характерно уже для XIX века.

Сборник намечает также линию изучения причин своеобразия русского процесса первоначального накопления. Эти причины следует искать в слабости притока капитала извне, вследствие отсутствия грабительской внешней торговли. На наш взгляд, составители сборника недостаточно учли это. В то же время непрерывное освоение окраин страны, сопровождавшееся уходом значительного числа населения из центральных районов с тем, чтобы заняться земледелием на новых местах, также не могло оказать влияния на процесс первоначального накопления. Подобные явления серьезно тормозили развитие изучаемого процесса и ставили Россию в иное положение, отличное от ряда стран Западной Европы. Эта тема в сборнике полностью обойдена.

Хотелось бы пожелать Институту истории, организовавшему серьезную дискуссию по проблеме и выпустившему рецензируемую книгу, продолжить работу по изданию тематических сборников по важнейшим вопросам феодализма в плане серьезного конкретно-исторического исследования, так как только оно сможет обеспечить подлинно марксистское решение задач, стоящих перед советскими историками.

В. И. Шунков

«*У истоков русского книгопечатания.* К трехсотсемидесятипятилетию со дня смерти Ивана Федорова. 1583—1958». Академия наук СССР. Отделение исторических наук. Изд-во АН СССР. М. 1959. 268 стр. Тираж 5 000. Цена 15 руб. 10 коп.

15 декабря 1958 г. исполнилось 375 лет дня смерти во Львове русского книгопечатника Ивана Федорова. Эта знаменательная в истории русской культуры дата отмечена выходом в свет сборника под общей редакцией академика М. Н. Тихомирова, члена-корреспондента АН СССР А. А. Сидорова и профессора А. И. Назарова. В сборнике два раздела: в первый входят статьи, во второй — материалы к ним.

Сборник открывается предисловием, характеризующим основную цель издания — возможно полнее осветить начальный период русского книгопечатания и тем самым помочь еще более широкому и глубокому изучению этой важной проблемы.

Статья «Начало книгопечатания в Рос-

сии» написана М. Н. Тихомировым. Она содержит краткий, но весьма тщательный анализ немногих существующих источников, на основании которых автор приходит, по нашему мнению, к убедительным выводам. Используя Апостол 1564 г. (откуда приведено одно факсимиле), два сказания из Тотемского летописца[1] (дополняющие послесловие Апостола) и так называемые московские безвыходные издания, филиграни и заметки на которых подтверждают послесловие Апостола, М. Н. Тихомиров доказывает, что появление русского книгопечатания относится к 1553 г., а в 1563 г. была построена царская типография. Первое сказание Тотемского летописца подчеркивает связь между началом книгопечатания в Москве и его позднейшим развитием. Чрезвычайно интересным является свидетельство этого сказания о том, что Иван Федоров и его помощник заимствовали типографские знания у фряг (итальянцев).

Автор отмечает, что появление русского книгопечатания является прямым следствием политического и культурного развития России. Послесловие Апостола указывает и на непосредственные причины: во-первых, потребность в книгах для новых церквей, построенных в Москве и других городах, в особенности в завоеванной тогда Казани; во-вторых, необходимость унификации текстов церковных книг, которая не могла быть достигнута при переписке рукописей, неизбежно связанной с искажениями и пропусками. Одной из побудительных причин, заставившей, по мнению автора, официальную церковь заняться исправлением богослужебных книг, было то, что в это время распространялись еретические учения Матвея Башкина и Артемия — бывшего игумена Троицкого мона-

«Рос
ственны
накоплен
вают иде
тала в Р
заключает
явлений.
статей говор
неэквивалентной
фантастически в
русские купцы в
товаров на 97 028
нивали азиатских
112 660 руб., получ
16% (см. статью
В. А. Александров,

указанной церкви. Эта гипотеза позволя
автору представить в новом свете мисс
типографа Ганса Миссенгейма, присланн
го королем Дании в мае 1552 г. к Ивану I
с посланием, содержавшим предложен
ввести книгопечатание в России. Фактич
ски Миссенгейм прибыл с целью обрати
царя в протестантскую веру. В тесной св
зи с этим находится и решение собо
1553 г., осудившее проникнутую протестан
скими взглядами ересь Башкина.

Развивая ту же мысль, М. Н. Тихомир
обращает внимание на то, что в 1553
в устье Северной Двины находилась а
глийская экспедиция Ченслера. Автор отм
чает, что ознакомление с английскими и го
ландскими печатными изданиями XVI
могло бы пролить новый свет на первон
чальное русское книгопечатание. Дело
том, что английские и голландские купц
(а не немецкие, как считают некоторы
историки искусства, ссылающиеся на н
мецкие мотивы в русских первопечатны
изданиях) усиленно торговали на русско
Севере, причем именно в английских б
блиотеках были найдены русские кни
XVI столетия.

М. Н. Тихомиров устанавливает, что
период с 1553 по 1563 г. были напечатан
следующие большие книги: Триодь постна
три евангелия (узко-, средне- и широк
шрифтное) и два безвыходных псалтыр
в 1564—1565 гг.— Апостол и Часослов
также большого размера. Если принять
внимание указания епископа Дамаскин
сделанные в «Библиотеке Российской»,
число книг, напечатанных с 1553 по 1565
дойдет до одиннадцати.

Обсуждая различные мнения о прои
хождении русского книгопечатания, авт
приходит к заключению, что наиболее в
роятной является точка зрения, высказа
ная еще в 1872 г. В. Е. Румянцевым, св
зывающим начальное русское книгопечат
ние с южнославянскими изданиями Серби
Черногории и Венеции. «Характер заст
вок и орнамента безвыходных изданий,
также первопечатных Апостола и Часослов
ца, позволяет говорить о близкой связ
венецианских, сербских и молдавских (в
лашских.— *Д. Б.*) изданий с русским
В частности, Сборник 1538 г., изданный Б
жидаром Вуковичем, имеет заставки, оче
близкие к орнаменту московских безвыход
ных изданий» (стр. 31). В связи с эти
М. Н. Тихомиров замечает, что, наприме
инициал в евангелии, напечатанном
1512 г. в Тэрговиште, «крайне близок п

форме к инициалу в безвыходном узкошрифтном евангелии» (стр. 32). Автор также отмечает, что русские безвыходные и федоровские издания, подобно южнославянским, валашским и венецианским, не имеют заглавных листов, есть только выходные в конце книги.

Говоря о первом типографском оборудовании, М. Н. Тихомиров доказывает, что оно было сделано по итальянским образцам, вследствие чего итальянские термины утвердились в русской печатной практике XVI—XVII веков. Автор пишет далее о причинах основания Иваном IV типографии в Москве в 1563 г., имея в виду образование новой, Полоцкой архиепископии, необходимость поддержания престижа Русского государства в годы Ливонской войны, а также противопоставление московских печатных книг изданиям кальвинистов на белорусском и украинском языках.

М. Н. Тихомиров показал неосновательность легенды о том, что типография в Москве сгорела, а Иван Федоров и Петр Мстиславец, якобы преследуемые духовенством и переписчиками рукописей, были вынуждены перебраться в Литву. Переезд обоих печатников в Литву произошел в 1565—1566 гг. и, вопреки мнению А. С. Зерновой, был добровольным, с ведома царя. Отъезд указанных мастеров не представлял угрозы дальнейшему развитию книгопечатания в России, так как к этому времени оно было уже прочно налажено. Однако условия книгопечатания все же осложнились. После возведения Филиппа Колычева в сан московского митрополита (25 июня 1566 г.) между ним и царем началась ранее скрытая, а позже открытая борьба. Согласно существовавшему обычаю, на церковных изданиях стояло имя не только царя, но и митрополита, при котором они были напечатаны. После смерти Макария (1563 г.) его преемники так часто сменялись, что всегда могло возникнуть положение, подобное тому, когда печатники Псалтыри 1568 г. были вынуждены сделать прямой подлог и заменить имя устраненного митрополита именем нововозведенного. Вследствие этого, по мнению автора, появилось в XVI в. несколько безвыходных русских изданий.

В конце своей статьи М. Н. Тихомиров указывает на то, что сведения Флетчера о начале русского книгопечатания не имеют никакой ценности, так как он посетил Россию лишь в 1588 году.

Этюд А. А. Сидорова «Художественно-технические особенности славянского первопечатания» представляет ценное исследование общности и различий, существующих между первыми русскими печатными и другими славянскими изданиями XV—XVI веков. Автор отмечает фундаментальную особенность русских печатных изданий в сравнении с другими славянскими изданиями: первые печатались по государственному плану, вторые — в результате персонального почина.

В статье подчеркиваются и некоторые различия, существовавшие между федоровскими и московскими безвыходными изданиями. Последние имели церковно-литературное назначение, а потому велики по своему размеру и напечатаны крупным шрифтом. Апостол же Ивана Федорова, так же как и его Учительное евангелие, Острожский новый завет и Острожская библия, издавались для персонального чтения, доказательством чего служат мелкий шрифт и небольшой формат. Что касается Острожской библии, то, помимо того, что ее шрифт очень убористый, три четверти ее текста никогда в церкви не читаются. Это существенное различие, которому, по мнению А. А. Сидорова, до сих пор не уделялось должного внимания, является особенно важным. Именно для персонального пользования была предназначена, например, библия, напечатанная в Бухаресте в 1688 г., имитирующая форму, характер букв и орнаментировку Острожской библии[2].

Автор отмечает большое различие в использовании красок двух цветов в русских и иностранных печатных изданиях. В русских книгах красный цвет имеет совсем иное назначение, нежели в чешских, балканских, литовских и венецианских. В книгах Федорова использование красного цвета приближается к приемам, применявшимся черногорцем Макарием в его валашской и сербской печати. Сравнительное изучение техники печатания изданий Федорова позволяет А. А. Сидорову уточнить некоторые свои прежние выводы. Так, он устанавливает, что учителями Федорова были Швайпольт и вышеупомянутый Макарий.

Чтобы иметь возможность наблюдать развитие старославянского книгопечатания, связи его и отличие от западного книгопечатания и таким образом выяснить источ-

---

[2] D. P. Bogdan. Intre Romîni şi Ruşi — Legături şi influenţe din veacul al XVII-lea şi pînă la 1721. «Analele Romîno-Sovietice», 1947, № 5 (отдельный оттиск, стр. 8).

ники вдохновения Федорова, А. А. Сидоров выделяет три главных этапа эволюции шрифта в XV—XVI веках. При этом он исходит из принципа, что для установления качеств какого-нибудь издания, вышедшего в любое время и какого угодно типа, вопрос организации текста имеет первостепенное значение. Автор подчеркивает различие, существовавшее между славянскими и западными книгами: для первых характерно изобилие красной краски и частое использование всевозможных надстрочечных знаков. Славянская книга по своему виду скорее тяготеет к Востоку. Технология двухцветного типа Федорова похожа на технологию Швайпольта — первого славянского типографа.

А. А. Сидоров подчеркивает индивидуальность книг, напечатанных Макарием. Последний сознательно осуществил их эстетическое оформление. Если Венеция была хорошей школой для начала славянского книгопечатания, то позже, в первой половине XVI в., книги Божидара Вуковича в Венеции уже следуют приемам, установленным Макарием. Техника изданий Швайпольта ближе к технике изданий Ивана Федорова, чем Макария. Что же касается валашских изданий Макария 1508 и 1512 гг., то встречающиеся в них большие инициалы, гравированные на дереве, потом были восприняты Москвой (стр. 59). Однако она не переняла гравированные заставки Макария, занимающие почти половину страницы. Все это свидетельствует об индивидуальности мастера-типографа и ясно показывает общие национальные тенденции книгоделания, как своеобразного искусства (стр. 66).

В последней части своего этюда А. А. Сидоров уделяет внимание русским безвыходным изданиям, устанавливает их общность и индивидуальность книгоделателя, скрывающуюся за особенностями набора, пропорций, технологии, убранства. Автор отмечает, что в одном из вариантов Служебника Макария 1508 г. надполосная красная строка не отделена от первой красной строки текста, частью спустившись в полосу. Вследствие этого вся тетрадь данного экземпляра оказалась набранной и напечатанной не так, как основной тираж издания. Так и в широкошрифтном евангелии из-за пропуска одного слова пришлось перебрать и вклеить 155-й лист. Автор видит связь с книгами Макария и в Триоди постной, в которой указания, когда надо читать тот или другой текст, порой печатались красной краской, как у Макария. В заключение А. А. Сидоров пишет, что он стремился уточнить стадии славянского книгопечатания, предшествовавшего изданиям Федорова.

Статья Г. И. Коляды «Из истории книгопечатных связей России, Украины и Румынии в XVI—XVII вв.» посвящена исследованию влияния орнаментировки и миниатюры старых русских и украинских книг на румынские издания. Это воздействие было следствием того, что русские и украинские издания циркулировали в румынских землях, сюда было привезено также типографское оборудование из Киева и Москвы, и здесь работали украинские мастера-типографы. Г. И. Коляда сравнивает герб Г. А. Ходкевича из белорусского Учительного евангелия (Заблудово. 1569) с гербом Луки Хыржиля (немца Лукаса Хиршера.— *Д. Б.)* из румынского Учительного евангелия (Брашов. 1581), исследует гравюру Давида из Псалтыри (Говора. 1637), изучает орнаментировку Учительного евангелия (Яссы. 1643) с инициалами из балабановских и виленских изданий Петра Мстиславца.

Автор отмечает влияние типографского искусства Ивана Федорова на те же евангелия и на заставки, из которых некоторые являются весьма искусными копиями федоровского Апостола 1564 г. (то же относится к Кормчей, напечатанной в Тэрговиште в 1652 г., и к Триоди, изданной там же в 1649 г.). Г. И. Коляда изучил заставки из Заблудовской Псалтыри 1569 г., воспроизведенные в Псалтыри, напечатанной в Долгом Поле (Кэмпулунг) в 1650 г., в которой прототипом почти ста инициалов являются инициалы Острожской библии. То же можно сказать о результатах исследования автором бухарестских изданий: Маргаритула 1691 г. и Псалтыри 1694 г., в которых почти все инициалы острожского типа, как и в Пентикостарионе 1701 г. и в Псалтыри 1703 г., напечатанных в Бузеу.

Следует сделать некоторые замечания по статье Г. И. Коляды. Так, он не использовал ряд румынских произведений, в первую очередь работу И. Богдана, в которой исследуется связь русских, украинских и белорусских изданий с румынскими книгами XVI—XVII веков[3]. О воздействии украинской книги XVII в. на румынскую говорит

[3] Ioan Bogdan. O scrisoare din 1679 a Mitropolitului Dosoftei. «Analele Academiei

работа П. П. Панаитеску[4]. Влияние книг Иоанникия Галятовского изучено С. Н. Чебаном[5]. В «Bibliografia Romînească veche» (т. IV) включены неизвестные Г. И. Коляде сведения о количестве румынских изданий периода 1508—1588 гг. и XVII века. Наряду с книгами на церковно-славянском, румынском и греческом языках в молдавском городе Сучаве в том же столетии была напечатана одна книга на армянском языке.

Данные, относящиеся к связям между старыми русскими, украинскими и румынскими изданиями, имеются в трудах румынского академика П. Константинеску-Яшь[6]. Эти данные используются М. Н. Тихомировым в его работе «Начало книгопечатания в России», в статьях Г. Штремпеля[7], а также в вышеуказанной нашей статье, показывающей влияние Острожской библии на валашскую библию 1688 года[8].

Г. И. Коляда не отметил работу А. И. Яцимирского на русском языке — «Первый печатный славянский служебник»[9], в которой говорится, что экземпляр Служебника (напечатанного Макарием в румынских землях в 1508 г.) находится в коллекции П. И. Щукина, переданной в 1905 и 1912 гг. в Государственный исторический музей[10]. Следовательно, утверждение автора, что из валашских книг Макария в книгохранилищах Советского Союза находится лишь Четвероевангелие 1512 г., не совсем точно. Кроме того, Г. И. Коляда упустил из виду одну неизвестную славяно-румынскую книгу (Евангелие, напечатанное в Брашове в 1565 г., находящееся в Харьковском художественном музее), которую описывает М. Корнеева-Петфулан в «Заметке к истории старопечатных книг»[11]. Это сообщение пополняет список румынских книг периода 1508—1588 гг., приводимый Г. И. Колядой.

Г. И. Коляде, безусловно, следовало бы подчеркнуть заслуги недавно умершего украинского ученого И. С. Свенцицкого по установлению тесной связи гравюр русских, украинских, белорусских и румынских книг. В своей работе «Початки книгопечатання на землях України. 1573—1791» (Львів. 1924) И. С. Свенцицкий дал, в частности, ряд уточнений, отсутствующих у Г. И. Коляды: офорт издания Ключа Разумения Иоанникия Галятовского повторен довольно грубо в румынском издании той же книги 1678 г., иллюстрация «Блудный сын» из украинского Клиросского евангелия 1606 г. является лишь моделью для румынского Учительного евангелия 1642 г., а не воспроизведением, как отмечает Г. И. Коляда, и т. д. Следует указать, что в «Исторических актах» (т. V, 1850. СПБ, стр. 76) опубликован составленный 16 декабря 1679 г. список типографского оборудования, посланного из Москвы в Молдавию.

В работе Г. И. Коляды есть и мелкие упущения. Так, валашский герб имеется в Октоихе 1575 г. и в Псалтыри 1577 г. не только в концовках, как пишет автор, но и в заставках, воспроизведенных в «Bibliografia Romînească veche» (т. I, стр. 62 и 66); Альба Юлия — город в Трансильвании, а не в Валахии; Жития святых напечатаны в Яссах в 1682—1684 гг., а не в одном только 1682 году.

Г. И. Коляда в своей работе дал первое подробное исследование влияния орнамента старых русских и украинских печатных изданий на орнамент старых румынских книг, и сделанные замечания не снижают общей высокой оценки его интересной работы.

Статья ныне покойной Е. В. Зацепиной «К вопросу о происхождении старопечатного орнамента» представляет собой попытку проследить процесс происхождения русского старопечатного орнамента на материале 10 рукописей (из них одна южнославянская) XV — начала XVI в., среди которых находятся знаменитые Буслаевская Псалтырь и Геннадиевская библия. Автор приходит к заключению, что про-

---

Romîne, Memoriile sectiunii istorice». Seria II-a. T. XXXIV. 1911—1912.

[4] P. P. Panaitescu. L'influence de l'oeuvre de Pierre Mogila, archevêque de Kiev, dans les Principautés roumaines. «Mélanges de l'école roumaine en France». Première partie. Paris. 1926.

[5] Ştefan Ciobanu. Din legăturile culturale romîno-ucrainene. Ioanichie Galeatovshi şi literatura romînească veche. «Academia Romînă, Memoriile sectiunii literare». Seria III-a. T. VIII. 1938.

[6] P. Constantinescu-Jaşi. Relaţiile culturale Romîno-Ruse din trecut. Bucureşti. 1955.

[7] Gabriel Ştrempel. Sprijinul acordat de Rusia tiparului romînesc in secolul al XVII-lea. «Studii şi cercetări de bibliologie». T. I. 1955.

[8] Автор настоящей рецензии готовит к печати монографию «Восточно-славянская книга у румын в XVI—XVIII вв.».

[9] ИОРЯС, 1896, книга 4.

[10] М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева. Сокровища древней письменности и старой печати. «Труды» Государственного исторического музея. Памятники культуры. Вып. XXX. М. 1958, стр. 58.

[11] См. «Slavia», V, 1926—1927.

цесс возникновения и развития старопечатного орнамента был продолжительным и тесно связан с событиями, в зависимости от которых развивались культурные связи Москвы с другими странами. Для первых печатных русских изданий были использованы рукописи Троице-Сергиевой Лавры, и так как в те времена там проживал Максим Грек, то он выбрал модели из соответствующих рукописей. Старопечатный орнамент вначале зависел от мотивов итальянского Возрождения, проникших через Балканы, а затем был творчески переработан русскими мастерами на основании итальянских изданий эпохи Возрождения, а также южнославянских изданий. В предшествовавший развитию старопечатного орнамента период чувствуется также воздействие немецких книг, орнамент которых является переработкой стиля Возрождения.

Окончательную форму мотивов старопечатного орнамента установил Иван Федоров, который использовал для Апостола 1564 г. лучшие переработанные модели своих предшественников и дал травному стилю соответствующего орнамента ритм, свойственный русскому орнаменту. Работа Е. В. Зацепиной, великолепно иллюстрированная, доказывает связь орнамента русских рукописей с печатными книгами Ивана Федорова, в основе которых находятся не только южнославянские и итальянские модели, но и старые, коренные русские. Однако, как указывается в примечании редакции сборника, автор не занимался русскими национальными истоками книжной орнаментики, он также не изложил в своей статье вопрос о воздействии балканской орнаментики, так называемой плетенки, на итальянскую, точнее, венецианскую.

Второй раздел рецензируемого издания начинается «Описанием первопечатных русских книг», в котором Т. Н. Протасьева с исключительной скрупулезностью описывает московские безвыходные издания (отнесенные к 1553—1564 гг., часть которых известный библиограф И. П. Каратаев считал южнославянскими) и все книги Ивана Федорова, напечатанные в 1564—1581 годах. Следует отметить, что оба издания известной Острожской библии —1580 и 1581 гг.— циркулировали в румынских землях[12]. Этим объясняется и ее влияние на румынскую библию 1688 года. Далее в сборнике помещена публикация «Сказания о начале московского книгопечатания. Тексты и переводы», использованная М. Н. Тихомировым в указанной выше статье. Соответствующие тексты подготовлены Т. Н. Протасьевой, а переводы сделаны М. В. Щепкиной. Она же дает «Перевод предисловий и послесловий первопечатных книг»: Московского Апостола 1564 г., Московского Часовника 1565 г., Заблудовского Учительного евангелия 1569 г., Часословца Заблудовской Псалтыри 1570 г., Львовского Апостола 1574 г., Львовского буквара 1574 г., Острожской библии 1580 и 1581 гг., Острожского нового завета с Псалтырью 1580 года. Почти для всех переводов даны факсимиле текстов.

В книге имеются два приложения: «Водяные знаки, использованные для датировки рукописей в статье Е. В. Зацепиной» и «Выписка из книги В. Е. Румянцева «Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России» (вып. I. М. 1872)», использованной авторами некоторых опубликованных в сборнике статей.

Сборник в целом является важным вкладом в область советского книговедения, уже создавшего ценные работы о технике старой книги, то есть о системах книгопечатания и разновидности шрифтов, о заставках и гравюрах, а также о прекрасных книжных переплетах. Советскими учеными изучены связи Ивана Федорова как с его предшественниками, так и с продолжателями его дела. Материалы сборника показывают, что Иван Федоров был не только типографом и техником-полиграфистом, но и просветителем, художником, творцом своих изданий, выдающимся деятелем русской и славянской культуры второй половины XVI века.

Д. П. Богдан

---

[12] См. нашу рецензию на работу С. О. Петрова, И. Д. Бирюка и Т. П. Золотаря. Славянские книги кирилловской печати. Описание книг, хранящихся в Государственной публичной библиотеке УССР. «Analele Romîno-Sovietice», Istorie, 1959, № 1.

Всеобщая история

«Всемирная история». Т. V. Под ред. Я. Я. Зутиса, О. Л. Вайнштейна, Н. И. Павленко, В. Ф. Семенова. М. Соцэкгиз. 1958. 782 стр. 39 карт. Тираж 190 тыс. Цена 40 руб.

Выход в свет V тома «Всемирной истории», посвященного начальному периоду новой истории (середина XVII в.—XVIII в.), с большим удовлетворением встречен советской научной общественностью.

Авторы и редакторы тома обобщили то новое и ценное, чем за последние десятилетия обогатилась историческая наука. Привлечен значительный материал, почерпнутый либо непосредственно из источников, либо из новейшей советской и зарубежной литературы. Должное внимание уделено вопросам социально-экономического развития каждой страны. Авторы привели большой цифровой материал, иллюстрирующий развитие торговли, промышленности и сельского хозяйства, что облегчает читателю понимание процессов, ускоривших разложение феодального общества и утверждение новых, капиталистических отношений. Обстоятельно освещены роль народных масс в истории, своеобразие исторического процесса в каждой отдельной стране, антифеодальная борьба народных масс.

Буржуазные историки сознательно замалчивают или преуменьшают значение выступлений народных масс. Примером фальсификации истории служит «Кембриджская новая история», авторы которой хотя и упоминают о некоторых крупных народных движениях, но не признают сколько-нибудь существенного влияния их на последующий ход истории. Советские исследователи в своих работах убедительно показали решающую роль народных масс в расшатывании феодального строя в Европе и в победе буржуазных революций в Англии середины XVII в. и в Америке XVIII века. Рецензируемый труд также содержит обширный материал, который может быть использован для критики буржуазных фальсификаций истории XVII—XVIII веков. Но в нем, как и в предыдущих томах, к сожалению, отсутствует серьезный критический разбор основных антинаучных концепций, характерных для буржуазной историографии. Отдельные краткие упоминания о неправильной трактовке тех или иных явлений буржуазной историографией (см., например, стр. 116 и др.) носят общий характер. Авторский и редакторский коллективы прошли мимо целого ряда грубейших фальсификаций истории Германии, славянских стран, США, стран Востока и др. в современной западной реакционной историографии.

Несомненной заслугой авторского коллектива V тома является четкая постановка основных проблем, которые в той или иной степени нашли отражение на его страницах.

История первоначального накопления, особенно интенсивно протекавшего в XVII—XVIII вв., занимает в рецензируемом труде одно из главных мест. Этот процесс был «особенно сложен и противоречив... в феодально-крепостнических странах Центральной и Восточной Европы» (стр. 10). В связи с этим поставлен и вопрос о «втором издании крепостничества», рассмотренный в соответствии с распространенными в советской исторической науке взглядами.

Во введении затронут вопрос о развитии раннекапиталистических отношений в Азии до вторжения европейских колонизаторов, но в дальнейшем на страницах книги он не получил, к сожалению, должного решения.

К числу важнейших проблем, освещенных в томе, следует отнести классовую борьбу в феодальном обществе, буржуазные революции, формирование наций, развитие буржуазной идеологии.

Авторский коллектив тома раскрыл специфические черты аграрного развития различных стран в переходную к капитализму эпоху. Особый интерес представляют изменения в аграрных отношениях в Европе, где сильнее всего проявлялась тенденция к расшатыванию либо ликвидации феодальных отношений или их пережитков на селе и где перемены в аграрном строе больше всего были связаны с развитием мирового рынка и капитализма. Во введении данный вопрос рассматривается в тесной связи с проблемой первоначального накопления, что вполне правомерно, ибо основу процесса первоначального накопления, как подчеркивал К. Маркс, составляла экспроприация крестьянства. Почти в каждой главе дана подробная и конкретная характеристика аграрных отношений и положения

крестьянства в той или иной рассматриваемой стране.

В главах по истории Англии показаны экспроприация сельского населения и развитие капитализма в сельском хозяйстве, приведшие к середине XVIII в. к гибели крестьянства как класса. Материал остальных глав свидетельствует о том, что нигде первоначальное накопление не происходило в такой классической форме, как в Англии, нигде оно не привело к исчезновению крестьянства. Напротив, крестьянство повсюду сохранялось в качестве самого многочисленного класса населения, причем в подавляющем большинстве стран это класс феодально-зависимых или крепостных крестьян. Авторам удалось показать, как отживавший феодальный строй тормозил первоначальное накопление и развитие капитализма, консервировал феодальные отношения на селе. В то же время в книге прослежено начавшееся проникновение капитализма в сельское хозяйство ряда стран феодальной Европы, особенно с середины XVIII века. Таким образом, в V томе в основном правильно освещены главные тенденции аграрного развития XVII—XVIII веков.

При всей специфике процесса аграрного развития Англии аналогичные тенденции в аграрных отношениях в той или иной степени наблюдались в странах к западу от Эльбы [1], особенно во Франции, о чем свидетельствуют накопленные в науке данные. Поэтому в главах по истории Франции надо было, на наш взгляд, больше внимания уделить последствиям разложения феодальной собственности на землю и зарождения новой, буржуазной собственности, в частности, проследить тенденцию развития держателей-крестьян в мелких собственников [2], а землевладельцев-буржуа — в крупных буржуазных собственников.

В разделе об аграрных отношениях положении крестьянства во Франц XVII в. не нашла отражения частичная эк проприация крестьянства без полного отры ва его основной массы от земли. Правд этот важнейший процесс отмечен при ра смотрении источников формирования пре пролетариата (стр. 114). Но именно на пр мере французской деревни имелась во можность показать более типичные дл европейского континента формы процесс отделения непосредственного производител от средств производства, чем классически пример экспроприации английского кре стьянства.

Если в ряде стран Западной Европ первоначальное накопление и развити капиталистического уклада проходили условиях процесса экспроприации крестьян ства, то в странах Европы, расположен ных к востоку от Эльбы, феодально-кре постнический строй, как это справедлив отмечено во введении, тормозил отры крестьян от средств производства. Авто ский коллектив V тома, на наш взгляд правильно подчеркивает, что так называе мое «второе издание крепостничества» н только не связано непосредственно с пер воначальным накоплением, но оказывалс отрицательное влияние на развитие капи талистического уклада в Центральной и Восточной Европе. Подобная точка зрения разделяется большинством историков-марксистов. В рецензируемом томе она хорошо проиллюстрирована на примере Восточной Германии, Прибалтики, Польши, Чехии и отчасти России (по Венгрии соответствующий материал почти отсутствует). Хотя развитие крупного помещичьего хозяйства, основанного на барщинном труде крепостных, и препятствовало росту капиталистического уклада, оно до поры до времени оставляло немалые возможности для развития производительных сил.

В главе XVII правильно говорится об укреплении крупного товарного крепостного поместья в Восточной Германии, переродившегося позднее в юнкерское поместье капиталистического типа. Поэтому трудно согласиться с мнением авторов главы XIX, усматривающих главную причину экономического и политического упадка Речи Посполитой в фольварочно-барщинной си-

---

[1] К. Маркс указывал, что в результате разложения феодальной земельной собственности возникала парцеллярная собственность крестьян в Англии, Швеции, Франции, Западной Германии, и подчеркивал неизбежность ее гибели в условиях дальнейшего развития капитализма (см. К. Маркс. Капитал. Т. I. М. 1955, гл. 24, особенно §2; т. III, стр. 819).

[2] К. Маркс отмечал, что в XV в. в Англии «преобладающее большинство населения состояло... из свободных крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, за какими бы феодальными вывесками ни скрывалась их собственность» (К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 721). Права французских цензитариев на свой надел были гораздо более прочными, чем владельческие права английских копигольдеров, составлявших в XV в. большинство английского крестьянства.

стеме, которая якобы довела производительные силы страны до истощения. Отнюдь не отрицая наличия в фольварочно-барщинной системе черт, тормозивших развитие страны, мы все же думаем, что значение этих черт преувеличено авторами. Если согласиться с тем, что еще до разорительных войн середины XVII в. шла прогрессирующая деградация земледелия (фактический материал об этом пока еще не собран и не изучен) и крестьянского хозяйства (стр. 463), тогда непонятно, как могло дважды произойти последующее восстановление разоренного войнами сельского хозяйства в условиях все той же фольварочно-барщинной системы. Большинство стран, где укрепилось крупное товарное крепостное поместье (Пруссия, Россия и др.), в рассматриваемую эпоху не только не переживало экономической деградации, но, наоборот, их экономика развивалась быстрее, нежели экономика некоторых феодальных стран, не знавших «второго издания крепостничества» (для Европы это Испания и часть Италии).

Важное место в книге занимает проблема генезиса промышленного капитализма. Во введении справедливо подчеркивается, что промышленность во второй половине XVII в. и XVIII в. «продолжала еще оставаться мануфактурной, выступая в обеих своих формах — централизованной и рассеянной мануфактуры» (стр. 9—10). Не составляли исключения в этом отношении Голландия и Англия. Но в Англии сложились особенно благоприятные условия для развития промышленного капитализма, что привело к промышленному перевороту в середине XVIII в. (раньше, чем в других странах) и к переходу от мануфактурной стадии развития капитализма к фабричной.

В разделе «Экономические предпосылки Английской революции» читатель узнает об изменениях, происшедших в промышленности и торговле предреволюционной Англии. Характерны приводимые автором цифры, в частности, данные о развитии старых отраслей промышленности и зарождении новых, централизованных мануфактур. Наряду с этим отмечается большая роль в экономике страны мелких самостоятельных производителей, что дает основание автору говорить о «пестроте форм промышленного производства» в Англии (стр. 24). С ростом капиталистической мануфактуры было тесно связано развитие внешней торговли. Вопрос этот в V томе получил известное освещение (стр. 22), но следовало бы показать читателю, что проникновение торгового капитала в Китай, Турцию, Ост-и Вест-Индию явилось началом английской колониальной экспансии.

Особый интерес вызывает проблема генезиса американского капитализма (гл. XXI). Буржуазные фальсификаторы истории всячески стараются извратить этот вопрос и скрыть тот факт, что важнейшими источниками первоначального накопления капитала в Северной Америке были экспроприация земли у коренного населения, сопровождавшаяся его беспощадным истреблением, и колониальное рабство.

В рецензируемой книге четко поставлена проблема первоначального накопления в Северной Америке. «Важнейшей особенностью процесса развития капитализма на североамериканском континенте,— говорится в главе XXI,— было рабство негров и работорговля» (стр. 511). Нельзя не пожалеть, что о положении индейцев и негров рассказано очень скупо. Стоит вспомнить, как зло бичевал К. Маркс «христианский характер первоначального накопления» в Северной Америке в связи с охотой пуритан Новой Англии за индейскими скальпами[3], чтобы понять необходимость более подробного изложения этого вопроса в главе по истории США.

История развития капиталистической мануфактуры стоит в центре внимания авторов и в других главах Так, в главе V, посвященной истории Франции XVII в., хорошо показано развитие капиталистического уклада в промышленности, правильно отмечено, что для XVII в. характерна не столько централизованная, сколько рассеянная мануфактура (см. стр. 112), и при этом указано на значительное перерождение средневекового ремесла. Когда речь идет об узости внутреннего рынка во Франции XVII в., не следует, как нам кажется, слишком подчеркивать натуральный характер хозяйства французского крестьянина (стр. 110). Процесс экспроприации, по словам К. Маркса, «не только освобождает для промышленного капитала рабочих, их средства к жизни, материал их труда, но и создает внутренний рынок»[4]. Внутренний рынок во Франции все же складывался и был для XVII в. очень емким. Это был рынок самой крупной из централизованных

[3] См. К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 756

[4] Там же, стр. 751.

стран Западной Европы. Французская промышленность базировалась в отличие от многих других стран прежде всего на внутреннем рынке, что обеспечило рост капиталистических отношений во Франции как в XVII (в условиях упадка Италии, Германии, Испании, Южных Нидерландов), так и в XVIII веке.

Некоторая недооценка влияния развития капитализма и внутреннего рынка во Франции XVII в. сказалась, в частности, при освещении в томе процесса формирования французской нации. Справедливо отмечая обособленность отдельных провинций друг от друга, автор пишет: «Внутренний рынок был слабо развит, и, естественно, буржуазия не могла играть роль силы, цементирующей формирующуюся нацию» (стр. 118). Но кто же в таком случае, кроме буржуазии, мог цементировать формировавшуюся нацию? Ведь именно развитие капитализма к этому времени уже окончательно ликвидировало феодальную раздробленность и цементировало нацию. Благодаря давно сложившимся буржуазным связям центробежные тенденции не могли восторжествовать во Франции XVII в., несмотря на наличие известных пережитков феодальной раздробленности. Об этом очень хорошо написано в V главе.

О падении промышленного производства в результате общего экономического упадка Германии и последствий Тридцатилетней войны правильно говорится в главе XVII. В XVIII в. развитие промышленности в Германии происходило более замедленными темпами, чем в Англии, Голландии, Франции и Швеции. Хотя в это время уже возникали крупные централизованные мануфактуры, господствующей формой промышленности оставалось цеховое ремесло.

Подобное положение было характерно также для Италии и Испании (гл. XXIII). Развитие капиталистической промышленности в Италии тормозилось сохранившейся системой внутренних таможенных пошлин, правительственной регламентацией и особенно узостью внутреннего рынка. Картина стала меняться к концу XVIII в., когда в Северной Италии уже насчитывались десятки централизованных мануфактур (см. стр. 577). В основном же преобладала рассеянная мануфактура.

Несколько более развернутую характеристику следовало дать испанской промышленности и торговле в конце XVII в., подчеркнув при этом, что в XVII в. исчезла развивавшаяся в XVI в. мануфактура. Не вызывает сомнений утверждение авторов, что и в XVIII в. в Испании преобладало ремесленное производство, регламентируемое цеховыми уставами. Лишь со второй половины XVIII в. здесь начала расти рассеянная мануфактура.

В томе, к сожалению, нет ясности в вопросе о времени зарождения капиталистического уклада в России. Материал VII главы дает основание сделать вывод о зарождении элементов капиталистического уклада во второй половине XVII века. Однако только в главе XVI впервые упоминается, что часть мануфактур положила «начало капиталистическим производственным отношениям», что на мануфактурах легкой промышленности в первой половине XVIII в. работали «преимущественно наемные люди» (стр. 367) и что подобные предприятия являлись предприятиями «капиталистического типа» (стр. 395). Далее (гл. XXV) вновь говорится, что «во второй половине XVIII в. в промышленности России зарождалась система эксплуатации наемных рабочих капиталистами» (стр. 637). Таким образом, главы по истории России не дают определенного представления о времени зарождения капиталистического уклада в нашей стране. Создается впечатление, что авторы хотели уйти от решения вопроса о том, когда же начался в России процесс первоначального накопления, предоставив самим читателям разбираться в данной проблеме. Нельзя же признать утверждение о том, что развитие промышленности и торговли «достигалось в России как и в странах Западной Европы, жестокими и принудительными мерами, характерными для эпохи первоначального накопления» (стр. 394), сколько-нибудь удовлетворительным решением вопроса.

Активная роль феодально-абсолютистской монархии в процессе накопления капитала подчеркивается во введении и прослеживается в дальнейшем изложении.

Вообще проблема абсолютизма в той или иной степени освещается при изложении истории тех стран, где в рассматриваемую эпоху существовала абсолютная монархия. На классическом примере французского абсолютизма, как и на ряде других примеров, в книге разоблачается антинаучность буржуазных теорий об абсолютизме как надклассовом, дворянско-буржуазном или даже буржуазном государстве. Убедительно обрисована классовая природа французской монархии XVII в. как дикта-

гуры дворянства, охранявшей феодальный строй от всех антифеодальных сил (см. стр. 116).

В советской историографии отмечаются два основных этапа в развитии абсолютизма. На первом этапе своего развития абсолютизм, являясь дворянской диктатурой, осуществлял централизацию страны и способствовал развитию буржуазии и капиталистического уклада; на последнем этапе, когда буржуазия экономически стала настолько могущественной, что начала угрожать классовому господству дворянства, абсолютизм превратился в тормоз на пути дальнейшего капиталистического развития. Наиболее ярким примером абсолютизма, развивавшегося в рассматриваемую эпоху по восходящей линии, являлось российское самодержавие, эволюции которого в томе отведено значительное место. Переход к абсолютизму в России, еще не завершившийся к концу XVII в., был связан, по словам авторов, с тенденциями к укреплению господства дворянства в условиях дальнейшего обострения классовой борьбы, а также с потребностями обороны (стр. 64). Это верно. Но подобная характеристика — односторонняя. Надо было полнее раскрыть общие черты, сближавшие русский абсолютизм с западноевропейским, и своеобразие эволюции самодержавия, показать влияние формирования всероссийского рынка и образования «буржуазных связей» в XVII в. на развитие абсолютизма в России. Противоречиво изложены вопросы социальной и экономической политики абсолютизма в XVIII веке. Так, об экономической политике царского правительства во второй половине XVIII в. говорится: «...Эта политика объективно, вопреки воле и намерениям самодержавия и дворянства, приводила к росту капиталистических отношений...» (стр. 640). Но если в России, как и на Западе, укрепление абсолютизма было связано с развитием капиталистического уклада, то можно ли утверждать, что это развитие осуществлялось «вопреки воле и намерениям самодержавия»? Ведь феодально-абсолютистская монархия способствовала развитию капиталистического уклада, видя в торговле и промышленности необходимые условия как национальной мощи, так и собственного великолепия» [5]. Да и сам автор указывает на «приспособление политики дворянского государства к требованиям поднимающегося капитализма» (стр. 649).

Недостаточно четко охарактеризована в томе и политика дворянского государства по отношению к буржуазии на классическом примере французского абсолютизма. В V главе есть положение о том, что абсолютизм оказывал «некоторое покровительство» буржуазии в первую очередь для того, чтобы отвлечь ее от союза с народом, от борьбы с феодализмом (стр. 116). В то же время читатель узнает о том, что в XVII в. еще не было объективных условий для союза буржуазии с народом в борьбе с феодальным строем в целом, то есть для буржуазной революции. Нам кажется, что решающую роль в политике абсолютизма на первом этапе его развития играла не боязнь объединения всех антифеодальных сил в борьбе с феодализмом, а заинтересованность самого абсолютизма в развитии капиталистического уклада.

В главе следовало показать, когда во Франции абсолютизм вступил в последний этап своего развития. Царствование Людовика XIV относится к эпохе расцвета абсолютизма и начальному периоду его упадка. С этим нельзя не согласиться. Но правомерно ли отрицание того факта, что 80-е годы XVII в. явились переломным моментом в развитии абсолютизма во Франции (стр. 122)? Характер абсолютизма определялся не личностью Людовика XIV, а изменениями социальной структуры общества, связанными с ростом капитализма, с тем, прежде всего, что к концу XVII в. завершился процесс превращения средневекового сословия горожан в современный класс буржуазии [6]. Факты, приводимые автором для доказательства единой линии в политике Людовика XIV на протяжении всего его долгого царствования, отнюдь не свидетельствуют о том, что внутренняя политика правительства в 60—70-е годы препятствовала буржуазному развитию, а, напротив, говорят об обратном. Борьба с политическими привилегиями парламентов, превратившихся к тому времени в реакционные учреждения, отмена множества лишних должностей, борьба с аноблированием и наступление на финансистов — все это способствовало консолидации буржуа-

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 308.

[6] «...Абсолютная монархия возникает в переходные периоды, когда старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии...» (там же, стр. 306).

зии как класса и увеличивало в ее среде удельный вес торгово-промышленных элементов. Пострадали от этого представители ростовщического капитала, а не буржуазия в целом.

Несколько недооценивается в томе и прогрессивная роль кольбертизма и протекционизма (стр. 123—125), который, по словам Маркса, был «искусственным средством... насильственно сокращать переход от старого способа производства к современному» [7]. При Кольбере относительная прогрессивность абсолютизма еще не была исчерпана. Мероприятия Кольбера способствовали дальнейшему развитию производительных сил, росту удельного веса промышленного капитала в экономике, укреплению мануфактуры. В это время значительно ускорилось развитие капитализма, то есть создались условия для перехода к новой стадии в развитии буржуазии, когда она перестала нуждаться в поддержке со стороны абсолютизма и превратилась в класс, стремившийся установить свое господство путем свержения феодально-абсолютистского строя, путем революции. Материал XXII главы убедительно показывает, что дальнейшее развитие капитализма во Франции в XVIII в. совершалось без поддержки абсолютизма, лишь препятствовавшего теперь экономическому развитию страны.

В целом проблема абсолютизма получила в томе надлежащее освещение. Правильна, в частности, оценка «просвещенного абсолютизма» во введении и в соответствующих главах. Отмеченные упущения в анализе развития абсолютизма в России и частично во Франции связаны с тем, что ряд кардинальных проблем истории этих стран (и прежде всего вопрос о степени зрелости капиталистического уклада в России XVIII в., а в известной мере и во Франции XVII в.) остается дискуссионным в советской историографии.

Заслугой авторского коллектива и редакторов V тома является четкое изложение основных проблем буржуазных революций. В томе рассматриваются две крупные буржуазные революции: в Англии и в Америке.

Авторам соответствующих глав удалось ярко и убедительно показать, что главной движущей силой буржуазных революций был народ: крестьянство, городская мелкая буржуазия, плебейские элементы.

Следует сказать, что по вопросу о противоположности буржуазной и социалистической революций в томе написано только что буржуазная революция в отличие от революции социалистической приводит лишь к смене одного способа эксплуатации трудящихся другим (стр. 19). Однако можно было ожидать, что в томе, охватывающем время, когда происходили или подготавливались буржуазные революции, будет дано глубокое раскрытие принципиального отличия буржуазной революции от революции социалистической. Этот вопрос не может не интересовать читателя. Важно было бы, например, отметить, что в то время как социалистическая революция ломает старый государственный аппарат, буржуазия после победы только приспосабливает его в своих интересах. Следовало полнее показать основные закономерности и общие черты буржуазных революций.

К числу важнейших проблем относится история международных отношений. К сожалению, в рецензируемом томе, как и в предыдущих томах, разработке этой проблемы не уделено достаточного внимания.

Главы IX—XV посвящены социально-экономическому и политическому развитию стран Азии, Австралии и Океании, а также колониальной политике европейских держав. Здесь показаны особенности исторических путей развития стран Востока, где господствующим общественным строем в XVII—XVIII вв. оставался феодализм, а в Австралии и Океании — даже первобытно-общинный строй.

История стран Востока в рецензируемом томе дана как органическая часть единого мирового исторического процесса; тем самым преодолен пресловутый «европоцентризм». Непонятно, однако, почему история Японии, Кореи, Таиланда (Сиам), Бирмы, Малайи и ряда других стран Востока, а также стран Латинской Америки оказалась вне поля зрения авторов.

В книге обстоятельно рассмотрен вопрос о колониальной экспансии европейских держав в страны Востока, отмечены результаты хозяйничанья европейских колонизаторов. Агрессия европейских держав и безудержный колониальный грабеж явились главной причиной упадка и последующего отставания стран Востока. Вместе с тем подчеркивается, что политика европейских колонизаторов нанесла удар по средневековой замкнутости феодальных стран Востока, насильственно втянутых «в орбиту складывающегося мирового рынка».

Специфические проблемы истории стран

[7] К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 760.

Востока были бы, по нашему мнению, раскрыты с большей полнотой, если бы авторы уделили больше внимания таким вопросам, как своеобразие феодализма в Азии, формы и методы внеэкономического принуждения крестьян и др.

Мы рассмотрели лишь часть вопросов, нашедших отражение на страницах рецензируемой книги. Но уже это дает ясное представление об огромной работе, проделанной авторским и редакторским коллективами. С выходом в свет V тома «Всемирной истории» советская историческая наука обогатилась новым крупным марксистским трудом по истории XVII—XVIII веков. Встречающиеся в книге пробелы и неточности следует отнести прежде всего за счет чрезвычайно малого объема издания. Авторам, естественно, трудно было с достаточной полнотой раскрыть все стороны исторического процесса. Некоторые недостатки тома объясняются тем, что обсуждение макета, как известно, проводилось только в Москве и Ленинграде. В обсуждении не участвовала широкая научная общественность страны. Решение дискуссионных и малоразработанных вопросов (а их осталось еще немало, как это видно из разбора некоторых проблем истории XVII—XVIII вв., освещенных в томе) является задачей всех советских историков.

Авторы тома отобрали и обобщили обширный и разнообразный фактический материал по истории европейских стран. Более половины текста, относящегося к государствам Европы, отведено истории России, Англии и Франции, что вполне понятно, если учесть роль, которую играли эти страны в рассматриваемую эпоху.

В книге раскрыты важнейшие вопросы социально-экономического развития России второй половины XVII в. и XVIII в., народные движения, вопросы внешней политики и истории культуры. Положительной оценки заслуживает стремление авторов показать связь российской истории со всемирной историей, одновременно отмечая особенности исторического развития России.

В изображении исторического процесса в России имеется некоторый разрыв между главами, посвященными второй половине XVII в. и XVIII веку. В частности, слабо подчеркивается органическая связь этапов социально-экономического развития страны того времени. Весь материал VII главы свидетельствует о том, что уже во второй половине XVII в. в России создавались предпосылки для преобразований, которые имели место в первой четверти XVIII века. Однако во введении к главе XVI выдвигается положение: «Российская империя первой половины XVIII в. существенно отличалась от отсталой в хозяйственном, военном и культурном отношении России XVII столетия...» (стр. 359). Это правильное в своей основе положение является односторонним, поскольку в нем ни слова не сказано о социально-экономической преемственности двух указанных периодов.

На фоне социально-экономических процессов второй половины XVII в. и внутренней политики феодального государства дана картина мощных крестьянских и городских восстаний. Особенно выпукло и ярко, с привлечением большого нового материала показана крестьянская война под руководством Е. И. Пугачева.

Однако в параграфах, посвященных народным движениям, есть упущения. Характеризуя причины городских восстаний в XVII в., в частности социальные противоречия в городах, автор не учитывает борьбу горожан против засилья в городах феодалов и монастырей. «Бюргерская оппозиция» в какой-то мере имела место и в России. Ликвидация «белых слобод» в 1649 г. без учета этой оппозиции в значительной мере теряет свою социальную мотивировку. Сравнительно мало говорится о народных движениях первой половины XVIII в., причем народные выступления во второй четверти XVIII в. почти не показаны.

Вопросы внешней политики России нашли в книге достаточно полное освещение. Однако ее восточная политика первой четверти XVIII в. не получила правильной оценки. Читателя, конечно, не может удовлетворить замечание, что «политика России в районе Каспийского моря и Закавказья диктовалась серьезными экономическими и политическими интересами» (стр. 384). В книге не раскрыто известное положение о том, что Россия ставила перед собой захватнические цели на Востоке. Русско-турецкие войны второй половины XVIII в. также даются преимущественно в описательном плане, без серьезного анализа внешней политики самодержавия.

Связи русского народа с народами включенных в состав России национальных территорий обоснованно охарактеризованы как связи, имевшие громадное значение для развития экономической и культурной жизни этих народов. Совершенно правильно,

что такому выдающемуся событию, как освободительная война украинского народа и воссоединение Украины с Россией, посвящена отдельная глава. Следовало бы, однако, отметить, что воссоединение Украины с Россией не было завершено во второй половине XVII в., борьба за воссоединение продолжалась и позже. К сожалению, история украинского народа после воссоединения в V томе почти не отражена.

Следовало уделить также больше внимания истории белорусов, латышей, эстонцев и других народов. Особенно скудны, а порой и вовсе отсутствуют сведения о культуре народов, входивших в состав Российской империи.

Нельзя согласиться с утверждением авторов о том, что по Альтранштадтскому договору Польша отказалась от союза с Россией (стр. 378). Это можно говорить только об Августе II. Как известно, Сандомирская конфедерация, представлявшая интересы польско-литовского государства, осталась верна союзу с Россией. Вооруженные силы конфедерации сыграли положительную роль в решающий период Северной войны — в 1708—1709 годах.

В главах по истории Англии (I—III, XXI) умело изложен интересный фактический материал, заострено внимание читателей на наиболее важных вопросах Английской революции и дальнейшего капиталистического развития Англии.

Следует отметить, что если вопрос о классах, боровшихся в Английской революции, выяснен с предельной ясностью, то о партиях этого сказать нельзя. О пресвитерианах и индепендентах говорится лишь в нескольких строках (стр. 47). Думается, что этот вопрос заслуживает более полного рассмотрения. Прежде всего читатель вправе ожидать, что о партиях будет сказано не только то, чьи интересы они отражали, но и какова их политическая программа, даже если она и не была четко сформулирована. Нашел же возможным автор конкретизировать левеллеровскую доктрину естественного права и народоправства и показать основные требования левеллеров, сформировавшихся как партия мелкой буржуазии (стр. 52—53). Правда, и здесь не все объяснено. Так, на стр. 55 и 60 речь идет об узости аграрной программы левеллеров, об игнорировании ими основных интересов йоменри, а на стр. 79 утверждается, что требование «наделения крестьян землей нашло отражение в ходе революции... в публицистической литературе левеллеров и особенн диггеров». Но наделение землей крестья и являлось главным требованием крестьян ства в буржуазной революции. Как же ту читателю разобраться?

Главы по истории Франции, насыщенны ценным материалом, несомненно, предста ляют большой интерес. Историю Франци авторы рассматривают как историю фран цузского народа и прежде всего трудящих ся масс. Политическая история излагается в тесной связи с важнейшими социально-эко номическими процессами, причем несомнен ной заслугой авторов является то внима ние, которое ими уделено истории классо вой борьбы, почти не раскрытой в буржуаз ной историографии, особенно для XVII ве ка. Ярко показана отличительная особен ность Франции — антиналоговый характер крестьянских и плебейских движений и та роль, которую играл в их подавлении весь аппарат феодально-абсолютистского государства. Процесс формирования французской нации рассматривается в связи с экономическим развитием страны, с ростом капитализма.

Поскольку социально-экономические отношения во Франции в XVII в. меньше изучены, чем в XVIII в., особый интерес с точки зрения исследования социально-экономических отношений в XVII в. представляет глава V, где встречается много дискуссионных положений. С некоторыми из них мы согласиться не можем. Ограничимся несколькими замечаниями по вопросу о влиянии процесса первоначального накопления и развивавшегося капитализма на аграрный строй и социальную структуру французского общества.

Обрисовав отличительную особенность Франции по сравнению с Англией — большую живучесть феодализма и медленность вызревания капитализма,— автор уделил меньше внимания тем процессам, которые уже в XVII в. выделяли Францию на фоне феодальной Европы.

Не освещено в главе V характерное для XVII в. явление — восстановление домена за счет крестьянских держаний, свидетельствовавшее об экспроприации беднейшего крестьянства.

Отождествление испольщины и краткосрочной аренды с феодальной рентой (стр. 110) связано с недооценкой развития форм эксплуатации, переходных к капиталистическим, сочетавшихся с чисто феодальными методами, что было свойственно зем-

левладению новых дворян, восстанавливавших домен. В главе XXII справедливо отмечено, что испольщина и другие формы аренды препятствовали накануне революции развитию сельского хозяйства (стр. 542), но в XVII в., когда еще не сложились условия для развития капитализма в сельском хозяйстве, эти формы означали шаг вперед по сравнению с феодальной рентой. В главе V подчеркивается, что «новые владельцы обычно не вкладывали капиталы в производство и не перестраивали традиционных форм ведения сельского хозяйства, а просто становились получателями феодальной ренты» (стр. 115). Конечно, новые владельцы не отказывались от феодальной ренты, они скупали не только феодальные права, но и крестьянские наделы с целью сдачи их в аренду для пользования «рентой как формой процента на свой таким способом затраченный капитал...» [8]. Поэтому трудно полностью согласиться с приведенной выше характеристикой новых землевладельцев. Она свидетельствует о некоторой недооценке характерного для Франции пути разложения феодализма в сельском хозяйстве, придававшего особую специфику процессу первоначального накопления.

Больше внимания, на наш взгляд, следовало уделить в главе V сдвигам в социальной структуре французского общества, вызванным развитием капитализма,— разложению средневековых сословий и формированию новых классов. В частности, не вполне четко показаны в главе V изменения, происшедшие внутри господствовавшего класса и буржуазии в связи с процессом первоначального накопления. Перечисляя группы феодалов, живших за счет крестьянства (стр. 111), автор не упоминает нового дворянства, в том числе и «дворянства мантии» (термин, появившийся именно в это время). Правда, к концу XVII в. новое дворянство в основном сливается с родовитым. Но ведь в главе не освещен этот процесс, происходивший во второй половине XVII века. О новом дворянстве говорилось в IV томе «Всемирной истории», где дана иная характеристика «людей мантии». В главе XXII пятого тома отмечено разделение дворянства на «дворянство шпаги» и «дворянство мантии». В главе V «люди мантии» охарактеризованы как «чиновная буржуазия» (стр. 134), «старшие братья» буржуазии (стр. 116) и т. д. Рассмотрение в качестве буржуазной верхушки этой социальной группировки, являвшейся в XVII в., как и в XVIII в., прослойкой внутри господствовавшего класса, затрудняет освещение таких вопросов, как отношение буржуазии к абсолютизму, роль Фронды и др.

В главе IV читатель узнает о том, как Голландия в результате победы буржуазной революции превратилась в «образцовую капиталистическую страну XVII столетия» (стр. 87). Авторы справедливо отмечают, что «Голландия пошла по пути развития не столько промышленного, сколько торговоростовщического капитала» (стр. 91). Именно на этом пути голландская буржуазия достигла наибольших успехов. Вместе с тем в книге недостаточно раскрыт на конкретном историческом материале тезис К. Маркса о том, что господство торгового капитала составляло причину относительно быстрого упадка Голландии и подчинения ее промышленной Англии.

Глава по истории Германии является одной из наиболее сложных по материалу. Несмотря на пестроту социально-экономических и политических отношений, характерную для этой страны в XVII—XVIII вв., авторам удалось дать ясную картину основных явлений, происходивших в жизни немецкого народа в то время. Очень важным является выдвинутое в главе положение о реакционной роли княжеского абсолютизма. Нам представляется, однако, что следовало сильней подчеркнуть отличие княжеского мелкодержавия, являвшегося пародией на абсолютизм, от абсолютизма в крупных княжествах (Бранденбург-Пруссия, Саксония).

Несколько неровно написана глава по истории государства Габсбургов. История Австрии и Чехии здесь изложена удачно. Но надо было конкретнее рассказать о тяжелом религиозном и национальном гнете, который свирепствовал в Чехии после Тридцатилетней войны, и борьбе чешского народа против него. В главе не раскрыта соглашательская роль чешского дворянства. Очень слабо освещена история антифеодальных движений в Чехии в XVII веке. В книге не показан размах крестьянского восстания 1679—1680 гг., его последствия. Непоследовательно изложен материал в разделе, посвященном Чехии. Например, о Барщинном патенте 1680 г. говорится раньше, чем о восстании 1679—1680 гг., и не в связи с ним. Нельзя считать правомерным решение редакции опустить изложение истории Моравии и Словакии, тем более, что в предыдущем томе о них шла речь.

[8] К. Маркс. Капитал. Т. III, стр. 815.

В разделе о Венгрии хорошо освещена борьба венгерского народа против турецкой агрессии и габсбургского ига. Автор отмечает героическую роль народных масс в национально-освободительной борьбе, с одной стороны, и половинчатую позицию дворянства и антинародную роль католической церкви, предавших великое дело освобождения страны,— с другой. Однако читатель напрасно будет искать в разделе сведения об иных аспектах истории венгерского народа, особенно о городе и горожанах, торговле и промышленности.

Вызывают возражения хронологические рамки и отчасти содержание в основном удачной главы «Упадок Речи Посполитой» Заканчивается глава рассказом о первом разделе Польши (1772—1773 гг.). Но разделы Речи Посполитой — это единый процесс, завершающий этап которого (1795 г.) почти укладывается в хронологические рамки тома. Нужно было либо довести изложение до 1795 г., либо остановиться на 60-х годах XVIII века. Иной периодизации истории Польши марксистская историография не знает.

Изложение материала в главе, посвященной истории стран Южной Европы, в целом следует признать удовлетворительным, за исключением параграфа о Португалии, где отсутствует характеристика социально-экономического развития этой страны.

В главах по истории скандинавских стран (VI и XXIV) следовало бы подробнее остановиться на особенностях процесса первоначального накопления в этих странах, общественном строе Норвегии, положении крестьянства в Финляндии, дать оценку внешней политики Швеции и охарактеризовать процесс формирования скандинавских наций. Неясным остается для читателя характер шведской промышленности в XVII в.: развивалась ли здесь в это время капиталистическая мануфактура или господствовали докапиталистические формы производства.

Коротко остановимся на главах по истории Северной Америки и стран Востока. В главе XXI хорошо изложены вопросы, связанные с развитием английских колоний в Северной Америке в XVIII в., войной за независимость и образованием США. Много места уделено освободительному движению в североамериканских колониях. На стр. 518 справедливо отмечено, что «в буржуазной историографии нередко игнорируется роль масс в развертывании движения против Англии». К сожалению, автор главы не остановился даже на наиболее мощных выступлениях масс. Например, крупнейшее восстание фермеров 1765 г. в Массачусетсе совершенно не упоминается.

Особого внимания заслуживает 3-й раздел главы, где разбираются вопросы классовой борьбы в США после завоевания независимости. Здесь показаны результаты войны за независимость, упрочившей экономическую мощь крупной буржуазии, в то время как народ страдал под тяжестью долгов и налогов (стр. 532). Автор говорит о политических требованиях, выдвигавшихся фермерской беднотой во время восстания Шейса. Однако следовало бы добавить, что восстание явилось попыткой решения плебейскими методами назревших вопросов, связанных с требованиями масс, не осуществленными в ходе буржуазной революции. Хорошо известно, что восставшие добивались уничтожения в конституции всех привилегий для богатых.

Правильно отмечая прогрессивное значение революционной войны за независимость, способствовавшей быстрому развитию капитализма в Северной Америке, автор и редакция тома допустили, по нашему мнению, оплошность, не сказав о буржуазной ограниченности даже самых решительных мероприятий республиканского правительства США, вступившего в компромисс с рабовладельцами.

Авторы главы IX, посвященной Османской империи, сосредоточивают внимание читателя на разложении военно-ленной системы, породившем экономическое, политическое и военное ослабление империи. Под воздействием кризиса этой системы в XVII в. и по мере дальнейшего развития производительных сил европейских государств и отставания от них Турции соотношение сил между нею и ее европейскими противниками складывалось все более неблагоприятно для Турции. В томе данный процесс получил достаточно полное освещение. Утверждение автора, что разгром турецких войск под Веной «был неизбежным результатом задолго до того начавшегося упадка турецкого военно-феодального государства» (стр. 207), представляется вполне обоснованным. Хорошо показаны народные движения в империи, в том числе выступления порабощенных турецкими феодалами балканских и арабских народов, хотя ряд связанных с этими движениями вопросов не получил исчерпывающего разъяснения. Так, на стр. 227 отмечено, что «несколько веков турецкого гос-

подства не привели к денационализации балканских народов», но ни слова не говорится о причинах такого явления, не делается попытки его объяснить. Известно, что, несмотря на чужеземное господство, самобытное социальное и национальное развитие народов Болгарии, Сербии, Черногории, Греции, Молдавии, Валахии и других стран продолжалось. Недооценка этого факта привела к тому, что история этих народов в XVII—XVIII вв. нашла очень слабое отражение на страницах V тома «Всемирной истории».

X и XI главы, посвященные Ирану, Средней Азии и Казахстану, имеют ряд недостатков. Чрезмерно большое внимание в главе X уделено Надир-шаху, истории правления которого отведено из десяти разделов главы пять наиболее крупных. Правление Надира, бесспорно, отмечено важными событиями, но предпочтение, отданное его царствованию, породило элементы схематизма и привело к слишком беглому изложению остальных этапов полуторавековой истории Ирана, в частности истории государства Сефевидов.

Известная печать схематизма лежит и на главе XI, авторы которой к тому же, говоря об отдельных явлениях и приводя фактический материал, не всегда дают необходимые объяснения. Например, на стр. 258 констатируется, что «в 1756 г. казахам было запрещено перегонять скот на богатые зимние пастбища между Уралом и Волгой, а затем последовало распоряжение, лишавшее их права переводить свои стада на пастбища, лежащие за Иртышом». Но ни причины и цели этих запретов, ни официальная мотивировка их даже не упомянуты.

В главе XII на основе анализа экономики Индии вскрыты причины разложения империи Великого Могола, показана кровавая история колонизации Индии европейскими державами. Несмотря на сжатый объем главы, в ней много внимания уделено движениям народных масс, их борьбе против индийских феодалов и чужеземных поработителей. Хорошо показан процесс разложения деревенской общины под влиянием усиливавшегося проникновения в деревню товарно-денежных отношений и перехода к денежной ренте — налогу.

В главе XIII содержатся сведения о государственном устройстве Китая, его внешней политике, в частности о взаимоотношениях с Россией, об экономическом положении страны. Много места отведено характеристике аграрной политики цинов. Народные движения, антиманьчжурская освободительная борьба, антифеодальные крестьянские восстания освещены хорошо. Глава, несомненно, выиграла бы, если бы в ней был более четко поставлен вопрос о зарождении и развитии в Китае капиталистических отношений.

В заключение отметим, что во всех главах имеются разделы по истории культуры, излагаемой в связи с общим ходом развития отдельных стран. Разделы эти представляют несомненный интерес.

Рецензируемый том снабжен картами, иллюстрациями, хронологической таблицей, библиографией и указателями. Следует отметить некоторые недочеты в картах. Так, например, в карте «Российская империя в первой половине XVIII века» Левобережная Украина, имевшая в тот период самоуправление, неправильно включена в состав Киевской губернии (см. Полное собрание законов Российской империи. Т. IV, № 2218, стр. 436—437). На карте «Чехия и Моравия в конце XVII—XVIII в.» (стр. 449) значительно преуменьшены размеры территории, охваченной крестьянским восстанием 1679—1680 годов. На карте «Владения австрийских Габсбургов с середины XVII в. по третью четверть XVIII в.» (стр. 435) неточно проведена северо-восточная граница австрийских владений около середины XVII века.

В целом V том «Всемирной истории» является серьезным вкладом в историческую науку. Это большой труд, нужный как советскому, так и зарубежному читателю.

А. С. Бейлис, Р. М. Бродский, Г. Ю. Гербильский, В. Ф. Инкин, З. П. Калинина, М. А. Киселева, А. А. Лозинский, В. К. Осечинский, Д. Л. Похилевич

Заметки о книгах

«Развитие союза рабочего класса и крестьянства в СССР». Сборник статей. Академия наук СССР. Институт истории. Изд-во АН СССР. М. 1958. 343 стр. Тираж 5 000. Цена 15 руб.

Изучение вопроса о том, как развивался союз рабочего класса и крестьянства в процессе строительства социализма и коммунизма в нашей стране, имеет огромное историческое и политическое значение. Последовательная борьба Коммунистической партии за упрочение этого союза явилась важнейшей предпосылкой тех всемирно-исторических побед, которых добился советский народ во всех областях жизни общества.

Советские историки долгое время не имели ни одного обобщающего труда по этой проблеме. Поэтому с большим интересом был встречен научной общественностью выход в свет сборника статей «Развитие союза рабочего класса и крестьянства в СССР». Хотя авторы не ставили перед собой задачу исчерпывающим образом осветить историю развития союза рабочих и крестьян Советского Союза, но ими сделана попытка наметить основные этапы и закономерности этого процесса.

Сборник состоит из 8 статей, охватывающих период с марта 1917 г. до наших дней. Он открывается статьей П. Н. Соболева «Союз рабочего класса и беднейшего крестьянства — основная общественная сила Великой Октябрьской социалистической революции». Автор охватывает период подготовки и проведения Октябрьской революции и укрепления Советской власти на местах (до марта 1918 г.). На конкретном материале П. Н. Соболев сумел раскрыть роль важнейших партийных документов (Апрельских тезисов В. И. Ленина, решений VII Всероссийской конференции и VI съезда РСДРП(б)), давших партии четкую программу борьбы за переход к социалистической революции, за укрепление союза рабочего класса и беднейшего крестьянства. Автор осветил также значение аграрной программы партии, обеспечившей поддержку рабочего класса не только со стороны деревенской бедноты, но и середняка.

П. Н. Соболев удачно справился со своей основной задачей, показав, как Коммунистическая партия, исходя из глубокого анализа обстановки, складывавшейся на каждом этапе борьбы за подготовку социалистической революции, меняла свою тактику и лозунги, формируя политическую армию социалистической революции. Автором обстоятельно раскрыта деятельность большевистских организаций во фронтовых частях и тыловых гарнизонах, обеспечившая переход к октябрю 1917 г. основной массы солдат, состоявшей по преимуществу из крестьян, на сторону революции.

Взяв в свои руки политическую власть, рабочий класс должен был решить вторую важнейшую задачу — от нейтрализации середняка перейти к прочному союзу с ним, вовлечь его в социалистическое строительство. Выступая на VIII съезде партии В. И. Ленин говорил: «Когда, свергнув буржуазию и укрепив свою власть, пролетариат взялся с разных сторон за дело созидания нового общества, вопрос о среднем крестьянстве выдвинулся на первый план» [1].

Можно упрекнуть редакцию сборника за то, что ряд вопросов, раскрывающих политику партии в тот период по отношению к крестьянству, выпал из поля зрения авторов. Это результат неудачного «размежевания» между статьей П. Н. Соболева, который довел изложение до начала 1918 г. и работой Ф. В. Чебаевского, начавшего изложение материала с лета 1918 года. Таким образом, исключительно важный по своей значимости период первой половины 1918 г. остался неосвещенным.

В сборнике мало сказано о том, как партия претворяла в жизнь свою аграрную программу. Совершенно не показана борьба большевистской партии против меньшевиков и эсеров по всем вопросам социалистического строительства весной — летом 1918 г. и в первую очередь по аграрному вопросу. Она явилась одной из форм классовой борьбы и сыграла огромную роль в упрочении Советской власти, в укреплении союза рабочего класса с трудящимся крестьянством.

В статье Ф. В. Чебаевского «Военно-политический союз рабочего класса и трудящегося крестьянства в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.)» верно воссоздается карти-

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 182

на упорной борьбы рабочего класса за укрепление союза с трудящимся крестьянством в условиях гражданской войны и иностранной интервенции на основе осуществления политики «военного коммунизма». На большом фактическом материале автор показывает помощь рабочего класса деревне в борьбе с кулачеством, историческое значение VIII съезда РКП(б) и его решений, закрепивших поворот партии к политике прочного союза с середняком, борьбу трудящихся за решение продовольственного вопроса, создание Красной Армии, решение национального вопроса, которое укрепило союз рабочего класса с крестьянством национальных окраин.

Под руководством Коммунистической партии рабочий класс в союзе с крестьянством одержал победу над объединенными силами русской и международной буржуазии.

В статье Г. Л. Поповой «Укрепление союза рабочего класса с крестьянством в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.)» показано, как в первой половине двадцатых годов рабочий класс, преодолевая отдельные колебания трудящегося крестьянства, вовлек его в русло социалистического строительства. Автор подчеркивает, что в этот период укрепить союз с крестьянством рабочий класс смог не только в ожесточенной борьбе с буржуазией, но и в результате разгрома троцкистов, бухаринцев и других врагов партии и народа, старавшихся использовать трудности восстановительного периода, чтобы вбить клин между рабочим классом и крестьянством.

Большое внимание в статье уделяется вопросу укрепления союза рабочего класса и крестьянства по политической и культурной линиям. Вместе с тем в статье недостаточно глубоко освещена проблема развития экономической смычки между городом и деревней.

Вопросы о концессиях и аренде, о развитии внешней торговли и кустарной промышленности, решение которых было направлено на насыщение рынка товарами народного потребления, к сожалению, не получили в статье отражения.

Периоду социалистической реконструкции народного хозяйства и предвоенному периоду посвящены работы П. Т. Яковлевой, В. П. Данилова и Н. А. Ивницкого. Их достоинством является глубокое исследование взаимоотношений города и деревни в 1926—1941 годах.

В статьях П. Т. Яковлевой «Развитие союза рабочего класса и крестьянства в первые годы социалистической реконструкции народного хозяйства СССР (1926—1929 гг.)» и В. П. Данилова «Развитие и укрепление союза рабочего класса и крестьянства в годы коллективизации сельского хозяйства (1930—1935 гг.)» прослеживаются новые явления в экономических связях города и деревни. Эти явления, наметившиеся в конце 20 — начале 30-х годов в результате начавшейся перестройки народного хозяйства, нашли свое выражение прежде всего в развитии производственной смычки между рабочим классом и крестьянством. Авторы правильно подчеркивают, что решающее значение в развитии новых форм смычки имела индустриализация страны.

С завершением сплошной коллективизации была подведена единая экономическая основа под союз рабочего класса и крестьянства, что открыло безграничные возможности для развития всестороннего сотрудничества между двумя дружественными классами. С ликвидацией кулачества, исчезновением бедноты и середняков в деревне был исчерпан третий стратегический лозунг партии по крестьянскому вопросу: опорой Советской власти стало все колхозное крестьянство.

В сборнике отражена не только ведущая роль рабочего класса по отношению к крестьянству, но и помощь крестьянства рабочему классу: участие крестьян в создании автотракторной промышленности, помощь деревни городу рабочей силой, материально-финансовая поддержка крестьянством Советского государства и т. д. Авторы показали, что союз двух классов — это взаимопомощь и сотрудничество дружественных классов, одинаково заинтересованных в построении коммунистического общества.

С победой социализма союз рабочего класса и крестьянства вступил в новую фазу своего развития. В статье Н. А. Ивницкого «Творческое сотрудничество рабочего класса и колхозного крестьянства в борьбе за завершение строительства социалистического общества и постепенный переход к коммунизму (1936—1941 гг.)» охарактеризованы глубокие изменения, происшедшие к тому времени в экономике и классовой структуре советского общества, приводятся данные, свидетельствующие о культурной революции в стране. Автор показывает, как на основе социально-экономических и культурных изменений окончательно исчезает

столь характерная для капитализма противоположность между городом и деревней, складывается невиданное ранее в истории морально-политическое единство советского общества на основе союза двух дружественных классов.

Великая Отечественная война явилась проверкой прочности общественно-политического строя первого в мире социалистического государства. Сложившееся к концу второй пятилетки морально-политическое единство советского общества обусловило в годы войны неразрывное единство фронта и тыла и явилось важнейшим источником нашей победы в войне, что убедительно показано в статье Н. В. Мансветова «Союз рабочего класса и колхозного крестьянства — одно из важнейших условий победы Советского Союза в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.)». В центре внимания автора находится работа тыла, прежде всего деятельность колхозного крестьянства, а также помощь города, рабочего класса деревне. Ярко и убедительно, на большом фактическом материале Н. В. Мансветов показывает советское крестьянство в годы войны как верного союзника рабочего класса, беззаветно преданного социалистической Родине. Автор раскрыл реальный вклад крестьянства в дело победы над врагом.

Завершается сборник статьей Ю. В. Арутюняна «Развитие союза рабочего класса и колхозного крестьянства в послевоенный период». Заслуга автора в том, что он один из первых сделал попытку проследить развитие взаимоотношений между рабочим классом и крестьянством, между городом и деревней на протяжении всего послевоенного периода. Большое внимание Ю. В. Арутюнян уделяет освещению мероприятий Коммунистической партии и Советского правительства, проведенных с 1953 по 1958 г. и направленных на преодоление отставания сельского хозяйства. Автор подчеркивает, что наличие серьезных несоответствий в области промышленности и сельского хозяйства могло вызвать развитие противоречий между рабочим классом и крестьянством, ослабить дружбу между ними, затормозить дело коммунистического строительства.

Устранение ошибок в руководстве сельским хозяйством, восстановление ленинского принципа материальной заинтересованности колхозников, усиление технической оснащенности сельского хозяйства, введение нового порядка планирования, реорганизация МТС, изменение порядка заготов- сельскохозяйственных продуктов, укрепл ние совхозов и колхозов квалифицирова ными кадрами — все эти крупнейшие пол тические и экономические мероприятия, пр веденные партией после сентябрьско (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, обеспечил быстрый и неуклонный подъем сельского х зяйства, ликвидировали наметившуюся ди пропорцию в развитии промышленности сельского хозяйства. Это привело к расш рению экономической основы дальнейше упрочения союза рабочего класса крестьянства, открыло новые перспективы развитии взаимоотношений между двум классами на новом этапе коммунистическ го строительства.

Серьезным недостатком работы Ю. В. Ар тюняна является то, что в ней даже н упоминается о борьбе КПСС проти антипартийной фракционной группы Мале кова, Кагановича, Молотова, Булганин Шепилова, деятельность которой был объективно направлена на ослабление даже на подрыв союза рабочего класс и крестьянства.

Если говорить о других наиболее суще ственных недостатках сборника, то следуе прежде всего отметить, что не все автор достаточно полно раскрыли политически связи между рабочим классом и крестьян ством. Это особенно относится к статьям посвященным реконструктивному периоду В одной из этих статей правильно указы вается, что политическое воздействие рабо чего класса и его авангарда — Коммуни стической партии на крестьянство осуще ствлялось через массовые организации: Со веты, профсоюзы, комсомол и др. (стр. 240) Однако в статьях П. Т. Яковлевой В. П. Данилова и Н. А. Ивницкого в это связи говорится в основном о перевыборах Советов. Об их непосредственной деятель ности, о работе комсомола и профсоюзны организаций читатель узнает очень мало Очень бегло говорится о формах и мето дах работы сельских парторганизаций, не конкретных данных об их количественно и качественном составе.

Авторам сборника следовало бы полне показать процесс развития рабочего клас са в период социалистического строитель ства. В статьях, посвященных этому перио ду, достаточно глубоко вскрыты и проана лизированы социально-экономические про цессы, происходившие в деревне, что н всегда можно сказать относительно город и рабочего класса.

Спорным является вопрос о хронологических рамках некоторых статей. В частности, непонятно, почему статья В. П. Данилова заканчивается 1935 г. (по существу, и тот год выпал из поля зрения автора, даже о начале стахановского движения в статье ничего не говорится), почему статья И. А. Ивницкого начинается с 1936 года.

Авторы сборника правильно определяют соотношение между «производственной» и «торговой» формами смычки на различных этапах восстановительного и реконструктивного периодов. Однако думается, что авторы поступают не совсем правильно, безоговорочно противопоставляя «производственную смычку» «торговой» (см., например, стр. 233). Производственная смычка может проявляться и в товарной форме. Это имело место вплоть до начала реконструктивного периода, когда в сферу товарного обращения были включены основные средства производства. Аналогичное явление происходит и в настоящее время в связи с продажей техники колхозам. Следует во всех случаях, когда производственная смычка противопоставляется торговой, подчеркивать, что речь идет о торговле потребительскими товарами, о товарно-потребительской смычке.

В целом сборник дает правдивое изложение основных этапов истории развития и укрепления союза рабочего класса и крестьянства в СССР, начиная с Великой Октябрьской социалистической революции до настоящего времени. Большой и интересный фактический материал, содержащийся в статьях, популярность их изложения — вот что прежде всего характеризует данный сборник. Нет сомнения в том, что он явится хорошим подспорьем для всех, кто интересуется историей советского общества.

В. П. Дмитренко, И. Е. Зеленин

«Герои и подвиги». Советские листовки Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Госполитиздат. М. 1958. 563 стр. Тираж 35 тыс. Цена 9 руб. 50 коп.

Пятнадцать лет отделяют нас от грозных событий Великой Отечественной войны, но интерес к этому героическому периоду истории нашей Родины не ослабевает, а, наоборот, возрастает. Недавно вышедший документальный сборник «Герои и подвиги» привлек внимание широких кругов читателей. Он содержит своеобразные, яркие документы периода войны — листовки, рассказывающие о героизме советских воинов, их подвигах в борьбе с фашистскими захватчиками.

Листовки в период Отечественной войны являлись действенным средством политической агитации, мобилизовавшим личный состав Советской Армии на ратные подвиги. Они служат ценным историческим источником, повествующим о всенародной героической борьбе с фашизмом. В сборник включены листовки, относящиеся ко всем этапам войны. Материалы сборника представляют интерес не только для исследователей, много полезного найдут в нем пропагандисты, агитаторы, учителя средних школ и все те, кто интересуется историей Великой Отечественной войны.

Подготовлен сборник к публикации коллективом специалистов институтов истории АН СССР, марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Государственного музея революции СССР, Центрального музея Советской Армии. Составители рассматриваемой публикации использовали рукописные фонды четырех центральных научных учреждений и ряда областных краеведческих музеев, в том числе Музея обороны Царицына — Сталинграда.

Материалы сборника дают яркое представление о подвигах советских людей во время Великой Отечественной войны. Они убедительно свидетельствуют о том, что героизм воинов Советской Армии был поистине массовым. В книге упоминается много имен, мало известных читателю, но боевые дела которых вызывают восхищение и достойны того, чтобы их увековечить.

Документы сборника показывают, что организатором и вдохновителем наших побед над фашистскими захватчиками была Коммунистическая партия. Ее славные сыны самоотверженно сражались на самых трудных участках фронта, показывали примеры беспредельной храбрости, увлекая за собой беспартийную массу. Их бесстрашие, непоколебимая вера в победу зажигали сердца советских воинов. Сборник рассказывает о бессмертных подвигах воинов-коммунистов: А. Красилова, Л. Черемнова, И. Герасименко, закрывших своими телами амбразуру дзота на одном из участков Волховского фронта, летчика Е. Рыжова, парторга П. Потеря, минера Н. Прокофьева, старшего лейтенанта И. Хитрика и многих других замечательных представителей железной гвардии коммунистов.

В книге отражена великая дружба народов СССР, еще более окрепшая в годы Отечественной войны 1941—1945 годов. Из

материалов видно, как сражались воины различных национальностей: русские — В. Зайцев, Н. Челноков, И. Любушкин, украинцы — Л. Павличенко, П. Покрышев, Г. Кагамлык, армяне — Н. Степанян, Ф. Саркисов, белорусы — Н. Гастелло, П. Аврамков, грузин Г. Барбакадзе, осетины — Г. Цоколаев, Х. Мильдзихов, казах К. Джумалиев, туркмен Дурды Курбан, башкиры — Ш. Гатиатуллин, С. Хасанов, мариец З. Прохоров, аварец С. Алиев, чуваш М. Ефимов и многие другие.

Составители провели большую археографическую работу. Значительная часть листовок не имела даты выпуска, поэтому датировать документы пришлось на основании их содержания и внешних данных. К некоторым листовкам даны редакционные подзаголовки, удачно раскрывающие их содержание.

Особо следует отметить ценность примечаний к сборнику. В них дается характеристика важнейших событий Великой Отечественной войны, о которых говорится в листовках, приводятся подробные биографические справки о воинах-героях, даются пояснения исторических и военных терминов, справки о фронтах Великой Отечественной войны. Примечания свидетельствуют о кропотливой и многогранной работе, проделанной составителями сборника. Сведения, приведенные в примечаниях, несомненно, имеют большое познавательное значение, способствуют более глубокому пониманию событий военного времени. В целом нужно признать, что выход в свет сборника «Герои и подвиги» — весьма отрадное явление.

Однако в книге имеются погрешности и недостатки. На стр. 522, например, в примечании указывается, что офицер М. А. Буйницкий, проявивший героизм при форсировании Днепра, в сентябре 1943 г., был в составе 787-го стрелкового полка, 252-й стрелковой дивизии, 25-й армии. Здесь две ошибки. Прежде всего 25-й армии не было на советско-германском фронте. Она находилась на Дальнем Востоке и участвовала в освобождении Северной Кореи от японских империалистов. К тому же в 252-й дивизии не было стрелкового полка, указанного в примечании [1].

На стр. 519, где повествуется о событиях лета 1943 г., сказано, что 59-я армия входила в состав Южного фронта. Между т эта армия с начала 1942 по 1944 г. действ вала на Волховском, а затем Ленингр ском и I Украинском фронтах. 2-я Гв дейская армия, утверждается на стр. 5 входила в состав Юго-Восточного фрон хотя известно, что Юго-Восточный фр существовал лишь с 7 августа по сентя 1942 года. В это время 2-я Гвардейск армия не была еще сформирована; она с ла действующей армией только в дека 1942 г.[2] в составе Донского, а затем С линградского фронтов.

На стр. 524 и в подстрочных примечан на стр. 239, 240, 245 говорится о деса ной операции Отдельной Приморской мии, которая была осуществлена в ночь 1 ноября 1943 года. Это утверждение соответствует действительности. Десантн операция была проведена силами Севе Кавказского фронта (18-й и 56-й армиями а не Отдельной Приморской армией, ко рая была образована спустя 20 дней сле начала десантной операции.

Составители допускают фактическ ошибку и на стр. 516. Они утверждают, ч герои-кочетковцы служили в 40-й гвард ской стрелковой дивизии Донского фронт Это неверно. На самом деле 16 гвард цев во главе с младшим лейтенант В. Кочетковым совершили свой подв 18 августа 1942 г., когда Донского фрон не существовало (он фактически обра вался 1 октября 1942 г.). Правда, герои б ли награждены орденами Ленина и Крас го Знамени приказом по Донскому фрон от 2 октября 1942 г., ибо к этому време 40-я гвардейская дивизия вошла в сост названного фронта.

С подобным же фактом мы сталкивае ся и в примечаниях на стр. 525, где на сано: «Шолохов Дмитрий Дмитриевич старший лейтенант, командир взвода 349- танкового батальона 158-й танковой бриг ды Донского фронта... Бой, о котором г ворится в листовке, происходил 30 ию 1942 г.». Спрашивается, при чем тут До ской фронт, поскольку речь идет о ле 1942 года.

В примечании на стр. 534 отмечаетс что командир взвода 44-й гвардейской д визии I Белорусского фронта И. С. Хитр совершил подвиг 5 февраля 1945 год

[1] Архив Министерства обороны СССР, ф. 1311, Исторический формуляр 252-й стрелковой дивизии.

[2] См. «Вторая мировая война 1939- 1945 гг.». М. 1958, стр. 391.

[3] См. там же, стр. 505; Н. П. Вьюне ко. Черноморский флот в Великой Отеч ственной войне. М. 1957, стр. 246.

В действительности, 44-я дивизия сражалась в это время не на I Белорусском, а на II Белорусском фронте [4].

Встречаются ошибки в датировке событий. Например, на стр. 510 авторы пишут: «11 ноября 1941 г. приказом Народного Комиссара Обороны 4-я танковая бригада была переименована в 1-ю гвардейскую танковую бригаду. Этот приказ положил начало образованию Советской гвардии». Подобное утверждение неверно. Начало образованию гвардии положил приказ № 308 от 18 сентября 1941 г., который в условиях военного времени не был сразу опубликован. Авторы примечаний неверно указывают дату освобождения предместья Варшавы —Праги: 14 октября 1944 г. (стр. 533) вместо 14 сентября 1944 года.

При датировке документа № 46 (стр. 88) за исходную точку неправильно берется начало боев на улицах Сталинграда — 13 сентября 1942 года. Листовке предпослан эпиграф, в котором приведены слова из приказа Верховного Главнокомандующего от 7 ноября 1942 года [5]. Поэтому было бы правильно датировать листовку «Позднее 7 ноября 1942 г.».

Листовку о подвиге старшего сержанта А. Т. Алеканцева составители датируют по времени начала оборонительных боев на дальних подступах к Сталинграду: «Не ранее 17 июля 1942 г.» (стр. 77),— хотя известно, что героический подвиг Алеканцева относится к 22—23 августа 1942 года [6]. Неправильно определена дата документа № 55 (стр. 107). Авторы датируют его временем присвоения звания Героя Советского Союза летчику Н. Степаняну, а следовало исходить из даты награждения его орденом Ленина, чему, собственно, и посвящена листовка. Разрыв между этими фактами равняется почти целому году.

Отмеченные недостатки в известной мере снижают качество в целом хорошей и нужной книги.

И. И. Кузнецов

---

[4] См. «Боевые действия стрелковой дивизии». М. 1958, стр. 147; Приказы Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина от 17, 19 января, 7 марта 1945 г., №№ 234, 232, 294 и другие.

[5] И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М. 1947, стр. 80.

[6] «В дни Великого сражения». Сборник документов. Сталинград. 1958, стр. 34.

И. М. Майский. *Монголия накануне революции.* Академия наук СССР. Институт истории. Изд-во восточной литературы. М. 1959. Стр. 310. Тираж 1 500. Цена 15 руб.

Рецензируемая книга является сокращенным и переработанным изданием труда автора, опубликованного в 1921 г. под названием «Современная Монголия». С той поры прошло почти 40 лет, и картина Монголии коренным образом изменилась. В 1921 г. во Внешней Монголии образовалось народно-революционное правительство, деятельность которого положила начало новому историческому развитию страны. Новейшая история Монголии наглядно подтверждает правильность ленинского учения о возможности ранее отсталых стран и народов в определенных исторических условиях перейти к социализму, минуя капиталистическую формацию. Поэтому в свете такого большого исторического пути, пройденного монгольским народом за последние 40 лет, рецензируемая книга приобретает особый интерес. Автор знакомит в ней читателя с исходным моментом этого процесса, дает широкую всестороннюю картину «Монголии накануне революции». Именно в таком аспекте И. М. Майский переработал свою книгу, оставив в ней весь тот материал, который необходим для такой характеристики. Основное место в книге занимает анализ социально-экономического и политического положения Внешней Монголии накануне создания народно-революционного правительства, но автор затрагивает и некоторые вопросы истории Монголии более отдаленных эпох.

Как известно, в далеком прошлом этой страны была эпоха действительно единственная в своем роде во всей мировой истории. «В XIII в. Каракорум достиг апогея своего блеска и величия. В его стенах имел свою ставку Великий хан необъятной Монгольской империи, здесь сходились нити тогдашней мировой политики, здесь решались судьбы бесчисленного количества стран, народов и племен. Каракорум в XIII в. играл такую же роль, какую Рим играл во времена Цезаря» (стр. 107). Так как автор тут же упоминает о посольствах Плано Карпини (1247 г.) и Рубрука (1254 г.), эти слова следует отнести ко второй половине 40-х и первой половине 50-х годов XIII века.

К этому времени за четыре десятилетия почти непрерывных походов под власть завоевателей подпали: на Востоке — царство

Тангутов (с 1227 г.), то есть часть Западного Китая, Чжурчженьское царство (окончательно — в 1234 г.), то есть территория Северного Китая и Маньчжурии; на Западе — царство Каракитайское (с 1218 г.), Хорезм (с 1219 г.), земли кипчаков и волжско-камских булгар (с 1237 г.), Русь (в 1240 г.). Но на Западе еще оставались Иран и Восточный халифат; на Востоке — Тибет, Дали (Наньчжао), то есть территории Южного Китая: эти страны подпали под власть монголов позднее — в 1258—1259 годах. И только в 1279 г. под ударами монголов пало последнее могущественное государство того времени — Южно-Сунская империя; в данников превратились Бирма, Чампа в Индокитае. Мощь новой державы была продемонстрирована и в далеких странах: на Западе — опустошительным рейдом по Польше, Силезии, Венгрии и Моравии, сопровождавшимся разгромом польско-немецких войск под Вальштадтом (в 1241 г.); на Востоке — морскими экспедициями к берегам Японии, Суматры, Явы (1274—1283 гг.). Поэтому, если иметь в виду высшую точку подъема могущества Монгольской державы, то следует говорить, по нашему мнению, не о 40—50-х годах, а о 70—80-х годах XIII века. И центром этой державы был уже не Каракорум — старая ставка монгольских ханов в степях Внешней Монголии, не Шанду (Кайпин) — окраинный чжурчженьско-китайский город во Внутренней Монголии, куда была перенесена резиденция Великого хана еще в 1256 г., а Яньцзинь (в последующем Пекин) — большой китайский город, бывшая столица Чжурчженьского государства. Для монголов это был «Ханбалык» («Ханский город»), для китайцев — «Даду» («Великий город») [1].

И. М. Майский видел развалины Каракорума в 1919 г., и вот что он тогда писал: «Кругом, насколько глаз хватал, была мертвая пустота: ни скота, ни людей, ни юрт. Лишь огромное стадо горных коз мирно паслось на развалинах города, когда-то заставлявшего трепетать перед своим именем весь мир...» (стр. 108).

Что же случилось? В сущности, ничего невероятного. Надо только понять, чем на самом деле было и завоевательное движение монголов и сама Монгольская империя. Монголы завоевали почти весь культурный мир того времени, за исключением западноевропейского полуострова Евразийского континента да еще одного из полуостровов (Индийского) южной оконечности этого континента. Но монголы не одни совершали свои завоевания. И. М. Майский отмечает, что «в состав империи Чингисхана входили, как известно, кроме монголов, еще и многие немонгольские племена» (стр. 83). Правильнее было бы сказать: завоевывали этот мир не одни монголы, а кидане, чжурчжени, тангуты, тибетцы, тюрки. Вожди и предводители этих, да и многих других племен и народностей, присоединялись к монголам, увлекая за собой и подчиненную им племенную массу.

Плано Карпини, побывавший в 1246 г. в ставке Батыя на Волге, указывает, что из общего числа 600 тыс. воинов, бывших под командованием этого хана, монголов было только 150 тыс., а все остальные, то есть три четверти, принадлежали к другим племенам (стр. 82) [2]. Поэтому неверно, по нашему мнению, что так называемая Монгольская империя была государством одних монголов: это была империя всего объединившегося на некоторое время под руководством монгольских ханов «варварского» мира. И управлялась эта империя отнюдь не одними монголами. Монгольские ханы были во главе, но аппарат управления находился почти полностью в руках господствовавших групп «цветноглазых», как называют немонголов китайские хроники, на что и указывает И. М. Майский (стр. 107).

Поэтому нет ничего удивительного в том, что как только закончился завоевательный порыв и надо было уже не громить, а управлять, не разрушать, а созидать, эта империя стала тут же распадаться. Слишком огромны были размеры завоеванной территории, слишком разнородно в этническом и культурном отношении было ее население, слишком различны были уровни экономического развития ее отдельных частей, чтобы эти части могли соединиться в одно целое. Монгольские и вообще центрально-азиатские страны с их кочевым на-

[1] Некоторые положения, высказанные рецензентом по истории эпохи завоеваний и истории монголов, являются спорными. Редакция считает, что постановка этих спорных положений может дать повод для творческого обсуждения еще мало исследованных вопросов, связанных с монгольскими завоеваниями и их последствиями.

[2] Между прочим, следует сказать, что слова автора «в эпоху Чингис-хана, как известно, ни в Азии, ни в Европе не существовало статистики» (стр. 81) не вполне верны: в Китае переписи населения велись со 2 г. до н. э.

лением резко отличались от стран древ-
ей земледельческой культуры, как, напри-
ер, стран Средней и Передней Азии, Ки-
ая. Развитие каждого из этих народов шло
о своему пути. Явственно обозначились
ве формы распада империи: первая — во-
уженная борьба местного населения про-
в завоевателей; вторая — этническое по-
лощение, этническая ассимиляция завоева-
лей с одновременным распространением
а них местной культуры. Первая форма
олучила наиболее яркое выражение в Ки-
ае и на Руси, вторая — у народностей
редней и Передней Азии, то есть у тюрок,
ранцев, арабов. В конце XIV в. Монго-
ия занимала степные пространства Цент-
альной Азии, населенные кочевыми племе-
ами.

Только население это сильно поредело.
бесконечных походах гибли огромные
ассы населения тех стран, на которые об-
шились завоеватели, но гибли и сами
онголы.

С того времени прошло много столетий.
очему же так невелико было население
онголии в 1919 году? Существовало мне-
е, что «монголы вымирали». И. М. Май-
ий оспаривает это и правильно указывает,
о в искони сложившихся и почти не изме-
вшихся социально-экономических усло-
иях жизни, при частых и длительных пе-
рывах в торговом обмене с соседними
едлыми странами, при влиянии ламаист-
ой церкви, слабой охране здоровья сколь-
-нибудь значительный рост населения был
обще невозможен (стр. 83). Однако ука-
нные условия существовали и до Чингис-
на и после него. Рост был возможен, и
в ограниченных масштабах, несомненно,
л, только сдерживали его другие при-
ны. И. М. Майский говорит о бесконеч-
х междоусобицах среди монгольских
едводителей после возвращения течения
тории монголов в свои исторические гра-
цы. Не меньшее значение имели и частые
олкновения с Китаем.

Но так или иначе положение страны в
9 г. было примерно таким же, каким в
нале XIII в.— до завоевательных похо-
в, а также в конце XIV в., когда закон-
лась эпопея Монгольской империи.
М. Майский справедливо пишет: «Мон-
ы и в те давно прошедшие времена ве-
ли такое же кочевое скотоводческое хозяй-
ство, как и в XX в.; за истекшие шесть-
семь столетий в технике материального
производства, равно как и в системе про-
изводственных отношений, существенных
качественных изменений не произошло»
(стр. 83). Действительно, если сравнить то,
что нам известно о хозяйственной жизни
и общественных отношениях у монголов в
начале XIII в., с тем, что увидел И. М. Май-
ский в начале XX в., существенной разни-
цы мы не установим. Но это означает толь-
ко одно: что мы возвращаемся к истории
непосредственно монгольского народа. Кни-
га И. М. Майского делает важное дело:
освобождает нас от исторической аберра-
ции, от исторического «романтизма», от ми-
ража мировой Монгольской империи и воз-
вращает нас на лоно подлинной истории
монгольского народа, которая есть история
именно народа, а не ханов.

Есть еще одна сторона книги И. М. Май-
ского, заслуживающая особого внимания.
Резюмируя свои впечатления от увиденного
в Монголии в 1919 г., автор отмечал, что
Монголия стоит накануне величайших пе-
реворотов в своей истории. «Жизнь
за последнее пятилетие,— писал тогда
И. М. Майский,— с несомненностью обна-
ружила, что культурное человечество
вступило в эпоху коренной социально-эко-
номической перестройки, сущность которой
сводится к замене капиталистического хо-
зяйства социалистическим. Данный факт
имеет громадное значение не только для
стран, захваченных великим переворотом,
но также и для таких отсталых районов,
как Центральная Азия» (стр. 276).

После Великой Октябрьской социалисти-
ческой революции в России человечество
начало осуществлять переход к новому, со-
циалистическому обществу. История пре-
вращения Монголии за короткий историче-
ский срок из феодально-теократической мо-
нархии в народную республику, строящую
социализм,— исключительно яркий, поуч-
ительный факт, вносящий новое в историче-
скую науку, в понимание исторического
процесса вообще. Таковы мысли, навеваемые
чтением документальной и вместе с тем
написанной с большим литературным ма-
стерством книги И. М. Майского.

Академик Н. И. Конрад

О ЗАДАЧАХ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК В СВЕТЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК КПСС ОТ 9 ЯНВАРЯ 1960 г.

(Собрание актива работников институтов общественных наук АН СССР)

Коммунистическая партия Советского Союза придает огромное значение развитию общественных наук, их роли в борьбе за построение коммунистического общества. Проявлением этой заботы является постановление ЦК КПСС от 9 января 1960 г. «О задачах партийной пропаганды в современных условиях». 29 марта с. г. Президиум Академии наук СССР провел собрание актива работников московских институтов общественных наук, обсудившее задачи, которые вытекают из постановления ЦК КПСС. В работе актива приняли участие академики и члены-корреспонденты АН СССР, директора и секретари партийных организаций институтов, научные сотрудники отделений исторических наук, экономических, философских и правовых наук, литературы и языка АН СССР.

С докладом «О задачах общественных наук в свете постановления ЦК КПСС о партийной пропаганде в современных условиях» выступил вице-президент Академии наук СССР академик К. В. Островитянов. В постановлении Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, сказал он, обобщены величайшие преобразования социалистического общества, вступившего в период развернутого строительства коммунизма. На XX и XXI съездах КПСС были по-новому поставлены и освещены важнейшие проблемы современности, дальнейшее развитие получила марксистско-ленинская теория. В результате этого открылись новые перспективы для творческой деятельности наших экономистов, философов, историков и других работников гуманитарных наук. В постановлении ЦК КПСС определены требования к партийной пропаганде на современном этапе и дана развернутая программа дальнейшего развития всех общественных наук. Партийная пропаганда, подчеркнул К. В. Островитянов, может быть по-настоящему глубокой и действенной только тогда, когда она непрерывно обогащается, когда в ней принимают непосредственное и активное участие лучшие научные и пропагандистские силы. Общественные науки смогут выполнять свои задачи только в том случае, если они будут тесно связаны с практикой коммунистического строительства, с насущными задачами партийной пропаганды.

Далее К. В. Островитянов остановился на характеристике работы, проделанной отдельными институтами общественных наук. Он отметил, в частности, что после XX съезда советскими историками выпущено большое количество книг и публикаций документов. Основное внимание историков было сосредоточено на создании трудов, обобщающих закономерности исторического развития, на исследовании актуальных вопросов истории СССР и новейшей истории зарубежных стран, в частности, стран Азии и Африки. Опубликован ряд томов «Всемирной истории». Институтом этнографии выпускается серия «Народы мира». Изданы книги по новейшей истории Индии, Китая и других стран. Вышли в свет учебные пособия «История СССР. Эпоха социализма», по новейшей истории и учебник истории СССР (1861—1917 гг.) для высших учебных заведений, пособия по истории отдельных народов Советского Союза. Опубликованы также сборник статей «Против фальсификаторов истории» и работы по новой истории ряда стран. В своих исследованиях историки стали ближе к жизни, их интересуют проблемы современности, они разрабатывают историю отдельных предприятий. Институт истории провел в Ленинграде научную сессию по истории советского рабочего класса, в работе которой участвовали члены бригад коммунистического труда. К. В. Островитянов отметил, что сотрудники институтов общественных наук АН СССР принимали активное участие в создании учебников «История Коммунистической партии Советского Союза» и «Основы марксизма-ленинизма».

Определенных сдвигов в своей работе до-
лись и советские искусствоведы. Инсти-
утом истории искусств АН СССР изданы
а последнее время книги по истории рус-
кого искусства, советского драматического
еатра, кино, музыки, сборник «Против ре-
зионизма в искусстве и искусствоведе-
ии», сдан в печать сборник статей «Роль
скусства в коммунистическом воспитании
оветского народа».

Однако в деятельности институтов обще-
венных наук АН СССР до сих пор име-
тся еще весьма серьезные недостатки.
Многие экономисты, философы, историки
другие научные работники,— говорится в
остановлении ЦК КПСС от 9 января
60 г.,— не преодолели элементов догма-
зма, не проявляют смелого и творческого
одхода к жизни, к опыту борьбы масс,
або разрабатывают актуальные теорети-
ские и практические вопросы, часто на-
одятся в плену устарелой и бесплодной
облематики». Институты общественных
ук Академии наук СССР, как и другие
реждения по общественным наукам, «все
де мало связаны с жизнью партийных
ганизаций, не всегда активно и творчески
могают в проведении идеологической ра-
ты». Докладчик заявил, что экономисты,
илософы, историки пока слабо изучают
циалистическую экономику, закономерно-
и перехода от социализма к коммунизму,
оцессы развития современного общества,
стают в разработке вопросов социалисти-
ской культуры и коммунистического вос-
тания, проблем международного рабоче-
движения, классовой борьбы и нацио-
льно-освободительного движения на со-
еменном этапе. Совершенно недостаточно
дется изучение вопросов, связанных с по-
тическим и экономическим развитием
ировой социалистической системы хозяй-
за, а также суверенных слаборазвитых
ран Азии и Африки.

Центральный Комитет КПСС ставит пе-
д работниками общественных наук зада-
изучать и обобщать опыт борьбы пар-
и и народа за победу коммунизма, под-
товить в ближайшие годы ряд капиталь-
х трудов по истории партии, о путях
ммунистического строительства и зако-
мерностях развития мировой системы со-
ализма, о мировом коммунистическом ра-
ем и демократическом движении, совре-
нном этапе общего кризиса капитализма,
распаде колониальной системы и разви-
и национально-освободительной борьбы
родов Азии, Африки и Латинской Аме-
рики, а также создать исследования, разоблачающие псевдонаучные теории буржуазных правосоциалистических и ревизионистских защитников капитализма.

К. В. Островитянов подробно остановился на конкретных планах работы институтов общественных наук АН СССР. Одной из важнейших задач, сказал он, является написание многотомной истории советского общества. В последние годы основные силы историков были сосредоточены на разработке проблем подготовки социалистической революции и установления Советской власти в нашей стране. Наряду с этим теперь необходимо уделить особое внимание изучению созидательной функции революции, деятельности Советской власти по налаживанию новой хозяйственной, общественно-политической и культурной жизни страны. Наиболее важная задача — исследование послевоенного периода в истории СССР, и в частности таких тем, как борьба партии за крутой подъем сельского хозяйства, реорганизация управления промышленностью, расширение прав общественных организаций в управлении страной и т. д.

Делу коммунистического воспитания, указал докладчик, содействует выявление и изучение закономерностей развития человеческого общества с древнейших времен до наших дней, в том числе и отечественной истории. Институт истории АН СССР намечает подготовку двухтомного труда по истории пролетариата России (1861—1917 гг.). Немаловажное значение имеет также изучение истории российского крестьянства. Наряду с отдельными монографиями следует создать трех- или четырехтомную историю крестьянства России. Серьезное внимание должно быть уделено истории национально-освободительных движений.

Перед советскими историками стоит задача написать многотомную «Историю СССР» с древнейших времен до наших дней, которая явилась бы важным средством воспитания подрастающего поколения в духе советского патриотизма и интернационализма.

Усиление исследовательской работы по истории церкви, сектантства, религиозных учений и атеизма имеет первостепенное значение для научной организации антирелигиозной пропаганды. Большая ответственность возлагается на советских востоковедов и африканистов, которые должны создать монографии о распаде колониальной системы империализма и развитии нацио-

нально-освободительного движения народов Азии и Африки.

Институтам славяноведения и китаеведения следует подготовить работы по истории социалистического строительства в Болгарии, Польше, Чехословакии и Китае, коммунистических и рабочих партий, по проблеме культурной революции в этих странах, а также труды, освещающие борьбу против идеологии германского реваншизма. Советским этнографам предстоит продолжить и углубить изучение современного быта рабочих и колхозников и перспектив его дальнейшего преобразования. Институт истории искусств основное внимание должен сосредоточить на разработке теоретических проблем искусства периода развернутого строительства коммунизма, на обобщении достижений советского многонационального искусства и пропаганде их как в нашей стране, так и за рубежом. Советские искусствоведы обязаны заняться исследованием самодеятельного искусства, которое получило широкое развитие в СССР и странах социалистического лагеря, и его взаимосвязей с профессиональным искусством, оказывать помощь народным университетам в разработке учебных планов, методических пособий и т. д.

К. В. Островитянов указал далее на необходимость развертывания работы по подготовке новых и совершенствованию вышедших учебников и пособий для сети партийного просвещения, усиления деятельности журналов, налаживания координации планов различных научных учреждений. Следует, продолжал докладчик, решительнее использовать коллективный метод в научной работе, что дает возможность подготавливаемые труды выполнить в более короткие сроки и способствует повышению их качества. К сожалению, до сих пор в институтах общественных наук не изжита многотемность.

Коллективы институтов общественных наук должны развернуть работу по распространению научных и политических знаний, одной из форм пропаганды которых является издание научно-популярных книг и брошюр. Докладчик призвал ученых активно включиться в написание книг, брошюр и статей, рассчитанных на массового читателя. Он отметил, что в последнее время значительно расширилось участие научных работников в устной пропаганде. Институты востоковедения, экономики, философии и другие практикуют групповые выезды ученых с лекциями на предприятия. Необходимо также улучшить работу групп (щества по распространению политичес и научных знаний, вовлекая в нее бо широкий круг научных сотрудников инс тутов. Для пропаганды последних дости ний науки следует активнее использов такие средства, как радио и телевиде Докладчик приветствовал инициативу учных работников всех гуманитарных ститутов, принявших в ответ на обраще ЦК КПСС обязательство выступать с л циями и докладами среди населения на щественных началах.

В заключение К. В. Островитянов ука на необходимость повышения теоретичес го уровня самих научных сотрудников. Д этого надо шире практиковать теорети ские конференции, особенно межинстит ские и межотделенческие, что будет с собствовать взаимному обогащению учен разных специальностей. К участию в та конференциях должны привлекаться пр тики, а также научные сотрудники пери рийных институтов.

В прениях по докладу выступали ис рики, экономисты, философы и предста тели других общественных наук.

Академик Б. А. Рыбаков отметил, в борьбе с идеологическими противника важны знания не только вопросов сов менности, но и далекого прошлого. На ждународных конгрессах и конференц историков оказываются часто актуальны проблемы происхождения человека, го дарства, отдельные вопросы первобыт истории, ранних ступеней развития чело ческого общества. Создавая коммунисти ское общество, мы должны глубоко и тв чески изучать историю на всех ее этап говорит оратор. В практической работе коммунистическому воспитанию людей п ходится сталкиваться, например, с рели озными пережитками, корни которых у дят в отдаленную эпоху, изучаемую раб никами археологической и этнографичес науки, историками древнего мира. Бор за умы людей должна вестись при помо не только спутников и лунников, но и к историков, этнографов, археологов, эко мистов, юристов, литературоведов и дру представителей гуманитарных наук. Зада всех направлений исторической науки стоит в том, чтобы формировать комму стическое мировоззрение людей, дать представление о ступенях развития че веческого общества.

С интересом было выслушано выступ ние директора Института истории чле

корреспондента АН СССР В. М. Хвостова. XX съезд нашей партии, сказал он, развязал творческую мысль ученых. По всем разделам общественных наук за последние годы были достигнуты успехи. Следует отметить появление первых, в основном удачных опытов обобщения исторического развития нашей страны в советскую эпоху, а также новейшей истории капиталистических стран. На послесъездовский период падает подготовка большей части томов «Всемирной истории». Международные встречи ученых общественных наук показали, что советская наука завоевала себе такой авторитет, который не позволяет нашим идейным противникам не считаться с результатами ее исследований.

Исходя из решений XX и XXI съездов КПСС, в 1959 г. Институт истории предпринял меры по дальнейшей актуализации тематики научных работ. При составлении семилетнего плана основным принципом являлось сосредоточение внимания на важнейших направлениях развития науки, прежде всего на изучении истории советского общества.

В. М. Хвостов далее рассказал об основных объектах плана работы Института истории. В настоящее время большой коллектив сотрудников занят составлением таких изданий, как «История Советского Союза», «История Великой Октябрьской социалистической революции». Одновременно готовится значительное количество монографий по истории советского периода (в том числе двухтомник о коллективизации сельского хозяйства), несколько документальных публикаций (например, декреты Советской власти). По новейшей истории зарубежных стран основное внимание уделяется изучению международного рабочего движения, а также внешней политики, в частности периода второй мировой войны. Одним из важнейших объектов семилетнего плана Института истории является коллективный двухтомный труд по истории международного рабочего движения с 1917 г. до наших дней. Подготавливается двухтомная история II Интернационала — исследование, имеющее огромное значение для выяснения исторических корней ревизионизма и борьбы с ним. Ряд работ будет посвящен истории рабочего движения отдельных ведущих стран. Большое место в плане института занимают исследования по истории США и стран Латинской Америки, а также истории религии и атеизма. Подготавливаются работы, направленные на разоблачение буржуазных фальсификаторов истории.

Много сил сотрудники Института отдают составлению учебников и учебных пособий для высшей и средней школы, а также пишут научно-популярные книги. Все эти мероприятия, несомненно, приблизят исследовательскую деятельность историков к задачам идеологической работы в современных условиях.

В заключение В. М. Хвостов остановился на вопросе о необходимости повышения роли общественных наук в системе АН СССР, координации научной деятельности исследовательских учреждений, создания теоретических работ совместными усилиями историков, философов и экономистов. Но в связи с плохой постановкой научной информации в области истории, социологии, философии, права, публицистики и т. д. выполнение задач, стоящих перед работниками общественных наук, в значительной степени затрудняется. Следует серьезно подумать о том, как доводить результаты наших исследований до зарубежного читателя. Большим тормозом для развития исторической науки является также недостаточность издательских возможностей, искусственное занижение тиражей, приводящее к тому, что иногда нельзя приобрести книгу, изданную три года и даже год назад.

О перестройке работы общественных отделений АН СССР, приближении науки к практике коммунистического строительства и партийной пропаганды говорил в своей речи и директор Института этнографии, член-корреспондент АН СССР С. П. Толстов. Важнейшей проблемой, заявил он, является изучение перемен, происходящих ныне в жизни народов Советского Союза. Этнографами проведена значительная работа по изучению быта колхозников и рабочих нашей страны, что нашло отражение в ряде монографических исследований, выполненных сотрудниками Института этнографии, специалистами союзных и автономных республик. Подготовлены к печати монографии, в которых рассматривается история и современное положение металлургов Нижнего Тагила, бакинских нефтяников, нефтяников Небит-Дага. Сотрудники института занимаются изучением жизни и быта народов зарубежных стран, и в первую очередь народов Азии, Африки и Латинской Америки. Этим вопросам посвящены отдельные монографии и особенно пятнадцатитомная серия «Народы

мира». Вышедшие 6 томов этой серии получили положительную оценку советской и прогрессивной зарубежной общественности. Кроме того, Институт этнографии усиливает работу по борьбе со всякого рода расистскими и другими реакционными теориями, построенными на этнографическом и антропологическом материале.

О тесной связи общественных наук с насущными вопросами сегодняшнего дня, о необходимости активного участия искусствоведов в жизни советского народа говорил на собрании зав. сектором Института истории искусств, член-корреспондент АН СССР В. Н. Лазарев.

И. о. академика-секретаря Отделения экономических, философских и правовых наук, член-корреспондент АН СССР П. Н. Федосеев отметил, что работники гуманитарных наук слабо обобщают богатейший опыт социалистического и коммунистического строительства в нашей стране. Капитальных исследований о социализме и коммунизме пока еще нет. Отделение экономических, философских и правовых наук приступило в настоящее время к созданию большого труда «Социализм и коммунизм». В этой работе должны принять участие также историки, этнографы, литературоведы и специалисты других областей общественных наук. П. Н. Федосеев обратил внимание на отсутствие координации и кооперации усилий ученых различных отраслей гуманитарных наук.

Член-корреспондент АН СССР Ю. П. Францев посвятил свое выступление вопросам мирного сосуществования двух систем и усилению идеологической борьбы в современных условиях. Он подчеркнул, что высказывания Н. С. Хрущева о возможности мирного сосуществования двух систем нанесли сокрушительные удары по идеологии «холодной войны». В связи с этим открывается широкое поле деятельности для работников общественных наук. Однако эта возможность используется еще очень слабо. Идеи Н. С. Хрущева о мирном сосуществовании получили ныне свое развитие в ряде трудов прогрессивных ученых Запада. Примером может служить книга Д. Бернала «Мир без войны». У нас, к сожалению, такие работы еще не написаны. До сих пор нет и серьезного исследования о марксистско-ленинском учении о мирном сосуществовании двух социальных систем.

На собрании актива также выступили член-корреспондент АН СССР В. И. Борковский, директор Института экономики АН СССР К. Н. Плотников, заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР Н. Н. Иноземцев, зав. сектором Института мировой литературы АН СССР Я. Д. Эльсберг.

С речью выступил на собрании актива зам. зав. отделом науки, вузов и школ ЦК КПСС Д. М. Кукин. За последние годы, особенно после XX съезда КПСС, сказал он, институты общественных наук АН СССР проделали немалую работу, изменилась атмосфера внутренней жизни самих институтов, ученые решительнее начали отказываться от догматизма и начетничества, от всего того, что прежде сковывало их деятельность. Увеличилось количество публикуемых книг по различным вопросам гуманитарных наук, несколько повысилось их качество. Отрадно и то, что институты общественных наук стали более активно поддерживать связи с учеными стран социалистического лагеря, с прогрессивной научной общественностью капиталистических стран. Расширение зарубежных научных связей способствовало повышению международного престижа советской науки, усилению влияния марксистско-ленинской идеологии за рубежом.

Оценивая роль гуманитарных наук в эпоху развернутого строительства коммунизма, Д. М. Кукин отметил, что необходимо поднять авторитет институтов общественных наук в системе Академии наук СССР. Далее выступавший указал на серьезные недостатки в их работе. В частности, характеризуя деятельность историков, он сказал, что в недавнем прошлом они распыляли свои силы, изучая мелкие, второстепенные проблемы. В настоящее время основное внимание историков и всех работников общественных наук должно быть сосредоточено на создании многотомного труда по истории народов СССР с древнейших времен до наших дней.

50-летие Великой Октябрьской социалистической революции необходимо ознаменовать написанием труда, обобщающего громадный опыт строительства социализма и коммунизма в СССР. При планировании своей работы, отметил Д. М. Кукин, историки зачастую страдают гигантоманией. Это проявилось, например, при подготовке издания сборника документов по революции 1905—1907 гг. и ряда монографий. Он призвал к коллективному творчеству и инди

дуальной ответственности, к развертыванию товарищеских дискуссий по важнейшим вопросам в области общественных наук, к вовлечению новых творческих сил для работы на идеологическом фронте.

В единодушно принятой собранием резолюции говорится, что постановление ЦК КПСС о задачах партийной пропаганды в современных условиях сыграет большую роль в развитии общественных наук, в приближении их к жизни, в усилении борьбы с буржуазной идеологией и разного рода ревизионистскими течениями. Резолюция призывает всемерно развивать научную пропаганду, разнообразить ее формы, практиковать групповые выезды ученых с лекциями на места, проводить заседания ученых советов институтов на заводах, установить постоянные научные связи с предприятиями и колхозами.

А. А. Шевяков

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАБОТЫ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР за 1959 год *

Минувший 1959 год явился первым годом развернутого строительства коммунизма в нашей стране.

Состоявшийся в феврале 1959 г. XI съезд КПСС поставил перед советскими людьми новые грандиозные задачи, решение которых приведет к дальнейшему расцвету и укреплению нашей великой Родины, всего социалистического лагеря.

Большие задачи съезд выдвинул перед общественными науками, в том числе и перед историей. О значении общественных наук и их роли в идеологической работе говорит и постановление ЦК КПСС о задачах партийной пропаганды в современных условиях от 9 января 1960 года. В применении к исторической науке указания XXI съезда партии и постановления ЦК КПСС требуют сосредоточения сил и внимания историков в первую очередь:

а) на изучении истории советского общества, строительства социализма и коммунизма в нашей стране, а также (в координации с соответствующими другими институтами) на исследовании истории строительства социализма в странах народной демократии;

б) на изучении новейшей истории капиталистических стран, то есть процессов, происходящих в капиталистическом мире в условиях общего кризиса капиталистической системы, включая вопросы международных отношений, национально-освободительного движения и т. д.;

в) специально на истории международного рабочего движения в новое и новейшее время, в особенности в связи с задачами, поставленными съездом по борьбе против ревизионизма, в которую историки-марксисты обязаны внести большой вклад прежде всего в смысле раскрытия исторических корней современного ревизионизма;

г) на разоблачении буржуазной, правосоциалистической и ревизионистской идеологии, что применительно к исторической науке требует развертывания работы в области историографии.

Успешное разрешение этих задач требует решительных мер по подъему пока еще отстающих участков исторической науки — истории советского общества, новейшей истории западных стран.

Историческая наука обязана занять видное место в разрешении задач, поставленных партией в области идеологической работы. Н. С. Хрущев говорил на XXI съезде КПСС: «Наше молодое поколение не прошло той большой школы жизни и борьбы, которая выпала на долю старшего поколения. Молодые люди не знают ужасов и бедствий дореволюционного времени и лишь по книгам могут иметь представление об эксплуатации трудящихся. Весьма важно поэтому, чтобы наше молодое поколение знало историю страны, борьбы трудящихся за свое освобождение...»

Решения XXI съезда КПСС обязывают историков написать популярные книги, из

---

* Информация составлена на основе доклада, сделанного на совместном заседании Отделения исторических наук АН СССР и Ученого совета Института истории, директором Института истории АН СССР, членом-корреспондентом В. М. Хвостовым.

которых молодежь могла бы узнать прошлое родной страны. Отечественная история должна стать могучим средством коммунистического воспитания молодежи, передачи подрастающему поколению славных революционных традиций нашего народа.

Главными направлениями, по которым развернулась работа в Институте истории, являются: «История строительства социализма и коммунизма в СССР»; «Борьба с буржуазной идеологией и история исторической науки». «Революционные традиции народов СССР и проблемы отечественной истории дооктябрьского периода»; «История социалистического строительства в странах народной демократии»; «История международного рабочего движения»; «История международных отношений», «История капиталистических стран в период общего кризиса капитализма»; «История докапиталистических обществ и генезис капитализма»; «История религии и атеизма».

В качестве основных объектов научной работы института в предстоящем семилетии намечено несколько больших трудов, имеющих важнейшее значение для выполнения задач, поставленных перед общественными науками XXI съездом партии. К числу таких исследований относится, например, многотомная «История СССР» с древнейших времен до наших дней. Завершить этот коллективный труд предполагается к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Он должен подвести итоги исследовательской работы, проведенной советскими историками за последние десятилетия и пока еще не нашедшей (если не считать учебников) обобщения в сводном труде. В 1959 г. началась работа над этим изданием. Состоялось обсуждение вопросов, связанных со структурой отдельных томов, периодизацией истории советского общества. Институт стремился изжить в своей работе многотемность и устранить случайную тематику. В плане предусмотрено также создание обобщающих работ по истории Октябрьской революции. Коллектив института провел значительную подготовку по созданию этих трудов. Ведется работа по написанию предусмотренных семилетним планом коллективных и индивидуальных исследований по истории рабочего класса и колхозного крестьянства СССР, пролетариата и рабочего движения в стране в дореволюционный период, по истории крестьянского движения и крестьянских войн в России.

Среди задач, поставленных XXI съезд КПСС перед общественными науками, щественное место занимает изучение п цессов, происходящих в современном ка талистическом обществе. Институт прис пил к подготовке двухтомного издания истории международного рабочего дви ния в новейшее время (с 1917 г.), а так ряда трудов по истории рабочего дви ния в отдельных странах.

XXI съезд обратил серьезное вниман советских историков на необходимость у ления борьбы с буржуазной идеологи В связи с этим в планах института уве чено число работ, направленных на р облачение буржуазных фальсификатор истории. В прошлом году институт прис пил к написанию двухтомного труда истории II Интернационала. Научной ис рии II Интернационала еще не существу ни у нас, ни за рубежом. Между тем о весьма необходима: эта история помож вскрыть исторические корни современно ревизионизма, облегчить борьбу с нынешн ми предателями интересов рабочего клас

Большое место в работе института зан мало завершение «Всемирной истори Сейчас надлежит выпустить последн тома, рассказывающие о периоде обще кризиса капитализма.

Коллектив научных сотрудников инст тута плодотворно потрудился в первом г ду семилетки. В 1959 г. сотрудники инст тута подготовили 57 трудов, из них 12 пу ликаций и 5 книг, представляющих соб переиздания сочинений крупных историк (С. М. Соловьева, Б. Д. Грекова, С. В. Ба рушина и др.). Общий объем подготовле ной продукции составил 2 015 авторск листов.

За истекший год вышло в свет 70 раб (2 150 авторских листов). Среди них ко лективные труды: «Всемирная история (т. VI), «История Москвы» (т. VI, ч. 2 учебник для высших учебных заведений г истории СССР (т. II), охватывающий п риод с середины XIX в. до 1917 г., учебн пособие для вузов по новейшей истори (1917—1939 гг.) и др.

Институт выполнил план первого год семилетки с некоторым превышением. П ведущему направлению исследовательско работы — «Истории строительства социа лизма и коммунизма в СССР» — в 1959 подготовлен ряд актуальных трудов, на пример, монографии Э. Б. Генкиной «Ле нин — председатель Совнаркома и СТО. И истории государственной деятельност

В. И. Ленина в 1921—1922 годах» и И. С. Смирнова «Государственная деятельность В. И. Ленина в области культурного строительства». Одному из актуальных вопросов истории советского общества — созданию многонационального социалистического государства — посвящена монография С. И. Якубовской «Строительство Союзного Советского государства (1922—1925 гг.)». Сдано в издательство исследование И. М. Некрасовой «Ленинский план электрификации страны и его осуществление», завершена монография А. А. Матюгина «Рабочий класс в первые годы восстановительного периода (1921—1922 гг.)». «Из истории рабочего класса СССР в первые годы индустриализации. 1926—1927 гг.» — так называется книга Л. С. Рогачевской. Вышла также из печати книга М. А. Выдана «Укрепление материально-технической базы колхозного строя во второй пятилетке, 1933—1937 гг.». Если обратиться к более позднему периоду в истории советского общества, то необходимо отметить, что в 1959 г. вышла в свет книга А. В. Карасева «Ленинградцы в годы блокады 1941—1943 гг.».

В декабре 1959 г. Институт истории совместно с историческим факультетом Ленинградского университета провел научную конференцию, посвященную истории советского рабочего класса. На конференции была подвергнута анализу имеющаяся литература по этой проблеме, обсуждена степень изученности отдельных периодов истории советского рабочего класса

Серьезная работа проделана по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции». В 1959 г. подготовлены к печати два тома «Хроники Великой Октябрьской социалистической революции» (тт. III, IV), охватывающие период с 26 июля по 25 октября 1917 г. включительно. Таким образом, завершается четырехтомное издание хроники важнейших событий истории Великого Октября, начатое в 1957 году. Закончено также составление сборника документов «Протоколы и переписка Петроградского ВРК».

Вышли из печати три книги документальных сборников: «Революционное движение в России в мае — июне 1917 г. Июньская демонстрация»; «Революционное движение в июле 1917 г. Июльский кризис»; «Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа». Эти книги являются очередными томами документальной серии «Великая Октябрьская социалистическая революция» (в 10 томах).

В прошлом году был опубликован второй том издания «Декретов Советской власти». Данное издание, в подготовке которого участвует также Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, имеет большое значение. С выходом его в свет читатель получит первую научную публикацию декретов Советского правительства. Немалый интерес эта книга представляет и для стран народной демократии: она поможет изучению опыта законодательства Великой Октябрьской социалистической революции.

В соответствии с семилетним планом научно-исследовательской работы в текущем году в институте начата подготовка к составлению пятитомной «Истории Великой Октябрьской социалистической революции». Намечен план — схема, который был обсужден совместно со специалистами из академий наук союзных республик и представителями исторических кафедр ряда университетов страны.

Коллектив группы по истории Великой Октябрьской социалистической революции в основном закончил написание научно-популярного очерка, посвященного истории пролетарской революции в нашей стране. В связи с этим были проведены конференции и научные заседания, на которых обсуждались теоретические вопросы данной проблемы.

Научным советом по рассматриваемой проблеме сделан анализ исторической литературы, вышедшей к 40-й годовщине Октября, подготовлен и издан библиографический указатель научной литературы и документальных сборников, опубликованных в 1957—1958 годах. В октябре 1959 г. состоялась сессия, посвященная анализу иностранной литературы об Октябрьской революции. В ее работе приняли участие историки союзных республик, кафедр университетов и педагогических вузов страны. На сессии было заслушано 18 докладов и сообщений. Научный совет провел коллоквиум об изучении в странах народной демократии истории Великого Октября. Была организована также научная конференция историков (в Баку) по вопросам подготовки и проведения социалистической революции в Закавказье.

Обсуждение теоретических вопросов по истории Великой Октябрьской социалистической революции содействовало работе над обобщающими трудами и монографиями,

предусмотренными семилетним планом института.

В 1959 г. видное место в деятельности института заняли исследования по проблеме «Борьба против буржуазных фальсификаторов истории». Институт истории совместно с Академией общественных наук при ЦК КПСС подготовил сборник научных статей «Против буржуазных фальсификаторов истории СССР» под редакцией М. В. Нечкиной, З. А. Астапович, Л. С. Гапоненко и А. М. Дедова. В сборнике дается критика буржуазной историографии по важнейшим проблемам истории советского общества, а также разоблачаются приемы фальсификации истории нашей страны.

Вышел в свет сборник научных статей «Против фальсификации истории» (ответственный редактор В. Г. Трухановский). В подготовке книги приняли участие Е. А. Косминский, З. В. Удальцова, В. М. Далин, А. М. Некрич, Н. Н. Яковлев и другие.

Определенные успехи достигнуты коллективом института в разработке истории исторической науки в нашей стране. В 1959 г. сдана в издательство книга «Очерки по истории исторической науки» (т. 2) под редакцией М. В. Нечкиной, С. М. Дубровского, М. А. Алпатова и др., в которой освещается развитие исторической науки в России за период с 60-х по 90-е годы XIX века. Закончена авторская работа над третьим томом этих «Очерков» (90-е годы XIX в. — 1917 г.), подбираются материалы по четвертому и пятому томам, завершение которых предусматривается в текущем семилетии. Изучение истории исторической науки за последнее время заметно активизировалось.

В прошлом году состоялась научная конференция, посвященная вопросам периодизации советской исторической науки. С докладом на эту тему выступила М. В. Нечкина. Доклад, в обсуждении которого приняли активное участие сотрудники института и других научных учреждений и учебных заведений, поможет авторскому коллективу в разработке схемы предполагаемого труда по истории советской исторической науки.

Видное место в деятельности института заняло исследование истории рабочего движения в России в эпоху империализма и изучение исторических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции.

В 1959 г. подготовлены к печати два тома документальной публикации «Революция 1905—1907 гг. в России», а также первый том трудов А. М. Панкратовой по истории рабочего класса нашей страны. Этой проблеме посвящена монография Ю. З. Полевого «Зарождение марксизма в России 1883—1894 гг.». Вышли в свет коллективный труд «Из истории империализма в России» и сборник документов «Второй период революции 1905—1907 гг.».

В прошлом году продолжалась работа над монографиями: «Рабочий класс и рабочее движение в России в 1906—1907 гг.» (Г. М. Деренковский); «Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма» (С. М. Дубровский); «Государственный банк и экономическая политика царского правительства в 1893—1917 гг.» (И. Ф. Гиндин) и др.

В соответствии с семилетним планом по рассматриваемой проблеме в 1959 г. начата подготовка двухтомного коллективного труда по истории рабочего класса и рабочего движения в России в эпоху капитализма. Научный совет провел конференцию по вопросам формирования и развития пролетариата в России.

В минувшем году коллектив института разрабатывал проблему «Революционное движение в России во второй половине XIX века», подготовив к печати сборник научных статей «Революционная ситуация в России в конце 50-х и начале 60-х годов XIX столетия». Проводилось монографическое исследование таких тем, как «Народная воля» (С. С. Волк); «Революционное народничество в начале 70-х годов XIX века» (Б. С. Штенберг), а также шла работа над двухтомным сборником документов о революционном движении в России 60—80-х годов XIX века.

Изучение данной проблемы оживилось только в последние два года, после создания специальной научной группы. В 1959 г. состоялось несколько конференций, которые обсудили ряд важных научных докладов («Рабочее движение на уральских заводах в годы революционной ситуации»; «Революционная ситуация и революционеры-народники первой половины 70-х годов»; «К вопросу о взаимоотношениях «Молодой России» с «Землей и волей» и другие).

В октябре 1959 г. институт совместно с историческим факультетом Московского университета провел научную конференцию по истории революционного народничества в России.

Сделан шаг вперед в исследовании вопроса «История крестьянских войн и классовая борьба в России». Вышел в свет сборник документов по истории крестьянского движения в XIX в., в котором охватывается период с 1890 по 1900 год. Коллектив института подготовил к печати две книги из серии документальных сборников «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX века».

В прошлом году началась работа над коллективными трудами, посвященными истории крестьянских войн.

Известные результаты достигнуты сотрудниками института в изучении истории социалистического строительства в странах народной демократии. Научные исследования по этой проблеме ведутся совместно с другими институтами АН СССР (славяноведения, востоковедения, китаеведения).

Много внимания уделял коллектив института в истекшем году истории международного рабочего движения (по этому направлению намечены две проблемы: «История социалистических идей и классовая борьба пролетариата до общего кризиса капитализма» и «История международного рабочего движения в период общего кризиса капитализма»). Велась также разработка вопросов истории национально-освободительных движений.

В прошлом году завершено создание таких трудов, как «Чартизм» (сборник статей), монография Ю А. Писарева «Освободительные движения южнославянских народов Австро-Венгрии в 1905—1918 гг.». Завершается подготовка издания «Протоколов заседаний Парижской коммуны 1871 года» (в двух томах). Вышли из печати сборник статей «Французский ежегодник», монографии И. Г. Сенкевич «Освободительное движение албанского народа в 1909—1912 гг.» и Т. М. Исламова «Политическая борьба в Венгрии в начале XX в.».

В соответствии с семилетним планом исследований коллектив института приступил к составлению труда по истории английского рабочего движения в эпоху развития капитализма (1660—1870 гг.) к написанию книги «Вопросы истории социалистических идей». Во время подготовки этих работ были проведены научные заседания группы по изучению истории социалистических идей, на которых обсуждались важные теоретические вопросы. Большой интерес вызвал доклад А. М. Дебориа «Социалистическая утопия во взглядах немецких просветителей».

По проблеме «История международного рабочего движения в период общего кризиса капитализма» вышли из печати монографии Б. Я. Михайлова «Конгресс производственных профсоюзов США (1935—1955 гг.)» и Б. Р. Лопухова «Борьба рабочего класса Италии против фашизма (1920—1921 гг.)»; завершено составление сборников статей «Из истории международного рабочего движения новейшего времени» и «Проблемы рабочего и антифашистского движения в Испании». К. Л. Майданик закончил монографию «Испанский пролетариат в народно-демократической революции».

В 1959 г. в институте началась подготовка очерков по новейшей истории международного рабочего движения в двух томах, а также ряда монографий в этом плане. В связи с расширением тематики исследований по данной проблеме в секторе новейшей истории состоялось обсуждение некоторых вопросов, в частности вопроса о кризисе фашистского режима в Италии в 1943 г., из истории итальянской социалистической партии в новейшее время и других. Созданная в институте научная группа по изучению истории Италии провела теоретическое собеседование по проблеме с историками, экономистами, общественными деятелями Италии, посетившими в 1959 г. Институт истории. Состоялись беседы с историками-коммунистами Д. Ж. Канделора, Э. Серени, а также с буржуазным прогрессивным историком Антоничелли, позволившие лучше уяснить положение в современной итальянской историографии по вопросам рабочего движения. Весьма плодотворными были встречи с крупным ученым, специалистом по движению Сопротивления Р. Батталья, а также с историком, членом ЦК ИКП М. Аликата и другими.

Научной группой по изучению истории Франции была организована встреча советских историков с членом Политбюро Французской коммунистической партии Роже Гароди, который выступил с докладом о деятельности партии на современном этапе.

Теоретические доклады, конференции, научные сессии, собеседования, проведенные в Институте истории по важнейшим вопросам истории международного рабочего движения в период общего кризиса капитализма, содействовали активизации творческой работы коллектива научных сотрудников института, занимающихся разработкой данной проблемы.

Семилетним планом института намечено уделить большое внимание изучению истории международных отношений. Исследовательская работа в данном направлении проводится по трем проблемам: «Внешняя политика Советского государства»; «Внешняя политика и войны России в дореволюционный период» и «История международных отношений в эпоху империализма».

По первой проблеме в 1959 г. шло написание монографий: «Политика Советского Союза в германском вопросе после второй мировой войны» (П. А. Николаев); «Внешняя политика СССР в начале 30-х годов» (А. Е. Йоффе); «Советско-американские отношения в 1917—1925 гг.» (А. В. Березкин); «Советско-иранские отношения в 1917—1927 гг.» (М. В. Попова) и др.

По второй проблеме подготовлено к печати несколько работ. Среди них монография И. В. Бестужева «Борьба классов и партий в России по вопросам внешней политики накануне первой мировой войны» и ряд сборников. В сборнике статей «Международные связи России до XVII века» широко представлены материалы о международном положении и внешней торговле Киевской Руси, Великого Новгорода и Русского централизованного государства. Книга содержит обзор современной зарубежной литературы, где дана критика антиисторических концепций буржуазной историографии, искажающей роль Руси в международных отношениях. В ее подготовке вместе с советскими историками приняли участие видные зарубежные ученые: Э. Винтер, Г. Рааб (ГДР); Б. Влодарский (Польша); А. В. Флоровский (Чехословакия); Э. Ледерер (Венгрия); И. Снегаров (Болгария); В. Мошин (Югославия); Гупта (Индия). Издание этой книги имеет важное политическое значение: она послужит делу укрепления международных связей ученых-историков. Сборник документов «Русско-шведские экономические отношения в XVII веке» составлен на основе новых архивных документов, освещающих экономические связи России со скандинавскими странами в XVII веке. В сборник включено много документов по вопросам русско-шведской торговли. Выход книги в свет приурочен к всемирному конгрессу историков в 1960 г. в Стокгольме. Закончена работа над IX томом издания «Письма и бумаги Петра Великого», которое осуществляется на протяжении ряда лет.

По второй проблеме вышли из печати: сборник статей «Полтава» (в его подготовке участвовали ученые Москвы, Ленинграда, Киева, Львова), монографии Л. А. Н кифорова «Внешняя политика России в п последние годы Северной войны. Ништад ский мир» и С. А. Фейгиной «Аландск конгресс. Внешняя политика России в кон Северной войны».

В прошлом году велась подготовительна работа в связи с предстоящим юбилее 150-летия Отечественной войны 1812 год

По третьей проблеме сдано в издатель ство исследование В. Г. Полякова «Англи ская внешняя политика в период Мюнхе ского соглашения» и вышли в свет кни Б. И. Бухарова «Вопросы дальневосточно политики США (1953—1955 гг.)» и Н. Болховитинова «Доктрина Монро».

В 1959 г. институт работал над созд нием трехтомной истории международны отношений в годы второй мировой войн а также двухтомной истории национально борьбы в Испании.

Определенных результатов коллектив д бился в изучении истории капиталистич ских стран в период общего кризиса капи тализма.

В 1959 г. опубликовано учебное пособ для вузов по новейшей истории западно европейских стран и стран Америки (1918— 1939 гг.). При его подготовке авторски коллектив широко использовал исследова ния советских и зарубежных историков

В истекшем году подготовлен к печат второй том «Очерков истории США (1917—1955 гг.)». Закончены также «Очер ки истории Аргентины» и монографи Н. П. Комоловой «Борьба трудящихся мас итальянской деревни за землю в 1945— 1950 гг.».

По-прежнему много внимания уделяю научные сотрудники изучению истории до капиталистических обществ и генезиса ка питализма. По данному направлению ведет ся работа по трем проблемам: «Генези капитализма и развитие капиталистических отношений в домонополистический период» «Генезис феодализма и развитие разных форм феодальных отношений»; «Основны этапы и закономерности развития рабовладельческих отношений».

По первой проблеме (по отечественной истории) в 1959 г. подготовлен к печати сборник статей «Новые явления в истори России XVII века», в котором рассматривается экономическая и социальная жизн России того периода.

По первой проблеме подготовлена к изданию монография Е. А. Заозерской «Ра-

ючая сила и классовая борьба на текстиль-
ых мануфактурах в 20—60-х годах
VIII в.». Вышли в свет монографии
. А. Баклановой «Торгово-промышленная
еятельность Калмыковых во второй поло-
ине XVII в. (К истории формирования
усской буржуазии)», Е. И. Дружининой
Северное Причерноморье в 1775—1800 гг.»
«Очерки экономической истории России
ервой половины XIX в.».

По этой же проблеме (по всеобщей исто-
ии) в 1959 г. была подготовлена к печати
онография А. С. Самойло «Английские
колонии Северной Америки в XVII в».

По проблеме «Генезис капитализма и раз-
итие капиталистических отношений в до-
монополистический период» проведена меж-
еспубликанская научная конференция, об-
удившая многие теоретические вопросы. Ее
частники заслушали доклады С. Д. Сказ-
кина («Генезис капитализма в сельском хо-
яйстве Восточной Европы»), В. К. Яцун-
кого («Генезис капитализма в сельском хо-
яйстве России») и А. Л. Шапиро («Об
пасности модернизации экономической
стории русского крестьянства в XVII —
ервой половине XVIII в.») и другие.
научной конференции приняли участие
коло 200 ученых Москвы, Ленинграда,
иева, Риги и других городов страны.

По проблеме «Генезис феодализма и раз-
итие разных форм феодальных отношений»
по отечественной истории) в институте за-
ончена подготовка сборника статей «Во-
росы экономики и классовых отношений
Русском государстве XIII—XVII вв.», а
акже документальных публикаций «Вот-
инные хозяйственные книги XVI в.»
. II), «Акты феодального землевладения
хозяйства» (т. III). С выходом в свет
оследней работы будет завершена серия
окументальных материалов по социально-
кономической истории Руси XIV—XV ве-
ов.

В 1959 г. активизировалась подготовка
здания «Полного собрания русских лето-
исей», которая ведется научной группой
од руководством М. Н. Тихомирова.

В 1959 г. опубликованы «Вологодско-
ермская летопись» (26-й том «Полного со-
рания русских летописей») под редакцией
Н. Тихомирова, второй том «Избранных
рудов» Б. Д. Грекова, первая книга «Исто-
ии России с древнейших времен»
. М. Соловьева, четвертый том научных
рудов С. В. Бахрушина, завершающий из-
ание, предпринятое в соответствии с по-
тановлением Совета Министров СССР.

В истекшем году увидели свет монографии В. Т. Пашуто «Образование Литовского государства», А. И. Барановича «Украина накануне освободительной войны середины XVII в.», С. И. Волкова «Крестьяне дворцовых владений Подмосковья в XVII в.» и Л. С. Прокофьевой «Вотчинное хозяйство в России в XVII веке».

Коллектив сотрудников сектора истории СССР периода феодализма работал над книгой «Образование древнерусского государства» (VI—XII вв.), а также над «Очерком социально-экономической истории Русского государства XIII—XV вв.».

По этой же проблеме (по всеобщей истории) вышла из печати монография Я. А. Левицкого «Города и городское ремесло в Англии в XI—XII вв.».

В институте в минувшем году продолжалась разработка проблемы «Основные этапы и закономерности развития рабовладельческих отношений». По данной проблеме написана монография Е. М. Штайерман «Идеология трудящихся масс Римской империи (западные провинции)». Закончено составление «Корпуса боспорских надписей», подготовлено комментированное издание «Варрон. Сельское хозяйство».

В 1959 г. были изданы «Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до нашей эры» Т. В. Блаватской.

В институте в прошлом году шла подготовка к созданию серии монографических исследований по истории рабства в античном мире, имеющей не только научное, но и большое политическое значение, ибо предполагается создать строго объективную историю рабства, построенную на основе марксистско-ленинской теории общественного развития. Сотрудники института вели работу и над рядом других монографических исследований по данной проблеме, завершить которые планируется в 1960—1962 годах.

В истекшем году институт приступил к составлению трехтомной истории Византии, по отдельным проблемам которой ряд исследователей также пишет монографии. В течение года вышли из печати монография З. В. Удальцовой «Италия и Византия в VI веке», две византийских «Хроники» и серия «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы», а также «Византийский временник» (тт. 15—16).

В 1959 г. коллектив института продолжал работу над многотомным изданием «Всемирной истории». В ноябре был сдан в

издательство VIII том, в ближайшее время читатели получат VII том «Всемирной истории».

Вышел из печати VI том этого издания, охватывающий период с 1789 по 1871 г. (от Великой французской буржуазной революции до Парижской коммуны).

Важное место в жизни института заняла разработка истории религии и атеизма. Соответствующий сектор подготовил к печати ряд работ, например, сборник научных статей «Вопросы истории религии и атеизма» (вып. 8), книгу А. В. Рановича «О раннем христианстве» и другие. В 1959 г. вышли в свет сборник статей «Вопросы религии и атеизма» (вып. 7) и монография В. Д. Зыбковец «Дорелигиозная эпоха». Поступили в продажу подготовленные институтом к изданию первый том избранных сочинений В. Д. Бонч-Бруевича «О религии и религиозном сектантстве и церкви», а также «Избранные атеистические произведения» И. И. Скворцова-Степанова. Эти произведения являются ценным вкладом в литературу по истории религии, религиозного сектантства и церкви. Они вооружают научных работников и пропагандистов материалами для их деятельности в области атеизма и критики религии. Некоторые материалы и письма в названных книгах публикуются впервые.

В 1959 г. началось изучение современного сектантства. С этой целью была организована научная экспедиция в Тамбовскую область. Бригада научных сотрудников наряду со сбором необходимых сведений о деятельности сектантских групп проводила среди населения массово-просветительную работу по вопросам атеистической пропаганды. Собранный экспедицией материал подготовляется к изданию.

В Институте истории выпускается также значительное количество периодических изданий: журналов, «Ученых записок» и других сборников.

Необходимо отметить, что Институт истории встречается еще со значительными трудностями при опубликовании научной продукции. Так, в настоящее время у нас имеется 20 работ (общим объемом около 700 авторских листов), подготовленных к сдаче в издательство в 1954 г. или раньше. Эти работы институт не может включить в план издания главным образом из-за чрезмерного занижения отводимого нам лимита.

Имеются отдельные случаи, когда над не законченными в срок монографиями некоторые сотрудники продолжают работа дополнительно год, а иногда и больш хотя эти исследования уже не значатся плане.

Главный упор сейчас делается на улу шение планирования исследовательской р боты, устранение многочисленных частн тем, продиктованных в значительной ме индивидуальными интересами отдельн сотрудников, упорядочение производстве ной нагрузки, изжитие такого положени когда одни работники чрезмерно перегр жены, а другие принимают слабое участ в выполнении плана института.

В 1959 г. научные сотрудники институт опубликовали в различных изданиях бол шое количество статей, брошюр и отдел ных книг, не предусмотренных плано Поощряя их участие в научных журнала а также в популярных изданиях, дирекц совместно с общественными организациям института вела борьбу против увлечени внеплановыми изданиями, наносящег ущерб производственным заданиям.

В истекшем году коллектив Институт истории провел большую работу по реда тированию, рецензированию научных тру дов, подготовляемых филиалами АН СССР а также институтами союзных и автоном ных республик. Иногда научные сотрудник принимали непосредственное участие в от дельных работах, создаваемых ученым национальных республик. В 1959 г. науч ными силами института отредактирован книги «Присоединение Киргизии к Росси (подготовлена Институтом истории А Киргизской ССР), «История Карели (т. II), оказана помощь в написании и редактировании истории калмыцкого народа.

В институте был обсужден ряд трудов над которыми работают историки Дагестанской, Чечено-Ингушской, Чувашской и Кабардино-Балкарской автономных республик, а также Карачаево-Черкесской автономной области. Постоянную помощь ученым Северного Кавказа оказывали научные сотрудники института Е. Н. Кушева, А. В. Фадеев, Н. А. Смирнов и другие.

Прорецензированы работы, написанные историками Украины, Азербайджана, Молдавии, Узбекистана, Киргизии, Эстонии, Литвы и др. Среди них выделяется большой историко-этнографический труд «Украинцы», подготовленный Украинской Академией наук. Отрецензировано также несколько монографических исследований, созданных в союзных и автономных рес-

публикаах, например, «Сельское хозяйство Азербайджана в конце XIX в.», «Хорезмская народная революция и победа Советской власти в Северном Туркменистане» и т. п.

Многие научные сотрудники института выезжали в союзные и автономные республики для оказания помощи историкам непосредственно на местах. Так, в мае 1959 г. в ташкентской сессии, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России, приняли участие И. И. Минц, М. П. Ким, А. В. Пясковский, А. В. Фадеев, Ю. А. Поляков, С. И. Якубовская и другие. Значительная группа сотрудников выезжала в Ленинград, где состоялась научная сессия по вопросам истории советского рабочего класса. Ряд сотрудников участвовал в сессиях, состоявшихся в Элисте (по истории Калмыкии), в Баку (по истории социалистической революции в Закавказье), в Петрозаводске (по вопросам истории Карелии).

Усиление связи Института истории с академиями союзных республик, с филиалами АН СССР и научно-исследовательскими институтами в автономных республиках и областях, а также с крупными университетами страны позволило серьезно улучшить координацию научно-исследовательской работы по важнейшим проблемам отечественной истории.

В истекшем году институт согласовал планы научных исследований со всеми институтами истории академий наук союзных республик и филиалов АН СССР.

Многие коллективные труды и публикации институт готовит совместно с другими научными учреждениями страны. Например, в подготовке «Всемирной истории» участвуют также институты славяноведения, востоковедения, китаеведения, истории искусств, философии, истории естествознания и техники, ряд институтов союзных республик и кафедры исторического факультета Московского университета. Многотомные издания «История СССР», «История Великой Октябрьской социалистической революции» ведутся совместно с академиями союзных республик и филиалами АН СССР. Точно так же обстоит дело с публикацией серии документальных сборников. В их создании вместе с нашим коллективом участвуют Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Главное архивное управление СССР, а также ряд институтов союзных республик.

Кооперирование усилий при написании научных трудов и различных публикаций способствует скорейшему завершению работы, своевременному выполнению плановых заданий и, что особенно важно, повышает качество научной продукции.

В 1959 г. Институт истории добился определенных результатов и в научно-организационной деятельности.

В течение истекшего года было проведено двадцать заседаний ученого совета института и тридцать заседаний секций ученого совета. По сравнению с 1958 г. ученый совет значительно больше поставил научных докладов и рассмотрел научно-организационных вопросов. На заседаниях ученого совета, кроме сотрудников института, присутствовали историки других научных заведений. Только на заседании, посвященном 40-й годовщине Венгерской Советской Республики, было около 70 научных сотрудников из различных учреждений Москвы. Широкая научная общественность, многие педагоги столицы приняли активное участие в обсуждении вопросов исторического образования и программ по истории в средней школе, которые были вынесены на заседание ученого совета института.

Одиннадцать заседаний были посвящены защите докторских диссертаций. Ученый совет высказался за присуждение ученой степени доктора исторических наук А. А. Зимину (за монографию «И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века»), В. Д. Мочалову (за книгу «Крестьянское хозяйство в Закавказье к концу XIX века»), П. Г. Рындзюнскому (за монографию «Городское гражданство дореформенной России»), Ф. В. Чебаевскому (за исследование «Организация и укрепление местных Советов в РСФСР в первый год диктатуры пролетариата (ноябрь 1917 — ноябрь 1918 гг.)»), М. М. Шейнману (за труд «Ватикан и католицизм в конце XIX—начале XX века»), В. И. Рутенбургу (за монографию «Народные движения в городах Италии XIV — начале XV в.»), Л. А. Никифорову (за книгу «Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир»), Н. Н. Яковлеву (за исследование «Вооруженное восстание в декабре 1905 года»), М. Ф. Лебовичу (за труд «Венгерские революции 1918—1919 гг.»), И. И. Сюкияйнену (за монографию «Революция 1918 года в Финляндии»), В. Р. Лейкиной-Свирской (за книгу «Петрашевцы и общественное движение 40-х годов»).

В течение истекшего года на заседаниях ученого совета была утверждена защита 11 кандидатских диссертаций.

Следует заметить, что чрезмерная перегруженность ученого совета и его секций рассмотрением докторских и кандидатских диссертаций не позволяет в должной мере использовать эти научные органы для обсуждения научных проблем и теоретических вопросов.

В 1959 г. более активно проходило изучение научных проблем в некоторых секторах института. Так, в секторе истории средних веков за отчетный период было заслушано 12 научных докладов по таким темам, как некоторые вопросы истории Франции и советской медиевистики; эволюция аграрных отношений в Голландии в XVI в.; некоторые методологические проблемы исторической науки в буржуазной историографии ФРГ и другие. Девять докладов были поставлены на секторе византиноведения. В секторе истории СССР периода феодализма, кроме обсуждения монографий и сообщений сотрудников по плановым работам, было заслушано семь научных докладов. В секторе истории СССР периода капитализма большой интерес вызвали доклады В. К. Яцунского «Формирование промышленной буржуазии в России в дореформенную эпоху», В. Д. Мочалова «Сельская община в Закавказье в дореформенное время», С. М. Дубровского «О двух социальных войнах в российской деревне XX века», В. А. Емеца и А. М. Соловьевой «Современная буржуазная историография об истории России XX века».

Однако необходимо констатировать, что в секторах много времени уходит на рассмотрение чисто организационных дел и крайне мало ставится на обсуждение принципиальных теоретических вопросов.

В соответствии с решением общего собрания Академии наук СССР от 27 марта 1959 г. Институт истории частично изменил свою организационную структуру. Наиболее крупным мероприятием явилась реорганизация отдела истории советского общества, в котором ликвидированы секторы и вместо них созданы творческие научные группы применительно к основным плановым работам.

Данное мероприятие упорядочило научно-организационную деятельность и значительно оживило творческую жизнь коллектива. В группах заметно активизировалась научная работа сотрудников, начались обсуждения насущных вопросов по коренным проблемам истории советского общества. Группа по истории Октябрьской революции заслушала 9 научных докладов. В группе по изучению рабочего класса состоялось 5 заседаний, на которых были обсуждены вопросы: «Против извращения буржуазными историками роли рабочего класса в строительстве социализма в СССР», «Основные этапы истории рабочего класса СССР», «Историография советского рабочего класса» и другие.

Особо следует отметить деятельность созданных в институте под руководством крупных ученых творческих групп по изучению истории отдельных стран, а также по некоторым важным проблемам отечественной истории.

Большую работу в истекшем году провели комиссия по истории исторической науки (руководитель — академик М. В. Нечкина), группы по изучению истории Франции (руководитель — академик В. П. Волгин), истории Испании (руководитель — академик И. М. Майский), по изучению революционной ситуации в России в 1850—1860 гг. XIX в. (руководитель — академик М. В. Нечкина), по истории сельского хозяйства и крестьянства России (руководитель — академик Н. М. Дружинин), по изданию «Полного собрания русских летописей» (руководитель — академик М. Н. Тихомиров), по изучению истории Италии (руководитель — академик С. Д. Сказкин), истории Германии (руководитель — А. С. Ерусалимский), по изучению истории социалистических идей (руководитель — Б. Ф. Поршнев).

Группа по изучению истории Франции в 1959 г. заслушала и обсудила доклады профессора Сорбонны Ролана Мунье (Франция) «О собственности в Европе в XVI—XVIII вв.» и др. Было проведено юбилейное заседание, посвященное столетию со дня рождения Жана Жореса.

В группе по изучению истории Испании в течение года было проведено шесть заседаний, из которых три были посвящены событиям в Испании в октябре 1934 и марте 1939 года. На заседаниях, кроме членов группы, присутствовали и выступали с сообщениями участники национально-революционной войны в Испании.

Группа по изучению революционной ситуации в России провела 10 заседаний, заслушав 15 научных докладов и сообщений.

Шесть заседаний провела группа по изучению истории социалистических идей. Одно из заседаний было посвящено сто-

етию со дня смерти Р. Оуэна, на котором ыступили А. М. Деборин и В. М. Лавров-кий. В феврале совместно с сектором редних веков и группой по изучению исто-ии Италии проходило заседание, посвя-енное Томмазо Кампанелле.

Значительная работа в истекшем году роведена также другими группами и ко-иссиями.

В институте имеется пять научных сове-ов по проблемам. Они проводят важную аучно-организационную и творческую ра-оту.

Созданный в феврале 1958 г. научный овет по проблеме «История Великой Ок-ябрьской социалистической революции» руководитель — И. И. Минц) много сделал о координации научных исследований, по-вященных истории Великого Октября. Со-тавлен перспективный план (записка), в отором дан анализ состояния изучения роблемы, обзор литературы, характери-тика недостатков в исследовании пробле-ы и говорится о дальнейших мероприя-иях по всестороннему освещению истории ктября.

Научный совет провел несколько сессий. дна из них с участием специалистов из оюзных республик рассмотрела литерату-у, вышедшую к 40-летнему юбилею Вели-ой Октябрьской социалистической револю-ии. Практическим результатом сессии яви-ось издание полного библиографического казателя литературы и документальных зданий об Октябрьской революции, по-вившихся в свет в 1957—1958 гг., а также убликация обобщающих статей по важ-ейшим вопросам проблемы. Проведен се-инар о состоянии изучения истории про-етарской революции в социалистических транах. На нем присутствовали представи-ели стран народной демократии. Научный овет разработал схему многотомного обоб-щающего труда по истории Великой Ок-ябрьской социалистической революции, одготовляемого совместно с учеными ака-емий наук союзных республик и ряда ниверситетов страны.

Научный совет по проблеме «Историче-кие предпосылки Октябрьской революции» ровел научную конференцию по вопросам ормирования пролетариата России в пе-иод империализма. В работе сессии при-яли участие многие ученые союзных рес-ублик и ряда университетов.

В декабре 1959 г. состоялся второй меж-еспубликанский симпозиум по аграрной стории Восточной Европы, проведенный научным советом по проблеме «Генезис капитализма у народов СССР, в Европе и на Востоке» совместно с комиссией по истории сельского хозяйства.

Заметно активизировалось участие научных сотрудников института в работе Общества по распространению политических и научных знаний. Только в районном отделении членами общества состоят 54 научных работника института. Они объединены в существующую при институте специальную группу. В 1959 г. члены этой группы прочитали по путевкам общества более 400 лекций, то есть в 5 раз больше, чем в предыдущем году. Большое внимание уделялось актуализации тематики лекций. Преобладающая часть их была посвящена разъяснению решений XXI съезда КПСС, семилетнего плана развития народного хозяйства, значения поездки Н. С. Хрущева в США, борьбе Советского Союза за сохранение мира, проблемам международного рабочего движения. Более 50 лекций прочитано на антирелигиозные темы. Кроме того, в 1959 г. было организовано 9 коллективных выездов сотрудников института на промышленные предприятия Киевского района Москвы и Московской области, а также на периферию.

В прошлом году в издательстве Общества по распространению политических и научных знаний вышло 9 брошюр, написанных сотрудниками института. Среди них брошюра Л. Н. Нежинского «Венгерская Советская Республика 1919 г.». Принята к печати брошюра Ю. С. Борисова, В. В. Лебедева и В. М. Растяпина «О людях, шагнувших в завтра».

Научные сотрудники института ведут организационную работу в руководящих органах общества в качестве председателя правления районного отделения общества (Л. В. Черепнин), председателей и членов секций районного и городского отделений общества (Л. Г. Бескровный, М. М. Штранге), членов бюро научно-атеистической секции Всероссийского общества (М. М. Шейнман, М. М. Персиц и др.).

В истекшем году продолжали развиваться международные научные связи института. В институте были приняты 42 иностранных ученых и общественных деятеля различных стран. Из них девять пребывали в стенах института длительное время: они приехали в нашу страну в соответствии с соглашениями о научном обмене и сотрудничестве. В 1959 г. 22 сотрудника Института истории выезжали в научные коман-

дировки во Францию, в Швецию, Англию, ГДР, Венгрию, Румынию, Чехословакию, Албанию. Группа научных сотрудников (Л. С. Гапоненко, Ю. А. Поляков, Н. С. Трусова, Ю. А. Писарев и другие) приняла участие в работе III съезда историков Чехословакии. Л. С. Гапоненко сделал на этом съезде сообщение о работе советских ученых над проблемами отечественной и всеобщей истории новейшего времени. С. Л. Утченко и Н. А. Сидорова участвовали в Международном конгрессе по классической истории и филологии в Лондоне, где первый выступил с докладом «Идея народного суверенитета в Риме». Л. Н. Нежинский прочитал доклад на юбилейной научной сессии в Будапеште, посвященной 40-летию Советской Венгрии.

Работающая при институте советская секция комиссии историков СССР и ГДР подготовила 25 выступлений и 4 доклада для сессии комиссии, состоявшейся 14—19 декабря в Берлине на тему «Германский империализм и вторая мировая война». От института в этой сессии, имеющей большое политическое и научное значение, приняли участие А. С. Ерусалимский, Н. И. Саморуков, Г. Н. Горошкова.

По просьбе немецких товарищей А. С. Ерусалимский провел для молодых историков ГДР два семинара по истории германского империализма и милитаризма. По приглашению Высшей школы практических знаний при Парижском университете Л. В. Черепнин прочел для французских ученых цикл лекций по истории возникновения Русского централизованного государства. А. Ф. Миллер помогал албанским историкам завершить редактирование «Истории Албании». А. А. Новосельский провел в Бухаресте консультации о подготовке совместно с румынскими учеными издания документов по истории русско-румынских отношений.

Ученый совет института созвал специальные научные сессии, посвященные 100-летию образования Румынии и 40-летию Советской Венгрии. В работе этих сессий участвовали представители соответствующих посольств в Москве.

За 1959 г. институт ответил на многие запросы, поступившие из-за границы от различных международных, правительственных, научных, общественных орга заций, а также от отдельных лиц. Вмес с тем зарубежные историки, в первую о редь ученые стран социалистического ла ря, охотно откликались на наши прось о рецензировании, присылке микрофильм и отдельных научных изданий.

В истекшем году за рубежом было изд но 17 работ сотрудников института. В же время в печатных органах институ опубликовано 36 трудов иностранных а торов.

Большая группа наших товарищей пр няла деятельное участие в подготовке сп циального стенда, посвященного развити исторической науки в СССР, предназн ченного для выставки достижений сове ской науки, культуры и техники в Нь Йорке, а затем повторенной в Мексике на Кубе. Можно с удовлетворением отм тить, что наш стенд пользовался успехо у посетителей выставки.

Выступая в зарубежной печати, участв в различных международных конференц ях и съездах, сотрудники института стр мились показать достижения советско исторической науки, стоящей на прочно основе марксистско-ленинской методологи Это в значительной мере способствовал распространению за границей правды Советском Союзе, а также укреплени творческих связей с зарубежными истор ками.

В настоящее время коллектив институт трудится над выполнением программы вто рого года семилетки. Огромную, поистин неоценимую помощь окажет ему в это деле и во всей дальнейшей работе поста новление Центрального Комитета КПСС о 9 января 1960 г. «О задачах партийно пропаганды в современных условиях В этом документе вскрыты серьезные недо статки, имеющиеся на идеологическо фронте (в том числе и в исторической на уке). Вместе с тем в нем указаны и кон кретные пути преодоления этих недостат ков. Постановление ЦК КПСС явится дл советских историков путеводной звездой решении задач, которые ставит перед ним практика коммунистического строительства

ВТОРОЙ МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКИЙ СИМПОЗИУМ ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

9—14 декабря 1959 г. в Москве проходил второй межреспубликанский симпозиум по аграрной истории Восточной Европы XV — начала XX в., организованный Отделением исторических наук и Институтом истории АН СССР. В его работе принимали участие историки Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Риги, Вильнюса, Таллина, Кишинева, Тарту, Львова, Саратова, Казани, Горького и Петрозаводска.

Открывая первое пленарное заседание, академик Е. М. Жуков подчеркнул, что подобные встречи являются новой формой координации научной работы советских историков, изучающих аграрные отношения и историю крестьянства стран Восточной Европы, и способствуют творческому решению ряда важнейших проблем исторической науки.

Член-корреспондент АН СССР Х. Х. Крус рассказал об итогах первой сессии симпозиума, проведенной в Таллине в декабре 1958 года. Таллинская сессия показала, что наметился ряд кардинальных вопросов аграрной истории, решение которых требует совместных усилий большого коллектива ученых. Имеется в виду в первую очередь проблема разложения феодального способа производства и генезиса капитализма в сельском хозяйстве стран Восточной Европы и связанные с нею вопросы (хозяйственное неравенство и социальное расслоение крестьянства, формы феодальной ренты, роль товарно-денежных отношений и сущность наемного труда при феодализме и т. д.). Именно эти вопросы явились предметом оживленной дискуссии, развернувшейся на пленарных и секционных заседаниях симпозиума. Им были посвящены и три основных доклада, с которыми выступили академик С. Д. Сказкин, В. К. Яцунский (Институт истории АН СССР) и А. Л. Шапиро (ЛГУ).

Центральное место в докладе С. Д. Сказкина «Генезис капитализма в сельском хозяйстве Восточной Европы» занял вопрос о специфических особенностях аграрных отношений на той стадии феодальной формации, которая предшествовала капитализму и процессу так называемого первоначального накопления и характеризовалась приспособлением феодальных производственных отношений к условиям развивавшегося в связи с ростом городов товарно-денежного хозяйства. По мнению С. Д. Сказкина, ошибка ряда историков заключается в попытке упростить картину эволюции феодальных отношений и становления капитализма в сельском хозяйстве. Неправильное истолкование фактов хозяйственного неравенства среди крестьянства, игнорирование возможности применения наемного труда при феодализме и т. д. приводят их к тому, что они рассматривают указанные явления как признаки перехода к капиталистическому хозяйству.

В такую же крайность впадают и авторы изданного АН СССР сборника «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)». Они приурочивают начало разложения феодального способа производства и процесс первоначального накопления в России уже к XVII в. или к первой половине XVIII века. Напомнив, что хозяйственное неравенство крестьянства, наблюдаемое в эпоху феодализма, принципиально отличается от социальной дифференциации крестьянства, и указав на различия в применении наемного труда при феодализме и при капитализме, С. Д. Сказкин подчеркнул, что XVII — первая половина XVIII в. были для стран Восточной Европы периодом усиления и укрепления крепостничества в условиях развития общеевропейского рынка.

Докладчик упомянул далее о том, что историки СССР в доказательство своего тезиса о более раннем, чем конец XVIII в., начале капиталистического развития России ссылаются на известное высказывание В. И. Ленина об образовании всероссийского рынка в XVII в. и о буржуазных связях, лежавших в основе фактического слияния всех русских земель и княжеств в одно целое. По мнению С. Д. Сказкина, ни о каком капитализме здесь нет и речи. В странах Западной Европы аналогичные процессы имели место до капитализма. Ф. Энгельс говорил о союзе буржуазии и королевской власти в деле политической консолидации европейских государств, начиная с X в., подразумевая под буржуазией совокупность всех антифеодальных сил, и в первую очередь городских ремесленников и торговцев. В таком же широком смысле, по мнению докладчика, употребляет термин «буржуазные связи» и В. И. Ленин.

В заключение С. Д. Сказкин высказал по-

желание об установлении более тесного контакта между специалистами, изучающими историю России и стран Запада.

Доклад В. К. Яцунского «Генезис капитализма в сельском хозяйстве России» был посвящен конкретной теме — генезису буржуазных отношений в сфере сельскохозяйственного производства. Докладчик остановился на ряде общих положений о товарном производстве, о наемном труде и хозяйственном неравенстве среди крестьянства при феодализме, а также на вопросах методики изучения данной проблемы. На конкретных примерах он продемонстрировал ошибки, связанные с недостаточным знанием некоторыми историками основ сельскохозяйственной экономики и статистики.

Далее, опираясь на установленные В. И. Лениным признаки капиталистических отношений в крестьянском и помещичьем хозяйстве, В. К. Яцунский наметил основные вехи процесса формирования капитализма в сельском хозяйстве России. Он подчеркнул, что капиталистические отношения в сельскохозяйственном производстве возникли гораздо позднее, чем в сфере неземледельческих занятий деревенского населения. Начало классового расслоения земледельческого (непромыслового) крестьянства в ленинском понимании этого термина, по мнению докладчика, можно отнести лишь к первой половине XIX в., причем указанный процесс охватывал в это время еще далеко не все районы России. К первой половине XIX в. относится и начало применения в значительных размерах наемного труда в помещичьем хозяйстве ряда губерний Европейской России. Однако и в этих районах вплоть до реформы 1861 г. наемный труд продолжал играть вспомогательную роль в сравнении с крепостным. Лишь отмена крепостного права заставила помещиков перестраивать свое хозяйство.

В заключение докладчик дал краткий очерк истории и географии русского сельскохозяйственного рынка и охарактеризовал ту роль, которую играли на нем крестьянское и помещичье хозяйства в XVII—XIX веках.

А. Л. Шапиро в докладе «Об опасности модернизации экономической истории русского крестьянства XVII — первой половины XVIII в.» сосредоточил основное внимание на вопросе об обработке и анализе вотчинных документов. По его мнению, неправильные приемы, которыми пользуются некоторые историки (например, механическая группировка данных о хозяйственном положении крестьянства), мешают получить объективное представление о том, в какой мере изучаемые ими социально-экономические процессы в истории России XVII—XVIII вв. являлись действительно новыми и выходили за рамки чисто феодальных явлений.

А. Л. Шапиро показал, в частности, что встречающееся в источниках разделение крестьян на «прожиточных», «середних» и «скудных» само по себе еще не говорит о социальном расслоении в деревне. Отметив феодальный характер подавляющего большинства случаев крестьянской аренды в XVII — первой половине XVIII в., докладчик остановился на вопросе о наемном труде при феодализме. Он указал, что нельзя правильно понять это явление без выяснения количества наемных работников в хозяйстве, степени их участия в производстве товарной продукции, отношений с дворовладельцем и т. д.

Все три докладчика подчеркивали мысль о необходимости применения к России и другим странам Восточной и Западной Европы общих критериев при определении признаков капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

На пленарном заседании симпозиума был заслушан доклад Н. Н. Лещенко (Институт истории АН УССР) «Крестьянское движение на Украине в связи с проведением реформы 1861 г.», в котором приводились новые данные о масштабах этого движения. По подсчетам Н. Н. Лещенко, с февраля 1861 по март 1870 г. на Украине произошло 2 871 крестьянское волнение, то есть вдвое больше, чем было принято считать до сих пор. Крестьянскими волнениями было охвачено 4,4 тыс. сел с населением свыше 2 млн. человек. Остановившись далее на вопросе о периодизации, особенностях и причинах поражения крестьянского движения, докладчик указал, что, принуждая крепостников ускорить проведение реформы и вырывая у них некоторые уступки, крестьянские выступления 60-х годов XIX в. тем самым расчищали путь для развития более прогрессивных буржуазных отношений.

Доклады С. Д. Сказкина, В. К. Яцунского и А. Л. Шапиро, носившие в значительной мере полемический характер, вызвали интересную и временами довольно острую дискуссию, в которой приняли участие Б. Б. Кафенгауз, А. А. Преображенский, Н. Л. Рубинштейн, Н. В.

стюгов, В. И. Шунков и др. Центральной проблемой, вокруг которой развернулись прения, был вопрос об истории расслоения крестьянства в России. Обмен мнениями показал, что отдельные исследователи значительно расходятся в датировке того важнейшего социального процесса. Специалисты по истории России XVII в. утверждали, что уже в этом столетии за внешней неподвижностью экономической жизни русской деревни можно обнаружить отчетливо выраженные черты социального расслоения крестьянства, являющегося базой капиталистического развития сельского хозяйства страны (Н. В. Устюгов, например, доказывал это положение на примере черносошных крестьян Соликамска, А. А. Преображенский привел материал по Кунгурскому уезду Урала). Н. Л. Рубинштейн датировал эти новые социальные явления второй половиной XVIII века.

В ходе обсуждения был высказан также ряд интересных соображений источниковедческого и методического характера.

В связи с большой программой работы симпозиума были образованы три секции. Первая (руководители Д. Л. Похилевич и А. А. Зимин) обсуждала вопросы аграрной истории XV—XVII вв., вторая (руководители Х. Х. Круус и Н. В. Устюгов) занималась проблемами XVIII — первой половины XIX в. и третья (руководители А. В. Фадеев и Н. Н. Лещенко) — периодом середины XIX до начала XX века.

В центре внимания участников первой секции был вопрос о хозяйственной роли фольварка и особенностях эволюции барщинной системы в XVI—XVII вв. в различных странах Восточной Европы. В. В. Дорошенко (Рига) и Х. М. Лиги (Таллин) сделали сообщения о развитии мызно-барщинного хозяйства на территории Латвии и Эстонии. Они пришли к выводу, что переход к фольварку начался здесь в конце XV в., а к началу Ливонской войны мызно-барщинная система в изучаемых районах стала уже господствующей.

Большие споры вызвал вопрос о значении перехода к фольварочной системе. Одни историки (например, З. Ю. Копысский, Белоруссия) подчеркивали положительную роль фольварка в развитии производительных сил и общественного разделения труда; другие (О. Е. Иванова, Л. М. Пашаева), наоборот, указывали на связанные с фольварком отрицательные моменты в экономической жизни стран Восточной Европы. В результате обсуждения участники его в основном пришли к выводу, что, обнаруживая в ряде случаев явно регрессивные черты, фольварочная система в то же время содействовала упорядочению трехполья, освоению новых земель и т. д., подготовляла в конечном итоге торжество прусского пути развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

Были высказаны также интересные соображения о так называемом «втором издании крепостного права» (Д. Л. Похилевич, Ю. М. Юргенис, П. В. Советов), сводившиеся к тому, что для Прибалтики, Молдавии и ряда других стран Восточной Европы нельзя говорить о двух волнах закрепощения крестьянства, как это было в Германии или Чехии.

И. Д. Бойко (Киев) сделал доклад об эволюции феодальной ренты на Украине во второй половине XVI — первой половине XVII века. Нарисовав картину постепенного распространения барщины с западных областей Украины на Приднепровье, докладчик показал процесс интенсивного обезземеления крестьянства в наиболее развитых в экономическом отношении районах и связанный с ним рост пролетарских и полупролетарских элементов города и деревни. По мнению И. Д. Бойко, это свидетельствует о том, что в первой половине XVII в. феодальная система на Украине уже вступила в нисходящую стадию своего развития.

На заседаниях первой секции были заслушаны также три доклада по истории Польши: В. А. Якубского (ЛГУ) «Некоторые вопросы истории городского землевладения в Польше XVI—XVII вв.», Ю. М. Гроссмана (Львов) «Развитие отработочной ренты в государственных имениях юго-восточных воеводств Польши второй половины XVI — первой половины XVII в.», О. Е. Ивановой (ЛГУ) «Расслоение крестьянства в Краковском воеводстве в XVII в.».

Д. Л. Похилевич (Львов) остановился на трактовке роли крестьян-слуг Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв., показав пестроту этой прослойки феодального общества, процесс ее гибели и унификации в составе закрепощенного крестьянства. Интересный доклад о положении крестьянства в Казанском ханстве в XV — первой половине XVI в. сделал Ш. Ф. Мухамедьяров (Казань). Роли государственной власти в закрепощении молдавских крестьян в XV —

начале XVIII в. был посвящен доклад П. В. Советова (Кишинев).

Значительно слабее по сравнению с другими странами Восточной Европы была представлена в первой секции аграрная история России XVI—XVII веков. З. А. Огризко (Государственный исторический музей) выступила с сообщением «Промысловое монастырское село в конце XVII в.». На материале одного из вологодских сел она сделала интересные выводы о новых, по ее мнению, явлениях в социально-экономической жизни (широкое применение наемного труда, постепенное превращение ремесла в мелкое товарное производство). Выступившие по этому докладу Л. В. Данилова, А. Г. Маньков и другие указали на известную переоценку З. А. Огризко масштабов и типичности отмеченных явлений, которые вполне укладываются в рамки феодальных отношений.

Наиболее крупной по числу участников и по количеству обсужденных докладов была вторая секция симпозиума, начавшая свою работу с рассмотрения общетеоретических вопросов. В. М. Лавровский (Институт истории АН СССР) выступил с докладом «К постановке вопроса о первоначальном накоплении в странах Восточной Европы». Он, в частности, защищал тезис о том, что процесс первоначального накопления не мог проходить в условиях крепостной России XVII—XVIII вв., а протекал здесь в формах социальной дифференциации и частичного обезземеления крестьянства лишь после реформы 1861 г. вплоть до столыпинского «землеустройства» и русских «огораживаний» первых полутора десятилетий XX века. Указанные положения встретили возражения со стороны Е. И. Заозерской и др. Выступавшие говорили, что докладчик недооценивает сдвиги, происходившие в русской деревне XVII—XVIII веков. Споры по этому вопросу продолжались и при обсуждении доклада П. К. Алефиренко (Институт истории АН СССР) «Крупное вотчинное хозяйство графа М. Г. Головкина в России первой половины XVIII в.». Характеризуя социально-экономические явления, имевшие место в указанной вотчине, П. К. Алефиренко отметила четко выявившиеся торговые и предпринимательские черты этого хозяйства, которое, оставаясь в своей основе натуральным, приспособлялось к требованиям развивавшегося всероссийского рынка. По мнению докладчика, уже во второй четверти XVIII в. начинается перерастание имущественного неравенства среди крепостных крестьян вотчины в социальное расслоение, что свидетельствовало о зарождении новых, буржуазных отношений в деревне.

На состоянии помещичьего хозяйства Литвы и Западной Белоруссии в период разложения крепостнической системы остановился Н. Н. Улащик (Институт истории АН СССР). Он подчеркнул, что попытки части помещиков применить в своих имениях новые сельскохозяйственные орудия и передовые для того времени методы ведения хозяйства не могли изменить общую картину упадка, который переживали помещичьи хозяйства в целом. С докладом Н. Н. Улащика во многом перекликалось сообщение И. А. Воронкова (МГУ) «К вопросу об упадке сельского хозяйства Белоруссии в первой трети XIX в.».

Большой интерес во второй секции вызвали доклады эстонских историков Л. А. Лооне и Ю. Ю. Кахка. Ю. Ю. Кахк убедительно показал острый кризис крепостной системы в Эстонии в конце XVIII — начале XIX в., порожденный глубокими противоречиями между производительными силами и феодальными производственными отношениями, не выдерживавшими новых темпов производства, подчиненного интересам внутреннего и внешнего рынка. Этот кризис, нашедший свое выражение в катастрофическом разорении крестьянского хозяйства, массовых голодовках и т. д., заставил царское правительство и господствующий класс Эстонии пойти в 1816 г. на освобождение крестьян. Роли крестьянского вопроса в развитии политической борьбы и общественной мысли в Прибалтике во второй половине XVIII — начале XIX в. посвятила свое выступление Л. А. Лооне, проанализировавшая программы освобождения крестьян, выдвинутые идеологами различных классов.

Оживленный обмен мнениями, в котором приняли участие М. Т. Белявский (МГУ) и др., вызвали поставленные в докладе вопросы о просветительстве и его представителях в Прибалтике, в частности вопрос о социальных взглядах И. Эйзена. Сообщение о сельских хлебных магазинах, вспомогательных кассах и крестьянских судах в Литве первой половины XIX в. сделала Р. Ю. Страздунайте (Вильнюс). Доклад И. А. Анцупова (Кишинев) касался особенностей политики царизма в отношении государственных крестьян Бессарабии в XIX веке.

На заседаниях второй секции были заслушаны также два доклада по истории развития производительных сил в сельском хозяйстве: Д. В. Найдич-Москаленко (Институт этнографии АН СССР) «Принципы классификации пахотных орудий» и покойного К. В. Сивкова (Институт истории АН СССР) «Новые явления в технике и организации сельского хозяйства России во второй половине XVIII в.». Отдельные вопросы истории производительных сил в западных областях России были затронуты также в выступлениях Г. П. Строда (Рига), В. В. Чепко (Минск) и др. Однако как первый, так и второй симпозиумы по аграрной истории стран Восточной Европы показали, что истории производительных сил в сельском хозяйстве до сих пор уделяется явно недостаточное внимание.

Интересным был историографический доклад А. И. Озолина (Саратов) «Антифеодальные движения в Чехословакии XVI—XVIII вв. в новейшей чехословацкой литературе». Участники секции отметили, что необходимо и дальше, и притом в более широких масштабах, обращаться не только к советской, но и к западноевропейской историографии по аграрному вопросу в странах Восточной Европы.

Менее активно проходила работа третьей секции симпозиума. Несмотря на большое значение правильного решения вопроса о соотношении пережитков феодализма и степени развития капитализма в аграрном строе пореформенной России для понимания социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции, симпозиум еще раз показал, что изучение аграрной истории России и других стран Восточной Европы в эпоху капитализма и империализма до сих пор является отстающим участком.

А. В. Фадеев (Институт истории АН СССР) посвятил свой доклад формированию земледельческого капитализма на Северном Кавказе, где наиболее ярко проявилась тенденция к аграрной эволюции американского типа. Отметив факторы, способствовавшие быстрому развитию капитализма в сельском хозяйстве Предкавказья, докладчик подробно охарактеризовал затем основные черты этого процесса: резкое сокращение и без того незначительного дворянского землевладения и укрепление буржуазной собственности на землю, значительный рост кулачества, высокие темпы увеличения размеров зернового хозяйства и его механизации и т. д. Своеобразие остзейского варианта прусского пути капиталистической эволюции аграрных отношений на примере помещичьего хозяйства Лифляндской губернии второй половины XIX в. показал М. И. Козин (Рига).

Острую дискуссию вызвал доклад А. М. Анфимова (Институт истории АН СССР) «К вопросу о природе аренды и земельной ренты в России в конце XIX — начале XX в.». Основной вывод докладчика может быть сформулирован так: при сложном переплетении различных форм аренды и ренты, существовавшем в российской деревне, и при наличии ясно выраженного процесса трансформации феодальной ренты в капиталистическую на арендных землях в указанный период еще преобладала докапиталистическая в своей основе рента. Выступившие в прениях С. М. Дубровский, М. С. Симонова и другие резко возражали против некоторых положений докладчика и отметили необходимость дальнейшей разработки этого важного и пока еще спорного вопроса.

Аграрной политике Столыпина в Литве было посвящено сообщение Э. В. Гришкунайте (Вильнюс). О роли батраков и бобылей в крестьянском движении в Эстонии 60—70-х годов XIX в. сделал сообщение А. К. Вассар (Таллин). С докладом о состоянии помещичьего хозяйства перед отменой крепостного права в России, по данным губернаторских отчетов, выступил И. Д. Ковальченко (МГУ). Он остановился на вопросе об экономическом кризисе крепостного поместья в важнейших районах страны, который выразился в приостановке роста посевных площадей, снижении урожайности и сокращении общей массы прибавочного продукта, получаемого с барской запашки, в увеличении задолженности помещиков кредитным учреждениям и т. д.

На заседаниях третьей секции выступили сотрудники Института славяноведения АН СССР И. И. Лещиловская и В. И. Фрейдзон. Темы их сообщений: отмена крепостного права в Хорватии и Славонии в 1848 г.; отношение хорватской социал-демократии к крестьянскому движению в конце XIX — начале XX века.

На заключительном пленарном заседании 14 декабря 1959 г. были подведены итоги симпозиума. Всего на сессии было заслушано 34 доклада и сообщения, то есть вдвое больше, чем в 1958 г. в Таллине. При этом

20 докладов были представлены историками с мест. В прениях приняло участие свыше 50 человек. Проведенный обмен мнениями, несомненно, будет способствовать дальнейшей разработке обсуждавшихся вопросов.

В резолюции, принятой участниками симпозиума, отмечается, что необходимо обратить серьезное внимание на изучение менее разработанных и спорных проблем аграрной истории, особенно истории производительных сил в сельском хозяйстве. Перед историками стоят большие задачи по выявлению, публикации и научному анализу источников по аграрной истории. В целях устранения недостатков в приемах научной работы симпозиум признал необходимым для историков-аграрников более глубокое знание экономики и статистики сельского хозяйства. Участники симпозиума высказались за усиление контактов и взаимный обмен опытом между исследователями, изучающими аграрную историю России, и специалистами, работающими над проблемами аграрной истории других стран Восточной и Западной Европы. Принято также решение о необходимости дальнейшего укрепления дружеских связей с учеными стран народной демократии.

С. В. Тютюкин

Хроникальные заметки

◆ Городской комитет болгаро-советской дружбы гор. Туртукая (Болгария) обратился в Президиум Академии наук СССР с просьбой помочь ему в создании музея болгаро-русской и болгаро-советской дружбы. Болгарские друзья просили, в частности, прислать им документы о боевых действиях русских войск под водительством А. В. Суворова у Туртукая. Отмечая, что болгарский народ проявляет живой интерес к битвам русских войск против турецких захватчиков при Туртукае, комитет болгаро-советской дружбы гор. Туртукая писал: «Многовековая дружба болгарского народа с великим русским народом имеет глубокие и долголетние традиции в историческом и культурном развитии обоих славянских народов... Великие наши братья — русские дважды пролили свою кровь за наше национальное освобождение — от турецкого пятивекового рабства и от фашистской империалистической неволи. За это великое самопожертвование мы от всего сердца благодарим наших русских братьев». Музей А. В. Суворова в Ленинграде уже направил в Туртукай фотокопии документов о сражениях русских войск под командованием А. В. Суворова с турецкими войсками в мае — июне 1773 г. под Туртукаем. Музей А. В. Суворова получил в ответ благодарственное письмо городского комитета болгаро-советской дружбы гор. Туртукая, в котором сообщается, что по инициативе комитета в ближайшее время в Туртукае будет заложен памятник великому русскому полководцу.

◆ Научные сотрудники Дома-музея I съезда РСДРП (Минск) получили письмо из Германской Демократической Республики, в котором немецкие друзья тт. Краузе и Гвагер сообщили, что у одного из жителей города Герлице хранится пятый номер газеты «Звезда», изданный в январе 1918 года. Газета попала к немецкому товарищу в то время, когда он находился в рядах германской армии, воевавшей на территории Белоруссии. «Звезда» издавалась Минским комитетом РСДРП(б) и окружным бюро Западного фронта. Более сорока лет хранит житель Герлице газету как дорогую реликвию, оказавшую большое влияние на его сознание в те незабываемые годы. Немецкие товарищи подарили музею фотокопии указанного номера «Звезды», изданного на немецком и русском языках. В газете опубликованы статьи «Русская Октябрьская революция и ее международное значение», «Ответ русской делегации», «Мирные условия» (о переговорах в Бресте 25 декабря 1917 г.) и воззвание к немецким солдатам, в котором говорится: «Товарищи солдаты! Наша «Звезда» должна творить в германских окопах то же великое дело революции, которое она сделала в русских окопах... Распространяйте нашу газету, агитируйте среди немецких солдат, зовите их к восстанию. Да здравствует социальная революция!»

◆ Межвузовская конференция на тему «Пути перестройки школы и вузов в свете решений XXI съезда КПСС о связи обучения с жизнью» состоялась в Вологодском пединституте. В конференции приняли участие представители педвузов страны, институтов усовершенствования учителей и школ. На пленарных заседаниях и секциях педагогической, общественных наук, филологической и других было заслушано свыше 60 докладов. Большое внимание участники конференции уделили краеведению, его роли в улучшении лекционных курсов, практических занятий, в научной работе. Значительное место на конференции заняли вопросы атеистической пропаганды среди студентов и школьников. Вологодский пединститут развернул выставку, посвященную

роводимой в этом вузе учебно-методической, научной, воспитательной и общественной деятельности; кафедра истории сковского пединститута представила выставку на тему «Краеведение в учебно-методической, научной и общественной работе». Конференция приняла рекомендации, направленные на дальнейшее улучшение связи обучения с жизнью.

◆ Научный сотрудник Центрального музея связи имени А. С. Попова Б. И. Расин обрал интересные, непубликовавшиеся материалы о В. Н. Подбельском: переписку о с женой А. А. Ланиной, рапорты царской охранки о слежке за семьей революционера и его друзьями по РСДРП. Исследователю удалось установить литературный севдоним В. Н. Подбельского — В. Торин. айдены материалы о его работе особым полномоченным ВЦИК и ЦК партии на амбовщине во время гражданской войны. бнаружено также несколько редких фотографий В. Н. Подбельского, его друзей о революционной работе. Среди них редкая фотография, изображающая группу ыльных в Яренске: рядом с В. Н. Подельским И. Т Фиолетов и Я. Д. Зевин — удущие бакинские комиссары.

◆ Недавно в Ковровский районный краеедческий музей поступила интересная находка. Во время ремонта железнодорожной удки на 405-м километре около станции овки рабочий обнаружил спрятанную в ене листовку, подписанную Иваново-Вознесенской группой Северного комитета СДРП. Листовка написана в мае 905 года. В ней рассказывается о тяжеом положении рабочего класса, разоблачается царское правительство, учинившее ровавую расправу над рабочими Петерурга 9 января 1905 года.

◆ В фондах Госархива Свердловской бласти и его филиала в Нижнем Тагиле охранились переписка, указы и другие официальные документы о Пугачевском восстаии. В них есть обзорные сведения о ходе енных действий в 1773—1774 гг. на Уре. Заслуживает внимания переписка горой половины XIX в. о предоставении архивных материалов горного правения по истории этого восстания известноу уральскому историку В. Шишонко. Осоый интерес представляет печатный экземпр манифеста от 19 декабря 1774 г. (поученный в Екатеринбурге 9 января 1775 г.) 5 окончании следствия и описание «Пугаевского бунта», производившееся князем . Волконским и генералом П. Потемкиым. Сохранилась копия приложения к уку — «Описание происхождения дел и сорушения злодея, бунтовщика и самозванца мельяна Пугачева», в котором сообщаютя биографические сведения о вожаке рестьянских масс.

◆ В Центральном государственном воен-о-историческом архиве СССР обнаружены нтересные документы: подлинное письмо ирманского министра иностранных дел ренному министру России с приложением ранцузского перевода и копия ответного исьма бирманскому правительству. Письмо перевод доставили в Россию русский путешественник Петр Пашуто и московский коммерсант Григорий Хлудов. В марте 1876 г. они посетили столицу Бирмы и были с большим почетом приняты властями. В письме к военному министру от 29 марта 1876 г. бирманский министр иностранных дел выражал искреннее желание своего правительства установить с Россией дружественные отношения, найти поддержку в борьбе за свою независимость. Он запрашивал, как отнесется русское правительство к пожеланию короля Бирмы послать в Россию молодых бирманцев для обучения их разным наукам. В ответном письме от 30 августа 1876 г. военный министр писал: «Пожелание, выраженное Вашим сиятельством, чтобы молодым людям, которые будут посланы в Россию для совершенствования своих знаний в различных отраслях науки и промышленности, был бы оказан благожелательный прием, полностью отвечает видам императорского правительства. Вследствие этого я имею удовольствие заверить Вас, что, если несколько молодых подданных его Королевского величества прибудут в Россию для специального обучения, они будут дружественно приняты и с полной благожелательностью».

◆ В Государственном хранилище древних рукописей при Совете Министров Армянской ССР Матенадаране хранится около 10 тыс. рукописей на пергаменте и бумаге, 3 600 фрагментов, сотни архивных документов. Древнейшая датированная рукопись относится к IX веку. Самая большая рукопись Матенадарана — это сборник «Проповеди». Без переплета он весит 32 килограмма. Интересно отметить, что каждый лист изготовлен из шкуры целого теленка. Уникумом является также самая маленькая рукопись, которая весит вместе с переплетом 18 граммов. Ее величина — 4×3 см, она меньше спичечной коробки и состоит из 104 необычайно тонких листов пергамента. Листы, по-видимому, изготовлены из шкуры новорожденного барашка, на каждой странице помещается от 13 до 15 строк; буквы настолько мелки, что читать текст невооруженным глазом невозможно.

◆ Узбекским археологам впервые удалось установить местоположение древнего города Чач (Шаш) — предшественника современного Ташкента, столицы Узбекистана. Произведенными раскопками руин Минг-Урюк доказано, что город возник еще до начала нашей эры на возвышенности северного берега реки Салар — на территории нынешнего Ташкента — и что в дальнейшем менялись лишь его названия. Эти раскопки подтвердили гипотезу, высказанную профессором М. Массоном — известным советским археологом, который исследовал древние китайские и арабские источники и предсказал примерное местонахождение древнего Ташкента. Минг-Урюк оказался центром области Чач (Шаш). При раскопках в нижних слоях городища обнаружены остатки помещений. На месте остатков зданий образовалась мощная платформа. На ней в V—VI вв. был возведен замок — укрепленная резиденция правителя области. Как предполагают

специалисты, жизнь на Минг-Урюке исчезла после монгольского нашествия, в XIII веке.

◆ В Сталинабаде, на Политехнической улице, в одном из двухэтажных домов, разместилась библиотека Института истории, археологии и этнографии. Создана она всего шесть лет назад. Но по многообразию материалов это одна из богатейших библиотек в нашей стране и за рубежом. Здесь собраны почти все труды русского востоковеда В. В. Бартольда, уникальное первое (1786 г.) издание книги «Десятилетнее странствование и приключения Филиппа Ефремова в Бухаре, Хиве, Персии и Индии». Различными изданиями представлены работы по истории религии, в частности по исламу, сектам. В библиотеке имеется большое собрание рукописей на восточных языках. Среди них: «Субханкули-намэ» — история (в стихах) балхского правителя Мухаммед-Бахадурхана Субханкули, написанная в начале второй половины XVII столетия; «Мифтох-ол-Улюм» («Ключи наук») — самый полный средневековый труд по риторике; «Зафарнамэ» («Книга побед») — полная летопись жизни Тамерлана от его рождения и до смерти и многие другие.

◆ В течение последних лет Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР проводит археографическое изучение Печоры. Участники экспедиций обнаружили в печорских городах и селах свыше 500 рукописных книг XV—XIX веков. Рукописи имеют большое значение для изучения культуры и быта русского населения Печоры. На основании находок удалось установить огромное количество произведений различных жанров, которые были распространены среди печорцев в XV—XIX веках. Благодаря новым рукописям ученые впервые узнали о существовании в прошлом на территории Усть-Цилемского района своеобразного культурного очага. Среди печорских рукописей немало неизвестных ранее ученым интересных памятников древнерусской письменности, тексты редких повестей и сказаний.

◆ В Киеве состоялась научная сессия, посвященная изучению новых общественных явлений, происходящих на современном этапе коммунистического строительства.

С докладом о всемерном развитии инициативы и творчества народных масс как важнейшей задаче КПСС в деле руководства коммунистическим строительством выступил директор Института истории партии при ЦК КП Украины И. Д. Назаренко. О движении бригад и ударников коммунистического труда рассказал старший научный сотрудник Института экономики АН УССР П. Е. Рудой. Развитию социалистических производственных отношений был посвящен доклад члена-корр. АН УССР А. А. Нестеренко. О сближении колхозно-кооперативной и государственной форм собственности говорил в своем докладе академик АН УССР П. Н. Першин.

Участники сессии заслушали доклад ответственного редактора «Украинского исторического журнала» Ф. П. Шевченко о новых чертах в развитии и укреплении дружбы народов. О все возрастающих чувствах интернационализма и братской дружбы народов как одном из проявлений коммунистической морали было рассказано в докладе заместителя директора Института философии АН УССР В. С. Готта и выступлении доцента Черновицкого университета Г. П. Донца. О роли революционных традиций в воспитании трудящихся на современном этапе сделал научное сообщение член-корр. АН УССР И. А. Гуржий.

Выступление кандидата философских наук В. Г. Антоненко было посвящено вопросу о преодолении религиозных предрассудков в сознании людей.

На сессии также выступили академик АН УССР И. К. Белодед, член-корреспондент АН УССР Н. З. Шамота, зав. кафедрой политэкономии Харьковского политехнического института А. А. Евдокимов и др.

Сессия охватила широкий круг проблем современного этапа строительства коммунизма и явилась отражением все возрастающей связи науки с практикой.

◆ Урал издавна привлекает внимание исследователей. Отечественная и зарубежная историческая литература по Уралу обширна. Назрела необходимость координирования не только тематических планов, но и усилий отдельных ученых, изучающих историю, экономику и географию Урала. В конце 1959 г. библиографический отдел Свердловской государственной публичной библиотеки имени В. Г. Белинского организовал зональное совещание библиографов краеведов республиканских и областных библиотек Урала, которое рассмотрело вопросы создания общеуральского библиографического аппарата, издательской, справочно-библиографической, информационной и методической работы, а также избрало Зональный Совет. Последний на своем заседании обсудил организационные меры и методику создания общеуральской картотеки и картотек областных библиотек, вопрос об издании с 1961 г. «Календаря знаменательных дат по Уралу», а также утвердил сводный перспективный план краеведческой библиографической работы библиотек Урала на 1960 — 1965 годы.

Работа по составлению картотеки текущего поступления всех печатных изданий уже начата. Результатом ее будет издание «Уральского библиографического ежегодника», листовок, систематических указателей, рекомендательных указателей по отдельным областям и республикам Урала. Будут опубликованы, в частности, научно-информационные указатели по истории Урала, по вопросам истории революционного движения и партийных организаций Урала, памятники по истории заводов.

◆ 2—4 марта 1960 г. Ученый совет Государственного исторического музея обсудил итоги работы историко-бытовых экспедиций музея в 1959 году. К заседанию совета была развернута выставка материалов, собранных этими экспедициями. В работе Ученого совета приняли участие сотрудники Института этнографии АН СССР, Института музееведения, исторического фа-

культета МГУ, Музея Революции СССР, Музея истории и реконструкции Москвы и ряда областных и др. музеев страны. Одесско-николаевская экспедиция собрала материалы о развитии промышленности, науки, культуры, а также по истории революционного движения на юге России в конце XIX — начале XX века. Большой интерес представляют, в частности, фотографии участников восстания на броненосце «Потемкин», части первого в России киноаппарата, сконструированного изобретателем-самоучкой И. Тимченко, орудия труда одесских грузчиков, план г. Одессы 1902 г. и т. д. Херсонская экспедиция собрала ценные материалы о развитии капитализма в сельском хозяйстве Херсонщины, в том числе о сельском пролетариате (расчетная книжка сельскохозяйственного рабочего, одежда батраков, фотографии и др.). Дальневосточная экспедиция работала в Хабаровске, Благовещенске, Владивостоке и других городах, собирая данные об экономическом развитии края, переселенческой политике царизма, русско-японской войне и революционном движении на Дальнем Востоке. Из найденных ею материалов особенно интересны любительские фотографии с видами угольных копей Сучана и Сучанской узкоколейной железной дороги, где впервые в России была применена канатная тяга через отроги Сихотэ-Алиня, фотографии с видами работ в открытых шурфах серебро-свинцовых и цинковых рудников в Тетюхе, уникальный альбом фотографий Временных вагоносборочных мастерских Владивостока, отчеты уездных агрономов и инструкторов по полеводству за 1913 г. с ценными данными о времени возникновения переселенческих сел, числе дворов в них, размерах наделов, одежде и предметах быта переселенцев, фотографии одной из экспедиций В. К. Арсеньева по Уссурийскому краю, фотографии 1905 г., на которых засняты митинги русских солдат, защитников Порт-Артура, в японском лагере для военнопленных. Участники Криворожской экспедиции нашли материалы о развитии промышленности Криворожья, формировании, положении и революционной борьбе рабочих-горняков, об аренде земельных участков, содержащих руду, планы, альбомы и чертежи рудников, орудия труда рудокопов, их рабочую одежду и т. д. Туркменская экспедиция привезла национальные костюмы иомудов, нохурцев и текинцев, ювелирные изделия, кибитку, сельскохозяйственные орудия, вещи ритуального назначения и т. д. Северодвинская экспедиция, изучавшая северодвинские росписи XIX—XX веков, определила районы, в которых производилась роспись, и установила имена отдельных мастеров с характерными для них манерами письма, а также привезла ряд предметов, расписанных народными художниками Севера. Основная цель Приангарской экспедиции состояла в том, чтобы доставить в Москву интересный памятник архитектуры XVII века — северную сторожевую башню Братского острога. Эта задача успешно выполнена: в настоящее время башня установлена в музее села Коломенского. Кроме того, в окрестностях Братска экспедиция собрала предметы быта сибирских крестьян (медную, чугунную, глиняную посуду, рыболовные и охотничьи принадлежности и т. д.). В текущем году историко-бытовые экспедиции Государственного исторического музея будут работать на Украине, в Поволжье, Казахстане, Забайкалье и других районах страны.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В КНДР

Социалистические производственные отношения одержали во всех отраслях народного хозяйства КНДР решающую победу. Пятилетний план 1957—1961 гг. в области промышленного производства выполнен досрочно — за два с половиной года. В республике успешно развертывается борьба за дальнейший крутой подъем социалистического строительства. Социалистическое переустройство общества требует проведения ускоренными темпами культурной революции. В связи с этим ответственные и почетные задачи стоят перед исторической наукой нашей страны, которая призвана сыграть большую роль в воспитании трудящихся масс.

В условиях колониального господства японского империализма в Корее не было возможностей для развития исторической науки; жестоким преследованиям подвергались те корейцы, которые пытались изучать историю своей страны.

После освобождения страны Советской Армией (15 августа 1945 г.) корейские ученые, опираясь на марксистско-ленинскую методологию, приступили к разработке истории Кореи и добились значительных успехов.

При этом они столкнулись с рядом субъективных и объективных трудностей, в числе которых надо прежде всего отметить раскол страны по вине американского империализма.

Для работников исторического фронта Трудовая партия создала все необходимые условия. В Пхеньяне был открыт Государственный университет имени Ким Ир Сена, в котором организованы исторический факультет и комиссия по составлению истории Кореи. Коллективом историков, входивших в комиссию, изданы отдельные монографические исследования. В 1948—1950 гг. выходил ежемесячный журнал «Екса че мунчже» («Вопросы истории»). В декабре 1952 г., в тяжелый период Освободительной Отечественной войны, была образована Академия наук КНДР. В ее составе — Институт истории, Институт археологии и этнографии, осуществляющие по единому плану большие исследовательские работы в области корейской истории. В систему Академии входит также Институт корейской классической филологии, который занимается переводом на современный корейский язык и изданием письменных источников.

При ЦК Трудовой партии Кореи создан Институт истории партии, ведущий научно-исследовательскую работу.

С 1953 г. в КНДР систематически выходят журналы «Екса квахак» («Историческая наука», орган Института истории) и «Мунхва юсан» («Культурное наследство», орган Института археологии и этнографии).

Как в центре, так и на местах развертывают свою деятельность исторические, краеведческие музеи и музеи национально-освободительной борьбы. После войны были организованы Музей корейского изобразительного искусства, Музей Освободительной Отечественной войны, где собраны ценные экспонаты. Местные научные сотрудники изучают историю краев и провинций.

За время народной власти ученые старой школы сумели в основном овладеть марксистско-ленинской методологией. Что касается новых кадров, то воспитание их в духе идей марксизма-ленинизма, глубокая научная подготовка молодых специалистов осуществляются с первых дней освобождения страны.

ЦК Трудовой партии Кореи постоянно руководит деятельностью историков и определяет ее главные направления с тем, чтобы историческая наука эффективно служила интересам революции и рабочего класса. Решения V (1952 г.), апрельского (1955 г.) пленумов ЦК ТПК, а также III съезда партии (1956 г.) явились для нас программными документами в борьбе за устранение недостатков и ошибок в исторической науке, за усиление в ней партийности, против догматизма и формализма. Важное значение для определения правильной линии в нашей исторической науке, в идейном пере-

оспитании ученых, а также в овладении сториками марксистской методологией меют партийные документы и труды Ким Ир Сена.

Под руководством ЦК ТПК корейские сторики развернули беспощадную борьбу ротив догматического подхода к изучению арксизма, проявлений буржуазной идеогии, антиисторических взглядов и догмаизма, игнорирующего объективные особенюсти нашей страны.

Основное внимание в своих исследованиях ученые уделяли истории национально-свободительной борьбы корейского народа ротив внутренних и внешних врагов, осоенно антияпонскому партизанскому движению, руководимому корейскими коммуистами во главе с Ким Ир Сеном, истории орейского народа после освобождения траны, закономерностям развития корейкого общества и национальной культуры. а последние годы опубликовано большое оличество статей и монографий по истории Кореи.

Важное значение корейские историки ридавали изучению социально-экономичеких проблем, в частности социально-кономической истории трех государств Когурё, Пэкчже, Силла). Этому вопросу освящен сборник статей «Изучение социльно-экономической структуры древних гоударств». Разрабатывались также проблеы феодальной собственности на землю в орее (вопрос о государственной собствености на землю), возникновения и развития ословного строя в Корее, крестьянских востаний и войн и др.

Немалых успехов добилась историческая аука и в области изучения замечательной ноговековой национальной культуры нашеі народа. Имеются также достижения в сследовании таких проблем, как борьба за здание демократической базы на севере ореи после освобождения, за укрепление родной власти, за восстановление и развиие народного хозяйства, за мирное объедиение Кореи, за победу в Освободительной ечественной войне, за восстановление наодного хозяйства в послевоенный период и роительство социализма. Глубокий интерес оявляется к таким вопросам, как политиское положение в Южной Корее, борьба родных масс Южной Кореи против амеканских империалистов и лисынманових властей, история американской агресии в Корее. В творчестве историков нашли ражение вопросы истории буржуазно-национальистического движения в Корее, борьба народных масс в период государства Корё против иноземных вторжений, Имдинская Отечественная война против японских захватчиков (1592—1598 гг.) и другие проблемы истории корейского народа.

Для того, чтобы закрепить достигнутые успехи в разработке указанных тем, по инициативе Института истории АН КНДР состоялся широкий обмен мнениями среди ученых, проходили научные дискуссии. Следует отметить дискуссии по следующим проблемам: социально-экономическая структура в период трех государств (1958 г.), феодальная собственность на землю в Корее (1957 г.), формирование буржуазной нации в Корее (1956 г.), периодизация новой и новейшей истории Кореи (1957 г.), изучение некоторых вопросов рабочего движения в 20-х годах XX в. (1958 г.), антияпонская вооруженная борьба в 30-х годах XX в. (1959 г.), возникновение и развитие народной демократии в нашей стране (1958 г.), борьба за мирное объединение родины и строительство социализма в Северной Корее (1956 г.), социалистический базис и надстройка в нашей стране (1957 г.). Эти дискуссии привлекли внимание научной общественности и вызвали живой обмен мнениями.

Опираясь на результаты исследований в области отечественной истории, а также на новые материалы, Институт истории АН КНДР завершил в 1956—1958 гг. выпуск «Истории Кореи». Этот двухтомный труд, в котором с позиций марксистско-ленинской теории излагается история нашей родины от эпохи первобытнообщинного строя до наших дней, несомненно, знаменует собой крупный шаг в развитии корейской исторической науки, хотя книга и не лишена некоторых недостатков.

В 1959 г. Институт истории АН КНДР издал коллективную работу «Освободительная отечественная война корейского народа за свободу и независимость». Это первое обобщающее научное исследование событий военных лет. В настоящее время готовится к изданию совместный труд Института истории АН КНДР и Института востоковедения АН СССР — «КНДР на путях к социализму», посвященный 15-летию освобождения страны Советской Армией. Эта книга, несомненно, явится новым конкретным выражением дальнейшего укрепления товарищеского сотрудничества между историками КНДР и СССР.

Институтом археологии и этнографии опубликован сборник докладов и сообщений, обобщающий результаты археологических раскопок, которые широко развернулись в стране после освобождения.

В Институте истории партии при ЦК ТПК изучаются материалы по истории Трудовой партии Кореи. Здесь ведется активная работа по сбору и систематизации источников, находящихся в КНДР и за ее пределами, освещающих вооруженную антияпонскую борьбу корейских патриотов в 30-х годах.

Сотрудники Института истории АН КНДР заняты сбором материалов по древней истории Кореи, генезису капитализма, антияпонскому движению «Народных ополчений» (Ыйбен), развернувшемуся в конце XIX — начале XX в., культурно-просветительному движению в этот период, рабочему и крестьянскому движению 20-х годов, антияпонской вооруженной борьбе корейских патриотов в 30-х годах и развернувшемуся под ее влиянием рабочему и крестьянскому движению. Частично эти материалы уже опубликованы в специальных сборниках, они систематически помещаются на страницах «Екса квахак» и других периодических изданий. Институтом классической филологии АН КНДР была переиздана книга «Корёса» («История Корё»), переведены на современный корейский язык книги «Самгук саги» («Исторические записи трех государств». Тт. I—II), «Донгук сесиги» («Запись о Восточном государстве»); завершена подготовка к переизданию книг «Чжеван унги» («Летопись о жизни королевского рода»), «Донгук ечжи сыннам» («Новое дополненное обозрение всех земель Восточного королевства Кореи». Тт. I—III), «Тэчжон хвитхон» («Уложение законов»), «Самгук юса» («Деяние из времен трех царств»), «Кванон сочхо» («Краткий очерк о земледелии»), «Панге сурок» («Записки Панге») и др. Сейчас подготавливаются к изданию отдельные части и разделы «Личжо силлок» («Летопись династии Ли»). В течение 4—5 лет намечается перевести и издать все важнейшие письменные памятники и источники, находящиеся в нашей стране.

После августовского пленума ЦК ТПК (1956 г.) на историческом фронте развернулась острая борьба против антипартийной группы во главе с Цой Чан Иком. Фракционеры нанесли большой вред нашей исторической науке, особенно в области новой и новейшей истории, истории национально-освободительной борьбы. Борьба против контрреволюционной группировки проходила под знаком усиления идейной закалки и партийности каждого историка. Нам удалось сравнительно быстро и до конца ликвидировать вредные последствия влияния фракционных элементов на историческом фронте. В результате этого повысился идейный уровень корейских историков, еще более возросли их преданность партии и готовность отстаивать чистоту марксистско-ленинской теории, что является важнейшим залогом нового подъема исторической науки в КНДР.

III съезд ТПК, проходивший в апреле 1956 г., выдвинул перед корейскими учеными, в том числе и перед историками, важную задачу — преодолеть отставание науки в нашей стране. Руководствуясь указаниями съезда, Институт истории АН КНДР разработал десятилетний перспективный план развития исторической науки. Опираясь на этот план, наши ученые сейчас настойчиво трудятся.

Глубокое и всестороннее исследование революционных традиций антияпонской национально-освободительной борьбы корейского народа, особенно политики нашей партии, ведущей страну по пути победоносного завершения социалистического строительства,— вот те имеющие особо важное практическое и политическое значение проблемы, на решение которых направлены основные усилия историков КНДР.

Корейское революционное движение в новейшее время развивалось в сложных и трудных условиях. Имеется еще много нерешенных проблем в области изучения истории рабочего, национально-освободительного движения и истории партии. Значительная часть этих проблем, за исключением тех, которые нашли отражение в партийных документах, до сего времени не освещена в теоретическом плане. Недостаточно велась работа по исследованию деятельности нашей партии — руководящей силы корейского народа, слабо обобщался путь, пройденный корейским народом после 15 августа 1945 г.; очень мало издано монографий, содержащих всестороннее изложение политики партии. Пока еще недостаточно глубоко исследованы вопросы антияпонской вооруженной борьбы и тесно связанного с ней рабочего и крестьянского движения в 30-х годах. Сделаны только первые шаги в изучении буржуазно-националистического движения и рабочего движения в 20-х го-

ах. В мае 1958 г. Центральным Комитетом ПК было созвано совещание историков, зучающих новую и новейшую историю, ис-рию Трудовой партии Кореи. На этом овещании особо подчеркивалась необходи-ость преодоления догматизма, все еще меющего место в исследованиях по новой новейшей истории нашей страны.

Следуя линии, выработанной на этом со-ещании, Институт истории АН КНДР при-ял меры к усилению коллективного глубо-ого исследования таких проблем, как воз-икновение и развитие буржуазно-демокра-ического революционного движения, рас-остранение в Корее марксизма-ленинизма, абочее движение в 30-х годах, широко ривлекая к этому других ученых КНДР. сследователей ждут большие трудности, ак как значительная часть материалов по казанным проблемам либо фальсифициро-ана японскими колонизаторами, либо унич-жена ими. Институт активизировал работу о сбору и упорядочению материалов. ольшую помощь в этом направлении ему казывает Институт истории партии.

Много нерешенных вопросов и в области зучения древней и средневековой истории ореи. Ждут своего решения такие пробле-ы, как время возникновения первого госу-рства на Корейском полуострове, характер еодальной собственности на землю в Корее. альнейшее исследование древней и средне-ековой истории Кореи потребует проведе-ия широкой и всеобъемлющей работы по бору и изданию источников и материалов.

Важнейшее значение для успешного решения научных проблем корейской истории, создания широкой источниковедческой базы имеют археологические экспедиции, сбор этнографических материалов, развитие палеографии, эпиграфики и других вспомогательных дисциплин и подготовка соответствующих научных кадров.

На совещаниях научных работников, созванных Центральным Комитетом ТПК в сентябре и декабре 1958 г., обсуждались неотложные вопросы развития науки в стране.

Активность и энтузиазм ученых в труде на благо родины должны подняться до уровня активности и энтузиазма рабочего класса. Ученые призваны идти в едином строю вместе со всем трудовым народом по пути социализма.

Воодушевленные успехами социалистического строительства в КНДР, корейские историки стремятся внести свой вклад в строительство новой жизни. Наша историческая наука вступила в новый этап своего развития.

Партия поставила перед нашим народом задачу завершить в недалеком будущем строительство социализма в стране. Долг корейских ученых — всемерно развивать отечественную историческую науку и прежде всего правильно показывать в своем творчестве закономерности исторического развития корейского общества.

Президент Академии наук КНДР академик Пэк Нам Ун

АДОЛЬФ ГРИГОРЬЕВИЧ РАШИН

16 февраля 1960 г. скоропостижно скончался крупнейший знаток истории рабочего класса СССР Адольф Григорьевич Рашин.

А. Г. Рашин родился в 1888 г. в Харькове. В 1915 г. он окончил экономическое отделение Киевского коммерческого института. После этого Адольф Григорьевич начал работать в качестве статистика в экономико-статистическом бюро при Киевском областном отделении союза городов. В 1916 г. он перешел на работу в Особое совещание по топливу, где занимал должность помощника заведующего отделом статистики. После Великой Октябрьской социалистической революции А. Г. Рашин специализировался по проблемам статистики труда. В 1918—1919 гг. он работал в Петрограде в органах Наркомтруда. В конце 1919 г. Адольф Григорьевич переехал в Москву, где сначала продолжал работать в Наркомтруде. В 1920—1930 гг. он занимал должности заместителя заведующего, а затем заведующего Центральным бюро статистики труда ВЦСПС, принимая в то же время деятельное участие в работе Госплана СССР.

А. Г. Рашин был одним из создателей советской статистики труда. Его перу принадлежит несколько работ по статистике промышленного труда («Заработная плата за восстановительный период народного хозяйства СССР». М. 1928; «Женский труд в СССР». М. 1928; «Состав фабрично-заводского пролетариата СССР». М. 1930; «Металлисты СССР». М. 1930). Адольф Григорьевич в течение 1922—1929 гг. являлся редактором журнала «Статистика труда». Одновременно он преподавал статистику труда в Московском государственном университете и в Институте народного хозяйства имени Плеханова. С 30-х годов А. Г. Рашин занялся изучением истории рабочего класса и исторической демографией. Вплоть до конца 40-х годов его деятельность в основном проходила в Научно-исследовательском санитарно-гигиеническом институте имени Эрисмана, где он разрабатывал проблемы санитарной статистики, тесно связанные с демографией. После выхода на пенсию (1950 г.) Адольф Григорьевич, несмотря на преклонный возраст, с усиленной энергией продолжал научную работу.

В 1940 г. вышла из печати его монография «Формирование промышленного пролетариата в России». В 1958 г. было опубликовано второе, дополненное издание этого фундаментального труда под названием «Формирование рабочего класса России». В 1956 г. Государственное статистическое издательство выпустило его книгу «Население России за сто лет (1811—1913 гг.)», являющуюся важным вкладом в историческую демографию нашей страны.

А. Г. Рашин охотно оказывал помощь молодым научным работникам и искренне радовался их успехам. Адольф Григорьевич оставил две подготовленные к печати работы. В одной из них он анализирует огромный материал об экономическом положении рабочего класса капиталистической России, в другой показывает процесс формирования советского рабочего класса, начиная с Великой Октябрьской социалистической революции и вплоть до конца 50-х годов.

Светлая память об Адольфе Григорьевиче Рашине, исследователе-труженике, подлинном энтузиасте в деле изучения истории нашего рабочего класса, надолго сохранится среди советских историков.

СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ КАН

7 марта 1960 г. скончался видный советский ученый, профессор, доктор исторических наук Сергей Борисович Кан.

С. Б. Кан родился в 1896 году. Его педагогическая и научно-исследовательская деятельность началась в середине 20-х годов, после окончания Московского университета. В центре внимания Сергея Борисовича стояла история массовых движений и выступлений рабочего класса в конце XVIII—XIX веке. В 1927 г. С. Б. Кан опубликовал свою первую работу, посвященную истории Парижской коммуны и деятельности так называемых «нео-якобинцев» («Историк-марксист», 1927, № 6). Историей Парижской коммуны С. Б. Кан продолжал заниматься и в последующие годы, став одним из крупнейших специалистов в этой области. В то же время Сергей Борисович живо интересовался и другими периодами истории Франции, в особенности Великой французской буржуазной революцией. Парижские рабочие в революции 1789—1794 гг.— вот тема его исследований. В недавно вышедшем 1-м томе второго издания «Истории дипломатии» С. Б. Каном написана глава о наполеоновской эпохе.

Результатом многолетнего, напряженного труда С. Б. Кана явилась монография «Два восстания силезских ткачей. 1793—1844» (М.-Л. 1948), за которую Сергею Борисовичу была присуждена степень доктора исторических наук. Эта работа явилась крупным вкладом в изучение истории народных движений в Германии в эпоху мануфактурной стадии развития промышленного капитализма и была высоко оценена советскими и прогрессивными зарубежными историками.

Истории революции 1848—1849 гг. посвящены книга С. Б. Кана «Революция 1848 г. в Австрии и Германии» (М. 1948) (переведенная на венгерский, чешский и польский языки) и ряд глав в коллективных трудах, изданных Институтом истории Академии наук СССР: «Революции 1848—1849» (тт. I—II. М. 1952) и «Новая история» (ч. II. М. 1958). С. Б. Кан написал большую работу по историографии германской революции 1848 г., которую он успел опубликовать только частично. Его перу принадлежат также десятки обзоров и рецензий на книги по самым разнообразным проблемам новой истории.

Много сил и энергии отдавал Сергей Борисович педагогической работе. Его педагогическая деятельность началась в военных школах и на рабочем факультете имени М. Н. Покровского, затем он преподавал в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова, в Московском университете, в Высшей дипломатической школе, Педагогическом институте имени В. И. Ленина, Городском педагогическом институте имени В. П. Потемкина. Многие поколения студентов помнят его лекции. С особым вниманием С. Б. Кан относился к подготовке молодых кадров советских исследователей. Он щедро передавал им свои знания и большой научный опыт. Великолепный педагог, Сергей Борисович вырастил целую плеяду молодых ученых.

Смерть Сергея Борисовича Кана — большая потеря для советской исторической науки.

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

объявляет прием в аспирантуру с отрывом и без отрыва от работы по специальностям:

1. История СССР советского периода.
2. Новейшая история стран Западной Европы.
3. Новейшая история США и стран Латинской Америки.
4. История религии и атеизма.
5. Папирология.

Адрес: Москва, Волхонка, 14. Аспирантура.
Справки по телефону Б 8-81-42.

ПО ЛЕНИНГРАДСКОМУ ОТДЕЛЕНИЮ ИНСТИТУТА

(г. Ленинград, В. О. Биржевая линия, 1, тел. А 2-12-24)

1. Вспомогательные исторические дисциплины.

Прием документов вместе с письменной работой по избранной специальности производится до 1 сентября 1960 года.

Вступительные экзамены состоятся в сентябре.

★

Редакционная коллегия по изданию Сочинений академика Е. В. Тарле предполагает включить в издание письма Евгения Викторовича, имеющие научное, литературное или общественно-политическое значение. В этой связи редакционная коллегия обращается с просьбой к ученым, литераторам, общественным деятелям, а также к руководителям учреждений и к частным лицам, имеющим в своем распоряжении письма покойного Евгения Викторовича, предоставить эти письма (в подлиннике или в копии) редакционной коллегии для опубликования. По использовании эти письма будут возвращены адресату.

Просьба направлять письма по адресу: Москва, Г-19, Волхонка, 14, Институт истории Академии наук СССР, редакционной коллегии по изданию Сочинений академика Е. В. Тарле.

★

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Подписчики, срок подписки которых истекает в июне с. г., могут заблаговременно возобновить подписку на 2-е полугодие 1960 г. в отделениях связи.

Подписка также принимается общественными распространителями на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, в учебных заведениях и учреждениях.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

內 容

論 文

关于文化革命的規律性……基姆
摘自苏联东部工业建設的历史……哈文
俄国編史学的起源……齐霍米罗夫院士
爱好自由的人們在第二次世界大战中战胜德国帝国主义的有世界历史意义的总結……麦尔尼科夫
第二次世界大战后北非民族解放斗爭的高潮……兰达

編史学

苏联共产党第二十次党代表大会后对十月革命史的研究……魯斯利亚科娃（南薩哈林斯克）
十九世紀的最后二十五年俄国貴族和資产阶級的政治經济書籍中的工人問題……卢基亚諾夫
关于欧洲"統合"的思想家揑造历史……克尼亚仁斯基

情 报

1929—1933年美国当权集团的內政……馬利科夫、亚集科夫

書 評

历史科学在苏联

就苏联共产党中央委員会1960年1月9日的决議而討論社会科学的任务（苏联科学院社会科学研究所的积极份子会議）……舍維亚科夫
1959年苏联科学院历史研究所工作的几个总結……
第二次共和国間的东欧农业史討論会……秋丘金

历史科学在海外

朝鮮民主主义人民共和国的历史科学发展的几个問題……
……朝鮮民主主义人民共和国科学院长、白南云院士
阿多尔弗·格里戈利耶維奇·拉申 ……
謝尔盖·波里索維奇·康 ……

CONTENTS

Articles: **M. P. Kim.** The Laws Governing the Cultural Revolution; **A. F. Khavin.** From the History of Industrial Development of the Soviet Eastern Areas; **Academician M. N. Tikhomirov.** The Beginning of Russian Historiography; **D. E. Melnikov.** The Epoch-Making Victory of the Freedom-Loving Peoples Over German Imperialism in World War II; **R. G. Landa.** The Upsurge of the National-Liberation Struggle in North Africa After the Second World War. Historiography: **V. G. Ruslyakova** (Yuzhno-Sakhalinsk). Elaboration of the History of the October Revolution After the 20th CPSU Congress; **B. V. Lukyanov.** The Labour Question in the Russian Aristocratic and Bourgeois Political-Economic Literature of the Last Quarter of the 19th Century; **V. V. Knyazhinsky.** The Falsification of History by the Ideologists of European "Integration." Reports: **V. L. Malkov** and **E. F. Yazkov.** The Home Policy of the U.S. Ruling Circles in 1929-33. Criticism and Bibliography. Historical Science in the U.S.S.R.: **A. A. Shevyakov.** The Tasks Confronting the Social Sciences in the Light of the CC, CPSU Decision of January 9, 1960 (Materials of a Conference Devoted to Research Work Conducted by the Institutes of Social Sciences of the U.S.S.R. Academy of Sciences); Preliminary Results of the Research Work Carried Out by the Institute of History of the U.S.S.R. Academy of Sciences in 1959; **S. V. Tutyukin.** The Second Inter-Republican Symposium on the Agrarian History of Eastern Europe. Historical Science Abroad: **Academician Pak Nam Un, President of the Academy of Sciences of the K.P.D.R.** Certain Aspects of the Development of Historical Science in the Korean People's Democratic Republic. Obituaries. Adolf Grigoryevich Rashin, Sergei Borisovich Kahn.

SOMMAIRE

Articles: **M. P. Kim.** Régularités de la révolution culturelle; **A. F. Havin.** De l'histoire de la construction industrielle à l'est de l'U.R.S.S.; **M. N. Tikhomirov, de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.** Origines de l'historiographie russe; **D. E. Melnikov.** Bilans universels historiques de la victoire remportée par des peuples épris de liberté sur l'impérialisme allemand pendant la deuxième guerre mondiale; **R. G. Landa.** Elan de la lutte de libération nationale en Afrique Nord après la deuxième guerre mondiale. Historiographie: **V. G. Rousljakova** (Sud-Sakhalinsk). L'élaboration de l'histoire de la Révolution d'Octobre après le XX-e Congrès du P.C.U.S.; **B. V. Loukjanov.** Question d'ouvrier dans la littérature politique-économique russe nobiliaire et bourgeoise du dernier quart du XIX siècle; **V. B. Kniajinsky.** Falsification de l'histoire par les idéologues de « l'intégration » européenne. Communications: **V. L. Malkov, E. F. Jaskov.** La politique intérieure des milieux dirigeants des U.S.A. en 1929—1933. Critique et bibliographie. Science historique en U.R.S.S.. **A. A. Chévjakov.** Tâches des sciences humaines à la lumière de l'arrêté du C.C. du P.C.U.S. du 9 janvier 1960. (Réunion des cadres actifs des collaborateurs des instituts des sciences humaines de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.); Certains bilans du travail en 1959 de l'Institut de l'histoire de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.; **S. V. Tjutjukin.** Le deuxième simposium interrégional publicain au sujet de l'histoire agraire de l'Europe Orientale. Science historique à l'étranger: **Pak Nam Oun, président de l'Académie des Sciences de la R.D.P.C.** Certains problèmes du développement de la science historique en R.D.P.C. Nécrologes: Adolf Grigoriévitch Rachin; Serguei Borissovitch Kan.

INHALT

Beiträge: **M. P. Kim.** Über die Gesetzmäßigkeit der Kulturrevolution; **A. F. Chawin.** Aus der Geschichte des industriellen Aufbaues im Osten der UdSSR; **Akademiker M. N. Tichomirow.** Anfang der russischen Historiographie; **D. E. Melnikow.** Der Sieg der friedliebenden Völker über den deutschen Imperialismus im zweiten Weltkrieg und seine welthistorische Ergebnisse; **R. G. Landa.** Aufschwung des nationalen Befreiungskampfes in Nordafrika nach dem zweiten Weltkrieg. Historiographie: **W. G. Rusljakowa** (Jushno-Sachalinsk). Die Ausarbeitung der Geschichte der Oktoberrevolution nach dem XX. Parteitag; **B. W. Lukjanow.** Die Arbeiterfrage im Lichte der russischen adeligen und bürgerlichen politisch-ökonomischen Literatur im letzten Viertel des 19. Jahrhunderts; **W. B. Knjashinski.** Die Fälschung der Geschichte durch die Ideologen der europäischen „Integration". Mitteilungen: **W. L. Malkow, E. F. Jaskow.** Die Innenpolitik der regierenden Kreise der USA (1929—1933). Kritik und Bibliographie. Die Geschichtswissenschaft in der UdSSR: **A. A. Schewjakow.** Die Aufgaben der Gesellschaftswissenschaften im Lichte des Beschlusses des ZK der KPdSU vom 9. Januar 1960 (Versammlung des Aktivs der Institute für Gesellschaftswissenschaften bei der Akademie der Wissenschaften der UdSSR); Einige Ergebnisse der Tätigkeit des Instituts für Geschichte bei der Akademie der Wissenschaften der UdSSR in 1959; **S. W. Tjutjukin.** Zweites Symposium der Sowjetrepubliken über die Agrargeschichte Osteuropas. Die Geschichtswissenschaft im Auslande: **Präsident der Akademie der Wissenschaften der Koreanischen Volksdemokratischen Republik Pak Nam Un.** Einiges über die Entwicklung der Geschichtswissenschaft in der KVDR. Nachrufe für Adolf Grigorjewitsch Raschin und Sergej Borissowitsch Kan.

Редакционная коллегия:

С. Ф. НАЙДА (главный редактор), Ю. В. БОРИСОВ (заместитель главного редактора), Р. П. ДАДЫКИН, Л. М. ИВАНОВ, Н. И. МАТЮШКИН (первый заместитель главного редактора), А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, И. А. ОРБЕЛИ, Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ, С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМИРНОВ, П. Н. СОБОЛЕВ, П. Н. ТРЕТЬЯКОВ, П. И. ФЕДОТОВ, И. А. ХРЕНОВ, Л. В. ЧЕРЕПНИН.

Адрес редакции: Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2, тел. Б 8-96-21.
А 05614. Подписано к печати 29/IV 1960 г. Тираж 22 900.
Изд. № 771. Заказ № 822. Формат бум. 70×108 1/16 7 бум. л.—19,18 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА СОВЕТСКУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ

«Советская Историческая Энциклопедия» (СИЭ) — фундаментальное, 12-томное научное справочное издание, освещающее вопросы отечественной и зарубежной истории с древнейших времен до наших дней; издается впервые.

«Советская Историческая Энциклопедия» рассчитана на научных работников в области истории и других общественных наук, преподавателей высшей школы, на студентов вузов, учителей истории средней школы, на партийный и советский актив, журналистов, а также на широкий круг читателей, интересующихся историей.

«Советская Историческая Энциклопедия» издается по постановлению Центрального Комитета КПСС от 11 февраля 1958 года «Об издании «Исторической Энциклопедии».

«Советская Историческая Энциклопедия» подготавливается государственным научным издательством «Советская энциклопедия» совместно с Отделением исторических наук Академии наук СССР и издается государственным издательством «Советская энциклопедия».

Энциклопедия даст читателю значительно больший справочный материал по истории по сравнению с другими универсальными энциклопедическими изданиями, в том числе и с БСЭ.

«Советская Историческая Энциклопедия» будет содержать около 25 тысяч терминов общим объемом 1 080 авторских листов, в 2 раза больше слов по истории, чем во 2-м издании БСЭ, и в 4 раза больше, чем в 3-м издании МСЭ.

СИЭ будет широко картографирована, а также иллюстрирована. В «Исторической Энциклопедии» будет дано вдвое больше исторических карт, чем в БСЭ, причем часть из них оригинальные карты, не публиковавшиеся до этого ни в советских, ни в зарубежных изданиях.

В «Советской Исторической Энциклопедии» особое внимание будет уделено социально-экономической и политической истории народов Советского Союза, истории Коммунистической партии Советского Союза, всемирно-историческому значению Великой Октябрьской социалистической революции, успехам советского народа в строительстве коммунистического общества.

В энциклопедии будет опубликовано большое количество биографий выдающихся участников освободительного и революционного движения в России, активных участников революции 1905—1907 годов, Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны 1918—1920 годов, Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. В СИЭ предусматривается значительное количество статей по истории РСФСР, УССР, БССР, Азербайджанской ССР, Армянской ССР, Грузинской ССР, Казахской ССР, Узбекской ССР, Туркменской ССР, Таджикской ССР, Киргизской ССР, Латвийской ССР, Литовской ССР, Эстонской ССР, Молдавской ССР, а также всех автономных республик. Истории СССР отведено в СИЭ 35% общего объема.

По сравнению с другими справочными изданиями в СИЭ будет гораздо полнее представлена история как наука и вспомогательные исторические дисциплины.

Государственное научное издательство «Советская энциклопедия» выпустит 1-й и 2-й тома «Советской Исторической Энциклопедии» в 1961 году, а затем будет публиковать два-три тома ежегодно.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

Стоимость всего издания — 360 рублей. При подписке вносится задаток в размере стоимости одного тома — 30 рублей. Оплата выходящих томов производится при получении их. Задаток засчитывается при получении последнего тома.

Подписка принимается книжными магазинами республиканских, краевых и областных книготоргов и потребительской кооперации.

«СОЮЗКНИГА»

Цена 7 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на второе полугодие 1960 года

★

на журналы Академии наук СССР:

«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»

«ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ»

«ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ»

«Мировая экономика и международные отношения»

★

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ в отделах «Союзпечати», в отделениях связи, а также общественными распространителями печати на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, учебных заведениях и учреждениях.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»